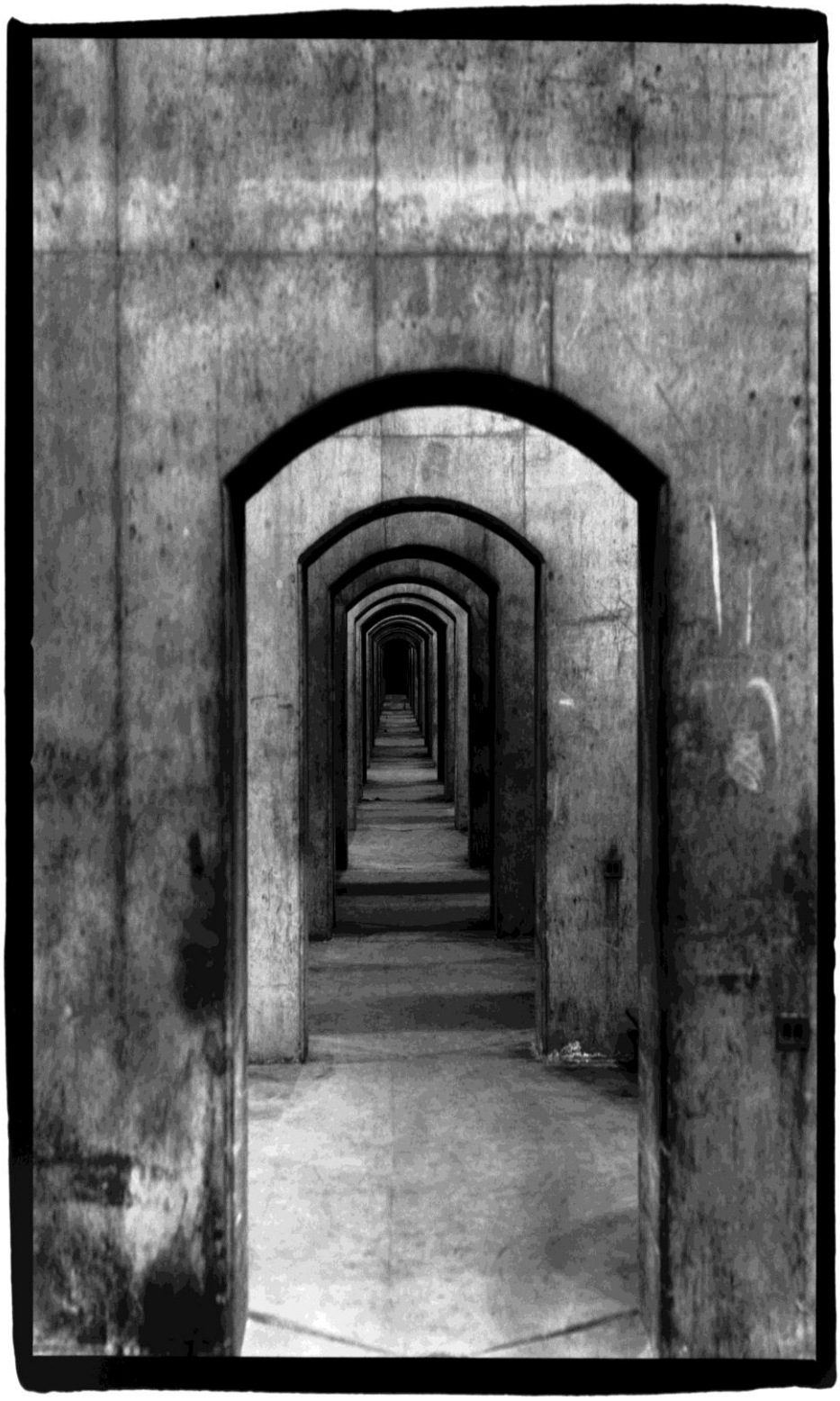
С.ШЛЯХОВА

ТЕНЬ СМЫСЛА В ЗВУКЕ

Введение в русскую фоносемантику

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический
университет»

С.С.Шляхова

ТЕНЬ СМЫСЛА В ЗВУКЕ

Введение в русскую фоносемантику

Пермь 2003

ББК 81.2Рус-923

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику : учебное пособие / С. С. Шляхова ; М-во образования Рос. Федерации, Перм. гос. пед. ун-т. - Пермь : ПГПУ, 2003. - 217 с. ; 21 см.. - Библиогр.: с. 202-216.

ISBN 5-85218-172-2.

Учебное пособие посвящено вопросам, связанными с фоносемантическими подходами к изучению языка, которые рассматриваются в истории становления русской фоносемантической мысли и контексте современных фоносемантических исследований. В работе делается попытка просто и по возможности системно представить русскую фоносемантику как самостоятельный раздел русистики. Определяются основные направления фоносемантических исследований на русском материале.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного педагогического университета.

Рецензенты: кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного классического университета; доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания ПГУ; доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания ПГПУ **Ю.А.Левицкий**; доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания ПГПУ **И.А.Подюков**; кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания **Т.И.Доценко.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия …….. .6

Введение 8

Основы теории фоносемантики

Проблемы семиотики и фоносемантика …….. 11

·Общие замечания (11). ·Понятие знака (11). ·Семиотика коммуникации и семио-тика сигнификации (14). ·Коннотативная семиотика (семиотика сигнификации) (16). ·Конвенциональность, мотивированность, произвольность языкового знака (17). ·Проблема конвенциональности знака в русской семиосфере (20). ·Знак и символ (25).

Проблема происхождения языка и фоносемантика ……. 28

·Общие замечания (28). ·Религиозные (мифопоэтические) концепции происхожде-ния языка (29). ·Научные (эволюционные) концепции происхождения языка (31).

Проблемы онтогенеза и фоносемантика …… 39

Основные понятия фоносемантики …….. 41

·Общие замечания (41). ·Основные принципы фоносемантики (43). ·Основные законы фоносемантики (44).

Звукоизобразительная система русского языка…… 46

·Единицы звукоизобразительной системы русского языка (46). ·Основы классификации русских звукоизобразительных слов. Общие замечания (48). ·Звукоподражательная подсистема (50). ·Звукосимволическая подсистема (55). · Предварительная классификации русских ЗИ слов (59).

Из истории русской фоносемантической мысли

Общие замечания ..... …… 61

Сравнительная лингвистика и этимология в XVI - XVIII веках … 61

Проблема мотивированности языкового знака в XIX веке …… 63

·“Корнесловие” А.С.Шишкова (63). ·Проблемы языкового знака, “перво-начального” состава языка и звукосимволизма в работах И.С.Рижского, Н.И.Греча, Г.П.Павского, К.П.Зеленецкого (65). ·Фоносемантические идеи в работах Ф.И.Буслаева и К.С.Аксакова (68). ·Проблемы мотивированности языкового знака в работах М.А.Тулова и А.А.Потебни (70). ·Казанская и Московская лингвистические школы. Вопросы происхождения языка в работах Д.Н.Кудрявского (73).

Поиски взаимосвязи звука и смысла в XX веке …… 74

·“По имени житие, а не имя по житию...”: философия имени (74). ·“Мир состоит из фонем, шумов, движений”: “заумный язык” футуристов и обэриутов. Общие замечания (76). “Художник, как Адам...”: языковой знак в концепциях В.Хлебникова, А.Крученых, А.Туфанова (77). “Если смысл уподобить небу...”: языковой знак в концепциях Д.Хармса, А.Введенского, Я.Друскина, Л.Липавского (83). ·“Высказывание с установкой на выражение...”: языковой знак в концепциях ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка (88). ·SAL, BER, JON, ROШ - “учение о языке становится уже в мировом масштабе”: яфетическая теория Н.Я.Марра (90).

Становление фоносемантики: общие замечания …….. 95

Основные направления фоносемантики

Этимологическая фоносемантика

Общие замечания…… 96
Звукоизобразительность и полиэтимологичность …… 97
Фоносемантический анализ в этимологии …… 98
Критерии этимологической идентификации ЗИ-слов ……. 100

Типологическая фоносемантика:
русские и коми-пермяцкие параллели

Общие замечания …….. 103
Акустические ономатопы …….. 104

·Класс А. Инстанты (105). ·Класс Б. Континуанты (105). ·Класс В. Фреквентативы (105). ·Гиперкласс АБ. Инстанты-континуанты (106). ·Гиперкласс ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты (108). ·Функции фонемотипов в русских акустических ономатопах (108).

Артикуляторные ономатопы …… 110

·Класс А. Носовые (110). ·Класс Б. Ротовые (110). ·Класс В. Горловые (114). ·Функции фонемотипов в русских артикуляторных ономатопах (119).

Ономатопы говорения ……..... 116

·Основные фоносемантические группы ономатопов говорения (116). ·Функции фонемотипов в русских ономатопах говорения (119).

Полифункциональность фонемотипов в русских ономатопах … 120

Лексикографическая фоносемантика

Общие замечания……
Фиксация и грамматическая характеристика ЗИ-слов ……..
Этимологизирование ЗИ-лексики …… 123

Лексико-семантическая фоносемантика

Общие замечания……. 125
Семантические критерии идентификации русских ЗИ-слов ……. 125
Структура лексического значения русских ЗИ-слов…… 127

·Структура лексического значения русских ЗИ-лексем (127). ·Структура лексического значения фоносемантических аномалий (лексоидов) (129).

Семантика русских ономатопов …….. 132

·Общие замечания (132). ·Этимологическая семантика русских ономатопов (133). ·Лексическая семантика русских ономатопов (134). ·Сравнительный анализ семантики инстантов и континуантов (135).

Психолингвистическая фоносемантика

Общие замечания …….. 139
Экспериментальные исследования номинации и звукосимволизма ……... 140
Звукоизобразительность в суггестивной лингвистике …….. .. 145
Психолингвистические методы в фоносемантике ……146

Грамматическая фоносемантика

Общие замечания …… 147

Статус аномальных языковых единиц в русской грамматике …. 148
Грамматические критерии идентификации ЗИ-слова …… .. 150
Грамматические фоносемантические универсалии …….. 152

Текстофоносемантика: фоносемантика текста и художественного текста

Фоносемантика текста …… 153
Фоносемантика художественного текста …… 154
·Общие замечания (154). Исследование звукоизобразительности в стилситике и поэтике (155). ·Паронимическая аттракция (157). ·Анаграмма. Поэтическая анаграмма (159). ·Языковая игра (159). ·Палиндром (161). ·Психолингвистическая интерпретация (162).
Методы и приемы фоносемантического анализа художествен-ного текста ……163
· Фоностилистический анализ (163). ·Анализ паронимической аттракции (165). ·Анализ звукоцветовых соответствий (165).·Анализ фонетической значимости текста (165). ·Идеографический фоносемантический анализ (166). ·Анализ доминантности ономатопей (166). ·Комплексный фоносемантический анализ (167). ·Анализ доминантности ономатопей в идиостиле М.Цветаевой (167). ·Анализ доминантности ономатопей в быличке (171).

Стилистическая фоносемантика

Общие замечания…… 178
Стилистические критерии идентификации ЗИ-слов ……... 178

Коммуникативная (функциональная) фоносемантика

Общие замечания …….. 179
Функциональные критерии идентификации ЗИ-слов …… 180
Функциональная характеристика русской ономатопеи …….. 181
Фоносемантика в Интернете …… 182

Заключение …. 183

Примечания …….. 185
Список использованной литературы ……. 201
Список лексикографических источников 215
Перечень символов и сокращений 216

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Шиповник так благоухал,
что даже превратился в слово.
А.Ахматова

Мы живем в мире звуков. Звуки окружают нас, обрекая на вечные поиски смысла, который стоит за этими звуками. Звук, смысла которого мы не понимаем, пугает неизвестностью или зачаровывает сокрытой за ним тайной.

До В.И.Вернадского многие ученые многократно описывали едва ли не каждого из основных представителей живого вещества (растения, животных, микробов, само-го человека), но только В.И.Вернадский за многообразием отдельных живых су-ществ увидел их единство, их структурную и функциональную связь и ввел в науку понятия **биосфера** и **ноосфера**. Биосфера, по В.Вернадскому, - это “организованная, определенная оболочка земли, сопряженная с жизнью”. ”Пределы биосферы обус-ловлены прежде всего полем существования жизни”. Ноосфера - это “эра Разума” в развитии биосферы, когда доминирующее значение приобретает разум человека, его рефлексии, мысли, сознательные и свободные изобретения, которые способны воздействовать на биосферу (Соколов 1986: 98).

Ю.М.Лотман, вслед за введенными В.И.Вернадским понятиями, вводит понятие **семиосфера**. Семиосфера, по Ю.М.Лотману, - “некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями”. Все уровни семиосферы - “от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических систем - являют собою как бы вложенные друг в друга семиосферы”. Если ноосфера имеет материально-прост-ранственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер (Лотман 1992, I: 11-12).

Фоносфера (**звукосфера**, **соносфера**), которая существует на грани биосферы и семиосферы, имеет совершенно особый характер (см. рис.1). Фоносфера, возникая на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музы-кальный, языковой, биоакустический и др.). Отдельные фоносферы су -

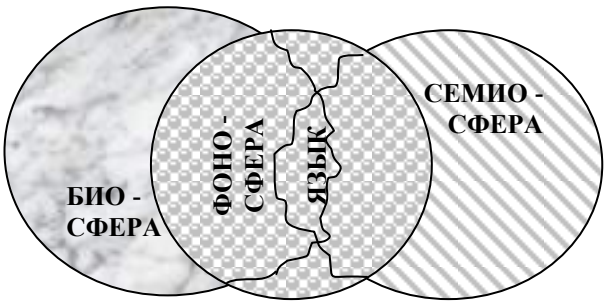

Рис. 1

ществуют в рамках биосферы или могут возникать в рамках семио-сферы. При этом многие биологические фоносферы (осознанные чело-веком) являются составной частью семиосферы, однако большинство биологических фоносфер остаются за рамками семиотических систем.

Фоносферу можно определить как некий звуковой континуум, репре-зентированный как на материально-пространственном, так и абстр-актном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (неосоз-наваемые человеком) и семиотическими (осознаваемые человеком) зву-ковыми системами. Фоносферу изучают различные дисциплины (аку-стика, биоакустика, психология, физиология, музыковедение, лингвис-тика и др.), но установление структурной и функциональной взаи-мосвязи между отдельными образованиями фоносферы - дело будущего.

Однако уже сегодня делаются попытки выведения отдельных фоносфер, существующих на уровне биосферы, на семиотический уровень. Биоакустики и биолингвисты выясняют семиотические коды языка животных и влияние природных звуков на жизнь и деятельность человека, психологи устанавливают взаимосвязь и влияние различных звучаний на формирование и изменение психики человека, музыковеды и композиторы соотносят музыкальные коды и природные звуки. Лингвистика пытается установить семантическое наполнение речевого звука на уровне фоносемантики. Все это позволяет раскрыть тайну звука, определить его значение, назначение и влияние на жизнь человека во всех ее проявлениях.

Именно фоносфера человеческой речи является метой перехода от биосферы к ноосфере (семиосфере). Согласно реконструкциям Т.В.Гам-крелидзе и Вяч.Вс.Иванова, древние индоевропейцы считали, что дар речи, наряду с “двуногостью”, отличает людей от животных (Гам-крелидзе, Иванов 1984: 471). Таким образом, фоносфера человеческого языка занимает промежуточное положение между биологической и семиотической фоносферами. Однако внутри биосферы существует множество других фоносфер (звуки природы, языки животных и птиц), которые, безусловно, соотносятся с фоносферой человеческого языка. Фоносемантика является той наукой, которая позволяет определить свойства взаимосвязи природного и семиотического, при каких условиях биологическое не-семиотическое становится семиотическим.

В котором часу какого года и тысячелетия тот или иной звук, выйдя за границы биосферы, включается в круг семиотического? Наивно полагать, что можно точно описать этот процесс, однако необходимо хотя бы пытаться исследовать общие механизмы этого перехода.

Для человека является типичным описывать, представлять, осмыслять язык как таковой и языковые знаки через природные, «натуральные» звучания, где происходит ассоциативная корреляция биологического и семиотического [1].

Р.Барт писал: «Ныне я в чем-то уподобляюсь древним грекам, о которых Гегель писал, что они взволнованно и неустанно вслушивались в шелест листвы, в журчание источников, в шум ветра, одним словом – в трепет Природы, пытаясь различить разлитую в ней мысль. Так и я, вслушиваясь в гул языка, вопрошаю трепещущий в нем смысл – ведь для меня, современного человека, этот язык и составляет Природу» (Барт 1994: 544).

Дети не дифференцируют звуковую биосферу и семиосферу, причем наделяют звучащим человеческим языком любой биологический и семиотический объект, давая им возможность передавать информацию, которую дети способны воспринимать. Подобный антропоморфизм является обычным в традиционной культуре, где человек и природа (resp. культура и природа: resp. семиотическое и биологическое) способны к взаимопониманию (СМ: 35) [2].

В задачи фоносемантики входит изучение соотношения реального, природного, «нечеловеческого» звука и звука человеческой речи. Осмысление семантики звуков членораздельной речи позволит человеку не только прояснить законы развития языка, но и его (человека и языка) место и роль в границах биосферы и семиосферы.

Сегодня происходит пересмотр взаимоотношений человека с природой. Мифологический (подчинение человека природе) и научно-технологический (господство человека над природой) подходы сменяются диалогическим (гармония человека и природы) режимом отношений, ориентированных на сотрудничество человека с природой, равно-правный диалог с ней. Отказ от установки «человек – царь природы» за-ставляет человека более пристально вглядываться в природные основы социального бытия.

Актуальность изучения фоносферы обусловлена и активизацией синергетических исследований, выдвигающих основания для осмысления парадигмы культуры нового (диалогического) типа, основанной на антропо-природной гармонии и гармоничном этнокультурном полицентризме (НФС 2001: 913).

ВВЕДЕНИЕ

> Языковой знак произволен... Слово *произвольный* тоже тре-бует пояснений. Оно не должно пониматься в том смысле, что оз-начающее может свободно выбираться говорящим... мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивировано,* т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи.
>
> *Ф. де Соссюр*

> Оглядываясь назад, мы в нашей лингвистической цивилизации видим, что унитарный принцип Ф. де Соссюра “языковой знак произволен” исчерпал себя как всеохватывающий основополагающий принцип. Мы видим, что на смену ему приходит новый - бинарный принцип: “языковой знак и не-произволен, и произволен”.
>
> *С.В. Воронин*

Слова, вынесенные в эпиграф, представляют собою не просто столкновение двух точек зрения, но и заключают в себе крайние точки в истории развития фоносемантики в XX столетии. Давно замечено, что истина лежит где-то между крайностями, однако здесь же лежит и проб-лема. Эти цитаты, «вырванные» из общей лингвистической концепции, являются намеренным и лукавым столкновением двух мнений (на первый взгляд противоречащих друг другу), поскольку идеи совре-менной фоносемантики не столько опровергают Ф.де Соссюра, сколько дополняют и развивают его учение о лингвистическом знаке.

Авторитет Соссюра в лингвистике (которая до сих пор идет доро-гами, определенными великим швейцарцем) на долгое время оставил без особого внимания выдвинутое им (или “прямолинейно” записанное его студентами?) утверждение: языковой знак произволен, т.е. немоти-вирован.

После утверждения соссюровского принципа немотивированности языкового знака в сознании большинства лингвистов мучительные по-иски связи звучания слова и его значения, означаемого и означающего активно продолжались если и не в научных центрах, то в поэтической и народной языковой рефлексии: откровение смысла в звуке всегда искали поэты и писатели, детская речь всегда стремилась найти однозначное соответствие между звучанием слова и его значением, народная (ложная) этимология объясняла “бессмысленные” иноязычные слова и вскрывала “забытые” звуковые мотивы номинации.

История фоносемантики имеет весьма длительную и богатую исто-рию (Воронин 1982, 1990), однако лингвосемиотический принцип, выдвигаемый фоносемантикой - языковой знак не-произволен и произ-волен,- до сих пор рассматривается как несколько экстравагантный пассаж. Осторожно к этой мысли относится и русистика.

Подобное положение дел часто объяснимо: многие работы, декларирующие фоносемантический (ФС) подход, отличаются отсутствием научно обоснованной ФС-методики, что не могло не “скомпрометировать” как теорию звукоизобра-зительности, так и принцип примарной мотивированности языкового знака. Однако все, что сделано в фоносемантике сегодня, не позволяет сомневаться в правомерности постановки и возможности решения обсуждаемых вопросов.

Уровень развития этого раздела языкознания показывает, в част-ности, выделение специальных направлений фоносемантических иссле-дований, что связано, с одной стороны, с пограничным характером са-мой фоносемантики, которая возникла на стыке фонетики (план выра-жения), семантики (план содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов), с другой стороны, со сложностью самого объекта изучения - звукоизобразительной системы языка (ЗИС).

На сегодняшний день можно выделить следующие **направления фоносемантики**: общая теория фоносемантики, универсальная (типологическая) фоносемантика, этимологическая фоносемантика, психолингвистическая фоносемантика, грамматическая фоносемантика, фоносемантика художественного текста, фоносемантика текста, коммуникативно-функциональная фоносемантика, стилистическая фоносемантика[3]. Сегодня уже говорят и о графофоносемантике (звуко-буквосмыслие) (Бубнов: http://spintongues.msk.ru).

Конечной целью каждого из этих направлений является утверждение нового лингвосемиотического принципа, выдвигаемого фоносеманти-кой, - *языковой знак и не-произволен, и произволен одновременно* (Воронин 1999), - что не только не противоречит пониманию языка как системы у Ф.де Соссюра, который говорил, что "система зиждется на тождествах и различиях", но является ее логическим продолжением.

Целью этой работы является попытка осмысления *уровня развития этих направлений в русистике*, которая казалось бы не отрицает ФС-поиски, но при этом словно не замечает их существования, продолжая сводить все либо к тиражированию классического постулата о немотивированности языкового знака, либо к аргументации его на уровне "этого не может быть, потому что этого не может быть никогда" или "каждый может проверить", либо к малозначимым замечаниям [4].

Однако ФС-идеи не только всегда существовали в русской лингвистической традиции, но и нашли свое концептуальное оформление в пределах русскоязычной лингвистической среды (работы А.М.Газова-Гинзберга, Р.О.Якобсона, А.А.Леонтьева, С.В.Воронина, И.Н.Горелова, А.П.Журавлева, А.С.Штерн, Г.И.Богина, В.В.Левицкого, А.Н.Журин-ского, Б.В.Журковского, И.А.Стернина, С.В.Климовой, А.В.Пузырева и др.), поэтому еще одной задачей работы является *попытка проследить становление русской фоносемантической мысли* в классических и современных трудах отечественных лингвистов.

В работе также делается попытка по возможности просто и системно *представить фоносемантику как самостоятельный раздел русистики*, что, по нашему мнению, должно способствовать привлечению внимания лингвистов к этому весьма сложному, порой парадоксальному (с по-зиций классических представлений о языке), но увлекательному и пло-дотворному разделу лингвистики.

Вероятно, многие ФС-термины покажутся “неудобными” (“царапающими” ухо и “не радующими” артикуляцию), однако их употребление обусловлено стремлением включить русский материал в общее русло фоносемантических исследований, а также избежать проблемы терминологической неразберихи.

Вступление в сферу фоносемантики создает ощущение лингвистического “зазеркалья”, лингвистического парадокса, лингвистической мистики, порой - лингвистического детектива, что неизбежно приводит к желанию “дойти до самой сути”.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ФОНОСЕМАНТИКИ

Значенье – суета, и слово - только шум,
Когда фонетика служанка серафима.
О.Мандельштам

Проблемы семиотики и фоносемантика

Общие замечания. Основным вопросом фоносемантики является утверждение тезиса о непроизвольности, мотивированности языкового знака, что неизбежно приводит к семиотике.

Семиотика - научная дисциплина, изучающая производство, строе-ние и функционирование различных знаковых систем, хранящих и пере-дающих информацию. В поле зрения семиотики находятся естественные и искусственные языки (в том числе языки научной теории, «языки» Ки-но, театра, музыки), все типы визуальных знаковых систем (от дорож-ных знаков до живописи), разнообразные системы сигнализации в при-роде и обществе.

Границы семиотики подвижны, она является пограничной дисциплиной и объе-диняет различные подходы. Принято выделять логико-математическую семиотику, так называемую металогику (Б.Рассел, Д.Гильберт, К.Гёдель, А.Черч, Р.Карнап и др.) и гуманитарную семиотику (семиотика языка и литературы) (НФС: 895).

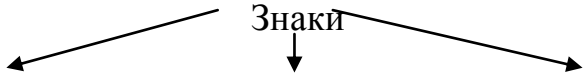
Понятие знака. *Знак* – традиционно – материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), вы-ступающий в познании в качестве указания, обозначения или пред-ставителя другого предмета, события, действия, субъективного образо-вания. Предназначен для приобретения, хранения, преобразования и тра-нсляции определенной информации (сообщения) (НФС: 391).

Логико-математическая семиотика представлена прежде всего Ра-ботами Ч.Пирса, который сформулировал основные принципы науки о

знаках: выделил параметры семиотического функционирования – репрезентант, интерпретант, референт («триадическая природа знака»), дал первую классификацию знаков, исследовал процесс функции-онирования знака – семиозис (Пирс 1983).

Семиотика Ч.Пирса получила развитие в трудах Ч.Морриса, Т.Се-беока, У.Эко и др. Внимание исследователей сосредоточено «на изоли-рованном знаке, на отношении знака к значению; на процессе семиозиса, т.е. превращения не-знака в знак и трех его измерениях» (НФС: 895) – синтактике (отношения знаков друг к другу); семантике (отношения знаков к тому, что они обозначают); прагматике (отношение исполь-зующего знак к употребляемым им знаковым системам).

По классификации Ч.Пирса (см. рис. 2) выделяются знаки: 1) *иконические*, свя-занные со своим референтом некоторым физическим сходством, наиболее точные образы обозначаемого, напоминающие предмет; иконические знаки, формируются на основе подобия означаемого и означающего. Например, дорожные знаки «дети», «пешеходный переход»; 2) *знаки-индексы*, связанные с референтом ассоциативной связью; создаваемые отношением смежности означаемого и означающего; играющие роль указателя. Например, дым указывает на огонь, повышенная температура тела - на болезнь; 3) *знаки-символы*, порождаемые установлением связи означаемого и оз-начающего по условному соглашению, где связь означаемого и означающего не вы-текает ни из их природы, ни из смежности их денотатов в пространстве; конвен-циональные (договорные). Например, цвета светофора.

Иконические (напоминающие предмет) Индексы (связь через ассоциацию) Символы (конвенциональные)

Рис. 2

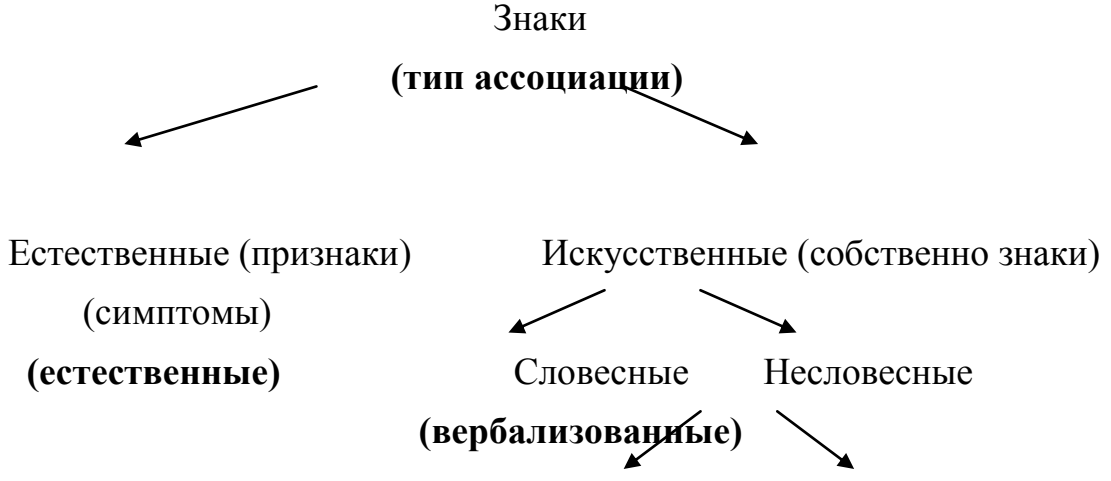
К какому же типу знаков относятся слова, изучаемые фоносеманти-кой? С одной стороны, это иконические знаки: все звукоподражания (***динь-динь, тук-тук, тень-брень, мяу-мяу, ха-ха***), которые наиболее приближены к тому, что они обозначают. В то же время индексальные знаки, где очевидна связь означаемого и означающего, также могут яв-лять звукоизобразительные (ЗИ) слова: так, междометия лишь указы-вают на эмоцию, но не называют ее (***ах, ой, ух, уя***). Многие слова, рас-

сматриваемые в классификации Ч.Пирса как знаки-символы, имеют ЗИ-природу: например, слова ***время, жизнь*** во многих языках восходят к звуку дыхания или удара [5]. Таким образом, по классификации Ч.Пирса, ЗИ-слово предстает как универсальный знак.

Более точной для понимания ЗИ-слова представляются классифи-кации, которые выводят знак на уровень существования естественных и искусственных систем (Шафф 1963: 184-212), а также механизмов соединения знака и значения. Ю.А.Левицкий, опираясь на классифика-цию А.Шаффа, предлагает типологию знаков на основе характера (типа) ассоциаций (Левицкий 1999: 62-79) (см. рис. 3).

Естественные знаки не создаются человеком, а существуют независимо от его желания и намерения; связь между предметами, явлениями, на которые они указывают, естественная, объективная. Следовательно, естественные знаки образу-ются в результате обычных, «естественных» ассоциаций по сходству или по смеж-ности.

Искусственные знаки возникают в результате деятельности человека на основе сходства или договора. *Сигналы* – знак, рассчитанный на реакцию человека: цвета светофора, автомобильный гудок и пр. Ассоциации здесь носят «навязанный» харак-тер (чаще всего «командный»), поскольку человеку необходимо разъяснять значение сигналов. *Замещающие* знаки – это разнообразные изображения (фотография, карта, отпечаток пальца, буквы и пр.). *Символы* – знаки, где согласно договору абстрактное понятие представлено в виде материального и опирается на чувственное пред-ставление абстрактного понятия (колористическая семантика, знаки зодиака, симво-лика растений, животных и пр.). Символ – результат действия интерпретированной ассоциации, т.е. некая интерпретация какого-либо мифа, верования и т.п. *Словесные* знаки представляют собой вербализованные ассоциации: связываются по ассоциа-ции две части языкового знака – обозначаемое (а через него - вещь) и обозначающее (а через него – комплекс звуков) (Левицкий 1999: 79).

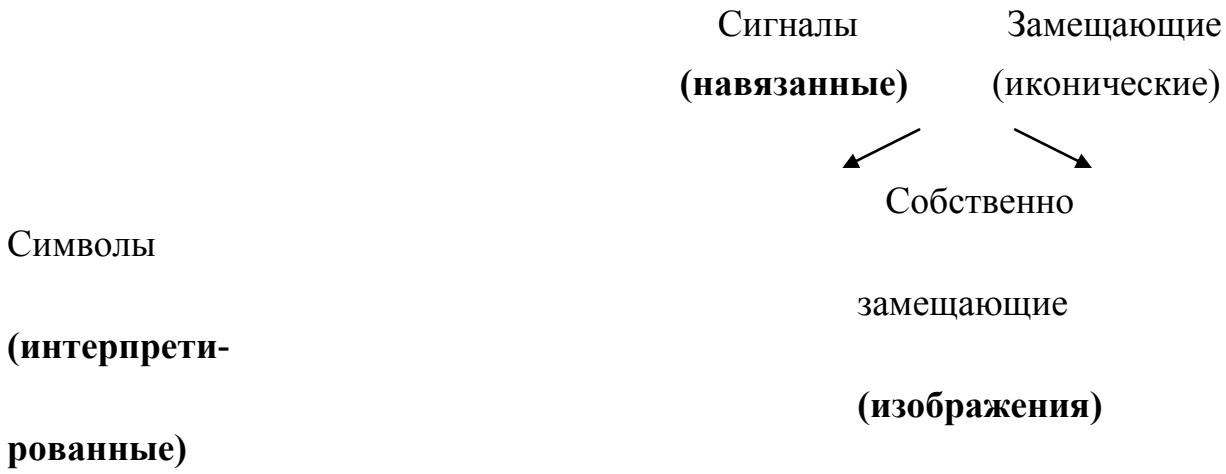

Рис. 3

В задачу фоносемантики входит выяснение механизмов взаимосвязи и взаимообусловленности естественных и искусственных знаков и ассоциативных механизмов обретения семантики естественным знаком, его включения в искусственные знаковые системы.

Лингвистическая семиотика разрабатывалась в трудах Ф.де Соссюра, который понимал «семиологию» как науку, «изучающую жизнь знаков внутри жизни общества». Семиология Соссюра развива-лась в трудах Л.Ельмслева, Э.Бенвениста, структуралистов. Основное внимание уделяется «реляционной сущности языка, специфике знака как функции» (НФС: 896).

Наиболее типичным языковым знаком является слово, в котором означающее – цепочка фонем, означаемое – понятие, единство которых обусловлено значимостью, т.е. местом знака в системе. Знаки языка образуют особого рода знаковую систему – язык.

Знак, по Соссюру, - как двусторонняя (билатеральная) психическая сущность, имеющая план содержания (означаемое) и план выражения (означающее), связь между которыми произвольна (см. рис. 4).

Э.Бенвенист позднее уточнил, что произвольно лишь отношение це-лостного знака к реальности, но не отношение компонентов знака между собой (Бенвинист 1974).

Обе стороны языкового знака взаимно обусловлены, предполагают друг друга и связаны, по Л.Ельсмлеву, отношением коммутации, т.е. смена одной из составляющих знака влечет изменение другой.

Однако давно замечено, что две стороны знака не образуют идее-альной симметрии, что приводит к асимметричному дуализму языкового знака

(С.О.Карцевский, В.Скаличка), т.е. смещённости означаемого и означающего относительно друг друга, что, например, выражено в явле-нии полисемии (одно означающее для многих означаемых), синонимии (много означающих для одного означаемого), омонимии (одно означающее для разных означаемых) и пр.

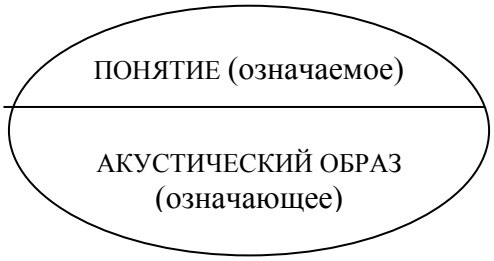

Рис. 4

Основные свойства знаков: 1) конвенциональность – обусловлен-ность соглашением, договором; 2) материальность – возможность быть воспринимаемым; 3) системность - знак обязательно противопостав-ляется другому знаку или отсутствию знака (нулевому знаку).

Классическая лингвистика базируется на следующих постулатах:

1) означающее и означаемое в языке находятся в отношениях строгой взаимной предопределенности; 2) поэтому языковые знаки одинаково интерпретируются всеми членами данного языкового коллектива, что и обеспечивает их «лингвистическое тождество» за счет того, что 3) сами эти знаки предстают как номенклатура языковых «средств», пригодных для выражения любых мыслей, одинаково послушно и безразлично обслуживающих все группы и слои общества.

Из определения знака вытекает его важнейшее свойство: будучи некоторым материальным объектом, знак служит для обозначения чего-ли-бо другого. В силу этого невозможно понимание знака без выяснения его значения: предметного (обозначаемый им объект, денотат), смысло-вого (образ обозначенного объекта, то, что понимает под ним пользо-ватель данного знака; сигнификат), экспрессивного (выражаемые при помощи его чувства и эмоции человека, использующего знак в опре-деленном контексте; коннотация) (Косиков 1994: 13).

Семиотика коммуникации и семиотика сигнификации. В любом языке выделяется два уровня сообщений: денотативный (фактическое сообщение) и коннотативный (дополнительное значение, социокуль-турно обусловленная символическая нагрузка) (НФС: 896).

Не бывает «чисто» денотативных языков, как не бывает языков «только» конно-тативных; любой язык представляет собою комбинацию

высказанного и подра-зумеваемого, денотативного и коннотативного уровней, причем подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное уйти в конно-тативный «подтекст». Такова динамическая реальность семиотических систем, хотя классический (статический, таксономический) структурализм (всегда имеющий дело с уже ставшей, а не становящейся действительностью) не располагает ключами к этой реальности (Косиков 1994: 24).

Для понимания сущности знака необходимо перенести внимание с «готового» знака на процесс его «порождения». Понятия знака («готового») и семиозиса (его «порождения») не являются несовмес-тимыми: означаемое может быть схвачено только как результат интер-претативного процесса, сущность знака раскрывается благодаря неогра-ниченному семиозису, выражающему то, что значения никогда не засты-вают в замкнутую и окончательную систему, поскольку мир знаков в процессе коммуникации находится в постоянном движении, структура кодов беспрерывно перестраивается (Эко 1998).

Внимание к коннотации в структуре знака привело к дискуссии меж-ду семиотикой коммуникации и семиотикой сигнификации. *Семиотика коммуникации* (Л.Прието, Ж.Мунен) настаивает на соссюрианском тези-се о предопределенности означаемого и означающего, не интересуется дополнительными значениями, разрушающими структуру кода, без ко-торого коммуникация невозможна. Здесь рассматривается «застывший» знак, где, с позиций фоносемантики, примарная мотивированность в большинстве случаев уже утрачена, а потому знак – не мотивирован.

Семиотика сигнификации (Л.Ельмслев, Р.Барт) сосредоточивает вни-мание на реальных социокультурных компонентах, перенося смысл ис-следований на сам процесс порождения смысла в результате семиозиса («семиология значения»). Л.Ельсмслев определил коннотативную семи-отику как такую семиотику, план выражения которой сам является се-миотикой (Ельмслев 1960: 369).

Коннотативная семиотика исследует механизмы возникновения асимметричного дуализма знака, где происходит смещение означаемого и означающего относительно друг друга. Коннотативной семиотике, план выражения которой представлен планом выражения и планом содержания денотативной семиотики, Л.Ельмслев протии-вопоставил метасемиотику, в которой семиотикой является план содержания. Инны-ми словами, метасемиотика – это семиотика, «трактующая» другую семиотику (Косиков 1994: 21).

Коннотативная семиотика (семиотика сигнификации). Пред-ставители большинства лингвистических учений XX в. говорят об ус-ловности (конвенциональности) связи между словом и денотатом. Р.Барт придал новый статус семиотике за счет включения в нее различ-ных

коннотативных семиотик. Бартовская семиология предполагает пе-ренос внимания с «семиологии структуры» на «семиологию структу-рирования», с анализа статичного «знака» и его твердого значения на аннализ динамического процесса «означивания» и проникновения в ки-пящую магму «смыслов» или даже «предсмыслов» (Барт 1994:11), что прямо связано с задачами фоносемантики.

Коннотативные смыслы имеют несколько существенных характеристик (Барт 1975: 131 и след.): 1) они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию и становящимися тем самым знаками-функциями.

Ср., например, уничтожение Екатериной II дома Е.Пугачева и изменение назва-ния станицы, где он родился (из Зимовейской в Потемкинскую); разрушение дома Ипатьевых в Свердловске, где была казнена семья последнего русского царя, и, нао-борот, возрождение храма Христа Спасителя в Москве. Ср. также традиционный мо-тив культа документа в антиутопии А.Платонова “Шарманка”, где зав. Кооперативной системой Щоев не сомневается, что социализм может быть построен на бумаге;

2) эти смыслы латентны, никогда прямо не называются и потому мо-гут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих.

Будучи зависимы от социокультурного контекста, коннотативные смыслы, как правило, не фиксируются ни в каких толковых словарях, а потому их распознавание во многом зависит от кругозора и чутья интерпретатора; например, демон-стративный смысл ношения русского платья московскими славянофилами был впол-не внятен самим славянофилам и их противникам-западникам, за пределами этого круга та же знаменитая мурмолка Константина Аксакова воспринималась не более как чудачество: «К.Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина …» (Косиков 1994: 17);

3) легко «поселяясь» в любом знаке, коннотативные смыслы могут столь же легко «освобождать помещение»; они живут до тех пор, пока живет идеологический контекст, их породивший. И пока мы легко ориентируемся в этом контексте.

Ср. ФС-закон множественности номинации, по которому один и тот же денотат может иметь несколько наименований; утрату внутренней формы слова, которая не осознается носителями языка; особую знаковость тоталитарных языков;

4) эти смыслы диффузны: один материальный объект может иметь несколько коннотативных означаемых и наоборот, одному такому озна-

чаемому может соответствовать несколько денотативных знаков-носителей, так что слой коннотативных означаемых оказывается рассеян по всему дискурсу.

Ср. ФС-закон отсутствия одно-однозначной связи между означаемым и означа-ющим; развитие из одного и.-е. корня значений омонимичных (ложная омонимия) или прямо противоположных друг другу (явление энантеосемии); значения литера-турных слов в сленгах и арго;

5) они агрессивны – не довольствуются мирным соседством со знака-ми денотативной природы, а стремятся подавить их или даже полностью вытеснить.

Ср. утрата мотивированности в процессе эволюции семантической структуры слова, удаление от ЗИ денотата, вытеснение его конвенциональными (не ЗИ) смыслами.

Коннотативные смыслы являются причиной утраты естественных связей между означаемым и означающим в знаке, его примарной мотивированности, усиления конвенциональности знака.

Конвенциональность, мотивированность, произвольность языкового знака. Для понимания сущности языкового знака необходи-мо соотнести понятия *произвольность/непроизвольность* (*обязатель-ность*), *мотивированность/немотивированность* и *конвенциональность/неконвенциональность (естественность)*.

Сущность дискуссий о конвенциональности, произвольности и мотивированности во многом – проблема терминологии, поскольку эти поня-тия частично пересекаются и накладываются друг на друга.

Ср., например, дихотомии С.Ору: *произвольное/мотивированное, конвенциональ-ное/естественное*, где конвенциональность может сочетаться с мотивированностью (Ору 2000: 146). Оппозиции Цв.Тодорова: *мотивированное* (*естествен-ное*)/*немотивированное* и *социальное* (*конвенциональное*)/ *индивидуальное*. Однако никто или почти никто никогда не утверждал, что естественный язык в силу своей естественности является индивидуальным языком; на самом деле конвенциональный характер языка – в смысле его социальности и обязательности – допускается сторон-никами обоих противоположных мнений. В действительности противопоставление проводится между мотивированностью и немотивированностью (Тодоров 1998: 267).

Соссюр ставил знак равенства между понятиями *произвольность* и *немотивированность*; в интерпретациях, как правило, существует иная оппозиция: *произвольности* противопоставляется *обязательность*, а не *мотивированность*.

В лекциях Ф.Соссюра в качестве общего термина систематически употребляется слово *знак*; термин *символ* обозначает мотивированный знак.

Причем понятия *произ-вольность* и *условность*, которые были до Соссюра, он заменил на одно – *произ-вольность* языкового знака, которую стал трактовать как *немотивированность*, как отсутствие *естественной* связи между означаемым и означающим. По Соссюру, *ус-ловность* предполагает связь имени с вещью и находится за пределами лингвис-тических фактов (Соссюр 1990: 112), а потому термин выводится из категорий, используемых Соссюром.

Поскольку для Ф.Соссюра произвольность (немотивированность) знака является фундаментальной характеристикой знака, то семиология должна заниматься только произвольными знаками (Тодоров 1999: 341). Отсюда становится понятным небре-жение к сфере звукоподражаний в языке, поскольку эти знаки очевидно Моти-вированы (непроизвольны).

Ср. Насколько для создания знака связь данного, конкретного означающего с данным, конкретным означаемым *произвольна***,** настолько же она *обязательна* для тех, кто пользуется этим знаком (Глинских, Петрова 1998:65).

Однако Соссюр не был столь категоричен, насколько он предстал в интерпретации своих учеников и последователей: он говорит об относительной мотивированности знака, указывая на невозможность существования языков, где нет ничего мотивированного. Но ученый безоговорочно выводит за рамки лингвистической семиологии символ, т.е. мотивированный знак.

Основной принцип произвольности знака не препятствует различать в каждом языке то, что в корне произвольно, от того, что произвольно лишь относительно. Только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнару-живаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным в различной степени: знак может быть относительно мотивированным. Не существует языков, где нет ни-чего мотивированного, но немыслимо представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками – наименьшей орга-низованностью и наибольшей произвольностью – можно найти все промежуточные случаи. Во всех языках имеются двоякого рода элементы, целиком произвольные и относительно мотивированные, но в весьма разных пропорциях (Соссюр 1997: 100, 163, 165). Мысли об относительной мотивированности знака, его произвольности в разной степени согласуются с идеями об относительной денатурализации языкового знака, постепенной утрате его примарной мотивированности.

ФС являются анаграмматические изыскания Ф.де Соссюра, где анаграмма и зву-ковые соответствия рассматриваются как непроизвольные и сознательно структу-рируются поэтом. Термин Соссюра **анафония** сегодня используется в фоносеман-тике (Соссюр 1977: 639-645; Пузырев,

Шадрина 1999). Ср. анаграмма как ведущий принцип ФС-организации поэтического текста (Казарин 2000).

Необходимо разграничивать процесс “изготовления” и процесс усвоения языкового знака: “Что же касается принципа произвольности, то еще раз следует отметить, что он характеризует языковой знак в момент его образования. В процессе усвоения языка уже никакой произвольно-сти быть не может: раз возникнув и получив распространение, языковой знак становится обязательным для всех”. Э.Бенвинист полагал, что при-нцип произвольности применим не к отношению между означаемым и означающим, а к отношению знака в целом к предмету (Левицкий 1999: 76-77).

Таким образом, под конвенциональностью следует понимать социальность и обязательность языкового знака в процессе функциони-рования уже готового знака, где мотивированность знака утрачивается (частично или полностью), а потому его можно рассматривать как произвольный.

В процессе возникновения - знак непроизволен, т.е. мотивирован: мотивировка необходима в момент рождения слова (или в момент рождения переносного значения), т.к. без мотивировки слово (или переносное значение), собственно, не может и возникнуть (Маслов 1987).

Следует также разграничить становление знака в онотегенезе и филогенезе языка: в онтогенезе (усвоении знака ребенком) знак непроизволен, конвенционален, часто немотивирован; в филогенезе – непроизволен, неконвенционален, мотивирован. Можно считать, что любое «начало» (в онто- и филогенезе) языкового знака отмечено его непроизвольностью, т.е мотивированностью, что, однако, не исключает его конвенциональности.

Следовательно, знак одновременно произволен и не-произволен, мотивирован и не-мотивирован, конвенционален и не-конвенционален, что зависит от человека, выступающего в качестве создателя или интерпретатора уже существующего знака.

Знак реализуется только в знаковой ситуации (семиозисе), когда человек (интерпретатор) воспринимает и осмысливает данный конкретный знак. Вне человека знака не существует.

И сигнал, и индекс в равной мере обладают значением, однако если сигнал тре-бует «декодирования», однозначного для всех, владеющих данным языковым кодом, то индекс, напротив, поддается лишь той или иной «интерпретации», связанной с интуицией, культурным кругозором и т.п. воспринимающего, иными словами – не удовлетворяет классическому семиотическому постулату о взаимной пред-определенности означающего и означаемого (Косиков 1994: 19).

Всякий человек имеет дело с уже «оговоренным» словом. Только мифический Адам, подошедший с первым словом к еще неоговоренному

девственному миру, одинокий Адам мог действительно до конца избежать этой диалогической взаимоориентации с чужим словом о предмете. Конкретному историческому человеческому слову этого не дано (Бахтин 1975: 92).

Коннотативная семиотика предполагает рассмотрение языкового знака в контексте общих семиотических процессов, что прежде всего связано с социально-историческим и культурным континуумом, кото-рый во многом управляется человеком и может сознательно управлять семиозисом. По мнению Р.Барта, «область, общая для всех коннотатив-ных означаемых, есть область идеологии» (цит. по: Косиков 1994: 18).

Для России характерным является то, что переделка языка (переименование дол-жностей, названия государства, титула его главы, географические и личные имена собственные) рассматривается в качестве естественной функции государственной власти. “В полном согласии с эсхатологической мифологией акт разрушения – сози-дания (превращения “старого” мира в “новый”) мыслится как *переименование*”. При этом акт переименования “в целом ряде случаев связывается с физической ликви-дацией самого объекта и последующим возрождением его в “очищенном” виде. (Успенский 1994, II: 335, 403). Таким же образом уничтожается и возрождается язы-ковой знак, когда первичное значение перемещается на периферию, становясь мета-форой, или исчезает совсем. Именно изменение значения слова, его переносное зна-чение, по Д.Оруэллу “двоемыслие”, и увеличивает расстояние от истинного, первичного, данного “отприродно”.

Поскольку знаковое сознание аккумулирует в себе социальные отно-шения, борьба с теми или иными формами социального зла в истории культуры часто выливается в отрицание отдельных знаковых систем (включая и такую всеобъемлющую, как естественный язык) или принципа знаковости как такового (Лотман 1992, I: 69).

Ср. отрицание знака у Л.Н.Толстого: “Возможность отделить план выражения и соединить его с любым другим содержанием делает слово опасным инструментом, удобным конденсатором социальной лжи. Поэтому в вопросах, когда потребность истины делается жизненно необходимой, Толстой предпочел бы вообще обходиться без слов. Так, словесное объяснение в любви Пьера Безухова с Элен - ложь, а истинная любовь объясняется не словами, а “взглядами и улыбками” или, как Кити и Левин, криптограммами” (Лотман 1992, I: 195).

Социально-исторические изменения в обществе приводят к усиле-нию конвенциональности языкового знака, однако при этом знак стре-мится к иллюзии неконвенциональности, архаичности, а значит – истин-ности. Конвенциональный знак стремится обрести права “легитим-ности”: стать неконвенциональным, выйти за пределы семиотического и войти в пределы

мифологического мышления, где миф является Альтер-нативой знаковому мышлению [6].

Не раз отмечалось (Голосовкер 1987: 122; Мелетинский 1976: 4), что мифотворчество не является привилегией поэтического сознания, а является одним из способов отражения действительности и “не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского и науч-ного” (Потебня 1990: 303), ни политического и идеологического.

Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский говорят о возможности сознательных попыток имитировать мифогенное сознание средствами немифологического мышления, однако “их органическая включенность в немифологический круг текстов и полная переводимость на немифологические языки культуры свидетельствуют о мнимости такого совпадения” (Лотман 1992, I: 69).

Сознательные попытки “сотворения” мифогенного сознания характерны, напри-мер, для тоталитарных семиосфер. Исследователи мифологизма XX века выделяют “авторитарный мифологизм, присущий некоторым тоталитарным идеологиям <...> и ознаменованный образами вождей, мифологемами почвы и крови, пропаган-дистскими эмблемами и др.” (Эпштейн 1988: 350), который выступает как “идео-логическое навязывание (как собственно сознательный экспансионизм обыденного сознания в отличие от бессознательной экспансии)” (Автономова 1988: 183). Харак-терно, что русская “новая” семиосфера часто выстраивается с ориентацией на “чу-жое” семиотическое пространство, что, вероятно, и связано с неприятием вводимого семиотического знака. Ср., например, христианизацию Руси; ориентацию на папский запад в обрядах, архитектуре, иконописи, пении и пр. в никоновских реформах; “европеизацию” России Петром I; “призрак коммунизма”, который сначала “бродит по Европе”, а потом на 70 лет зависает над Россией; “вестернизацию” постсо-ветского русского мира [7].

Таким образом, коннотативная семиотика включает языковой знак в систему семиосферы, где выясняются механизмы обретения знаком конвенциональности, «отлучение» звуковой стороны слова от денотативной основы ЗИ-слова. Проблема конвенциональности знака напрямую связана с проблемой мотивированности языкового знака, поскольку усиление конвенциональности часто (но не обязательно) прямо пропорционально утрате мотивированности.

Проблема конвенциональности знака в русской семиосфере. В русской истории проблема конвенциональности языкового знака не раз становилась проблемой не только языковой, но и социальной, что подчеркивает зависимость обретения знаком коннотативных смыслов от предлагаемых социально-исторических условий. С XVII в. как минимум

один раз в столетие вопрос о языковом знаке выходит на уровень социально-политического противостояния.

Наиболее остро вопрос о конвенциональности языкового знака ставился в XVII в. (церковный раскол), XVIII в. (петровские реформы), XIX в. (лингвистические дискуссии о «новом слоге», которые были на-прямую связаны с ориентацией России на западное или на «свое»), XXв. (большевистская революция 1917 года)

"Никонова справа" и петровские реформы. Интересное преломление вопроса о конвенциональности/ неконвенциональности языкового знака находим в "книжной справе" Московской Руси, связанной с реформами патриарха Никона и расколом Русской Православной церкви во второй половине XVII века. "Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и становились столь остро" (Толстой 1988: 146). Принципиально здесь то, что "в конфликте старообрядцев и новообрядцев проявляется различное отношение к языковому знаку - неконвенциональное и конвенциональное" (Успен-ский 1994, 1: 336).

Теоретики старообрядчества (прежде всего "огнеопальный" Аввакум) были ори-ентированы на важнейшую установку восточнославянской философии - разработку *словологии*. Древнерусская словология проявлялась в двух измерениях: онто-логическом и антропологическом. Эта традиция была задана Евангелием от Иоанна, где провозглашается изначальность, а следовательно, вечность слова ("искони бе слово"), актуализируется сущностное тождество слова Богу ("слово бе от Бога, и Бог бе слово"). Слово приравнивается к жизни ("в том живот бе") и служит формой ма-териализации духа, воплощения Богочеловека - Иисуса Христа ("И слово плоть бысть. И вселися в ны. И видехом славу его"). В своем онтологическом статусе сло-во есть Бог, творец и зиждитель бытия. Но слово способно к ипостасной трансфор-мации, обретению антропологического статуса, благодаря чему оно срастается с кА-ждой отдельной личностью, отдельным народом, сохраняя их богообразность и богоподобие (Замалеев 1998: 261-262).

Старообрядцы были убеждены, что содержание непосредственно, органически связано с языковой формой, поэтому именно выражение (текст) и является "правильным", а потому никакие изменения невоз-можны. У старообрядцев сохраняется "переживание знака как чего-то безусловного, внеположенного, от нас не зависящего. При таком пони-мании, если человек управляет знаками, играет ими, придает им новый смысл, вводит их в новые сочетания, это ему только кажется - на самом деле здесь проявляются наиболее глубокие связи между знаком и зна-чением, и человек сам оказывается игрушкой у потусторонних сил" (Ус-пенский 1994, 1: 356).

Конфликт конвенционального и неконвенционального понимания знака прояв-ляется не только на уровне языковой, но и визуальной (иконопись), музыкальной (церковное пение), театральной (появление представлений) сфер. Все, что не вписы-вается в рамки уже сложившегося, считается не-чистым, еретическим, не-христианским, а следовательно, не-истинным [8].

Изменение музыкального и текстового пространства во времена Никона связано с тем, что из церковного пения исчезают всевозможные глоссолалические попевки - так называемые “аненайки”- вставные слоги ***на-не-но*** и т.п., который старообрядцы считают речью Богородицы, ее восклицаниями. «Аненайки» - это своеобразная цер-ковная заумь, язык, на котором возможно общение с Богом (Коновалов 1908; Шкло-вский 1990). Выход из сферы *номинации* (называния) в сферу *коммуникации* (понимания) в осмыслении языка приводят к протесту против подобной зауми в церков-ном пении: ”еда ли Богъ послушаеть твоих *абувъ, хабувъ, ахатей, аненайковъ*” (“Му-сикии” Иоанникия Коренева) (Цит. по Успенский 1994, 1: 367).

Вот здесь-то и наступает “трагический” момент для примарной мотивирован-ности: суть имени не важна, важно то, насколько имя помогает общению. Если ста-рообрядцы уверены, что “*на-не-но”, “ах-ох-ух”, “хаб-хоб-хеб*”- это речь самой Бого-родицы, которая им неведома, но она так говорит, а потому эта речь священна, то нововерцы не видят проку в ней, поскольку ни с Богом (по причине незнания), ни с людьми (по причине непонимания) говорить так невозможно. Эта проблема всегда решалась церковью в пользу более архаичных, но понятных языковых форм.

Принципиальным здесь является и отношение к метафорическому, переносному употреблению, где метафора ассоциируется с языческими представлениями, следовательно, является отклонением от христиан-ства. Конвенциональность знака и метафоричность предполагают возмо-жность двойственной интерпретации текста; здесь актуализируется ас-имметричный дуализм языкового знака, поскольку “всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной Дей-ствительности, мы покрываем более или менее новую совокупность пре-дставлений <...> Но мы начинаем замечать это только тогда, когда раз-рыв между “адекватной” (обычной) и случайной ценностью достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление” (Карцевский 1964: 88).

С.Яворский, обосновывая необходимость понимания переносного значения (“тропического мышления”), заключает: “ Суть и прочия повсемственныя глаголы (т.е. обощающие наименования), но глаголы точию, а не самая истинна, и повсе-мственное имя за часть вземлется тропице (лат. tropice)” (цит. по: Успенский 1994, 1: 349-351).

Здесь происходит отрыв слова от содержания, т.е. истиной считается не текст, а его содержание, которое следует правильно интерпре-тировать.

Следовательно, метафорическое содержание в большинстве случаев первично, на что указывают и современные исследования, в том числе и этимологическая фоносемантика.

По-иному решается вопрос о метафорике в учении исихастов, для которых веду-щим стилем является стиль “плетение словес”, отличающийся обилием символов, метафор, сравнений и эпитетов, служащих для поиска “божественного глагола” для называния сущности предмета, для передачи его “души”, для “выражения Невы-разимого”. Неосязаемая сущность метафизического не может существовать в прост-ранстве “понятного”, а потому ее постижение возможно только через “сложное” (resp. непонятное).

Проблема конвенциональности языкового знака актуализируется и в *петровскую эпоху*. “Переименование” и именование является “созда-нием” нового государственного и административного устройства, что подкрепляется навязываемой сменой коммуникативного поведения, коллективных стереотипов, моды и даже личного (интимного) бытия [9].

При создании нового имени происходит утрата внутренней формы слов, отрыв содержания от звучания, усиливается конвенциональность знака, с чем не соглашаются ревнители старины.

В.К.Тредиаковский в переводах *труппу* заменяет на ***артель***, *антрепренер* - на ***подрядчик***, *актеры* - на ***театральные люди***, *студия* - на ***малярная лавка***, *туалет* - на ***уборный стол***, *аплодисменты* - на ***перечасье руками и ногами***, *дуэт* - на ***арию двоеголосную*** и т.п.(Ковалевская 1998: 105).

Парадоксальность петровской эпохи связана с тем, что физическое и интеллек-туальное насилие в навязывании “иноземного” бытия приводит к росту Националь-ного самосознания. В лингвистике проявляется интерес к проблеме отношения рус-ского языка к другим языкам, проблеме его родства с другими языками, что дает воз-можность активному развитию этимологических разысканий о происхождении раз-ных слов, о родстве русских корней с иноязычными.

Бурные *лингвистические дискуссии в начале XIX в.* исследовались в научной литературе (Булич 1912; Виноградов 1938; Левин 1964; Булаховский 1957; Мордовченко 1959; История лексики... 1981; Успенский 1994, II), поэтому коснемся лишь того, что связано с нашим вопросом.

Характерно, что в полемике между сторонниками “церковно-славянского” и “славенороссийкого” варианта литературного языка ве-сомым аргументом становятся ФС (синестемические) свойства: сама постановка вопроса о “*старом*” и “*новом*” слоге; поиски “*коренного*”, “*первообразного*”, “*первобытного*” облика русского языка; противо-поставление “*жесткости*” и “*грубости*” церковно-славянской стихии и “*нежности*” и “*приятности*” русского наречия.

Ср., напр., А.С.Шишков отвергает окончания на ***-щий*** как “*неприятные*” для слуха; К.Н.Батюшков говорит, что “первый изгнал из языка нашего *грубые* слова славянския”; А.П.Сумароков называет стихи М.В.Ломоносова “*грубыми*” и “*пухлы-ми*”(см. подробно: Успенский 1994, II: 382, 422, 442 и след.)

Интересное преломление в полемике “архаистов” и “новаторов” получает вопрос о конвенциональности языкового знака, где явно прослеживается внимание к соотношению означаемого и означающего и “навязывание” нового знака.

Показательны здесь слова Н.М.Карамзина, который прямо призывал “давать ста-рым [словам] (славянизмам. - *С.Ш.*) некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи”, причем специально предупреждал писателей, что делать это надо “столь ис-кусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения” (цит по: Успенский 1994, II: 367).

“Новый мир” языка. Социальная ломка в России начала XX в. – октябрьская революция большевиков в 1917 г. - привела к усилению конвенциональности знака, которая отмечается во всех “новоязах” тоталитарного общества. Отмирание, изменение функций социальных институтов приводит к созданию новой знаковости, которая “протестует” против уже существующего семиотического пространства.

Лексическая семантики тоталитарного языка обнаруживает тенден-ции: 1) редуцирования, вытеснения, трансформации константных семантических составляющих идеологии на уровне концепта; 2) создания искусственных идеологем и квазиидеологем; 3) прямолинейной аксиологической поляризации лексики; 4) кодифицирования нетрадиционной для языка лексической сочетаемости, отражающей идеологические стандарты (Купина 1995: 15).

Как и раньше, происходит навязывание коммуникативных, поведенческих, нравственных, интеллектуальных программ поведения. Начинают формироваться “языковая политика” и “языковое строительство”, которые призваны построить “наш, новый мир” бытия, преимущественно манипулятивным (“мифологическим”) способом [10]. Ср., например, в анекдоте: Мы говорим «Ленин» - подразумеваем «партия», мы говорим «партия» - подразумеваем «Ленин». И так 70 лет – говорим одно, подразумеваем другое.

Советские вожди создавали новый семиотический континуум. Од-нако использование “несовершенных” технологий привело к тому, что конвенциональность знака четко осознавалась носителями языка и проявлялась в ситуации “диглоссии”: русский - “русский советский” (Геллер 1980), “русский социалистический” языки (Кронгауз 1994); польский - “ польский антитоталитарный” языки (Wierzbicka 1990).

Ср. юридическая формула сталинского времени “10 лет без права переписки” со временем становится идиомой, обозначающей расстрел.

Однако наиболее интересно лингвосемиотичские проблемы языко-вого знака решались не в политическом дискурсе, а в философии, линг-вистике и литературоведении.

“Аненайки” эпохи “развитого социализма”. Время так называемого “зрелого социализма” и “эпохи застоя” доводит конвенциональность знака до логического абсурда: в официальном дискурсе языковой знак полностью отрывается от реальности, целенаправленно деформируется в идеологических целях, обретая характер “чинарской” “зауми” по форме, теряя всякий смысл, существуя на уровне мифа, не требующего объяснения.

Однако миф не требует объяснения потому, что он безусловно верен, тогда как советский язык не требовал объяснения потому, что его воспринимали как условия игры в официальном пространстве и не воспринимали как объект, требующий осмысления. В любом случае рефлексия по поводу связи означающего и означаемого в официальном дискурсе исключалась, однако сфера народной языковой игры тонко отмечала навязываемую конвенциональность языкового знака.

Советский язык - “непрекращающийся митинг. Мысль здесь абсолютно иск-лючается - таков язык <...> невозможно мыслить на непрекращающемся митинге у подножия памятника” (Мамардашвили 1992: 17). Сознательная мифологизация охва-тывает все сферы бытия: *семья* превращается в *ячейку общества*; *люди* - в *строи-телей коммунизма*; *дети* - в *цветы жизни*; *сердце* - в *пламенный мотор*; *хлопок, уголь, нефть, лес, пшеница* - в *белое, черное, жидкое, зеленое, желтое золото*; *летчики* - в *хозяев пятого океана и покорителей голубых трасс; геологи* - в *колумбов подземных богатств; экономическая разруха* - в *отдельные недостатки экономики*.

“Аненайками” советского строя можно считать любую официальную речь, поскольку пересказать текст того времени не представляется возможным, его можно только выучить наизусть.

Неоднократно подчеркивалось в воспоминаниях и анекдотах о Л.И.Брежневе, что он мог дважды прочитать один и тот же отрывок текста, не заметив повтора. Однако это актуализирует не столько интеллектуальное бессилие советского лидера, сколько семантическую опустошенность советского текста, его десемантизацию.

М.А.Кронгауз рассматривал язык зрелого социализма как “ритуаль-ный”: “общественная и политическая речевая деятельность была лишена информационного и игрового аспектов” (Кронгауз 1994: 235).

Ср.: народная рефлексия в анекдотах: Что представляет политика Горбачева: прогресс или обман? Прогресс обмана; За что сидишь? Ни за что. Врешь: ни за что десять лет дают, а у тебя пятнадцать.

Характерно, что все социалистические, как, впрочем, и другие тота-литарные языки того времени, выстраивали общую модель новой семио-

сферы, отличаясь лишь в частностях (Cassirer 1946; Nowomova 1985; Bralczyk 1985; Кронгауз 1994; Геллер 1980).

Надо заметить, что подобное свойственно не только тоталитарным дискурсам, поскольку язык лжи, демагогии и несостоявшегося мифа может существовать в любом государстве. Ср., например, наблюдения В.И.Беликова над советским лозун-гом: “этот жанр никак не является национальным достоянием лишь советского наро-да; знаю о существовании одной достаточно показательной коллекции вьетнамского материала. Близки к нему некоторые западные клише рекламного происхождения” (Беликов 1994: 258).

Чем дальше отстоит знак от момента своего возникновения, тем бо-льше коннотативных смыслов он обретает. Наполнение знака коннота-тивными значениями часто предопределяет его символическую природу.

Существование знаков и символов обусловливает и наличие двух противопо-ложных оценочных позиций, занимаемых исследователями. С одной стороны, на практике знаки постоянно трансформируются в символы, каждый знак обрастает бе-сконечным числом символов. С другой стороны, в декларациях теоретического хара-ктера постоянно утверждается, что все является знаком, что символов не существует (Тодоров 1998: 261).

Знак и символ. Следует различать понятия знака и символа, которые часто подменяют друг друга как в философских, так и в лингвистичес-ких концепциях (Тодоров 1999: 278; Павловская 2001: 23), тогда как знак более тяготеет к эксплицитности связи между референтом и зна-ком, а символ содержит эти связи имплицитно, а потому часто утра-чивает мотивированность.

Различные знаки могут быть по-разному восприняты и интер-претированы человеком, что обусловлено его знанием кодов, которые связывают означающее и означаемое. Среди знаков наиболее сложным для понимания является символ.

В понятие *символ* вкладывают различные, часто противоположные, смыслы:

1) частный случай знаковости, ее наивысшая степень (знаки-символы в семио-логии Ч.Пирса); 2) наибольшая противоположность знаковости (архетипы в концеп-ции К.Юнга, где проявление бессознательного не может быть выражено как нечто определенное); 3) родовая категория, охватывающая все формы культурной деятельности (в «теории символических форм» Э.Кассирера язык рассматривается как одна из символических форм наряду с религией, мифологией, культурой, наукой); 4) глубинное измерение языка, шифр, где коммуникативная функция вторична (лексико-семасиологические универсалии и их развитие из

языческой семиосферы в лингвистической генетике М.Маковского); 5) особый синтез условной знаковости (художественный образ) и непосредственной образности (аллегория), которые уравновешиваются и преобразуются в новое качество (А.Белый, С.Аверинцев) (НФС: 899).

Под символом понимается как собственно знак, так и образ, в кото-ром заложен кроме первичного и более глубокий смысл, аналогия, зна-чение. Емкость символа различна: одни имеют широкое значение, так называемые символы символов, другие являют собою функцию метки, конкретного указания (автодорожные знаки, маркировка грузов, быто-вые символы на ярлыке одежды, компьютерный интерфейс).

Ср. символы символов: *звезда* – символ вечности, высоких устремлений, идее-алов, счастья, любви; христианский символ (Вифлеемская); символ сионистского движения (Давида); *крест* – символ жизни, человека, четырех сторон света, солнце-ворот, четырёх стихий, загробной жизни, бессмертия, бесконечности, удачи, атрибут богов Скандинавии, Ассирии, Персии, Индии; символ Христа, веры и Церкви; нациз-ма (фашизма); геральдические кресты; кресты тайных обществ (эмблема Розен-крейцеров, горящий крест ку-клус-клана,) и общественных организаций (лорранский крест «Свободной Франции», крест мира («пацифик»), Красный Крест) (ЭС: 20-26).

В лингвистике различение знака и символа также размыто. По класс-сификации Ч.Пирса, немотивированные знаки (знаки-символы) противо-поставлены мотивированным знакам (иконическим и индексальным). Однако Ф.Соссюр категорически выводит символы из системы линг-вистических знаков (по Пирсу, иконические и индексальные знаки), ко-торые для него также немотивированы. Таким образом, в семиологии Соссюра, отрицающей символы, предметом исследования являются, по Пирсу, знаки-символы.

Ф.Соссюр рассматривал символы как «обычную ошибку при передаче слов, ко-торые первоначально имели исключительно прямой смысл» (цит. по: Тодоров 1999: 340). Однако в качестве языковых символов Соссюр рассматривает ономатопею и междометие («восклицание»), которые и выводит из системы лингвистических зна-ков, поскольку они мотивированы.

Символом является всякая структура значений, где один смысл, пря-мой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый. Объединяя различные планы реальности в единое целое, символ создает собственную многослойную структуру, смыс-ловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интер-претатора работы с кодами различного уровня.

Многоуровневая структура символа последовательно увеличивает дистанцию между означаемым и означающим. Наслоение коннотаций приводит к тому, что символ теряет первичную мотивированность.

Произвольный (*немотивированный*) символ определяется как условный знак с четко определенным значением, в котором соотношение означающего и означаемого обусловлены конвенцией. Немотивиро-ванный символ уделяет особое внимание означаемому, форма и денотат могут быть любыми.

А.Ф.Лосев определяет символ, исходя из его структуры, как встречу означа-емого и означающего, в которой отождествляется то, что по своему непосред-ственному содержанию не имеет ничего общего между собой – символизирующее и символизируемое. Существом тождества, следовательно, оказывается различие. А.Ф.Лосев говорит об отсутствии у символа непосредственной связи и содержатель-ного тождества с символизируемым, так что в существо символа не входит похожесть. Символ указывает на безусловно другое, а не на подобное (Лосев 1976).

Непроизвольный (*мотивированный*) символ основан на признании наличия общих свойств у символа и объекта, который он обозначает. Однако большинство исследователей говорят о мотивированности как обязательном условии символа.

А.Ф.Лосев считает, что символ вещи действительно есть ее смысл, который ее конструирует и модельно порождает. Символ вещи есть ее обобщение, которое имплицитно уже содержит в себе все символизируемое, хотя бы оно и было бесконечно. Символ вещи есть ее внутренне-внешнее выражение. Символ вещи есть ее структура. Символ вещи есть тождество, но это символическое тождество есть единораздельная цельность (Лосев 1976: 65-66).

Цв.Тодоров говорит о символической конверсии, при которой каждое сиволизирующее в свою очередь становится символизируемым; возникает цепь конверсий, которые могут продолжаться бесконечно, и каждое новое символизирующее приобретает новые символизируемые в результате предыдущих процессов символизации (Тодоров 1999: 284).

Чем большему числу конверсий подвергается символ, тем сложнее установить его первичную мотивированность. То же происходит и в семантической эволюции слова, где многочисленные семантические сдвиги приводят к утрате примарной мотивированности слова.

Ср. в символике: *петух* – древнейшая эмблема вестника рассвета, пробуждения, бдительности, призыва к возрождению и к бою. У язычников – эмблема Меркурия, в христианстве – эмблема Воскресения, у католиков – знак отречения апостола Петра. В Галии – символ борьбы и боя. Во

Франции – символ независимости и свободы, а также задиристости и заносчивости. У римлян – фаллический тотем. В тибетской мандале – символ вожделения. У славян – «двойник» хозяина дома, опекун хозяйства; символ плодородия; стихия огня, символ пожара; оберег от нечистой силы, символ жениха (ЭС: 124; СМ: 307). Ср. сегодня в языке: *красный петух* - пожар, поджог; *пускать петуха* - устраивать пожар, сорваться на высокой ноте во время пения, речи. В говорах: *как голландский петух* - о плохо переносящем холод; *как мохноногий петух* - о человеке с шаркающей походкой; *петухов будить* - исполнять песню «Ой, петухи» на обрученье; *петухов кружать* - гадать на святках с использованием петуха; *петухом петь* - радоваться; *петушьи косы* - травянистое растение, похожее на хвост петуха (ФСПГ: 270, 34, 185, 178). Здесь очевидна существенная утрата древней семантики петуха и возникновения пейоративной (пренебрежительной, иронической) семантики.

Ср. в этимологии: утрата примарной мотивированности: *восторг* «восхищение» родственно *терзать, тереть, трогать* (Черных 2: 238). В др.-рус. (с XI в.) *въстъргъ* - экстаз, забытье, утрата сознания, *въстъргати* - выдергивать; корень *търг-* ; *търгати* - дрожать, биться (о людях), *тьрзати* - рвать (Черных 1:169).

Можно говорить о том, что символ – это более сложный, многоуровневый знак. Понимание символа связано с интерпретатором, посколь-ку если код известен интерпретатору, то символ для него будет мотиви-рован. Если же интерпретатор не знает всех ступеней взаимосвязи поня-тия и знака, то знак будет для него не мотивирован.

Можно считать, что в задачу фоносемантики входит восстановление тех ступеней развития собственно знака (иконического, замещающего), хотя он также является символичным, в знаки-символы, т.е. установ-ение мотивированности как самого знака, так и его символической при-рды. Это означает «перейти от изучения знаковых систем, непосред-ственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя ими и используются, бо-лее того, во многих случаях ими управляются» (Косиков 1994: 20). Од-ним из таких неосознаваемых кодов в языке является код фоно-семантический.

Несмотря на интенсивные разработки теории знака во всех указан-ных направлениях, задача построения синтетической концепции знака до сих пор не решена. Это обусловлено прежде всего тем, что знаки при-надлежат к сложным структурным образованиям, методы исследования которых пока еще в достаточной мере не разработаны (НФС: 392).

Проблема происхождения языка и фоносемантика

Общие замечания. Вопрос о происхождении языка всегда был наиболее “болезненным” для лингвистики, являясь вечно решаемой и вечно нерешенной проблемой.

Множество работ посвящены обзору и критике всех существующих теорий про-исхождения языка (Эйдельштейн 1978; Донских 1984; Якушин 1984; Николаева 1996; Тодоров 1999; Павловская 2001; Borst 1957-1963; Rosenkranz 1961; Sommerfelt 1953-1954; Allen 1948; Opy 2000).

Проблема происхождения языка является одной из важнейших проблем, лежащих в основе теоретической базы ФС-исследований. Пред-метом фоносемантики является ЗИС языка в пантопохронии, т.е. иссле-дование звукоизобразительности (ЗИ) в пространственных и временных аспектах в синхронии, диахронии и генезисе.

Любая теория о возникновении человеческой речи как таковой всег-да носит гипотетический характер. Попытка осмысления «первоначаль-ного» языкового состояния всегда является субъективной: «тот, кто по-лагает, будто описывает происхождение языка и языкового знака или их самое раннее состояние, в действительности проецирует в прошлое имплицитные знания о символе, имеющиеся у нас в настоящее время» (Тодоров 1999: 266).

Сущность дискуссий по поводу происхождения языков может быть выражена в виде ряда дихотомий, сформулированных еще в античности: происхождение языка *божественное/ человеческое, произвольное/ мотивированное, конвенциональное/ естественное, постепенное/ мгновенное, случайное/ необходимое*.

Однако ограничения в оппозициях сравнительно нежесткие. Если божественное происхождение языка несовместимо с тезисом о его конвенциональности, то оно не-обязательно противоречит тезису о человеческом происхождении языка, а конвен-циональность может сочетаться с мотивированностью (Opy 2000: 146).

Для фоносемантики наиболее значимы классические оппозиции *естественное/ конвенциональное, мотивированное/ произвольное (немотивированное)*.

На оппозиции *божественное/ человеческое* теории происхождения языка можно условно разделить на религиозные (мифопоэтические, креационистские, логосические, божественные) и научные (эволюционные). Каждая из существующих теорий затрагивала либо проблему первоначальных слов языка, либо причины и условия возникновения языка, либо тот и другой аспект одновременно. Именно проблема перво-начальных слов языка позволяет оценить значимость данной лин-гвистической проблемы для становления ФС-подхода к языку, пос-кольку в конечном

счете проблема первых слов языка была проблемой немотивированности (условности) или мотивированности (естес-твенности) языкового знака.

Религиозные (мифопоэтические) концепции происхождения языка. Представления о *религиозных* (*креационистских, логосических, божественных*) теориях происхождения языка даны в мифах, канонических источниках (Библия, Веды, Коран, Талмуд и пр.), философских трудах древней античности и даже современной науке.

Древние индоевропейцы считали, что дар речи (помимо «двуногости») отличает людей от животных, а людей от богов (помимо «бессмертности» и «небесности») от-личает особая пища и особый язык (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 471). Мифопоэ-тическая рефлексия над языком позволяет вычленять в коммуникативном потоке древних язык человека и языки не-человека (богов, животных и нечистой силы). По-нимание языка животных и языка богов было доступно только избранным.

В диалоге Платона «Кратил» создатель имени – ономатотэт-творец, который дает имя на обсуждение диалектикам, а они уже передают име-на мастерам конкретных искусств, использующих имена.

Здесь же подробно освещен один из важнейших споров античности о природе вещей. Кратил – сторонник теории фюсей (имена присущи ве-щам по природе), Гермоген – сторонник теории тесей (имена устанав-ливаются, сознательно принимаются людьми), Сократ (Платон) ищет ко-мпромисс между полярными точками зрения.

Природная мотивированность имен связана с «изобразительностью» звуков речи и обусловленностью звуков речи физиологическими ощу-щениями человека, что соотносится с природой звукоподражательности (ЗП) и звукосимволизма (ЗС) в современной фоносемантике. Однако пе-рвоначальная мотивированность забывается в процессе эволюции слова (множестве производных слов, с далеко разошедшимися значениями), а потому связь имени и вещи сохраняется через традицию, договор, условность, а не природой (История лингвистических учений… 1975; Пражский 1973).

Согласно креационистским концепциям происхождения языка в основе мира лежит духовное начало (бог, дао, логос, слово). Дар речи дан человеку от Бога, иногда язык дает людям человек божественного происхождения или наделенный божественным даром (культурный герой).

Божественное происхождение египетских фараонов принесло египетский язык их народам; китайский император, произошедший от богов, подарил китайский язык его народам и т.п. В Ригведе Бог стал первым установителем имен, но он огра-ничился тем, что дал имена только младшим богам, а начало человеческой речи по-ложили люди – первые великие мудрецы, которые занялись этим под покро-вительством Брхаспати (бога красноречия и поэзии).

В иудейско-христианской традиции произнесение слова Богом было актом творения мира: семь дней творения мира не руками Бога, а его словом.

В первый день творения свет отделен от тьмы, и Бог назвал свет *днем*, а тьму *ночью*. Во второй день он создал твердь и назвал ее *небом*. В третий день – сушу и «собрание вод», назвав это *землей* и *морем*. Слово – энергия и орудие. Бог дает человеку способность говорить и даже поручает ему создание языка: именование животного мира Бог поручает Адаму. «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым».

Современные интерпретации библейского текста переводятся в контекст научной постановки проблемы.

В христианской учености сближение Сына Божия и Слова получает свое-образное лингвистическое, именно семасиологическое развитие: по мысли писав-шего, слово, подобно Христу, «двугубо» - духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа. В современной теории язы-ка – это проблема значения (план содержания, означаемое) и формы (план выражения, означающее), а также трудности («непостижимости») изучения семан-тики, содержательной стороны языка. Библейское объяснение происхождения мно-жественности языков мира – следствие разветвления 70 «колен» одного рода - ин-терпретируется через дивергенцию, которая связана с миграцией племен и народов (Мечковская 1998: 277).

Т.Н.Николаева отмечает, что ориентация на креационистские теории характерна и для отдельных направлений современной науки, которая не только не опровергает гипотезы о том, что в основе мира – духовное начало, но и находит ей подтверждение (Николаева 1996) [11].

Таким образом, в мифопоэтических концепциях происхождения язы-ка рассматривались как вопросы первичных знаков языка и установ-ления их «авторства», так и условия и причины возникновения челове-ческого языка. Однако, несмотря на мифопоэтическую форму, религиоз-ное сознание поставило основные вопросы философии языка: язык и мысль, форма и содержание в языке, воздействие языка на мир. Остро был поставлен вопрос о природе языкового знака, его мотиви-рованности, что сегодня активно развивается в семасиологии, теории но-минации, семиотике, фоносемантике и других дисциплинах.

Как мифопоэтическую на сегодняшний день можно рассматривать и теорию «инопланетного» происхождения языка или происхождения языка от атлантов, которые получали знания, в том числе и языковую способность, от Космического Разума. Позднее атланты были отключены от космического информационного поля по причине использования этих знаний для разрушающих, а не созидающих целей. Следует сказать, что

автор этой гипотезы – директор Всероссийского центра глазной и пластической хирургии, доктор медицинских наук, профессор Э.Мулдашев (Мулдашев 1996), однако традиционное научное пространство «вытесняет» подобные теории. Ср., например, работу К.Юнга «Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе» об одной из доминант коллективного сознательного - НЛО, которая рассматривается как коллективно бессознательное обостренное переживание социально-психологических проблем в кризисные периоды истории.

Научные (эволюционные) концепции происхождения языка. *Эволюционные теории* происхождения языка рассматривают становление языка в процессе биологической и социальной эволюции человека. Все эволюционные теории по характеру кода условно можно разделить на *кинетические, кинетическо-звуковые* и *звуковые*.

В кинетических теориях первоосновой человеческого языка называется та или иная двигательная функция, в кинетическо-звуковых – становление двигательной функции и звукового сигнала происходят одновременно; в звуковых – человеческий язык рассматривается уже как номенклатура первичных звуковых сигналов. Эти теории не отвергают друг друга, а лишь исследуют разные временные стадии развития языка.

Классической дихотомией всех этих теорий является противопоставление естественного и конвенционального происхождения языка. Эти термины могут быть соотнесены с двумя оппозициями – оппозицией мотивированного (естественного) и немотивированного и с оппозицией социального (конвенционального) и индивидуального. Однако никто или почти никто никогда не утверждал, что естественный язык в силу своей естественности является индивидуальным языком; на самом деле конвенциональный характер языка – в смысле его социальности и обязательности – допускается сторонниками обоих про-тивоположных мнений. Отсюда можно сделать вывод, что в действии-тельности противопоставление проводится между мотивированностью и немотивированностью (Тодоров 1999: 267).

Таким образом, значимость проблемы происхождения языка для фоносемантики обусловлена тем, что все гипотезы относительно первоначального языка сводятся к поиску мотивации отношения между двумя сторонами знака: об отношении между означающим (планом выражения) и означаемым (планом содержания).

Цв.Тодоров выделяет три основных этапа исследования мотивации: 1) от абстрактного (современного) языка к изобразительному; 2) от изобразительного языка к ономатопее; 3) от ономатопеи к языку жестов (Тодоров 1999: 267).

Здесь можно проследить самые общие этапы становления человеческого языка, которые устанавливаются в рамках современных иссле-

дований: 1) язык жестов - референт присутствует в знаке почти целиком; 2) ономатопея (звукоподражательность) и звукосимволизм - здесь толь-ко часть референта становится знаком; 3) абстрактный (современный) язык - знак и референт связаны символически.

Можно полагать, что первый этап становления языка (язык жестов) рассматривается в рамках кинетических теорий; второй (звуко-подражания и звукосимволизм) – как переходный этап от жеста к звуку (не случайно звукоподражания и подобные им единицы называют иногда «звуковыми жестами») в рамках кинетическо-звуковых теорий; третий (абстрактный язык) – в контексте сложившейся коммуникации, когда люди обретают способность договариваться при помощи уже имеющихся звуковых сигналов.

Кинетические теории происхождения языка. Классической кинетической теорией происхождения языка является *жестовая теория*. Жестовая теория (Эпикур, Дж.Вико, Э.Кондильяк, В.Вундт, Н.Марр, Г.Хьюз, Р.Эллот, Ф.Либерман, Э.Паллибленк) предполагает, что жестовый язык предшествовал звуковому, тогда как звуки лишь сопровождали жестовую коммуникацию или появились позднее.

Современные исследования все чаще склоняются к утверждению первичности невербального языка. Как развитие жестовой теории сегодня выдвигается *теория моторного происхождения языка* (Г.Хьюз, Р.Эллот), согласно которой язык возник в результате переноса эле-ментов нейромоторной системы и их комбинаций, изначально управ-ляющих движениями мышц корпуса, на «новую почву», т.е. они стали контролировать работу мышц артикуляторного аппарата. Параллельно с этим данные моторные программы получили новый выход в виде модулированных потоков воздуха, которые и стали звуками речи (Павловская 2001: 37).

В теории проводится аналогия между рабочими программами производства стандартных орудий и синтаксическими структурами языка: общая основа заключена в необходимости запомнить и координированно выполнить длинный ряд действий. Одна из главных особенностей моторных программ – их универсальность, т.е. способность управлять движениями различных групп мышц, в том числе и артикуляторным аппаратом. Набор программ ограничен, но и они могут выступать в бесконечном числе комбинаций и выполнять, таким образом, неограниченное число движений, подобно тому, как ограниченный набор фонем языка может объединяться в бесконечное число последовательностей, упрощая появление новых слов.

Таким образом, данные теории постулируют положение о том, что язык возник из ограниченного числа двигательных функций, которые обусловлены нейрофизиологической структурой мозга, где речевые центры

соседствуют с более общей областью мозга, которая управляет движениями; при этом двигательная активность, прежде всего рук, стимулирует процессы речепорождения.

Кинетическо-звуковые теории происхождения языка. Происхождение языка как эволюция двигательной и звуковой активности одновременно представлено в концепциях, где развитие языка есть путь от «озвученной пантомимы к членораздельной речи».

Часто в основе этой пантомимы лежит игра. Согласно *игровым концепциям происхождения языка* и культуры (Якушин 1985; Хейзинга 1992) зарождение и первые этапы развития языка протекали в двух планах: в реальном социально значимом взаимодействии членов коллек-тива и в игровых культурных проявлениях. Одновременно с языком за-рождалось и синкретическое первобытное искусство, которое представ-ляло собой сочетание игрового действия и звукового сопровождения (Якушин 1985).

Игровая концепция культуры также постулирует «вырастание» человеческой (культурной) игры из игры биологической: уже в своих простейших формах и уже в жизни животных игра представляет собой нечто большее, чем физиологически обусловленная физическая реакция. Элементы «состязательности», «агонального инстинкта» берут начало в биологических потребностях наших предков, которые связаны прежде всего с распределением границ жизненного пространства между особями одного вида. Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или, во всяком случае, физической деятельности. Игра древнее культуры и являет собою содержательную функцию со многими гранями смысла (Хейзинга 1992: 10).

Как дополняющую игровую теорию можно рассматривать и *ритуальную теорию происхождения языка* (Марр 1928; Топоров 1988; Маковский 1996; Мечковская 1998; Монич 2000): считается, что основой для возникновения языка послужил ритуал, который древнее языка, предшествует ему и во многих чертах предопределяет его.

Таким образом, восходя к ритуалу, язык как совокупность и система символов оказывается принципиально обратимым и цикличным, подобно тому, как циклично было время в архаическом синкретичном сознании. Действительно, идея линейности времени, как известно, была впервые сформулирована лишь Блаженным Августином применительно к Распятию Христа как принципиально неповторимому событию.

Изначально существовал набор ритуальных предикаций базовых символов, из которых впоследствии развивались конкретные словофор-мы, сохраняющие в себе эти сакрализованные первоосновы. Этот набор предикаций базовых символов был достаточно ограничен, что обуслови-ло ограниченность состава реконструированных (измененных) индо-европейских праоснов.

Ср. в моторной теории также говорится об ограниченности набора

программ.

В данных теориях ритуализованные средства коммуникации рассматриваются как прототип знаковой коммуникации. Иногда ритуальная коммуникация понимается как продолжение биологического внутригруппового и межвидового взаимодействия, в основе которых лежат простейшие знаки-ритуалы – угрозы и умиротворения. При переходе от биологического ритуала к слову отчетливо выделимо промежуточное звено - клятва как угрожающе-предостерегающий звуковой сигнал (Монич 2000: 72-74).

Важность ритуала для исследования ЗИ слова определяется еще и тем, что арха-ическое сознание системно и семиотично и включает в себя все формы пред-ставлений о картине мира (Топоров 1988; Еремина 1991; Фрейденберг 19; Семенова 1977; Франк-Каменецкий 1929).

К ритуальной теории примыкает и *этологическая* (*био-лингвистическая*) *теория* происхождения языка, в которой полагается, что человеческий язык возник в результате эволюционного развития сигнального кода животных (Ohala 1983, 1984; Сорокин 1993; Frundt 1993; Lass 1990; Winter 1988; Smillie 199; Ильичев, Дементьев 1963, 1975, 1983, 1985).

Со времен Ч.Дарвина проблемы взаимоотношения и происхождения ком-муникации животных и речи человека в контексте антропогенеза рассматривали ан-тропологи П.И.Борисковский, В.В.Бунак, М.А.Гремяцкий, М.Ф.Неструх, Ф.Б.Пор-шнев, Я.Я.Рогинский, психологи и зоологи К Лоренц, Ю.Линден, Г.Темброк, Дж.Хаксли, О.Келер, Ч.Хоккет и др.

Исследования орнитологов-биоакустиков Е.Армстронга, Р.Бюснеля, В.Сорпе, В.П.Морозова решают не только проблемы акустических контактов “человек-птица”, но и эмоционально-выразительные свойства голоса человека, эмоционально-жестовый язык животных и человека, голосовые характеристики речи человека. Связи “человек-птица, животное” неоднократно привлекали и лингвистов: Л.А.Булаховский рассматривал морфологическую проблематику русских и славянских названий птиц; А.И.Германович - слова клича и отгона в русском языке; С.В.Воронин - ЗП названия птиц; О.Н.Трубачев - происхождение названий домашних животных в славянских языках и др.

В основе этой теории лежат данные этологии, зоопсихологии, биоакустики, биолингвистики и др.

Этология – наука о биологических основах поведения животных, занимающаяся главным образом генетически обусловленными (наследственными) компонентами поведения и эволюцией поведения. Биолингвистика - дисциплина, развивающаяся на стыке биоакустики (науки, изучающей коммуникацию животных) и лингвистики.

Биолингвистика изучает стимулирующее влияние ландшафтной звуковой среды на акустическое поведение человека, проявляющееся в виде звукоподражательного названия, возникающего в результате имитации голосов животных. Основным методом биолингвистики является метод биолингвистических межъязыковых параллелизмов, предложенный В.Д.Ильичевым и Г.П.Дементьевым (Ильичев, Дементьев 1963, 1975, 1983, 1985).

В середине XX в. академик Л.А.Орбели высказал гипотезу о том, что вторая сигнальная система человека как способность к абстрактному мышлению и речь как ее инструмент в процессе эволюции не могли возникнуть внезапно, а должны были иметь какие-то промежуточные этапы развития. Изучение антропоидов-приматов привело к выводу о существовании такого промежуточного этапа в виде стадии “довербальных понятий” у высших обезьян (шимпанзе), которая выражается в способности решать довольно сложные задачи по распознаванию пред-метов, добыванию пищи, общению и пр. (Фирсов, Плотников 1981).

Исследования в рамках LOS показывают изоморфность языковых и биологических моделей (Winter 1988; Smillie 1991), что позволяет предположить возможность «вырастания» человеческого языка из языка животных. Предполагается, что развитие языка - это результат развития эхолокации и акустической сенсорики (Frundt 1993), при этом язык человека в своем развитии опирался на язык приматов (Lass 1990).

В рамках биолингвистики устанавливается универсальность сигналов, функционирующих в коммуникации человека и животного; утверждается их “отприродный” (примарно мотивированный) статус. “Простейший и древнейший отпугивающий сигнал “кыш”, имеющий кстати множество параллелизмов в других языках, - конгломерат разнообразных защитно-оборонительных сигналов не только птиц, но и млекопитающих, пресмыкающихся и рыб” (Силаева 1985: 220).

Ср. исследование А.П.Поцелуевского, который на материале туркменских обращений к животным (в сопоставлении с русскими), делает вывод о том, что одним из источников, обеспечивающих исследователям возможность проникновения в доисторическое прошлое звуковой речи, “могут быть, по нашему глубокому убеждению, слова-обращения к животным” (Поцелуевский 1944: 5). Здесь же устанавливается языковой изоморфизм слов клича и отгона животных в русском и туркменском языках.

Исследование сигнальных систем животных позволяет говорить о том, что эти сигнальные системы были гораздо сложнее, чем это принято думать (Lass 1990). Важным выводом биоакустики является рассмотрение языка животных как системного образования и исследование синтагматики коммуникативных систем животных. Считалось, что эти коммуникативные системы не имеют уровневой организации, однако результаты

биоакустических исследований позволяют поставить под сомнение категоричность этого утверждения[12].

Голоса животных окружали человека всегда. “Близость добычи или близость врага, изменение погоды в ближайшее время и более позднее, сезонная и суточная ритмика, ритуалы и религиозные обряды, - все эти важнейшие в жизни первобытного человека явления сопровождались голосами животных в той же мере, в какой они были связаны с самими животными или с их поведением, вызванным появлением жизненно важных для человека факторов” (Ильичев 1985: 203).

Считается, что значение ЗП в формировании человеческой культуры настолько велико, что в рамках биоакустики (независимо от лингвистического и философского решения вопроса) выдвигается гипотеза о том, что ”голоса животных путем имитации с охотничьими целями включались в словарный запас, тем самым способствуя формированию языка...” (Ильичев 1985; Armstrong 1963; Морозов 1983). “Чистые звуко-подражания со временем превратились в звукоподражательные междо-метия, т.е. в лексически выраженные апелленты” (Силаева 1985: 218).

В рамках биоакустики активно разрабатывается проблема синес-тезии. В.П.Морозов исследует вокальный и эмоциональный слух челове-ка (Морозов 1965, 1983). Одним из самых распространенных и описан-ных видов синестезии является “цветной слух”, что объясняется закона-ми физиологии: слуховые и зрительные центры расположены в подкор-ковых областях мозга поблизости друг от друга. Для фоносемантики это является важным для изучения звукосимволизма, в основе которого лежит синестезия.

В общении между человеком и животными биоакустики выделяют комму-никативную, регулятивную, апеллятивную, эмоциональную, контактоустанавливаю-щую (фатическую) функции (Armstrong 1963; Морозов 1983; Силаева 1985). Линг-висты указывают на ограниченность коммуникативной функции в языке животных, отсутствие в нем познавательной, метаязыковой, эстетической, этнической, магичес-кой и наличие биологической функций (Мечковская 1996: 26-27; Степанов 1971).

В целом можно сказать, что этологическая теория постулирует два основных положения: 1) коммуникативная деятельность человека в существенных своих элементах выросла из коммуникативных систем животных предков древнего человека; она уже была дана им, будущим питекантропам, неандертальцам и синантропам; 2) когнитивный уровень высших антропоидов настолько высок, что можно говорить о способнос-ти к разумному решению задач, не выводимому из простой последовательности проб и ошибок, о потребности в кооперации. Один из важнейших признаков (проявлений) высокоразвитых когнитивных способнос-тей высших животных является сочетание прогнозирования с опосреду-ющим

использованием действия инструмента (орудия) для достижения цели (Горелов, Седов 1997: 185).

Ср. также гипотезу И.Н.Горелова о “функциональном базисе речи” как проме-жуточной системе между первосигнальной и второсигнальной системами (Горелов 1974).

Таким образом, игровая, ритуальная и этологическая (биолингвистическая) теории происхождения языка постулируют развитие языка из закрепленных программ поведения внутривидового и межвидового взаимодействия, которые сопровождаются определенными звуковыми сигналами, контролирующими и направляющими коммуникативное поведение.

Кинетическо-звуковые теории являются значимыми для изучения прежде всего ЗС подсистемы языка, где в основе ЗИ лежит механизм синестезии, а также физиологические механизмы как таковые.

Кроме того, исследования по невербальным компонентам коммуникации подтверждают вывод о значимости невербалики в передаче значительного процента информации в процессе современной человеческой коммуникации (Беглова 1996; Горелов 1980; Колшанский 1974; Лабунская 1994; Миккин 1977; Панасюк 1997; Argeale 1972; Schefien 1972; Berdwhistell 1970).

Звуковые теории происхождения языка. Классическими теориями происхождения языка являются звукоподражательная и эмоциональная теории, а также теория трудовых выкриков (команд). Звуковые теории направлены прежде всего на реконструкцию первичных единиц языка, звуковой материал проторечи.

Звукоподражательная теория (стоики, Лукреций, Г.Лейбниц, И.Гердер, В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, А.Газов-Гинзберг) предполагает происхождение первых слов языка из подражаний звучаниям окружающей действительности (крики животных и птиц, звуки природы). В.В.Бунак “исходным материалом” речи считает “жизненные шумы” наших животных предков (Бунак 1951).

Междометная (эмоциональная, экспрессивная, рефлексная) теория (Лукреций, Ш.де Брос, Ж.Ж.Руссо, Ч.Дарвин, А.Шлегель, Э.Кондильяк, В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, А.Потебня, Я.Гиннекен) говорит о том, что первыми словами языка были непроизвольные выкрики, которые возникали под влиянием чувства, эмоции. А.Л.Трахтеров придерживается мнения об естественных звуках наших предков как источнике языка (Трахтеров 1953).

Теория трудовых выкриков (*команд*) (К.Бюхер, Л.Нуаре, Л.Гейгер) по сути является той же междометной теорией, только междометный выкрик обусловлен не влиянием эмоции, а коллективными мускульными усилиями, которые необходимы для выполнения трудоемкой операции.

Интересной, на наш взгляд, представляется *глаголоударная гипотеза происхождения языка* географа В.А.Головина (Головин 1961), которую

считают “очень узкой и лингвистически необоснованной” (Газов-Гин-зберг 1965: 6), где основным источником происхождения языка называ-ются подражания механическим звукам трудовых процессов (гла-гольных форм со значением удара). Фоносемантика дает некоторые лин-гвистические обоснования этой теории, поскольку класс инстантов (ударов) в ЗИС языка является самым многочисленным и развивает систему самых разнообразных значений (Воронин 1982; Маковский 1996, 1999; Шляхова 1991). В.А.Головин не претендует на поиски универсального и безусловного звукового источника языка, а говорит лишь об “элементах” этого звукового материала.

А.Г.Спиркин указывает несколько возможных источников происхождения языка: “унаследованные от животных предков звуки” (в том числе “эмоциональные выкрики” и “произнесение звуков, сопровождавших те или иные операции”), “многочисленные звуки других животных, а также звуки природы”, “всевозможные видоизменения наличных звуков”, мимика и жесты (Спиркин 1957: 27).

Во всех вышеперечисленных теориях языковой знак является Моти-вированным. Позднее эти теории «переросли» в ономатопоэтическую теорию происхождения языка.

Ономатопоэтическая (*ономатопеическая*) *теория* (Г.Лейбниц, Г.Штейнталь, А.Потебня, А.М.Газов-Гинзберг, А.Граммон, Э.Сепир, И.Н.Горелов, В.Скаличка, Х.Марчанд, С.В.Воронин, А.Ферлих, Х.Веджвуд, Дж.Смизерс) возникла на основе исследований материалов различных языков ЗП и ЗС-лексики в рамках этимологии, сегодня иссле- дования ведутся в рамках фоносемантики. Установление этимологи-чески исходных значений ЗИ-лексики и их взаимосвязей позволило по-ставить вопрос о ЗИ-происхождении наиболее древних («первых») слов языка, которые в результате семантической эволюции утратили исход-ный ЗИ-мотив, а потому перестали восприниматься как звуко-изобразительные.

Целью всех исследований является реконструкция развития отношений звука и значения на уровне общей модели не только для отдельного языка или группы языков, а для структуры языка в целом в ее становлении и с учетом всех соположенных с языком категорий.

Происхождение (генезис) языка рассматривается в фоносемантике с учетом условий генезиса (биологических и социальных) и исследования собственно генезиса на уровне содержания, формы [биологический (анатомо-физиологический) и социальный (коммуникативный, знаков-ый) аспекты; жестовая (кинетическая), звуковая (фонетическая, фониче-ская) и графическая (письменная) формы] и связи содержания и формы (Воронин 1982, 1990).

Можно полагать, что ономатопеическая теория объединила все вы-шеперечисленные теории происхождения языка, каждая из которых про-

ясняет тот или иной аспект одного из самых сложных и противоречивых вопросов лингвистики.

Существуют другие теории, которые менее значимы для решения ФС-проблем, поскольку здесь актуализируется социальный аспект [13].

Классические ФС-теории происхождения языка - междометная (эмоциональная), звукоподражательная, ономатопоэтическая, трудовых выкриков, жестовая - по-прежнему рассматриваются как “маловероят-ные и неубедительные” (Глинских, Петрова 1998: 27-30) “придумки, сказочные картинки” (Донских 1984: 6), однако исследования показыва-ют, что ономатопея и ЗС играли важнейшую роль при возникновении языка (Спиркин 1957; Газов-Гинзберг 1965; Корнилов 1984; Якушин 1984; Воронин 1982). Современные исследования в рамках LOS разви-вают классические ФС теории, обосновывая их новым научным материалом.

Проблемы происхождения языка активно разрабатываются в рамках дея-тельности общества LOS (Language Origins Society), где решаются традиционные проблемы языкознания: происхождение человеческого языка и эволюционное развитие уже сформировавшихся языков. “Это направление как-то мало известно в нашей лингвистике и только теперь отечественные лингвисты начинают публиковаться в соответствующих изданиях” (Николаева 1996: 87).

Проблемы онтогенеза языка и фоносемантика

Становление речи в онтогенезе является одной из центральных проблем в психолингвистике (Горелов 1974; Шахнарович 1979; Исенина 1983; Доценко 1984; Лепская 1997).

Поскольку в онтогенезе в общих чертах проявляются черты филогенеза, особенно на ранних стадиях, то материалы детской речи предоставляют данные для решения проблемы происхождения языка (Сахарный 1989; Горелов 1974; 1987; Линден 1981; Лепская 1997).

Возможность проводить параллели между онто- и филогенезом форм сознания и языка в исследованиях последних лет объясняется не только наследственностью и универсальными принципами работы мозга, но и закономерностями деятельности человека.

Некоторые исследователи считают невозможным решать проблемы филогенеза на основании данных онтогенеза: “Почему и на каком основании мы вообще имеем право ориентироваться на современного ребенка, т.е. на существо, родившееся в конце XX в. и обладающее мозговой структурой, являющейся результатом сложнейшей эволюции?” (Николаева 1996: 83). Однако исследования, связанные с изучением проторечи, указывают на корреляцию ее признаков с речью детей (Daniel 1991). К подобным выводам приходят и лингвисты, изучающие детскую речь.

Н.И.Лепская выявляет черты сходства между явлениями сознания и поведения ребенка (в том числе и речевого) и фактами исторического развития мышления и языка.

Параллели между онто- и филогенезом проводятся на уровне типов слогоделения, формирования частей речи (глагол, существительное, прилагательное, личные местоимения), категории причинности и способов ее языкового выражения, количественных отношений словотворчества, а также бессознательного в поведении на ранних этапах онтогенеза и социогенеза (Лепская 1997).

Исследуя доречевую стадию развития ребенка, Н.И.Лепская говорит о первичном формировании эиоциональной, фатической, невербальной и дуэтной форм коммуникации, при этом вербальные средства присутствуют в коммуникации ребенка лишь в зачаточном состоянии. Эти выводы хорошо коррелируют с классическими теориями происхождения языка [эмоциональная (междометная), жестовая, социальная] и их современной аргументацией.

Широко известна в онтогенезе роль примарной мотивированности и жестозвуковой речи в коммуникации ребенка, что характерно для развития языка в филогенезе. В онтогенезе сначала был “осмысленный жест и эмоциональная фонация”, а потом уже “осмысленный звук” (Исенина 1983); в филогенезе развитие языка представляет путь от “озвученной пантомимы к членораздельной речи” (Якушин 1984).

С.В.Воронин предлагает выделять в языковой способности человека фоносемантический компонент, кроме традиционно выделяемых фонетического, семантического и грамматического (Воронин 1994).

У ребенка вербализация начинается со стадии голофразиса; «голо-фразы» часто сопровождаются направительными жестами, указываю-щими на что-либо в мире вещей, который ребенок видит, слышит, тро-гает или пробует на вкус. Голофразис имеет важнейшее значение как ступень жестозвукоизобразительной, примарно мотивированной продук-ции, как начальная ступень знакотворчества и овладения знаком в онто-генезе (Воронин 1982: 139).

Явление звукоизобразительности является одним из важнейших факторов в становлении и развитии речи. Исследования показывают, что первичная дословесная система коммуникации ребенка имеет неверба-ную паралингвистическую природу, которая позднее переходит в “зву-коизобразительную” стадию, когда первые номинации отражают фун-даментальное свойство детской речи - приблизить звуковую форму к изображаемому предмету или явлению, когда ребенок ищет буквального отражения действительности (Шахнарович 1974; Исенина 1986; Лепская 1997).

На доминативной стадии, до того как ребенок начинает использо-вать звуки окружающего мира в качестве обозначения предметов, он ис-

пользует эти звуки как «имитативные звукокомплексы» или как «звукоподражательные сигналы» (для выражения потребности). Звукоподражательные комплексы ранней детской речи слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междометно-эмоциональными фонациями (Воронин 1982: 138).

Так называемый “словесный (номинальный) реализм” ребенка, когда имя и предмет не разделяются в сознании ребенка (Шахнарович 1990, 1991; Пиаже 1994; Уфимцева 1983; Штерн 1989), обусловлен стрем-лением к одно-однозначной связи между означаемым и означающим, особым вниманием к внутренней форме слова, где звучание и значение должны соответствовать друг другу.

Референциально-прагматическая классификация первых пятидесяти и ста слов ребенка включает следующие группы: 1) простые имена (*большинство из которых этимологическими словарями квалифицируются как ономатопеи. - С.Ш.*); 2) звуко-подражания; 3) слова, обеспечивающие взаимодействие (приветствие, благодар-ность и пр.); 4) другие слова. Причем слова третьей группы у русского ребенка пра-ктически отсутствуют или встречаются крайне редко (Войекова 1994; Курзинер 1994).

Важную роль в онтогенезе играют звуковые ассоциации детей, которые появляются в раннем детстве (Лурия 1928; Цейтлин 1994; Родионова 1999) и играют в сознании ребенка далеко не последнюю роль.

А.Р.Лурия выделяет адекватные (наличие семантической связи между словом-стимулом и реакцией) и неадекватные (отсутствие такой семантической связи). К неадекватным типам реакции относятся 1) отсутствие реакции; 2) экстрасигнальные реакции (невыполнение инструкции); 3) звуковые реакции (эхолалия, простая звуковая связь, начальная аллитерация, неполная аллитерация или ассонанс и т.п.). Неадекватные реакции встречаются и у взрослых, но их частотность значительно ниже, чем у детей (Лурия 1928).

Детские стандартные звуковые ассоциации являются в большинстве своем семантико-звуковыми или предикативно-звуковыми (*бабушка-дедушка; осень-листья*), тогда как индивидуальные звуковые реакции на стимулы, как правило, только собственно звуковые (*бабушка-лягушка; дело-пема; дом-гном; заяц-нанаец; картина-кортеж, мартина; колокльчик-колоть; чистый-мистый; роза-поза; учиться-мячик; осень-восемь*) (Береснева, Дубровская, Овчинникова 1995; Родионова 1999).

К.Вернер и П.Каплан выделяют три основных стадии в онтогенезе знака:1) натурально-ономатопеическое отражение; 2) физиогномическое отражение (превращение отношения между средством и референтом во внутреннее иконическое представление); 3) конвенциональная репрезентация.

В период становления конвенционального знака возникает ряд промежуточных форм: 1) образному слову придается грамматическое значение (*bumer* падать< *bum* бум); 2) форма состоит из двух слов – образного и конвенционального (*pochmacher* рабочий < *poch* звук удара молотка); 3) сочетание состоит из двух слов – образного и конвенционального (*mamma milk* молоко ам-ам); 4) функционирование в одних ситуациях образных форм, в других конвенциональных (цит. по: Павловская 2001:46).

Ср. также: стадии развития языка: 1) натуральная; 2) натурально-конвен-циональная; 3) конвенционально-натуральная (Воронин 1982); принципиальные ха-рактеристики детской картины мира: синкретизм (Пиаже 1994), конкретность (Пиаже 1994; Лурия 1928), актуализация элементов языковой периферии (Гвоздев 1990; Цейтлин 1986; Сахарный 1989), экзотизм словообразования (Цейтлин 1986), которые являются отличительной особенностью аномальных языковых единиц (лексоидов) (“детства” языка) (Воронин 1982; Шляхова 1998).

Основные понятия фоносемантики

> Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о ней можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления.
>
> *В.Гумбольдт*

Общие замечания. Общая теория фоносемантики развивается в работах С.В.Воронина (1982; 1999), В.В. Левицкого (1973; 1975; 1976; 1994), И.Н.Горелова (1969; 1977; 1980) и других, где излагаются предпосылки выделения фоносемантики в самостоятельный раздел языкознания; определяются объект, предмет и цель фоносемантических исследований в синхронии и диахронии, в общей и частной фоносемантике; устанавливаются законы и принципы фоносемантики.

Выражаясь словами А.Белого, данный раздел - “сплетенье цитат, иногда их ра-курсов в свободной редакции”, поскольку основополагающая работа по фоносеман-тике С.В.Воронина, опубликованная двадцать лет назад, уже стала библии-ографической редкостью (Воронин 1982). Теоретическую основу данного раздела составляют положения лингвистической концепции С.В.Воронина, кратко изложенной в монографии “Основы фоносемантики”, в которой автор представляет новую лингвистическую дисциплину, вскрывающую внутреннюю природу, характер, механизм развития и синхронного существования ЗИС системы языка в различных ее аспектах.

Объектом фоносемантики является **звукоизобразительная система (ЗИС)** языка, единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой непроизвольной фонети-чески мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. фоносемантика изучает **примарную** (фонетическую) **мотивирован-ность** языковых единиц.

ЗИС языка отличают следующие *свойства*: естественность (неконвенциональность), экстра-интралингвистический характер, гипервариативность, гипераномальность, периферийно-центральный характер (Генетически занимала центральное место в системе языка, в процессе эволюции оттеснена на периферию), стохастичность (вероятностный характер), примарная мотивированность.

Под **звукоизобразительными (ЗИ) словами** понимаются “не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между “звуком и значением”, но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ слово - это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению” (Воронин 1982: 22).

ЗИС любого языка состоит из *двух подсистем*: **звуко-подражательной** и **звукосимволической**. Основной проблемой многих исследований является неразличение ономатопеи (ЗП), составляющей звукоподражательную подсистему (акустический денотат) ЗИС языка, и звукосимволических единиц, составляющих звукосимволическую подсистему (неакустический денотат). Таким образом, звукоизобразительным (ЗИ) словом будет являться и звукоподражательное (ЗП) слово (ономатопея), и звукосимволическое (ЗС) слово, где ЗИ слово будет родовым понятием по отношению к видовым – ЗП и ЗС словам.

Терминологическая неупорядоченность в литературе связана с многозначностью терминов *символизм* и *звукосимволизм*; в американской лингвистике используют термин *звукоиконизм*, в русской – *звукоизобразительность*.

Основные принципы фоносемантики. Основными принципами фоносемантики являются принципы непроизвольности языкового знака, детерминизма, отражения.

Принцип *непроизвольности языкового знака* предполагает, что языковой знак мотивирован, не-произволен.

В языке действуют два основных кода - естественный и конвенциональный. В акте номинации (процесс “изготовления” знака, момент рождения слова) того или иного денотата выбирается один или другой его

признак, который в основе своей непроизволен, а вот выбор кон-кретного признака является произвольным. Конвенциональный код вступает в силу, когда слово уже обрело свои права в языке (процесс усвоения знака).

Ср. например, название *радуги* в русском языке < *рай* “радужный, пестрый” (ср. *раёк* “радужная оболочка глаза”) + дуга (Фасмер III, 431); в древнерусском языке не было слова *радуга,* говорили *дуга*, В.Даль приводит народное название *божья дуга* и *райдуга* (Даль IV,); в украинском - *веселка*, в белорусском *вяселка* < от веселый; в английском - rainbow < rain “дождь”+ bow ”лук, искривленность”. В шаманских культурах радуга понимается как мост, соединяющий небо и землю, и как дорога, по которой шаманы попадают в потусторонний мир (Элиаде 1964: 118, 132-135).

Однако даже этот, казалось бы, различный (внешне произвольный) выбор признака, по которому номинируется радуга, в основе своей содержит два определяющих мотива: соединяющий изгиб (дуга, лук, мост, дорога) и “небесную” радость (веселка, радужный, бог). Впрочем, при всей “произвольности” выбора признака, который лежит в основе номинации, вариантность этого выбора в любом случае ограничена либо свойствами самого денотата, либо трансформацией формы и содержания уже существующего языкового знака.

Принцип *детерминизма* предполагает обусловленность звукового облика слова значением этого слова: зная значение звукоизобра-зительного слова, можно предположить его звуковую структуру на уров-не фонемотипа в любом языке.

Ср., например, обозначение удара в любом языке будет связано со взрывными согласными и/или аффрикатой: ср. рус. ***топ-топ, тик-так, стук***; англ. *dab* “бой барабана”, *clack* “стук”, *chip* “рубить топором”; груз. *bak-un*-i “ходить, топая”; араб. *DBDB, TBTB, DBK* “ стучать, топать”; зулу *di, du* “о глухом стуке”; кирг. *топ* “ однократный удар, стук”, *чег-чаг* “об ударе топором”; коми-перм. *ман, бута-бата* “о стуке, падении”, *туп-ман* “о хождении”; индонез. *detap, tuk* “стук”.

Принцип *отражения* - соответствие между структурой элементов знака и структурой элементов денотата.

Ср., например, рус. ***трень*** “звук струнного инструмента”, англ. *strum* “бренчать, тренькать”, коми-перм., чуваш. *транн* “звук туго натянутой веревки”, где взрывной (т, t) отражает удар по натянутой веревке, струне; вибрант (р, r) - колебание, вибрирование; сонорный носовой (н, m) - тоновое звучание, следующее после удара и вибрации. Звучание колокола или струны (удар о металлическое) : рус. *дин, дон, бом, бим, бам*; англ. *ting, tang, bong*; груз. *kumkum-i*; баск. *binban*; кхмер. *ча:нг-ча:нг*; чуваш. *панн, ман*; япон. *pin, pon, chon;* бурят. *тинн;* индонез. *letang;* тур. *dan*, где удар передается взрывным согласным или аффрикатой, следующий за ним

неудар (тоновое звучание) - сонантами, а краткость тонового неудара - следующим за сонантом взрывным согласным.

Основные законы фоносемантики. Основными законами фоносемантики являются законы соответствия, множественности номинации, стадиальности развития языка, относительной денатурализации, доминантности изоморфизма, кросс-уровневой контактности, звукоизобразительной инерции.

Закон *соответствия* гласит, что языковой знак находится в определенном соответствии с обозначаемым объектом (см. принципы отраже-ния и детерминизма).

Закон *множественности номинации* говорит о том, что один денотат может быть обозначен более чем одним знаком (см. раздел «Типологическая фоносемантика»).

Оппоненты теории мотивированности языкового знака считают весомым аргументом в пользу своей точки зрения то, что если существует связь между значением и звучанием, то одни и те же понятия в разных языках должны иметь одинаковые или похожие названия, тем самым создавая миф об одно-однозначной связи. Однако это не является сколько-нибудь значительным доводом, ибо в основу номинации может быть положен любой признак денотата (см. принцип непроизвольности языкового знака).

Закон *стадиальности развития языка* формулирует принципы развития языка: первая стадия - натуральная (в генезисе); вторая стадия - квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия - конвенционально-натуральная (в современной синхронии).

Еще В. фон Гумбольдт писал: “Кажется совершенно очевидным, что существует связь между звуком и его значением; но характер этой связи редко удается описать достаточно полно, часто о ней можно лишь догадываться, а в большинстве случаев мы не имеем о нем никакого представления” (Гумбольдт 1984: 92). Здесь же он оп-ределяет три способа обозначения понятий, которые коррелируют с понятием ста-диальности развития языка в фоносемантике. “Живописный” способ, который “по-степенно утрачивается в ходе развития и совершенствования языка”, “заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечлено-раздельные”. “Символический” способ для обозначения предметов “не исключает весьма значительной произвольности” и “избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета”. “Аналоги-ческий” способ - “наиболее плодотворный из всех известных” - “строится на сходст-ве звуков в соответствии с родством обозначаемых

понятий", но при этом "не прини-мается во внимание присущий самим этим звукам характер" (Гумбольдт 1984: 94).

Закон *относительной денатурализации языкового знака* говорит о том, что в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобра-зительное.

Однако процесс денатурализации не означает демотивации: происходит преи-мущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще. Примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытес-няется, "компенсируется" семантической и морфологической секундарной мотиви-рованностью (Воронин 1982: 47, 187).

А.М.Газов-Гинзберг, исследуя общесемитские корни, писал, что "среди слов, обозначающих понятия любой сложности, можно найти немалый процент сохранивших бесспорные следы ономатопеи в своих корнях" (Газов-Гинзберг 1965: 121). Из 180 исследованных семитских корней 140 – звукоизобразительные, однако "безостановочные фонетические сдвиги привели к тому, что значительный процент слов большинства языков не позволяет добраться до следов древнейшей звукоизобразительности" (Газов-Гинзберг 1965: 161).

Ср., например, рус. ***вдохновение*** старшее знач. вдыхание < дух (Черн., 1: 136); ***инстинкт*** соотн. с и.-е. *(s)teig- см. стегать, постегивать (Черн. 1:349); ***жалеть*** о.-с. *žal- соотн. с и.-е. *g^{u}ēl- «колоть, жалить» (Черн., 1: 291 Фасмер 2:34); ***забота*** < зобота связ с зобать «хлебать, торопливо есть» > «то, что ест, грызет» (Черн., 1: 311); ***исчезнуть*** соотн. с и.-е. *kes- "резать, бить" (Мак.: 85); ***настоящий, стоять, стоить*** соотн. с и.-е. *(s)thā- «разрывать, сгибать» (Мак.: 353, 98); ***начало, конец*** соотн. с 1) и.-е. *(s)ken(d)- "рассекать"; 2) и.-е. *kens- «издавать звуки» (Мак.: 58); ***огромный*** < огром «пространство, охваченное громом, на котором слышен звук грома» (ЭИПРЯ.в.3.с.69); ***печаль*** < ***печь*** букв. «резать огнем» (Мак.: 82) > ***печень*** (Мак.: 326); ***поспевать, успех, успеть, спелый, спешить*** соотн. с и.-е. *(s)pei- «вспухать, вздуваться» (Мак.: 309, 347). Англ. *Begin* «начинать» соотн. с и.-е. *(s)ken(d)- "рассекать" (Мак.: 58); *better, best* "лучший, самый лучший", *big* "большой" соотн. с и.-е. *bhat-/ *bheg- «бить, ударять» (Мак.: 60-61); *kiss* «целовать» соотн. с и.-е. *kes- "резать, бить" (Мак.: 183); *light* «свет» соотн. с и.-е. *leu- «разрывать» (Мак.: 197); *love* соотн. с и.-е. *(k)lub- «гнуть» (Мак.: 202).

Закон *доминантности изоморфизма* определяет, что в ЗИС любых двух языков изоморфические черты доминируют над алло-морфическими. Проще говоря, ЗИ-слова любых языков мира будут иметь больше сходных черт, чем различных (см. разделы «Типо-логическая фоносемантика», «Грамматическая фоносемантика», «Пси-холингвистическая фоносемантика»).

Закон *кросс-уровневой контактности* гласит, что единицы разных уровней ЗИС могут образовывать единый класс.

Специфичной чертой ЗИ слов является их “свободное” существование в уров-невом пространстве языка: один и тот же тип ЗИ-слова может быть выражен, напри-мер, и фонемой (***о-о-о*** “вой, плач”), и лексемой (***вой, выть***). Кроме того, ЗИ-функции фонемы/ фонемотипа реализуются в рамках не только одного слова, но и целого текста или его сегмента (см. раздел «Единицы ЗИС русского языка»).

Закон *звукоизобразительной инерции* говорит, что звукоизо-бразительная функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы.

Утратив свое качество в эволюционном развитии языка, закрепившись в различных формах и частях слова и вариантах одного и того же слова (часто воспринимаемых современными носителями языка как омонимы), фонема при этом сохраняет свою звукоизобразительную функцию.

Звукоизобразительная система русского языка

> Русский, пребывающий за границею, спрашивал земляка своего, прибывшего из России: «А что делает литература наша?» - «Что сказать на это? Буду отвечать, как отвечают купчихи губернского города на вопрос об их здоровье: не так, чтобы так, а так, что не так, что не оченно так».
>
> *П.А.Вяземский*

Единицы звукоизобразительной системы (ЗИС) русского языка. Первой проблемой при описании всякой системы является вопрос о составляющих ее элементах. ЗИ-единицей описания ЗИС в русистике обычно является либо классически выделяемая на морфологическом уровне языка частеречная единица - ЗП, первообразные междометия, междометные глаголы, глаголы говорения (Швец 1954; Михайловская 1969; Карпухин 1979; Германович 1966; Третьякова 1985), либо ФС-единица, интерпретируемая в рамках фонемы, традиционно выделяемой на фонетическом уровне (Казарин 2000). Однако ЗИС языка в рамках общей языковой системы отличается особой спецификой, а потому многие положения традиционной лингвистики “не срабатывают” на уровне звукоизобразительности.

Ю.Казарин выделяет ФС-единицу на базе фонемы, где фонема по-лучает значительное расширение функций, но при этом отмечается, что “фонетические единицы <...> принадлежат (или могут принадлежать) одновременно нескольким различным системам, что объясняется и подтверждается сложной природой звука. Фонетический знак (звук, фо-нема) - это сущность одновременно ментальная, психическая, физиоло-

гическая, физическая, лингвистическая, социальная, психологическая, текстовая, эстетическая (поэтическая) и культурная" (Казарин 2000: 9). Однако введение единицы ЗИС языка в столь широкий контекст не позволяет увидеть ее специфики, поскольку адекватной сущностью обладает любая языковая единица (слово, ФЕ или предложение).

Ю.Казарин выделяется различные виды фонем в зависимости от функции, выполняемой в языке, и языкового аспекта представления: ономафонема, синтагмофонема, морфофонема, социофонема (текстофонема и психофонема) [14]. Однако при выделении этих единиц отсутствует критерий, который позволил бы определить их примарную мотивированность, звукоизобразительность.

Данная классификация единиц ЗИС языка не выявляет специфики именно ФС-единицы (все рассмотренные характеристики применимы ко многим другим единицам языка), вероятно, поэтому выделенные типы легко номинируются в традиционной терминологии.

Однако это свидетельствует об изоморфизме ЗИС языка и языковой системы в целом, но представляется, что при описании любой частной системы необходимо выявление не только и не столько универсальных, сколько специфических особенностей системы в составе других (более крупных) или на фоне адекватных частных систем.

Адекватным и объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее примарная мотивированность (осознаваемая или утраченная), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием включения их в единый класс.

Фоносемантический закон кросс-уровневой контактности предполагает, что единицы разных языковых уровней могут образовывать единый класс, поэтому в общую группу ЗИ-слов могут входить *слова традиционно выделяемых частей речи* (существительные, глаголы, наречия, прилагательные, причастия и пр.), *аномальные языковые единицы (лексоиды)* (непроизводные междометия, ЗП, междометные глаголы, слова клича и отгона животных и птиц) и даже (в традиционной терми-нологии) *отдельные фонемы*, поскольку ономатоп может быть представ-лен на уровне фонемы, часто редуплицированной (***у-у-у*** "вой волка", "завывание ветра"; ***ш-ш-ш*** "звук шелеста", "шипение змеи" и пр.).

Поиски носителя фонетического значения показали, что им могут быть любые речевые сигналы (Павловская 2001: 212-213):

1) *акустический признак*, например, компактность, диффузность спектра гласно-го (/а-і /), коррелирующий с символическим значением большого-малого размера;

2) *фонему* или *группу фонем*, объединенных общими дифференциальными артикуляторными признаками, например, признак

взрывности и глухости фонем /p, t, k/, коррелирующий со значением «маленький, светлый, высокий, яркий, легкий, мелкий, быстрый»;

3) *аллофон фонемы*, например, [l] – “маленький и светлый” в отличие от [ɬ] – «темный и большой»;

4) *сочетание фонем* (фонестемы), например, [gl-] – “свет, мерцание”, [-æʃ] – «резкое, энергичное движение»; (русский материал по пунктам 1 - 4 см.: раздел «Психолингвистическая фоносемантика»);

5) *морфему определенного акустико-артикуляторного строения* (инстанты, континуанты. фреквентативы) (см. раздел «Типологическая фоносемантика»);

6) *слово и словосочетание* (ономатопы, междометия, идиомы, ФЕ), напр., *beep, wups!, to kick the bucket* (см. разделы «Лексическо-семантическая фоносемантика», «Грамматическая фоносемантика»);

7) *синтаксические структуры*, выделяющиеся в тексте и создающие ритмический рисунок - анафоры, эпифоры, рефрены, параллельные конструкции (см. раздел «Текстофоносемантика»);

8) *интонемы и частотные контрасты*, например, высокий или восходящий тон – вопросительность, подчиненность, вежливость, неуверенность; низкий или нисходящий тон – утвердительность, уверенность, доминантность, агрессия (см. раздел “Психолингвистическая фоносемантика”);

9) *тексты* в широком смысле, от мини-текстов объявлений, названий, рекламы *(“Wee, Willy, Winkie”; “M&Ms melt in one’s mouth*”) до текста художественного произведения (см. раздел «Текстофоносемантика»).

Основной единицей исследования в пособии является морфема определенного акустико-артикуляторного строения, грамматически оформленная (слово), реже – словосочетание и текст.

Основы классификации русских ЗИ-слов

Общие замечания. Первую попытку классификации обширного материала русских ЗП сделал **С.А.Карпухин** (Карпухин 1979), который предложил несколько классификаций: 1) *стилистическую* (по характеру функционирования и стилевой принадлежности): традиционные, малоупотребительные, специального характера (орнитологические); 2) *структурную*: простые (один слог) и сложные (два и более слога). Вслед за **А.И.Германовичем** С.А.Карпухин предлагает и *семантическую* (по денотативной соот-несенности) классификацию: подражания непроизвольным звукам человека, подражания голосам животных, подражания голосам птиц, подражания звуковым явлениям природы, неодушевленных предметов (Германович 1961; Карпухин 1979).

Предложенная многомерная классификация, однако, охватывает лишь сферу акустического денотата, причем ее незначительную часть, поскольку квали-фицируются лишь аномальные формы (ЗП, лексоиды), куда не

включаются многие первообразные ЗП, междометия и междометные глаголы.

Другую классификации ЗИ-единиц русского языка предложил **Ю.Казарин**, который выделяет их на основании денотативной со-отнесенности только в сфере акустического денотата, т.е. предложена классификация единиц ЗП подсистемы ЗИС языка (см. рис. 5).

Достоинствами этой классификации являются включение всех единиц ЗП подсистемы (независимо от их морфологической офор-мленности) и четкое представление акустической сферы и ее отражение на языковом уровне (Казарин 2000: 163 и след.).

Однако в целом эта классификация не идет дальше предложенного К.С.Аксаковым (Аксаков 1860) и С.А.Карпухиным. Акустическая сфера представлена лишь в самом общем виде, а потому исследователь вынужден давать длинные ряды, перечисляя акустические факты, и заключать их неизменным “и т.п.”.

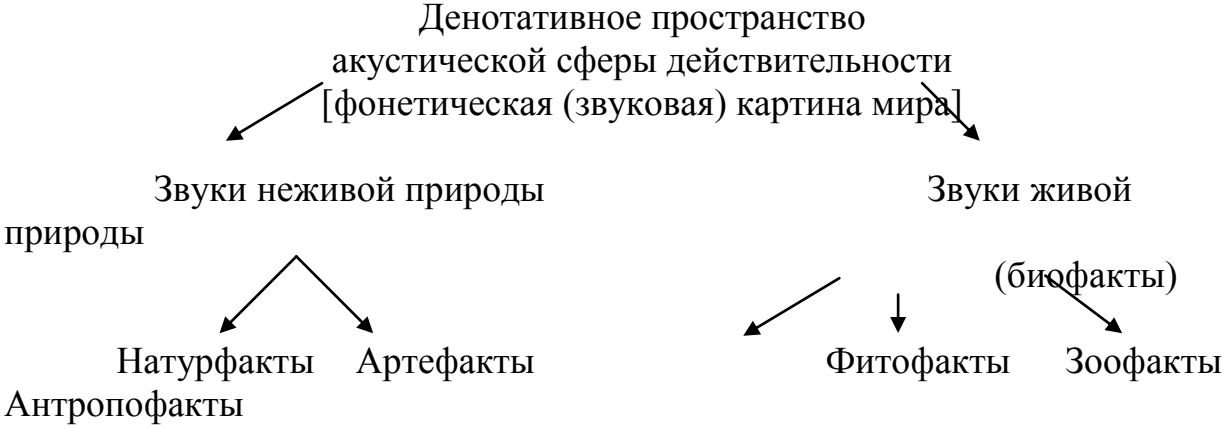

Рис. 5

Натурфакты - звуки, производимые атмосферными явлениями (ветер, снег, вода, осыпь камней, горные лавины, ледостав, таяние снегов, капель и т.п.); *артефакты* - звуки, производимые неодушевленными предметами, машинами, механизмами, приспособлениями искусственного происхождения, изготовленными человеком (шум поезда, автомашины; стук молотка, кайла; щелканье цепи; визг пилы; гудение электромотора; рев реактивного двигателя; стук тележных колес и т.п.). *Фитофакты* - звуки, производимые растениями (проращивание, рост, высыхание, разрушение и т.п.); *зоофакты* - звуки, производимые живыми существами (не человеком), насекомыми, животными: движение, взаимодействие, поедание, воздействие на окружающую среду, звуки, производимые конечностями (крыльями, лапами и т.п.); голоса животных и т.п.; *антропофакты* - звуки, производимые голосом (речевым аппаратом)

человека, а также его частями тела и организмом в целом: говорение/ речь; крик; плач; смех; движение; падение и т.п.

Однако существенным представляется выделение Ю.Казариным “общих денотативных зон” в сферах живой и неживой природы (“звуки, производимые в процессе движения, падения, полета и т.п.”) и между звучаниями зоофактов и антропофактов (“звуки, производимые голосом/ голосовыми связками животного и человека, а также вообще живым организмом”).

Не менее значимым является постановка вопроса о национальной специфике русской акустической картины мира, что, на наш взгляд, иллюстрируется поверхностными примерами (Казарин 2000: 164-165).

Ср., например, по Ю.Казарину, “наличие существенных несоответствий в сфере языковой “синонимии” звукоподражательной лексики двух разных языков” демонстрируется несовпадениями такого рода: свинья - ***хрюкать, хрю-хрю*** (рус.) и *grunt, squel* (англ.) и др. Однако это примеры существенных соответствий ЗП лексики двух языков, ибо все единицы структурируются на основе вибранта и заднеязычных согласных, а также лабиализованных гласных верхнего подъема заднего ряда. Автор же интерпретирует это в рамках конкретного звука (resp. фонемы), а не “звукотипа” (resp. фонемотипа).

Таким образом, в существующих классификациях русской ЗИ лексики за пределами остается ЗС подсистема ЗИС русского языка. Но более существенным недостатком классификаций является очевидный разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения. Выделение групп ономатопов проводится на основании семантического критерия, тогда как соотношение звуковой оболочки фоносе-мантической единицы с ее содержанием (отличительная и принци-пиально значимая черта) остается здесь за пределами осмысления, т.е. предлагается семантическая, а не ФС классификация.

Более естественной представляется классификация по отношению к денотату и возможности воспроизведения звучания с физической и физиологической стороны, т.е. с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (в первую очередь акустики и психоакустики).

Если для изображения звуков, производимых человеком, эта возможность “чрезвычайно проста, т.к. имитацией естественного звука, производимого человеческим ртом и носом, является в сущности его намеренное повторение, воспроизведение, очень мало страдающее в отношении натуральности (например, чихание, хохот)” (Газов-Гинзберг 1965: 27), то в других случаях “человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленить неартикулируемый поток звуков на фонемно-членимый комплекс” (Серебренников 1977: 182).

Признак звука, лежащий в основе номинации, может иметь артикуляторный и акустический (неартикуляторный) характер, что позволяет выделять артикуляторные (“внутреннее” звукоизображение) и акустические (“внешнее” звукоизображение) ономатопы (Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982).

Звукоподражательная подсистема

Звукоподражательную подсистему составляют **звукоподражания (ЗП)** (**ономатопея**), в основе которых лежит закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащими в основе номинации *звуковым признаком* денотата (***плюхнуться, кукушка, гром, тарахтеть*** - передача речевым звуком звука неречевого).

ЗП-подсистема представляет в языке **акустический денотат,** который состоит из нескольких классов и типов звучаний. Акустическими параметрами [высота, громкость, время, регулярность (периодичность) колебаний, диссонантность] звучания - денотата обусловливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ЗП-слова. В основе номинации ономатопов лежат признаки объектов, воспринимаемые в слуховой модальности человека, т.е. их звучания.

В настоящее время не имеется хоть сколько-нибудь системного описания ЗИС русского языка. Все предварительные попытки не могут считаться удовлетворительными, поскольку представляют лишь сферу акустического денотата (ЗП-слова) русской ЗИ-лексики (Карпухин 1979; Казарин 2000), тогда как неакустический денотат (ЗС-слова) описан лишь частично, на уровне артикуляторной ономатопеи (Шляхова 1991).

Закономерность подобного положения дел обусловлена, с одной стороны, периферийностью фоносемантических исследований в русистике, с другой стороны, доминированием в сознании большинства лингвистов лингвосемиотического принципа произвольности языкового знака. На сегодняшний день даже не описан ЗИ-материал русской речи, нет фоносемантических словарей, что и приводит к неудовлетворительным попыткам системного представления ЗИС русского языка.

Мы не претендуем на законченное описание ЗИС русского языка и классификацию русских ЗИ-единиц, а лишь пытаемся включить русский материал в контекст общей фоносемантики, поскольку окончательное решение этой проблемы едва ли возможно вообще, а тем более без скрупулезного описания и представления эмпирического материала по отдельным языкам.

Акустические ономатопы. Под акустическими ономатопами понимаются слова, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды (*бах, кап-кап, динь-динь, шуршать* и пр.). Среди акустических ономатопов в зависимости от их

соотносимости с денотатом выделяется три класса типов звучаний: А. *Удар* (недиссонанс). Б. *Неудар (тон, шум)* (недиссонанс). В. *Диссонанс* (диссонирующие удары, собственно серии ударов и диссонирующие неудары). Класс А и класс Б противопоставлены друг другу (удар/ неудар), а класс В являет собою тип звучания, "промежуточный" между классом ударов и елассом неударов. Сочетания типов звучания образуют два гиперкласса: АБ (совмещает черты класса ударов и класса неударов и тяготеет к классу ударов) и ВАБ (совмещает черты всех трех классов и тяготеет к классу диссонирующих ударов).

Соответственно выделяется девять типов звучаний: 1. Удар. 2. Тоновой неудар. 3.Чисто шумовой неудар. 4. Тоношумовой неудар. 5. Квазиудар. 6. Чистый диссо-нанс. 7. Тоновой квазинеудар. 8. Чисто шумовой квазинеудар. 9. Тоношумовой квазинеудар.

На языковом уровне им соответствуют три класса и два гиперкласса ономатопов: А. **Инстанты.** Б. **Континуанты.** В. **Фреквентативы** (квазиудары, чистые диссонансы, квазинеудары). АБ. **Инстанты-континуанты.** ВАБ. **Фреквентативы квазиинстанты-континуанты**. В классах и гиперклассах выделяется ряд типов, которые соответствуют различным видам акустического звучания денотата (Воронин 1982).

Здесь можно говорить и об общих денотативных зонах живой и неживой природы, выделяемых Ю.Казариным (Казарин 2000).

Артикуляторные ономатопы. Артикуляторные ономатопы (**фоно-интракинемы**) относят к ЗС-подсистеме ЗИС языка: "фоноин-тракинемы содержат звуковой (фонический) компонент, который, од-нако, в них вторичен, производен; принципиальные особенности их оп-ределяются не им, а артикуляторным компонентом. Поэтому кинемы бо-лее справедливо рассматривать в рамках неакустического денотата" (Во-ронин 1982: 74).

Артикуляторные ономатопы номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлекторные (сопровождающие те или иные ощущения) и "выразительные" (сопровождающие эмоции) движения.

Здесь снова возникает сложность "прямолинейного" распределения языковых единиц в жестких рамках. С.В.Воронин, относя данные единицы к сфере ЗС (**интракинесемизмы**), называет их ономатопами (resp. ЗП). Действительно, подобные единицы можно рассматривать и в рамках акустического денотата, поскольку воспроизведение рефлекторных и "выразительных" движений в речи происходит в рамках слуховой модальности, где на первый план выдвигается звуковой (фонический) компонент, который и дает возможность говорящему воспроизвести в речи эти процессы (***апчхи, кхе-кхе, ха-ха*** и т.п.). Здесь явное подражание, т.к. в основе номинации лежит звук, "внешний" звук, поэтому можно говорить о том, что мы имеем дело не с фоно-интракинесемизмом как таковым, а с его звуковой проекцией в речи.

Следует заметить, что на письме довольно трудно отделить зафиксированный “звуковой жест” (например, в ремарках и драматических репликах обозначение кашля, вздоха, смеха и пр.) от собственно артикуляторного ономатопа, т.е. “зву-кового жеста”, оформленного фонемными средствами и выступающего в качестве языковой единицы. В звучащей речи различие слова-ономатопа и физиологического рефлекторного движения не вызывает сомнения, т.к. здесь артикуляторный ономатоп отчетливо произносится (ср.: *Я отвечу тебе презрительным* ***ха-ха***; *А ху-ху не* ***хо-хо***?; *А малый* ***чих*** да ***чих***: *простыл, видно где-то; У нее все* ***хи-хи*** *да* ***ха-ха***). Впрочем, даже в письменных текстах “звуковой жест”, фонемно оформленный, становится единицей речи, а потом и языка.

Кроме того, акустико-артикуляторные звучания, происходящие в полостях носа, рта и горла человека, могут иметь рефлекторный (чиха-ние, кашель, храп и пр.), условно-рефлекторный (смех, плач, крик и пр.) и нерефлекторный (речь, говорение) характер, что позволяет уточнить классификацию ономатопов. Вслед за С.В.Ворониным считаем воз-можным рефлекторные и условно-рефлекторные звучания относить (с определенными оговорками) к общему типу, а слова, репрезентирующие их в речи, - к артикуляторным ономатопам [15].

Даже плач и смех, которые на первый взгляд представляются рефлекторными движениями, в действительности могут являться как рефлекторными (слезы от боли и смех при истерике; улыбка младенца и смех идиота), так и социально регулируемыми, а потому не могут однозначно квалифицироваться как безусловно-рефлекторные, по-скольку внешнее выражение эмоций имеет четкую историческую и со-циальную (resp. семиотическую) предопределенность (ср., напр., *Сар-донический смех* и *скупая мужская слеза; пасхальный смех* и *кроко-диловы слезы*): “смех есть особого рода рефлекс, но рефлекс, свой-ственный только человеку и поэтому имеющий свою историю” (Пропп 1978: 178).

Все наиболее распространенные концепции смеха (“некоторая ошибка и безобразие” Аристотеля; “негативизм” Т.Гоббса; контраст, противоречие, лежащие в основе комизма у И.Канта и Г.Гегеля; “нисходящая несообразность” Г.Спенсера; “безобразное” К.Фишера; “экономия” З.Фрейда; “несоответствие” Шопенгауэра; “юмор юродства” Г.Бёлля; “карнавальный, гротескный” смех М.Бахтина и др.) рассматривают смех как отклик на какую-либо отрицательную ценность, известную “меру зла”, т.е. включают его в определенную семиосферу. “Мимический компонент смеха свидетельствует о том, что смех развивался в тесной связи с социальной коммуникацией” (Минский: 299). “Возможно, задумавшийся роденовский молчаль-ник, уткнувшийся подбородком в кулак, назван скульптором не “Человеком”, но “Мыслителем”. Для того чтобы предстать символическим изображением “Человека”, он должен улыбнуться” (Карасев 1990: 368).

“Одни и те же движения могут выступать и как рефлекторные движения (в ответ на сенсорный стимул), и как “выразительные” движения (при эмоциях)” (Воронин 1982: 72). Являясь социально и исторически обусловленными, “выразительные” движения генетически восходят и в значительной мере продолжают иметь условно рефлекторный характер, что позволяет рассматривать их в рамках артикуляторной ономатопеи.

Здесь также можно говорить об общей денотативной зоне, свойственной знаковому, социально обусловленному (условно-рефлекторному) и “формальному”, несемиотическому, обусловленному биологически (рефлекторному) движению. Совершенно очевидно, что фоносфера артикуляторной ономатопеи лежит на границе биологической и семиотической сфер.

Среди артикуляторных ономатопов выделяется три класса (А. *Носовые.* Б. *Ротовые.* В. *Горловые*), которые включают 36 типов (Воронин 1982).

Ономатопы говорения. На наш взгляд, нерефлекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, целее-сообразно выделить с особую группу, репрезентированную в языке ономатопами говорения (так называемые лексика говорения, произ-носительные глаголы).

Под говорением в данном случае понимается конкретное произнесение, артикуляция, происходящие в звуковой форме, следовательно, воспринимаемые в слуховой модальности человека. Эта лексическая группа, весьма многочисленная в языке, изображает звуки говорения в отрыве от конкретного смысла того, о чем говорится, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках.

Под ономатопами говорения понимаются единицы, воспро-изводящие фонемными средствами нерефлекторные акустико-артику-ляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения (***тары-бары, ля-ля-ля, у-у-у, говорить, болтать, зудеть, шептать, треп, бормотать*** и пр.) в отрыве от конкретного смысла речи. На уровне оно-матопов говорения действует ЗИ закон кросс-уровневой контактности, при котором в один класс ономатопов могут включаться единицы раз-ных уровней (слово, слог, фонема), в том числе и разных грамма-тических показателей.

Лексика говорения неоднократно рассматривались в историческом, лексико-семантическом, конструктивно-семантическом, функционально-стилистическом, этимологическом, концептуальном, семиотическом аспектах (Кодухов 1961; Ко-четкова 1977, 1978; Ничман 1966; Матвеева 1979; Степанова 1970; Милых 1975, 1985; Васильева 1971; Набокина 1985; Скитова 1964; Голос и ритуал 1995; Мир звучащий и молчащий 1999; Логический анализ языка: Язык речевых действий 1994; Гловинская 1993; Зализняк 1990; Шляхова 2000; Язык о языке 2000), однако собственно ФС-аспект не представлен в этих работах.

В акустико-артикуляторном плане говорение - явление сложное. “При описании звуков речи учитываются их артикуляторные, аку-стические и перцептивные характеристики” (Бондарко 1990: 165). Артикуляторно-акустические признаки репрезентируются в ЗП сфере, перцептивные - на уровне звукосимволизма. Вероятно, специфика по-добного звучания и позволяет относить звуки речи, оформленные фо-немно, как к ЗП, так и ЗС-подсистеме ЗИС языка.

Возникновение звука в артикуляторном тракте может реализовываться тремя способами, а следовательно, с акустической точки зрения звуки речи имеют три кА-чества источника: 1) голос (периодические модуляции голосовыми складками воз-душного потока, подаваемого из легких); 2) турбулентный шум (генерация шума ту-рбулентными завихрениями воздушного потока в сужениях речеобразующего аппа-рата); 3) импульс или взрыв (возбуждение звука путем скачкообразного изменения давления воздуха при резком раскрытии смычки в артикуляторном тракте).

С одной стороны, ономатопы говорения могут включаться в арти-куляторные ономатопы, поскольку в основе общности этих групп лежит воспроизводство звуков, образуемых в полостях носа, рта и горла че-ловека (артикуляторном тракте). С другой стороны, ономатопы говоре-ния выделяются на фоне других артикуляторных ономатопов 1) по хара-ктеру денотата (говорение - неговорение); 2) в силу особенностей своей природы и семантики (это не рефлекторные и не условно рефлекторные движения); 3) по значимости фонического (звукового) компонента (при-нципиальные особенности артикуляторных ономатопов определяются артикуляторным компонентом, тогда как в ономатопах говорения артикуляторный и акустический компоненты одинаково значимы).

Настолько же правомерна и противоречива возможность включения ономатопов говорения в сферу акустических ономатопов, где находим корреляцию типов звучания с акустическими параметрами: голос (тон), турбулентный шум (диссонанс), взрыв (удар). Однако здесь очевидны различия акустической природы звуков, положенных в основу номинации (артикуляторный / неартикуляторный). Ср. табл.1 и табл.2.

Таблица 1

Характеристика голоса

Звукосимволическая	Звукоподражательная
Гибкий, грубый, хмурый, мрачны рюмый, мертвый, кислый, холод мягкий, жесткий, сочный, мет ческий, теплый, твердый, сла высокий, низкий и пр.	***Плаксивый, хриплый, ворчли звонкий, надрывный, сюсюкаю натужный, лающий, придушен нудный,, рыдающий, пискля пронзительный, журчащий*** и пр.

Таблица 2

Глаголы говорения

Соотносимые с артикуляторны ономатопами	Соотносимые с акустическим ономатопами
Стонать, хрипеть, сопеть, пыхт фыркать, визжать, заика шамкать, скулить, реветь, рявк кричать, вопить, выть и пр.	***Тараторить, чеканить, шип скрипеть, скрежетать, шурш звенеть, трубить, греметь, гуд ляпнуть, бухнуть, ботать*** и пр.

На уровне ономатопов говорения довольно трудно строго разграни-чить типы звучания, поскольку их денотат являет собою очень сложную и постоянно меняющуюся акустико-артикуляционную сущность: в слитной речи “реализуется непрерывный переход от одного артикулято-

рного уклада к другому, что приводит к непрерывному изменению акустической картины” (Галунов 1990:28). Специфика денотата не позво-ляет представить единую и строгую акустическую картину изображения говорения, однако даже семантическая классификация этих ономатопов позволяет соотносить означаемое и означающее в рамках выделенной фоносемантической группы.

Возможно, что существование ономатопов говорения на грани ЗП и ЗС, акустики и артикуляции косвенным образом отражает переход акустических звучаний биосферы в семиосферу, являя собою мету особого статуса звуков говорения в пространстве фоносферы.

Подзывные слова и подражания голосам животных и птиц. За рамками описанных групп остаются слова клича (подзывные), **лексические апелленты** (***цып-цып, баси-баси, кис-кис***), и отгона**, лексические репелленты** (***кыш, брысь, пшёл***), **животных** и подражания голосам животных и птиц, номинация их “говорения”(***му-у, мяу, гав, пи-пи-пи***), которые не укладываются в строго обозначенные рамки. Здесь также выделяется общая денотативная зона, которая не позволяет однозначно квалифицировать эти единицы.

С одной стороны, эти единицы можно рассматривать в рамках акустического денотата как “внешнее” звучание по отношению к человеку. Тогда в рамках акустических ономатопов следует выделять звучания *живой* (биофакты*: зоофакты* и *фитофакты*) и *неживой* природы. С другой - можно исследовать их в рамках артикуляторной ономатопеи как “внутреннее” звучание, поскольку процессы рефлекторного характера (чихание, кашель, храп, сопение, рев, крик, визг и пр.) свойственны и животным. Тогда среди артикуляторной ономатопеи необходимо выделять артикуляторное *неговорение человека* и *животного*. Здесь снова встает вопрос об общей денотативной зоне, которую можно считать также и переходной.

Звукосимволическая подсистема

Звукосимволическую подсистему составляют **звукосимволические (ЗС) слова;** в основе их - закономерная, непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемыми в основу номинации *незвуковым признаком* денотата, т.е. передача речевым зву-ком образа, ощущения, движения, впечатления обозначаемого предмета. ЗС-подсистема представляет в языке **неакустический денотат.** В основе номинации ЗС-слова лежат признаки объектов, воспринимаемые в любой модальности человека, кроме слуховой (зрение, вкус, осязание, обоняние, органические ощущения).

В основе создания ЗС-слова значительную роль играет **синестезия** (соощущение) - явление, состоящее в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но и ощущение или представление, характерное для другого органа чувств (ср. *острый вкус, кислый запах, сладкий ребенок*).

Р.Шейко дает интересные примеры практического использования синестезии при обучении вокальному мастерству в классе Е.Образцовой: “Первая ошибка какая? Очень много лица! Мы поем костями, а не мышцами. А у тебя получается с “мясом”; ” Сделай животик мякеньким, как у гусеницы или кошки. А ноздри открой пошире, как у лошади. Берешь дыхание, как цветок нюхаешь. А звук потяни на себя, как уздечкой. Звучание в зубах остается”; “Как только чувствуем напряжение, что делаем? Идем в горизонталь! А что мы там делаем? Идем широко по резонаторам! А буковка висит, как капелька, вот- вот сорвется..”; “Буква всегда выходит в одной точке! Буква как ручка у веера, а звук - как сам веер» (цит. по: Морозов 1987: 171).

Более точно определить основу номинации ЗС-слов позволяет по-нятие **синестемия** (соощущение + соэмоция): в номинации важную роль играет не только сенсорная, но и эмоциональная сфера. Поскольку значительная часть денотатов ЗС-слов находятся в сенсорно-эмоциональной сфере, то синестемия является психофизиологической универсалией, лежащей в основе звукосимволизма, который является универсалией языковой (Воронин 1982).

Различают два уровня восприятия «фонетического значения» - эле-ментарный и структурный (контекстный) звуковой символизм. **Эле-ментарный звуковой символизм** определяется как символизм первичный, являющийся следствием синестезии (Якобсон 1975, 1960).

Понятие **структурного (контекстного) звукового символизма** было связано с лингвистической разработкой вопросов звуковой организации текста, где под структурным ЗС понимается не отдельная фонема, а «последовательность звуков, их повторы, контрасты звуков в синтагматической цепи» (Гурджиева 1973: 6). Структурный ЗС наиболее

очевиден в поэзии, поскольку «звуковой символизм проявляется там, где есть установка на восприятие формы» (Штерн 1969).

Природа ЗС менее определенна, чем ЗП: если в основе номинации ЗП лежит акустический признак, то сфера номинации ЗС-слова значительно шире.

Стихотворение В.Хлебникова “Бобэоби” получало неоднократную интер-претацию литературоведов и лингвистов (Якобсон 1987; Журавлев 1991; Лотман 1991; Янечек 1994; Казарин 2000).

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на лице каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Р.О.Якобсон анализирует эвфоническую рифму и постепенную утрату внешней и внутренней формы слова; Ю.М.Лотман рассматривает смысл стихотворения в контексте звукописи; Д.Янечек видит в тексте все возможные способы образования зауми футуристами; А.П.Журавлев рассматривает фонетическое значение хлебниковских окказионализмов (*вээоми* - красивое, округлое; *пиээо* -женственное, подвижное; *лиэээй* - светлое, красивое); Ю.Казарин интерпретирует текст как фонетическую анаграмму с интерпретантами *оэ / эо*.

Однако нас интересовал другой аспект ЗИ: есть ли различие в восприятии ЗП и ЗС слов. В нашем эксперименте участвовало 60 человек (слушателей подго-товительного отделения и студентов 1 курса филологического факультета ПГПУ), которым стихотворение известно не было. Всем испытуемым предлагался текст В.Хлебникова с изъятыми из него окказионализмами поэта, которые и предлагалось вставить “на место”: из них 4 слова ЗС (*бобэоби, вээоми, пиээо, лиэээй*) и одно ЗП (*гзи-гзи-гзэо*).

Результаты эксперимента показали, что ЗП опознается подавляющим большин-ством носителей языка (91,5 % испытуемых поставили ЗП “на место”, т.е. как у В.Хлебникова), тогда как природа ЗС-слова осознается “слабее”, поскольку здесь включаются другие механизмы восприятия (см. табл. 3).

Необходимо учитывать то, что в эксперименте испытуемым предлагалась визуальная (графическая) форма слов, что, безусловно, приводило к первоначальной оценке графического, а потом уже фонетического облика слова.

Таблица 3

Слово в тексте	Данные эксперимента											
В тексте Хлебникова	***Бобэоби***		***Вээоми***		***Пиээо***		***Лиэээй***		***Гзи-гзи-гзэо***		**Всего**	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Бобэоби	17	***27,1***	5	***8,3***	14	***23,3***	23	***37,3***	1	***1,7***	60	***100***
Вээоми	3	***5,1***	34	***56,5***	15	***25***	5	***8,3***	3	***5,1***	60	***100***
Пиээо	28	***46,6***	13	***20,1***	11	***18,3***	6	***10***	1	***1,7***	59	
Лиэээй	11	***18,3***	8	***13,3***	18	***30***	23	***37,3***	0	-	60	***100***
Гзи-гзи-гзэо	0	-	0	-	3	***5,1***	2	***3,3***	55	***91,5***	60	***100***
Отказы	0		0		1	***1,7***	0	-	0	-	1	

Наибольшее число признаков, лежащих в основе номинации ЗС-слов, приходится на долю зрения: динамика (*движение* мгновенное/ длительное, быстрое/ медленное, резкое/ мягкое, ровное/ неровное, прерывистое/ непрерывное, беспорядочное/ скользящее); статика (*удаленность*: близко/ далеко; *размер*: большое/ маленькое; *форма* - округлая/ искривленная/ заостренная/ вытянутая) (Воронин 1982).

Через обоняние (восприятие запахов) и вкус (сладкое, соленое, кис-лое, горькое) номинация происходит через *приятные/ неприятные ощущения*.

Английский психолог М.Керк-Смит предложил нескольким испытуемым явно непосильную для них задачу. Во время решения задачи на их обоняние воздействовали незнакомым для них запахом. Когда позднее им давали понюхать то же вещество, запах пробуждал у них отрицательные эмоции, связанные с испытанной ранее неудачей. У людей безотчетно портилось настроение, опускались руки (Наука и жизнь 1984, №3: 88-90). Ср. у М.Булгакова: “Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожаного снаряжения и пота от конвоя примешивается проклятая розовая струя” («Мастер и Маргарита»).

Осязание дает номинацию через *тактильные* (гладкое/ шеро-ховатое; твердое/ жесткое/ мягкое/ упругое), *температурные* (горячее/ холодное) и *болевые* (режущая, колющая, тупая, острая, ноющая боль) *ощущения*.

Ср., например, лингвистической универсалией является связь с губными звуками обозначения округлого, выпуклого, шарообразного (рус. *облако, обруч, колесо, опухоль*; англ. *ball* “мяч, шар”, *pot* “горшок, котелок”, *bleb* “волдырь, пузырек воздуха”). Во всех языках лабиализация известна как способ выражения пейоративной оценки (рус. ***тупой, болван, уо, дурак, мурло***; англ. *goon* “тупица, болван”, *booby* “болван, олух”; кит. *тътouren* “дубина (о тупом человеке) и т.п. При этом в русском языке дурак «круглый» (можно сказать «лабиализованный»).

На основе анализа целого ряда неродственных языков выделены достаточно объективные *критерии* для “опознания” ЗС-слова: *семантические* (эмоциональность и экспрессивность, образность семантики, конкретность семантики, обозначение простейших психофизиологических процессов); *грамматические* (морфологическая гипераномальность); *словообразовательные* (редупликация); *структурно-фонетические* (фонетическая гипераномальность, относительное единообразие формы, фонетическая гипервариативность (метатеза, протетический сонорный, чередование гласных и согласных); *функциональные* (стилистическая ограниченность) (Воронин 1982). Однако главным критерием опреде-ления ЗС-слова является этимологический анализ, поскольку сферы ЗП и ЗС не только переплетаются, наслаиваются, пересекают друг друга, но и в процессе эволюции языка утрачивают связи со звукоизоб-разительной природой, переходя в сферу немотивированности.

Звукосимволические слова. Кроме ономатопов, которые так или иначе привлекали внимание русистики, абсолютно неисследованными остаются основные группы звукосимволических слов русского языка, в основе которых лежит понятие **кинема** (жестовые и мимические движения): **интракинемы** (процессы в сфере сознания человека) и **экстракинемы** (мимические подражания “внешним” неакустическим объектам по их форме, размеру, движению: округлого, большого/ малого и пр.).

Надо заметить, что эта сфера звукоизобразительности исследована слабо во всех языках, что определяет значительные перспективы для исследованияв этой области.

В области интракинем выделяются такие группы ЗС слов, как **мимеоинтракинсемизмы** (обозначение таких мимеоинтракинем, как улыбка, мимика презрения (лексические пейоративы) и пр.), **сенсоинтракинесемизмы** (обозначение “рефлекторных” движений), **эмоинтракинесемизмы** (обозначение “выразительных” движений тела: мимика, пантомимика, вокальная мимика (интонация и тембр); **волеинтракинесемизмы** (обозначение движений, сопровождающих волевые акты: напр., сжимание губ - мимика упрямства или упорства); **метаинтракинесемизмы** (например, движения, сопровождающие реше-ние задачи: морщить лоб, шевелить губами и пр.) и др. (Воронин 1982).

Перед русской фоносемантикой открываются значительные перс-пективы в сфере звукосимволизма: если сенсоинтракинесемизмы час-тично описаны в рамках артикуляторной ономатопеи (Шляхова 1991), то относительно других групп ЗС-слов вопрос в рамках русской фоносемантики специально не поднимался.

Предварительная классификация русских ЗИ-слов

В ЗИС русского языка в той или иной мере исследованы группы ар-тикуляторных и акустических ономатопов и ономатопов говорения, которые и составляют основу предлагаемой для описания класс-сификации.

Предварительно можно представить следующую классифи-кацию (см. рис. 6).

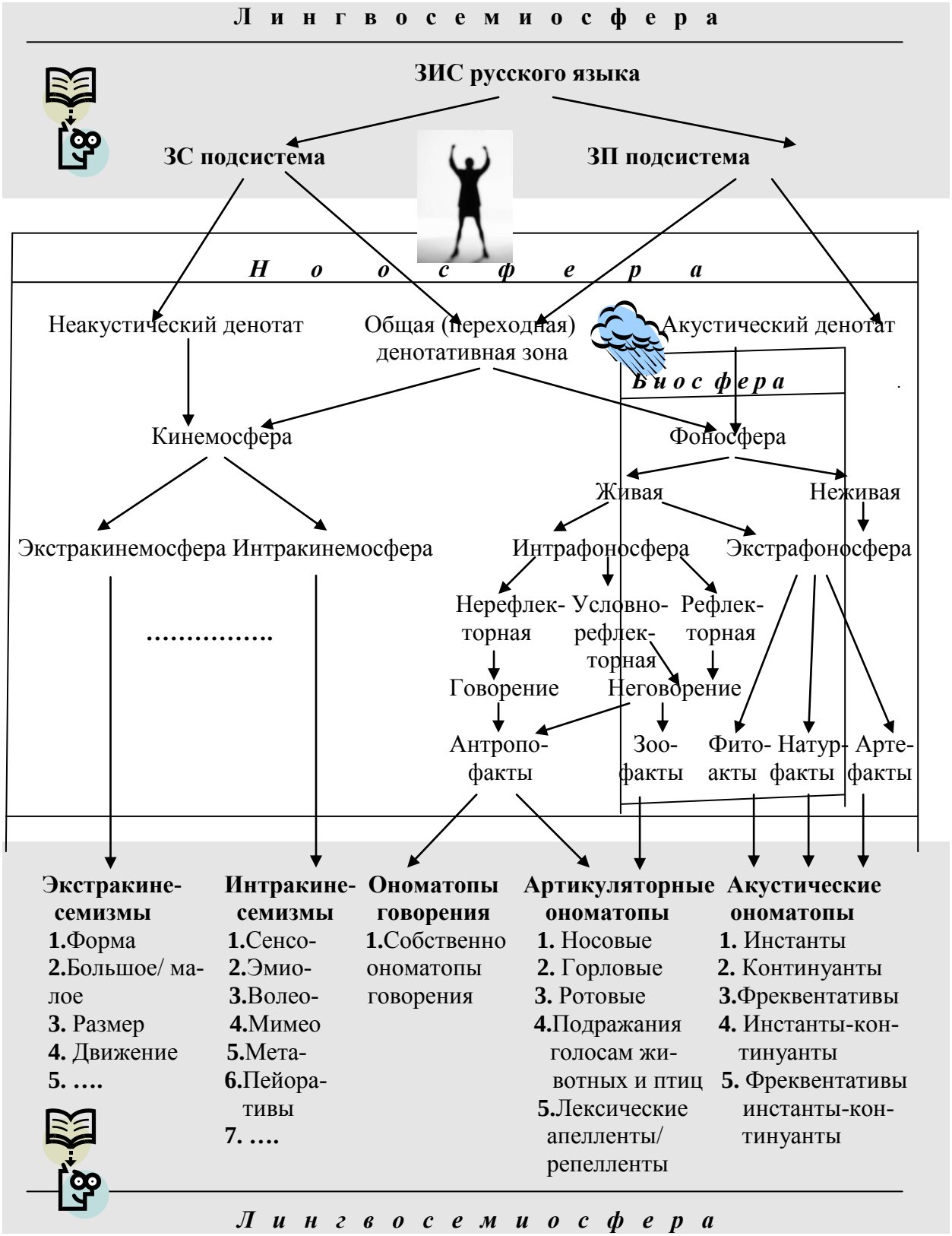

Рис. 6. Звукоизобразительная система русского языка

Однако это лишь первый шаг к классификации русских ЗИ-слов, поскольку представляется необходимым введение в сферу русской звукоизобразительности единиц так называемой зауми, заумной речи; уточнение и детализация единиц внутри выделенных групп; стремление к корреляции всех критериев при выделении групп ЗИ-единиц; воз-можно более детальное выделение и описание групп ЗС-слов и включе-ние их в рамки общей классификации; выяснение природы и соотноше-ния универсального и этнического в русской звукоизобразительности; выявление специфики семантики ЗИ-единиц и пр.

Подобная классификация может вызвать возражения, поскольку акустические/ артикуляторные ономатопы и акустические ономатопы/ ономатопы говорения находятся в оппозиции “внешнее”/ “внутреннее” звучание (по источнику звучания), тогда как артикуляторные ономатопы/ ономатопы говорения, являясь “внутренним” звучанием, противопоставлены по семантическому признаку, хотя и с учетом природы денотата. Возможно, что эта так называемая естественная классификация, где нет полной соотносительности признаков, более точно отражает структуру и взаимоотношение ФС-явлений. Общие (переходные) денотативные зоны отражают, на наш взгляд, существование фоносферы в рамках биосферы и семиосферы одновременно, что и обусловливает невозможность определения четких границ перехода от биологического к семиотическому. Артикуляторные и акустические ономатопы лежат на границе перехода биосферы в ноосферу, а ономатопы говорения и ЗС-слова - на границе ноосферы и семиосферы.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Залог бессмертия для смертных
Первоначальные слова.
Н.Гумилев

Никакая живая идея не может оставаться в течение веков одинаковой. Если она жива, то существует и все время порождает новое и новое ее понимание.
А.Ф.Лосев

Общие замечания

В кратком историческом экскурсе основное внимание уделяется взглядам тех ученых, исследованиям и направлениям, которые представляются существенными для развития и становления ФС- подхода к языку в истории русской лингвистики.

Лингвистические подходы, которые неоднократно интерпретировались в работах по истории лингвистики, подробно не рассматриваются; внимание уделяется лишь тем работам, которые обычно находятся на периферии интерпретационного дискурса лингвистической мысли. При цитировании сохраняется орфография и пунктуация первоисточника.

Изучение ФС-подхода к исследованию языка тесно связано с постановкой и разрешением следующих проблем: проблема происхождения языка и этапы его развития, природа языкового знака, этимологизация и деэтимологизация, поиски языковых универсалий, проблема номинации, собственно изучение ономатопеи и звукосимволизма. “Кружение” лингвистической мысли вокруг этих проблем, понимание которых углублялось на каждом новом витке лингвистической спирали, и составляют путь развития ФС-мысли в русской лингвистической традиции.

Сравнительная лингвистика и этимология в XVI - XVIII веках

В XVI - XVIII вв. под влиянием идей Реформации в Европе вновь вспыхнул интерес к проблеме происхождения языка, что привело уче-ных к поискам праязыка, который существовал до вавилонского смеше-ния языков. Эти поиски обусловили бесконечное этимологизирование с целью обнаружения и изменения форм, которые предполагались в этом праязыке.

Развитие лингвистики в период Реформации привело к повсеместному распро-странению грамматик, которые либо популяризировали и пропагандировали идеи Реформации, либо противостояли ей. Протестантский характер носили и первые печатные восточнославянские грамматики **Лаврентия Зизания** (*Грамматика сло-венска съвершенаго искусства осьми частей слова и иных нуждных, новосоставлен-на Л. Z. в Вильне*, 1596) и **Мелетия Смотрицкого** (*Грамматики словенския правильное синтагма...*, 1619), где нет распространенной в православной книжности трак-товки церковно-славянского языка как священного, исключительного. Обращение к “простой мове” - первый шаг к исследованию “устности”, которая сохраняет наибо-лее архаичные черты языка, что и является предметом поиска этимологической фо-носемантики.

Первые этимологические и сравнительно-лингвистические изыс-кания в России часто носят курьезный характер и обусловлены не столь-ко лингвистическими, сколько идеологическими (чаще патрио-тическими) предпосылками, но стремление этимологизировать, вскры-вать внутреннюю форму слова является важным этапом в становлении ФС-мысли в восточнославянском языкознании.

Л.С.Ковтун рассматривает создание *Азбуковников* “среди наиболее примечатель-ных явлений духовной жизни Московской Руси” (Ковтун 1975). В русских азбу-ковниках XVI- XVII вв. толкуются

“неудобопознаваемые речи” из текстов Священ-ного Писания; отмечаются этимология и генезис лексических пластов языка [16].

Углубляется изучение семантических отношений русского языка к другим европейским языкам: к XVII в. относится ряд славяно-латин-ских, греко-славяно-латинских и славяно-латинско-польских словарей; разрабатывается синонимика между лексикой высокого славянского и простого разговорно-бытового слова - ср., например, *“Синонима славе-но-росская”* (Житецкий 1889).

Расширение сферы сравнительно-лингвистических и сравнительно-стилистических наблюдений над языком, а также влияние европейских универсальных грамматик приводят даже к идее создания грамматики всеславянского, или общеславянского, языка, который мог бы служить средством объединения всех славянских народов и государств.

Система этого языка представлена в труде **Ю.Г.Крижанича** *“Грамматично исказание об руском језику”*, написанном в Тобольске (1666), которому дано “стародавнее и коренное русское имя” (Виноградов 1978, 281). Здесь же можно от-метить первые ЗС-характеристики языка (церковно-славянскому языку противопос-тавляется “*простая* мова”, славенский язык считается “*жесткий* ушам” и “очень *темный*”), которые позднее станут одним из принципиальных аргументов в защиту того или иного варианта национального языка.

Этимологизирование того времени в целом было лишено строгого лингвистического подхода, поскольку становление методов научной этимологии только начиналось, поэтому часто этимологические версии зависели от воли и полета фантазии автора.

Позволительным считалось вольное обращение с формой слова (изъятие, перестановка, замена звуков и слогов) и его семантикой (на которую особое влияние оказала религиозная символика церковной риторики), однако излюбленным аргументом этимологов было сближение созвучий.

Патриотические чувства привели **В.К.Тредиаковского** не только к созданию русского силлаботонического стиха - “поэзия нашего простого народа к сему меня довела” (Тредиаковский 1963: 383) - и отстаиванию прав “природного”, национального русского языка, опирающегося на “общее употребление”, но и “патриотической” этимологии [17].

Подобными этимологиями увлекались не только в России, но и во всем просвещенном мире, начиная со стоиков (Платон 1968; История лингвистических учений. Средневековый Восток 1981; Gonda 1955; Маковский 2000). Хотя эти неупорядоченные и наивные попытки этимологизирования не могут считаться научными, однако именно они привели не только к критике подобного подхода, но и к становлению подлинно научной этимологии.

Важным этапом в развитии этимологии в XVIII в. является попытка распределения слов по этимологическим гнездам на основе живых морфологических связей между ними.

Ср., например, *"Российский Целлариус, или Этимологический лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологиею"* Фр. Гельтергофа под редакцией историографа Г.Ф.Миллера (1771).

Как уже говорилось, в XVIII и XIX вв. весьма популярными были поиски первого, первобытного, изначального языка, для чего проводились многочисленные сравнения слов разных языков с целью отыскания первообразных корней [18].

Примечательным лингвистическим трудом того времени являлся *Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный*, который вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1790-1791 гг., где для сравнения привлеклось 272 языка. Можно говорить о том, что это были первые подходы к сравнительно-историческому и типологическому языкознанию в России.

Проблемы языкового знака в XIX веке

"Корнесловие" А.С.Шишкова. 30-70-е годы XIX в. характеризуются су-ществованием логического (Н.И.Греч, И.И.Давыдов) направления, развивающегося в рамках сравнительно-исторического (А.Х.Востоков, Г.П.Павский, К.П.Зеленецкий) языкознания, которые связаны с постановкой общетеоретических проблем, утверж-дением принципов сравнительно-исторического метода. Отмечается особый интерес к этимологическому анализу лексики (Ф.И.Рейф, Ф.С.Шимкевич, Я.К.Грот и др.).

Научная этимология возникает одновременно со сравнительно-историческим языкознанием, в русистике - с трудами **А.Х.Востокова**. Установление фонетических соответствий индоевропейских языков и фонетических законов, лежащих в основе сравнительно-исторического языкознания, являются следствием этимологических операций. В свою очередь законы и закономерности, открытые в сравнительно-историческом языкознании, стали прочной опорой этимологии [19].

К лингвистической деятельности президента Академии Российской вице-адмирала **А. С. Шишкова** обычно относятся скептически, однако многие выдающиеся лингвисты не только указывали на рациональное в его рассуждениях о языке, но и отмечали его определенные лингвис-тические прозрения [20].

В сочинениях А.С.Шишкова сосуществуют логосическая (божественная) и ономатопоэтическая (эволюционная) теории языка: Бог дал способность к языку, а создавали и развивали его люди. Лингвист-лю-

битель Шишков не только отстаивает ЗП-теорию, но и говорит о непроизвольности языкового знака.

“Первоначальному составлению языков была сама природа. Люди, слыша естественные звуки, соглашали голос свой с оными и давали им те самые имена, какими, казалось, они сами себя называют” (Шишков 1825: 344).

Иногда лингвистические “несуразности” А.С.Шишкова приводят к отторжению всех его идей, однако в его взглядах можно обнаружить современные, в том числе и фоносемантические, подходы к языку.

Ср., например, “От буквы **А** произошли восклицания: ***а! аа! ай!*** и междуметие ***ах***!” (Шишков 1829:87). Однако весьма современной является мысль адмирала об общности языкового фило- и онтогенеза и ЗС-характеристики. “Род человеческий можно уподобить младенцу, достигшему через несколько веков совершенного возраста” (Шишков 1829:87). При произнесении буквы **У** “расположение гортани и губ делает издаваемый ею голос грубейшим и удобнейшим к изъявлению удивления и страха, более других страстей потрясающего наше чувство” (Шишков 1829: 88).

В работах Шишкова находим мысли, которые коррелируют с ФС-принципом отражения и законом соответствия, а также попытки проследить и уловить момент деэтимологизации языкового знака.

“Язык наш есть зеркало природы. Где в ней звук соединен с расширением тела, там и мы, соединяя сии два понятия, можем столько же сказать ***бухнуть*** или ***пухнуть*** из пушки (т.е. выстрелить), сколько ***пухнуть*** от водяной болезни (т.е. расширяться, толстеть)” (Шишков 1829: 96).

Современными представляются рассуждения адмирала о синестезии.

“Так, например, в одном и том же слове соединяет (по Шишкову, “ум человеческий”. - *С.Ш.*) два весьма различные понятия, звук и запах. Причиною тому, что они в природе нераздельны: звук, как мы выше его объясняли, связан с дыханием, а дыхание с запахом, следовательно, и запах со звуком; ибо чувству нашему одинаким образом сообщается понятие, как от приходящего в уши звука, так равно и от приходящего в нос запаха. Отселе без всякой погрешности говорим: слышишь ли ты, какой здесь запах? не взирая, что запах не есть звук, и что мы не ушами его слышим, но обоняем носом” (Шишков 1829: 102-103).

Этимологические изыскания А.С.Шишкова иногда являются весьма вольными построениями, однако многие этимологические гнезда, выстраиваемые адмиралом (часто интуитивной логикой наивного мышления), подтверждаются данными современной этимологии.

Ср., например, “фантастические” этимологии: “слово *слуга* (по близости звука букв *г* и *х*) легко могло измениться из слова *слуха*, то есть слушающий, повинующийся повелевающему гласу”; *глухой* от *голый* + *ухо,*

т.е голоухий; *наука* от *науха*, т.к. “ибо главным образом приобретается посредством уха или слышания” (Шишков 1829: 104-106). Однако, очень близко к данным современной этимологии: как родственные “колена или семейства слов” рассматриваются ***дух, духота, духовный, душисто, душно, воздух, дыхание, вздох, дышать, дуть, дуться, дуло, дудка, душа, душевный, благодушие*** и проч.; “из ***пу*** (господствует главное понятие о звуке), ***пух*** (о расширенном теле), ***пых*** (о сильном дышании), ***пах*** (о веянии воздуха), ***пих*** (о толкании)” произошли слова ***пушка, пиф, паф, пикать, пищать, пухнуть, опухоль, пух, пуховик, пучить, пучина, пук, пукать, пугать, пыхтеть, пышно, напыщенный, пихать, пхнуть, пнуть, запах*** и пр. (Шишков 1829: 91-95); *ноздри* от *нос* и ***диры*** ; ***скопец*** от ***кепать*** (т.е. рубить, сечь, резать.). Сюда же ***щепа, щель*** (Шишков 1831: 101, 119).

Внимательное прочтение работ А.С.Шишкова позволяет обнаружить множество деталей и нюансов ФС характера, которые сегодня считают-ся научно обоснованными.

Проблемы языкового знака, “первоначального” состава языка и звукосимволизма в работах И.С.Рижского, Н.И.Греча, Г.П.Павско-го, К.П.Зеленецкого. Начало научной русской фоносемантической мысли можно отнести к первым десятилетиям XIX в., когда в русском языкознании проявляется интерес к идеям универсальной грамматики в работах **И.С.Рижского, И.Орнатовского, И.Ф.Тимковского, Н.И.Гре-ча, Г.П.Павского,** а также увлечение идеями В. фон Гумбольдта, влияя-ние которых особенно заметно работах **И.И.Давыдова и К.П.Зеле-нецкого.**

И.С.Рижский в работе “*Введение в круг словесности*” (1806) задолго до В. фон Гумбольдта через язык определяет особенности нацио-нального миропонимания, этнического взгляда на вещи и явления, кото-рые отражаются в языке народа (“понятия о сих, как бы собственность народа составляющих предметах”) и определяют “физиономию” языка (по Гумбольдту, “внутренняя форма языка”).

Важной представляется мысль о множественности номинации, об отсутствии одно-однозначной связи при рождении языкового знака.

“От сего происходит, что понятия разных народов об одной и той же вещи бывают различны в рассуждении а) точности (pour la jastesse) или, яснее сказать, сходства их с подлинниками; <...> б) если можно так сказать, обширности (pour l’2tendue), т.е. что одно менее, а другое более <...> объемлет свойств своего предмета; так что в последнем случае содержит в себе несколько сокрытых рассуждений; и, наконец, в) своего действия (pour l’effet), служа более или менее к отличению своего предмета от других <...> Но если в рассуждении понятий не могут быть согласны между собой народы, то как можно от них ожидать единомыслия в соединении оных” (Рижский 1806: 31-32).

Подобные мысли находим в работе "*Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных*" (1810) **И.Орнатовского.** "Ибо язык (sermo, Sprache) вообще означает способ выражать мысли свои разнообразными звукоизменниями, принятыми в каждом народе особливо, или известное употребление слова одному какому-нибудь народу свойственное" (Орнатовский 1810: 33). В работе И. Орнатовского важной является мысль о постепенном развитии языка. В рассуждениях **И.Ф.Тимковского** в работе "*Опытный способ к философическому познанию российского языка*" (1811) наиболее интересны суждения об историческом развитии языка (Тимковский 1811).

Важными для развития фоносемантического подхода к языку представляются исследования Н.И.Греча и Г.П.Павского.

Н.И.Греч в работах "*Пространная русская грамматика*"(1827) и "*Практическая русская грамматика*"(1827) выделяет два аспекта изучения языка: философский (изучение языка как "связной системы", где должны быть определены отношения между "изображением мысли" и "звуками голоса") и исторический (изучение "происхождения и постепенного образования языка") (Греч 1830). Ученый не только отста-ивает ЗП и междометную теории происхождения языка, делает робкие, субъективные, наивно-античные (осмеянные современниками) попытки осмысления ЗС в языке, но и говорит об утрате примарной мотивированности слов в процессе деэтимологизации.

По мнению Н.И.Греча, радость и удивление означались звуками ***а, э,*** смех - *и*, внезапность - *о*, страх - *у*. "Приятность или неприятность внутренних ощущений выражаются равномерно звуками нежными или грубыми; таким образом и не знающий языка поймет, что слова *мил, люб* означают чувственные благоволения любви, а *страх, ужас, мерзость* - ощущения суровые и грозные" (Греч 1830: 11).

Подобные рассуждения напоминают байку об иностранце, которого спросили, назвал бы он свою дочь именем "телятина", на что иностранец без колебаний ответил согласием, ибо, по его мнению, имя это нежное, ласковое и женщине, безусловно, подходящее. Вероятно, иностранцу понравились бы такие "женские" имена как "линия", "молекула", "слюна".

Н.И.Греч выделяет "два разряда слов: 1) первобытные слова, знаки впечатлений на чувства наружные; 2) знаки внутренних, душевных действий и движений, составленные их первобытных посредством метафоры, т.е. переноса, подобия и т.п. Те и другие слова были сначала подражания, но мало-помалу сделались знаками произвольными, условными" (Греч 1830: 13).

В исследовании **Г.П.Павского** "*Филологические наблюдения над составом русского языка*" (1841-1842) представлен "первоначальный состав" языка, где выделяются ЗП ("те звуки, которыми начинающий говорить подделывается под голос одушевленной и неодушевленной

природы”), междометия (“невольные порывы чувств радости, печали, удивления, страха”) и “лепетные” слова (“первые звуки детских уст”), т.е. описывается первая (в генезисе) стадия развития языка - натуральная. Можно говорить о смутном предположении ученого о ФС- законе изоморфизма и первом приближении к понятию фонемотипа, по крайне мере, на начальной стадии развития языка.

Мысль о стадиальном развитии языка, его изначальной отприродности неоднок-ратно возникает в размышлениях Г.Павского: “В человеке свободно мыслящая сила не вдруг обнаруживается. Сперва весь он (язык) состоит под влиянием природы и управляется слепою чувственностью”. Интересным представляется замечание прото-ирея Павского о некотором сходстве звуков человеческого языка: ”И как природа ве-зде действует одинаково, то и первоначальные звуки человеческих уст во всех язы-ках одни и те же или, по крайней мере, сходны между собой” (Павский 1842: 74-75).

Не менее важным является в работе новый взгляд на этимологию, хотя сам Г.П.Павский не был лишен элементов “дурного” шишковского “корнесловия” в построении этимологий.

“Нелегко выискивать чистые корни русского языка. Любитель слова, решаю-щийся на такое изыскание, должен иметь ясное понятие о всех формах русского сло-вопроизводства и основательное знание иноземных языков, с которыми русский язык бывал в связи. Иначе он тотчас собьется с прямой дороги и подвергнет себя посмеянию людей здравомыслящих” (Павский 1842: 74-75).

Особо значимыми являются в трудах Г.П.Павского исследования форм русского словопроизводства и словообразования внутри классов имен и глаголов, где особенно глубоко разработана система глагола.

“Исследование Павского составило целую эпоху в истории русских грамма-тических исследований. На него опираются, из него исходят почти все русские грам-матические построения с уклоном в философию языка - вплоть до работ А.А.Потеб-ни” (Виноградов 1978, 299).

Необходимо вспомнить также, что русская церковь дала немало философов, которые развивали философию имени как лингвистическую концепцию, выйдя за рамки имяславия как учения об Имени Божием. Особенно активно эта теория развивалась в начале XX в. в трудах В.Ф.Эрна, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева, С.Н.Булгакова, которые пошли дальше протоирея Г.Павского.

В работе **К.П.Зеленецкого** “*Система и содержание философского языкоучения с приложением к языку русскому*” (1841), которая, к сожалению, дошла до читателя лишь в конспективной форме, решаются многие вопросы общего языкознания.

К.П.Зеленецкий указывает на неразрывную взаимосвязь мышления и языка, а отражение природы древним человеком рассматривается в

пространственной и вре-менной форме бытия. При этом пространство и время по-разному воспринимаются различными народами, что находит отражение в грамматической структуре того или иного языка.

Особое значение в формировании человеческого языка К.П.Зеле-нецкий придает междометиям, которые первоначально развивались из органических движений человека. При этом ученый четко различает “природное” и “социальное” в междометии, предупреждая всякий спекулятивный подход к вопросу.

“Порыв духовной природы человека к мышлению необходимо сопровождался благороднейшим порывом его телесного организма и выразился в нем <...>. При этом необходимо должно различать чувствование от ощущения, из коих последнее не характеризует еще собою человека, а свойственно и животным. Если же ощуще-ние и выражается в звуках, то все-таки не междометиями, а диким, нечеловеческим воплем <...> Развитие чувства: происхождение междометия. Исторический взгляд на учение, в котором междометия принимались за первоначальную форму слова. Ложность начала, на котором основывалось это учение” (Зеленецкий 1977: 77-78).

Подобные мысли находим в работе **И.И.Давыдова** “*Опыт общесравнительной грамматики русского языка*”(1852), которые, од-нако, не отличаются глубиной и последовательностью.

«Дар слова рождается из органической жизни человека: человек говорит, потому что мыслит; развитием мысли условливается развитие слова <...> В языке должно признать первоначальную гармонию и благозвучие, как вообще сливается логичес-кое начало с фоническим» (Давыдов 1977: 84-85).

Фоносемантические идеи в работах Ф.И.Буслаева и К.С.Аксакова. Конец 50-70-е гг. XIX в. отмечен критическим отношением к положениям ло-гической грамматики. Распространение славянофильства приводит к внимательному изучению грамматики родного языка.

В лингвистических взглядах **Ф.И.Буслаева** (“*О преподавании отечественного языка”* 1844) соединились сравнительно-исторический и логический подходы к изучению языка.

Выделяя два периода (древнейший и позднейший) развития языка, Ф.И.Буслаев считал, что первый необходимо исследовать при помощи сравнительно-истори-ческого метода, а современный - на основе логических принципов.

По мнению Ф.И.Буслаева, в основе номинации лежит первона-чальное впечатление от свойства предмета, которое ярче других броса-ется в глаза и сильнее затрагивает “чувства и воображение”, что соотно-сится с современными теориями ЗС и понятием синестезии.

”Внутреннюю силу старинного языка можно уподобить острому зрению, чутко-му слуху, обонянию дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся к простой природе”; “...потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, как преобладание мысли над звуком и частным впечатлением” (Буслаев 1992:115).

В работах Ф.И.Буслаева находим размышления о примарно Мотивированных словах и утрате примарной мотивированности.

”Значение слов физическое древнее нравственного; например, *коловратный* те-перь значит “непостоянный, изменяющийся”; прежде: “вертящийся колесом. Физии-ческое значение, ближайшее к живому впечатлению, первобытнее: так, понятие зву-ка переходит в понятие цвета <...>. Со временем живое значение слова теряется, впе-чатление забывается и остается одно только отвлеченное понятие” (Буслаев 1992: 273).“Сравнительная грамматика Боппа и исследования Гримма привели меня к тому убеждению, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатление, и потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия (Буслаев 1897: 282).

Неоднократно развивается мысль о множественности номинации как в рамках одного языка, так и на материале различных языков.

“Словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу; так, по-санскр. *слонъ* называется дважды пьющимъ, двузубымъ, снабженнымъ рукою. Следов., синонимы должны определяться не по предметам, ими означаемым, а по точке зрения, с которой человек смотрел на предмет при сотворении слова” (Буслаев 1992: 273); “Один и тот же предмет одарен различными свойствами, и каждый язык называет его по одному какому-либо свойству. Например, лиса - красная, волосатая, хищная, лукавая; по-немецки лиса значит “красный” (т.е. зверь), по-санскритски lomaça, lopāçka - “волосатый”...; латинское volpes (одного корня с немецким Wolf; готским vilvan - “грабить”) значит грабителя, хищника, по-французски в старину также volps ...” (Буслаев 1992: 114).

Свой “*Опыт русской грамматики*” (1860) **К.С.Аксаков** начинает с рассуждения о ... звуке, ибо “первый вопрос грамматики заключается в том, вследствие каких законов слово человеческое, выражая мысль, приняло такие и такие формы” (Аксаков 1880, 2: 6).

Попытка ученого проследить начало слова и его формы начиная со звука полу-чила критическую оценку современников. Однако именно этот опыт толкования гра-мматического через фоносемантическое принципиально отличает аксаковскую кон-цепцию от всех предыдущих и многих последующих. Взгляды К.С.Аксакова близки лингвистическим взглядам Г.П.Павского, которые, впрочем, оценивались языкове-дами сравнительно-исторического языкознания осторожно, а порой и весьма скепти-чески. Интересно, что Ф.И.Буслаев, критикуя лингвистическую концепцию Г.П.Па-вского, весьма близок к нему в своих

фоносемантических рассуждениях относи-тельно природы и множественности номинации.

Звук, по К.С.Аксакову, - та субстанция, которая определяет бытие всего сущего. Звуки подразделяются на внешние (звуки природы и окру-жающих предметов) и внутренние (издаваемые животными и челове-ком); неорганические и органические. К.С.Аксаков дает почти точную фоносемантическую классификацию звуков, выделяя удар (*стук*), шум и тон (*голос*).

Сознание, или на сей раз сознавание, выражающееся в определенном образе, есть *Звук*. Звук - душа и существо предмета: таково его значение на земле, где все стремится *подать свой голос*. <...> Неорганический предмет при соприкосновении с другим издает звук. В этом звуке выражается существо неорганического предмета. <...> Звук на этой степени есть только внешний, только *стук*. Но высказывая существо предмета на этой первой степени, самый стук становится разнообразен, выражая меру и особенность соприкосновения, показывая большую или меньшую плотность, мягкость и другое свойство неорганической массы неорганического предмета, и потому является громче и тише, оглушительно и едва слышно, как *шорох, гром, треск, шелест* и пр. <...> В царстве растений, уже органическом, <...> звук остается еще внешним. <...> Здесь разнообразный стук неорганического царства сводится к одному выражению; звук является здесь только, как *шум* <...> Шум имеет свои оттенки, смотря по тому, какой растительный предмет шумит <...> В царстве животных звук перестает быть внешним; он исторгается уже произвольно из груди живого существа; здесь он внутренний, здесь он - *голос*, в котором выражается вся жизнь, вся душа целого существа. Здесь звук есть уже звук органический. <...> Слово - это новый звук. В слове звук одухотворяется, так что перестает быть только звуком, но становится мыслью (Аксаков 1860: 4-8).

Ср. классификации А.М.Газова-Гинзберга (внешнее и внутреннее звукоизоб-ражение), С.В.Воронина (акустические и артикуляторные ономатопы; классы онома-топов: удар, неудар (шум, тон), диссонанс), Ю.Казарина (звуки неживой (натур-факты, артефакты) и живой (фитофакты, зоофакты, антропофакты) природы) (Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982; Казарин 2000).

Интересными представляются мысли К.С.Аксакова о взаимо-обусловленности природной и социальной сфер. Интересно, что К.Акса-ков употребляет то же слово, что и В.Вернадский – сфера, указывая при этом на переход звуков из биосферы в семисферу (слово).

В слове “имеют место и неорганический звук, и органический звук предыдущей области или царства животных, птиц и зверей. Ибо, являясь венцом создания на земле, человек заключает в себе элементы предыдущих сфер, и вместе выражение этих элементов, их звук: и *стук*, и *голос*” (Аксаков 1860: 8).

Находим у К.Аксакова и отдельные замечания о звукосимволизме, который отмечается как на акустическом, так и графическом уровнях.

Имена среднего рода оканчиваются на букву гласную: О, букву неопределен-ную, неясную в произношении, среднюю, как мы о ней выразились; можно ее наз-вать круглую и в смысле звука Звук этой буквы, точно круглый и по самому начер-танию, употребляется в нашем языке часто для выражения круга (Аксаков 1860: 44).

Однако самым оригинальным в лингвистической концепции К.С.Аксакова, на наш взгляд, является его грамматическая фоносемантика. Осмысление грамматических категорий в концепции ученого напрямую связаны с реальностью бытия [21].

Все исследуемые категории грамматики предстают в оппозиции “означаемое - означающее”, поэтому современные исследования по грамматической фоносемантике в русистике должны начинаться с тщательной проверки аксаковской концепции.

Ср., например, у К.С.Аксакова: <...> окончания на *ха*: *Ванюха*, *Матюха*, *Миш-уха*, - имеет в себе что-то грубовато-доброе и простодушное; а окончания на *та*: *Ми-шута*, - что-то ласковое и дружелюбное; <...> уменьшительная форма непременно обращает внимание не на единичность предмета, а на самый вид его, на самую, сле-довательно, наружность; Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ла-скающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, умень-шаясь, являются милыми; в том же духе составлена слова *тафтица*, *братец*, *водица, суконцо* и пр.; Окончания *ца*, *цо*, *цъ* преимущественно имеет значение милого, доб-рого, дорогого, любезного; Падежи имеют, повторяем, свой самостоятельный, неза-висимый, разумный смысл, и потому могут и должны рассматриваться сами в себе, а не только в употреблении... (Аксаков 1860: 61-65; 83).

Проблемы мотивированности языкового знака в работах М.А.Тулова и А.А.Потебни. В 60-е гг. XIX в. внимание лингвистов привлека-ют психологические основы функционирования языка, что во многом связано с рас-пространением идей В.фон Гумбольдта и Г.Штейнталя.

М.А.Тулов в работах “*Обозрение лингвистических категорий*” (1861) и “*Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке*” (1874) пытается объяснить процесс мышления, который проходит ряд этапов: на этапе созерцания предмет существует в сознании без имени, в процессе созерцания человек выделяет отличительную черту денотата и формирует представление о предмете, которое тесно связано со словом, на следующем этапе формируется понятие, которое является совокуп-ностью признаков представлений.

“Едва разум души произнес свой суд об известном созерцании, отметив в нем его характеристическую черту, как тот же суд повторили и уста человека в звуке слова” (Тулов 1977:167).

При этом различные языки фиксируют взгляд на разных чертах номинируемого предмета.

“Каждый народ внес в свои представления о предметах и в их названия не ту че-рту, на которую, как на существенную, могла бы указать ему логика общече-ловеческого мышления, а ту, которая показалась народу главною и существенною с точки зрения его национального миросозерцания” (Тулов 1977: 169).

М.А.Тулов разрабатывает учение об этимологическом смысле слова, под которым он понимает характерный признак предмета, лежащий в основе номинации. В результате развития языка этимологический смысл может меняться и даже исчезать, таким образом и происходит утрата примарной мотивированности.

“С утратою своего этимологического значения слово делается будто пустым зву-ком, ожидающим своего умственного содержания от личного понимания говоря-щего” (Тулов 1977: 171).

Понимание этимологического значения в работах М.А.Тулова коре-лирует с понятием внутренней формы слова в учении А.А.Потебни. В концепции М.А.Тулова обнаруживается понимание законов множественности номинации, относительной деэтимологизации языкового знака и безусловной мотивированности языкового знака.

”Но нет сомнения, что слово есть естественный знак мысли, что знак этот не есть плод изобретательности и произвола человека, а дан ему природой как рефлек-сивное движение, долженствующее служить выражением и отводом внутренней работы мысли” (Тулов 1977: 167).

Лингвистическая концепция **А.А.Потебни** всегда привлекала своей глубиной и оригинальностью. Более того, его идеи, представленные в основных трудах “*Мысль и язык*” (1862) и *“Из записок по русской грамматике*” (1874), сегодня получают “второе рождение” в рамках психолингвистики, этнолингвистики, лексикологии и пр.

Учение А.А.Потебни получало неоднократную интерпретацию в истории линг-вистики (Будагов 1988; Виноградов 1978; Гришман 1988; Иванько, Колодная 1976; Кацнельсон 1985; Муратов 1990; Минералов 1987; Наумова 1990; Соколовская 1989), а потому остановимся лишь на принципиально важном для фоносемантики.

Одной из важнейших общелингвистических проблем, разрабатыва-емой А.А.Потебней, является проблема происхождения и эволюции языка. А.А.Потебня развивает выдвинутую В.фон Гумбольдтом и под-держанную Г.Штейнталем ономатопоэтическую (звукоподражательную) теорию происхождения языка, которая, однако, является не только фи-лософской и

мировоззренческой, но и лингвистической концепцией, по-скольку актуализирует прежде всего данные психологии и языкознания.

Здесь на первый план выдвигаются этимологические и ассоциативные связи в номинации денотата определенным звуковым комплексом; делается попытка пред-ставить картину становления членораздельной речи как отдельного индивида, так и сообщества индивидов; рассматриваются не общие принципы взаимосвязи звука и смысла, а их отношения в структуре языка (лексика и грамматика, членов предло-жения и частей синтагм и пр.); делается попытка рассмотреть механизмы перехода этимологического значения в современное лексическое и т.д.

Работа “Мысль и язык” начинается с обзора теорий “сознательного изобретения слова людьми”, “непосредственного создания его богом” (А.Ф.Мерзляков, И.Орнатовский, К.С.Аксаков) и “бессознательного про-исхождения языка” (К.-Ф.Беккер, А.Шлейхер) и полемики с ними.

“Все упомянутые теории смотрят на язык, как на готовую уже вещь <...> и по-тому не могут понять, откуда он взялся. С этим согласно их стремление отождест-влять грамматику и вообще языкознание с логикой, которой тоже чуждо начало исследования исторического хода мыслей” (Потебня 1990: 22).

Решение проблемы “мысль и язык” А.А.Потебня связывал с реше-нием проблемы происхождения и эволюции языка и слова, где основной задачей ставилось изучение процесса “перевода” субъективных пред-ставлений человека в объективные при помощи слов. Это возможно, по мнению ученого, лишь при соединении методов сравнительно-исто-рического языкознания и психологии [22].

Развивая идею В.Гумбольдта о том, что «язык, в сущности, есть неч-то постоянное, в каждое мгновенье исчезающее», «не мертвое произве-дение, а деятельность», «вечно повторяющееся усилие духа сделать чле-нораздельный звук выражением мысли», А.Потебня прослеживает про-цесс образования понятия.

«Нетрудно вывести из разбора слов какого бы ни было языка, что слово собст-венно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак. Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только *постланное* (корень *стл*, тот же, что в глаголе *стлать*), и поэтому оно может Одина-ково обозначать всякие столы, независимо от их формы, величины, материала».

Разрабатывая принципы языковой номинации, А.А.Потебня создает учение о внутренней форме слова. Внутренняя форма слова - это приз-нак, положенный в основу номинации, который мотивирует звуковой облик слова и указывает на причину, по которой данное значение получает именно такую звуковую оболочку.

Выбор признака может быть произвольный: ср. рус. *портной* < *порты* “одежда”; нем. *Schneider* < *schneiden* “резать”; болг. *шивач* < *шия* “шить”.

Признак, положенный в основу номинации, может утрачиваться (ср. *кольцо* < *коло* “колесо”; *мешок* < *мех*), тогда происходит утрата признака или слова, что часто связано и фонетическими изменениями (ср. *городить* родственно *жердь*).

Понимание внутренней формы исходит из связи звука и значения. А.А.Потебня рассматривает внутреннюю форму слова через те компоненты, которые связывают значение со звуком, таким образом, внутренняя форма слова есть его этимологическое (первоначальное) значе-ние. Потеря внутренней формы слова есть его относительная деэтимологизация; восстановление этимологии слова - выход на его образ, представление мысли. А.А.Потебня дает образцы восстановления утрачен-ных связей в семантическом развитии слова и утраты им своей вну-тренней формы, изначально мотивированной звуком.

При этом ученый отмечает практическую неразрешимость поставленной задачи. А.А.Потебня говорит об «одухотворении звука фанта-зией», «восприятии души, природа коей никогда не уяснится нам до такой степени, как устройство механизма».

Формою поэтического значения будет не звук, первоначальная внешняя форма, а слово, единство звука и значения (Потебня 1990: 25). При этом А.А.Потебня выво-дит из сферы слова междометия, которые он рассматривает наряду со звуками, изда-ваемыми животными и птицами: “Звук, как междометие, как рефлексия чувств, и чу-вственный образ, или схема, были уже до слова; но самое слово не дается механис-тическим соединением этих стихий. Внутренняя форма в самую минуту своего рождения изменяет и звук и чувственный образ. Изменение звука состоит <...> в устра-нении того страстного оттенка, нарушающего членораздельность, какой свойствен междометию” (Потебня 1990: 27).

«Вполне законно видеть сходство между известным членораздельным звуком и видимым или осязаемым предметом, но должен заметить, что не слыхал ни об одном из подобных сравнений, которое имело бы сколько-нибудь научный характер», поскольку «нет возможности не пропустить ступеней, соединяющих предмет со звуком» (Потебня 1913: 89-90).

Взгляды А.А.Потебни встретили критику лингвистов (Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов, И.А.Бодуэн де Куртенэ), однако нашли распространение в литературной теории и практике начала XX в. (работы Г.Г.Шпета, Ю.Н.Тынянова, Г.О.Винокура, А.В.Чичерина, М.М.Бахтина; поэтика символистов, футуристов).

Казанская и Московская лингвистические школы. Вопросы происхождения языка в работах Д.Н.Кудрявского. Дальнейшее развитие русской лингвистической мысли связано с деятельностью Казанской лингвистической школы (**И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.В.Крушевский, В.А.Богородицкий, А.И.Анастасиев, А.И. Александров**) и Московской

“формальной” школы (**Ф.Ф.Фортунатов А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, В.А.Богородицкий, М.М.Покровский**), которые не уделяли специального внимания вопросам, связанным с фоносе-мантикой. “Наука о языке, очевидно, развивается циклически, каждый раз начинаясь со звукового слоя, потом передвигаясь через морфо-системы к синтаксическим” (Николаева 1996: 85) [23].

После А.А.Потебни, который объяснял происхождение языка психологическими факторами, проблема происхождения языка не занимает русистику, которая ограничивается лишь редкими и частными замечаниями по этому вопросу.

И.А.Бодуэн де Куртенэ придерживался эволюционной теории происхождения и развития языка (путем восхождения от более низких ступеней развития к ступеням более высоким) и считал особенно важным и необходимым для науки воссоздать так называемые первобытные (Ursprachen) и основные (Grundsprachen) языки. Ученый придерживается теории полигенетического происхождения языка, считая что “миф о происхождении всех людей от одной пары не может быть фактом на-уки”. Важным условием возникновения речи И.А.Бодуэн де Куртенэ считает прямохождение, которое приводит к изменению моторики, в том числе и артикуляционной. Отдельными замечаниями ставится вопрос о “языке” животных и птиц (Бодуэн де Куртенэ 1963, 1: 67-69, 209-211). **В.А.Богородицкий** объяснял зарождение звукового языка в необходимости социального взаимодействия.

Более подробно этот вопрос исследовался **Д.Н.Кудрявским**, что, на наш взгляд, обусловлено не движением общенаучной и индивидуальной лингвистической мысли, а биографическими факторами.

На Д.Н.Кудрявского оказывают большое влияние работы К.Маркса, Ф.Энгельса и Г.В.Плеханова. Он переводит на русский язык работу Ф.Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, что и предопределяет его лингвистические взгляды на вопрос о происхождении языка.

В работе Д.Н.Кудрявского “*Введение в языкознание*” (1912, 1913) центром проблем языкознания называется вопрос о происхождении языка, который решается в контексте популярной тогда теории Эн-гельса-Нуаре и - одновременно - традиционных для русистики междо-метной и ЗП-теориях. Развитие головного мозга и органов речи связы-вается с прямохождением и освобождением руки, которые и явились од-ним из условий преобразования звуков животных и междометий в зву-ковые символы, обозначающие “смутные, нерасчлененные, сложные представления”, которые превращаются в слово. Особую роль в возникновении языка Д.Н.Кудрявский отводит междометиям, ограничиваясь при этом лишь указанием этапов в развитии языка из звуков животных и междометий.

“<...> В междометии отражается непосредственно сильное душевное движение, которое даже может являться препятствием для произнесения слова, между тем как в слове проявляется спокойная работа ума и, следовательно, значительное ослабление чувства. Это показывает, что для развития языка необходимо было наряду с развити-ем ума и ослабление впечатлительности”; “Такими этапами являются следую-щие моменты: 1) звуки являются непосредственным отражением впечатлений внеш-него мира, 2) звуки становятся символами воспринятых впечатлений и 3) сопос-тавление звуковых символов и соответствующих сложных представлений ведет к обоюдному анализу и вырабатывает слово с его значением” (Кудрявский 1913: 56-60).

Русская научная этимология сформировалась к концу XIX - нач. XX в. в трудах **А.А.Шахматова, Б.М.Ляпунова, А.И.Соболевского, Г.А.Ильинского, Н.В.Горяева, А.Г.Преображенского**, **С.Микуцкого,** которым посвящены многочисленные исследования и комментарии.

Поиски взаимосвязи звука и смысла в XX веке

“По имени житие, а не имя по житию...”: философия имени. “Философия имени” (термин А.Ф.Лосева) получила широкое развитие в нач. XX в. в трудах П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева, С.Н.Булгакова (Флоренс-кий 1990; Лосев 1993; Булгаков 1953).

Изначально имяславие развивалось как учение об Имени Божием в традиции во-сточнославянской философской словологии, которое позднее пришло к оригиналь-ной концепции языка. В спорах имяславцев обсуждался вопрос о том, является ли Имя Божие только условным именем, как остальные слова языка, или это имя есть Сам Бог. Церковного решения эта проблема не получила и по сегодняшний день, однако работы имяславцев “дали определенный толчок развитию мысли – стимул и материал для создания философии слова” (Андроник (Трубачев) 1990: 425-426).

Один из центральных тезисов философии имени гласит: “Имя неот-делимо от сущности, и потому есть сама сущность; но сущность имену-ема, и потому она - не имя” (Лосев 1993: 156). А.Ф.Лосев писал, что “те-ории языка и имени не повезло в России” (Лосев 1993: 615), тогда как “каждая наука - в словах и о словах” (Лосев 1993: 628), а “имя - как мак-симальное напряжение осмысленного бытия вообще - есть также и ос-нование, сила, цель, творчество и подвиг также и всей жизни, не только философии” (Лосев 1993: 746).

Не вдаваясь в анализ сложнейшей концепции языка этих философов, которая неоднократно рассматривалась в литературе именно с позиций означающего и означаемого (Трубецкой 1994; Степанов 1985; Постовалова 1990; 1995; Андроник (Трубачев) 1990; Доброхотов 1990; 1996; Гоготишвили 1993 Камчатнов, Николина 2000), отметим лишь то, что в их

работах указывается на “активное имяборчество” в философии и культуре того времени.

А.Ф.Лосев говорит о разламывании имен по духовной их сущности, отщеплении признаков от личности, перерождении имени собственного в нарицательное, отрыве имени от вещей (Лосев 1993а), но при этом отмечает “подлинную ономатологическую магистраль”, которая берет свое начало от “*Кратила*” Платона через философию Ф.Шеллинга и Г.Гегеля к В. фон Гумбольдту, К.Аксакову, А.Потебне, Г.Шпету, Э.Гуссерлю, А.Марти, Э.Кассиреру (Лосев 1993а).

Однако, несмотря на актуальность этой “магистрали” для развития языкознания, труды философов “не смогли оказать сколько-нибудь заметного влияния на развитие отечественного языкознания. Онтологическая теория смысла могла бы стать, но не стала основой разнообразных лингвистических исследований, то есть не превратилась в методологию лингвистической семасиологии” (Камчатнов, Николина 2000: 36).

Показательными являются выводы А.М.Камчатнова и Н.А.Николиной, которые глубоко и всесторонне исследуют философию имени в контексте номинации, решая проблему - “как происходит соединение звука со смыслом”: “Ф. де Соссюр неверно учил о том, что означаемым слова является понятие; на самом деле означаемым яв-ляется *понимаемое понятие*. Если смысл сам по себе есть отвлеченность, то понима-емый смысл является всегда индивидуально-языковым, вследствие чего он обязан иметь свое “лицо”, каковым и является его звуковой облик. Учить об условности языкового знака все равно что учить об условности человеческого лица; говорить, что смысл мог бы быть выражен любым другим сочетанием звуков, все равно что го-ворить, что у человека могло бы быть другое лицо. Будем ли мы считать себя сами-ми собой, если, взглянув в зеркало, вдруг увидим там вместо своего совершенно чу-жое лицо?” (Камчатнов, Николина 2000: 60). В сущности здесь наряду с другими языковыми законами так или иначе постулируется фоносемантический закон мно-жественности номинации и принцип мотивированности языкового знака.

“Мир состоит из фонем, шумов, движений”: “заумный язык” футуристов и обэриутов. Общие замечания. Среди парадигм-маргиналий сле-дует особо выделить совершенно не затронутый исследователями пласт лингвисти-ческих штудий тех, кого мы сейчас рискнем объединить под условным названием авангарда 20-30-х гг., причислив к нему А.Крученых, В.Хлебникова, А.Туфанова, Я.Друскина и Л.Липавского. Может быть, вслед за Я.В.Лоя, эти маргинальные пара-дигмы объединяются под общим условным названием лингвистического модерниз-ма, или, точнее, языковедного андеграунда (Базылев, Нерознак 2001: 13-14).

Центральным вопросом в эстетических концепциях лингвомодернистов (футуристов и обэриутов) был вопрос о сущности слова: стрем-

ление к адекватному (и даже идеальному) соответствию между означаемым и означающим привели художников к созданию собственного язы-ка, так называемой “зауми”, “заумной речи”.

Поэты-заумники трактовали заумь как особый поэтический язык, не имеющий общесистемного значения, как “личный” язык (“творец индивидуален”), который не признает слов естественного языка. Понятие “заумь” выдвинуто теоретиками рус-ского футуризма в начале 20-х гг. XX века. Термин введен В.Хлебниковым, который пытался обнаружить общие законы прямой взаимозависимости звучания и смысла. Традиционно под заумью понимаются отдельные поэтические опыты русских футу-ристов (А.Крученых, В.Каменского, В.Хлебникова, Е.Гуро, В.Шершеневича, А.Туфанова и др.) и поэтов Объединения реального искусства (ОБЭРИУ) (Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева, Б.Левина, К.Вагинова, Н.Заболоцкого и др.).

Суть этих поисков - “самовитое” слово “вне быта и жизненных польз” (В.Хлеб-ников). Футуристы рассматривали заумь как “грядущий мировой язык в зародыше, только он может соединить людей”. Создание “нового” языка, по мнению футурис-тов, являлось не только способом поэтического выражения, их творческой задачей, но и созданием нового средства переустройства мира. Обэриуты видели в зауми спо-соб не только творения собственного поэтического, но и бытового, комфортного для них, мира.

Рассматривая эстетические и лингвистические новации заумников, можно считать, что в творчестве футуристов актуализирован лингвосемиотический аспект языкового знака, тогда как обэриуты были более склонны интерпретировать знак в философском контексте, однако в том или ином виде их поиски нового языка обусловлены стремлением к вскрытию “загадки слова и мироздания”.

Причем в том и другом случае речь идет об отказе от конвенциональности знака, в том числе и лингвистического. Если футуристы так или иначе видели свой язык в той или иной семиосфере, то обэриуты отказывались от семиотичности как таковой, пытаясь выйти за рамки языка вообще и построить картину мира вне языкового континуума, на границе биосферы и семиосферы. Однако языковое выражение обэриут-ского “невыразимого” не позволяет им уйти далеко от того, что уже су-ществует в семиотическом пространстве их времени.

Ср.: «<…> в абсурдном мире ВСЕ уже сказано и сделано. Если уже никто НИЧЕГО не понимает, то надо “бить” (вместо “быть”), то есть перейти на эвидентность беззнакового приобщения (у Хлебникова это - каннибализм), или беззнакового (постзнакового) гробианизма. В апофатических жанрах герой или учитель таким образом демонстрируют ученикам несообщаемость истины или абсолютного (что встречается и в буддистких, и в христианских мистических текстах или жанрах поведения и поучения)» (Hansen-Löve 1994: 39).

Не случайно, Б.Эйхенбаум говорил о том, что “футуризм есть явление больше порядка психологически-языкового, чем эстетического” (Эйхенбаум 1987: 327). А творчество обэриутов точнее определяется не столько через лингвистику, сколько через философию, однако “филологи не имеют *средств*, чтобы идентифицировать философию у обэриутов, а философы не имеют *желания* этим заниматься” (Логос 1993: 7). Ср. также исследования и трактаты обэриутов: “*Теория слова”, “Исследо-вание ужаса”, “Разговоры”* Л.Липавского; *“О времени, о пространстве, о сущест-вовании”, “Измерение вещей”, “Одиннадцать утверждений Д.И.Хармса”, “Трак-тат более или менее по конспекту Эмерсена”, “О круге”,“Предметы и фигуры открытые Даниилом Ивановичем Хармсом”* Д.Хармса; “Это и то*”, “Классификация точек”, “Движение”, “Вестники и их разговоры*” Я.Друскина и др.

Филолог, если, конечно, он осознает границы собственной дисциплины, отходит в сторону, когда приходит философ и говорит: я знаю, как это понимать. Если он “приходит” (Логос 1993: 141). Поскольку философское осмысление идей обэриутов еще впереди, остановимся лишь на отдельных лингвистических положениях, выдви-гаемых обэриутами.

При категорическом отрицании обэриутами эстетических основ фу-туристов можно отметить общие языковые тенденции этих направлений: “новые” лингвистические технологии создания “нового” слова; возвра-щение к архаичным семиосферам; обращение к “утраченным” языковым формам или жанрам, сохраняющим языковую архаику; внимание к фо-нетической стороне языка и стремление обнаружить отчетливые связи между означаемым и означающим; сопоставимость синкретизма и пан-семантизма “первобытного” мироощущения В.Хлебникова и “иеро-глифического” способа мышления обэриутов.

Общеизвестно влияние на язык футуристов и обэриутов фольклорной речи, вплоть до копирования (особенно заумных жанров) (Сажин 1999; Парнис 1978; Жаккар 1995; Кацис, Одесский 2001; Григорьев 2000): заговорные, магические и сакральные тексты, детский фольклор и фольклор для детей у В. Хлебникова, Д.Хармса и А.Введенского; нескладухи у Д.Хармса и А.Введенского; жанр нескла-духи особенно любим Д.Хармсом, в его сборнике (1988) 90 % текстов (данные по: Хитренко 1997) построены по этому принципу.

Ср. также обилие аномальных единиц, которые характерны для живой народной речи, в текстах Д.Хармса, А.Введенского, Н.Заболоцкого; в сборнике В.Хлебникова (Хлебников 1989) только звукоподражания составляют 19,1 % , у А.Крученых (Крученых 1989) - 12,4 % (данные по: Хитренко 1997).

“Художник, как Адам...”: языковой знак в концепциях В.Хлеб-никова, А.Крученых, А.Туфанова. Проблема мотивированности

языкового знака в концепциях футуристов - это попытка возврата слову его “первоначального” смысла, что неизбежно приводило их к идее “первобытного” языка, который сохраняется в современном языке, в том числе и в зауми.

Принципы своего творчества футуристы неоднократно и настойчиво заявляли в многочисленных манифестах и декларациях: “*Свояси*” В.Хлебникова (1914), “*Кукиш пошлякам*” А.Крученых (1923), “*Декларация заумного слова*” и “*Апокалипсис в рус-ской литературе*” Хлебникова-Крученых (1923), “*Слово как таковое*” А.Крученых (1920), “*Пощечина общественному вкусу*” В.Хлебникова (1924), “*Садок судей*” (1925), “*К 41*” (1930), “*Декларация заумного ордена*” (1930) и др.

Одним из важнейших признается принцип творчества, который можно назвать фоносемантическим: “Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и *фонической* характеристике” (Литера-турные манифесты 1929: 79).

Исследователи неоднократно отмечали стремление футуристов к “доисторическому периоду языка”, их “эстетический атавизм”, служащий “напоминанием исходных начал данной словесной культуры и постоянным возвращением к ним” (Винокур 1943: 99; Бурлюк 1920: 22; Nilsson 1980, 1984).

“Новый” язык футуристы находили в уже существующем языковом узусе: возвращение в праязыку, который воплощен в фольклорных Жанрах, прежде всего в заумных (В.Хлебников); словотворчество (А.Крученых); реально существующая заумь, которую должен услышать поэт (А.Туфанов) [24].

Не касаясь философских, эстетических и других аспектов зауми, остановимся лишь на поисках связи означаемого и означающего в лингвистических новациях футуристов.

Изначально футуристы понимали заумь как “пред-язык” (Хлебников 1986: 55), “до-умный” язык: “недо-слова поднимаются со дна сознания нашей памяти, памяти наших предков, кричащих на дереве о чем-то им еще непонятном” (Маяковский 1988, 2: 300); “это шевелящийся хаос поэзии, это до-книжный, до-словный хаос, из которого все рождается и в который все уходит” (Шкловский 1987: 254).

Характерно, что, пытаясь возвратиться в началам языка, футуристы декла-рируют единство логосической и эволюционной теорий языка, где наделяют себя функцией библейского Адама (“Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена” А.Крученых), который создавал язык в эволюционном развитии (“птичий”, “заумный”, “звездный” язык В.Хлебникова; ср. также система символов в “личном языке” как распадающаяся мифология А.Введенского и др.).

Наиболее яркой и последовательной является лингвистическая концепция **В.Хлебникова,** которую Ю.С.Степанов определяет как “поэтику

имени” (Степанов 1985: 197). Пути возвращения к “до-умному” языку он искал в самом языке, от которого отказывался (что, кстати, не отно-сится к диалектному народному языку), и других, уже существующих, семиосферах.

Ср. обращение к праславянскому языку (“обязателен праславянский язык как основа стихийности”); культуре Древнего Востока и Древнего Египта, где Хлебникова привлекают тайные (resp. заумные) надписи, начертанные на пирамидах, тронах фараонов, поясе и короне царицы Нефертити из Храма Солнца (ср. также “иероглифический” способ мышления “чинарей”); культурному освоению мифа (именослов, трансформация сюжетов, декларативное введение мифологи-ческого хронотопа); настойчивое обращение к “карнавальному” языку, языку мисте-рий и сакральных текстов; “личный” язык поэта существует в рамках диалектной, фольклорной, экстатической, глоссолалической, детской и даже терминологической научной (орнитологические справочники почти полностью воспроизводят “птичий” язык поэта) речи. Ср. также признание поэта в том, что его русалки “держат в руке учебник Сахарова и поют по нему” (Хлебников 1928, 2: 200).

Однако все это не удовлетворяло поэта, поскольку «заумная речь несравнима с доязыковыми ономатопеями, как обнаженный сегодняш-ний европеец несравним с обнаженным троглодитом» (Якобсон 1983: 316). В.Хлебников пытался найти свой поэтический язык через множес-тво “языков”, которые в большей или меньшей степени связаны со зву-коизобразительностью.

Исследователи идиостиля В.Хлебникова настаивают, что важно не смешивать “заумный язык” (“*Бобэоби*...”) со “звездным языком” (“*Слово об* ***Эль***” и “*Зангези*”), а последний не интерпретировать как “язык звезд”, поскольку это собственно интерлингвистический объект - язык для обитателей звезды, называемой Земля. Существенны в хлебниковской иерархии сходства и различия между “заумью”, “звукописью” (“песни звукописи” в “*Зангези*”), а также “языком богов” и “птичьим языком”; последним посвящены отдельные части “*Зангези*”. При этом “язык птиц” - это достаточно строгая, отвечающая орнитологии 20-х гг. звукозапись “голосов птиц в природе” (Григорьев 1983: 74-118; Mickiewicz 1984: 363-464).

Все языки В.Хлебникова лежат в сфере фоносемантики: “заумный” и “звездный” (“священный язык язычества”) языки - преимущественно звукосимволические; “язык богов” (преимущественно “междометный”) и “”язык птиц” - звукоподражательные.

Создатель “нового” языка идет по тропе, проложенной его далекими предками (ср. звукоподражательная, междометная, ономатопоэтическая, трудовых выкриков теории происхождения языка), а потому совершенно естественны в его творчестве все «первобытные» единицы. Ср. богатейший

набор звукоподражаний, междометий и подзывных слов, используемый В.Хлебниковым: ***а, ай, ау, ах, ей-ей, о, ой, ох, тпру, у, улю-лю, ух, фи, фырр, фу, цыц, эге-ге, эй, эх, бах, ха-ха-ха, хо-хо-хо, пли, мяу, м-му, а-ха-ха, а-ца-ца, ббаам-паах, бом, бим, бам, бу-бу-бу, бух-бах-бах, взы, га-га-га, гау-гау, гм, гоп, гу-гу, ззыз жжа, и-их, кап-кап-кап, киш, киши, кук, ку-кук, лата-тах, ля, м-м э-э, ни гу-гу, но-но-но, пата пап та, птах-птах, та-та, тай-тай-тарарай,тах-тах-тах, тра-ра-ра, трах, трах-тах-тах, хи-их-хи, хи-ха-хо, цить, чих, чу, эво-э, эго-э, э-е-е, эй*** и др. (Григорьев 1990: 158).

Более того, увлечение работами А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни, Д.Ровинского, И.П.Сахарова, В.И.Даля приводит В.Хлебникова к необходимости возвращения мифа в слово, где происходит отождествление слова и вещи.

Моделью своего словотворчества поэт избирает слова из словаря В.Даля ***куроцап, каркун*** “ворон”, ***мигай*** “глаз”, ***лепета*** “собака”, ***поползух****а* “змея” и т.п., где внутренняя форма, связь означаемого и означающего очевидна: “новое слово не только должно быть названо, но и быть направлено к называемой вещи. Словотворчество не нарушает законов языка” (Хлебников 5: 234).

Футуристические языковые эксперименты В.Хлебникова привлекли внимание ОПОЯЗа и МЛК, которые отмечали особое стремление поэта найти новые пути связи означаемого и означающего.

“Вся суть его теории в том, что он перенес <...> центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле. Для него нет не окрашенного смыслом звучания” (Тынянов 1928: 25-26). Желаемое единство содержания и выражения В.Хлебников хотел сделать действительным - путем искусственной семантизации фонетических и грамматических форм (Гофман 1936: 233).

В.Хлебников не мог примириться с асимметричным дуализмом языкового знака, при котором одни и те же формы передают разные смыслы, а единство смысла получает разное языковое выражение: поэт стремится установить одно-однозначную связь между означаемым и означающим, что вряд ли возможно, поскольку даже семантические “примитивы” развивают множество значений (ср. ***ку-ку*** 1) звукоподр. крику кукушки; 2) *перен*. о странном человеке).

Поэт стремится к преодолению конвенциональности знака, однако естественный язык не выпускает его за пределы своей системы, позволяя лишь воскрешать “забытые” формы и приемы.

В статье “*Свояси*” (1919) “председатель земного шара” мечтает “на-йти единство вообще языков” и проложить “путь к мировому заумному языку”, который вобрал бы в себя “славянское чистое начало”, “струны Азии”, “грань Египта”, “тяготение метели севера к Нилу и его зною”, “числовое

письмо” (Хлебников 1987: 36-37), что коррелирует с идеями универсального языка и универсальной грамматики.

Пансемантизму В.Хлебникова оппонирует Г.О.Винокур, считая, что “Хлебников ищет смысла и там, где его не может быть по природе: и в отдельном, взятом сам по себе звуке, и в случайных совпадениях, которые он обнаруживал в числовых выражениях исторических дат” (Винокур 1990: 252).

Однако время показывает, что чудаковатый футурист, вероятно, был прав, поскольку специалисты находят серьезные основания утверждать о многих научных прозрениях поэта: географическое открытие закона градостроительства (Кудряшов 1987); “открытие метабиоза”, напрямую связанное с проблематикой В.И.Вернадско-го и А.Л.Чижевского, “теорией мнимостей” П.Флоренского и понятиями “время био-сферы” (В.Вернадский), “хронотоп” (А.А.Ухтомский), “историометрия” (А.Чижев-ский) (Бабков 1987) и мн. др. “Среди этого “мн. др.” и ставший почти привычный экологический “бум”, эмблемой которого, между прочим, могла бы стать “бабочка Хлебникова-Брэдбери” (Григорьев 1990: 109). Очевидно, что Хлебников существует в общесемиотическом пространстве времени.

Наделяя смыслом отдельные звуки, В.Хлебников входит в литературную тради-цию, где существуют С.Малларме, Ш.Бодлер, А.Рембо (Степанов 1984), К.Бальмонт и А.Белый (Тименчик 1977). И совсем не новы фоносемантические поиски значения звукобукв: “Если взять одно слово, допустим, *чашка*, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать воедино все слова с первым звуком Ч (*чаша, череп, чан, чулок* и т.д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат одно тело в оболочке другого; Ч - значит оболочка. И таким образом заумный язык перестает быть за-умным” (Хлебников 1933: 235).

При всей самобытности и оригинальности языкового мышления В.Хлебникова, очевидно, что поэт творит в пространстве уже существующего лингвистического, фольклорного и мифологического континуумов.

Однако более важной в творчестве футуристов представляется “акса-ковская” традиция: строительство «звуковой грамматики».

Г.О.Винокур считает, что языковое “строительство” футуристов было “не столь-ко лексикологично, сколько грамматично”; его продуктами становились “не неоло-гизмы, а особое употребление суффиксов, <...> не необычное заглавие, а свое-законный порядок слов, не “небывалые звуки”, а неизвестные языку звукосочетания (например, зияния)” (Винокур 1990: 18).

Идея В.Хлебникова “сводится к семантизации консонантов (“единиц азбуки”), т.е. к превращению их в морфемы, значения которых определяются словами из семантических полей «пространство», «движение» и «математическое действие» (Григорьев 1982а: 154). Здесь “мы имеем возможность говорить о творчестве в области некоей “звуковой грамматики” (Винокур 1990: 20).

На это же указывает и Р.Якобсон, анализируя хлебниковское “Бобэоби” и отме-чая зияние (*лиэээй*), твердость согласных перед **е** (*вээоми*) и необычные группы согласных (*гзи-гзи-гзэо*) (Якобсон 1987: 313).

Сам поэт говорит о “внутреннем склонении слова”, под которым понимается чередование окказиональных вокалических “флексий” внутри паронимических “основ” (*вал-вол, весь-высь, лес-лыс, жечь-жить, стыд-стужа, злой-зола* и пр.) (Хлебников 291).

Своеобразной “звуковой грамматикой” выступают в творчестве В.Хлебникова аномальные единицы (ср. выше уникальный набор междометий и звукоподражаний, которые “во множестве (иногда в изобилии) встречаются в самых разных текстах Хлебникова”) (Григорьев 1990: 158). Характерно, что понятие “междометие” у Хлеб-никова существует на уровне синестезии: он говорит о “междометии башен”. Ср. также: Н.Асеев в статье “Ухват языка: Приставки” пытается найти общее значение квазипрефиксов *су-, ту-, па-, го-* и др. Например, *су-* - “неполное бытие”: *су-мрак, су-мерки, су-кровица, су-глинок, су-к, су-гроб* (Асеев 1917, 5)

Можно говорить о том, что в творчестве футуристов идеи грамматической фоносемантики получают весьма широкое теоретическое и практическое применение.

В “зауми” **А.Крученых** актуализируется не столько семантический, сколько синтаксический аспект. “Сдвигология” А.Крученых определяет сдвиг как “делание слова, конструкция, наслоение, накопление, расположение тем или иным образом слогов, букв, слов”, результатом которого должно стать “единое звуко-смысловое пятно” (Крученых 1992: 11-12). Это “звуко-смысловое пятно”, по А.Крученых, и является смыслом поэтического творчества.

Все виды сдвигов, выделяемых поэтом (Крученых 1922), так или иначе приводят к “слому” привычной синтагматики: фонетический (нетипичные консонантные сочетания звуков; диссонансы): *Бахнат-хнат-бы/ Нат-бы-хат/ ат-хыб-н*), слоговый (стремление к односложным (нетипично коротким) или многосложным (нетипично длинным); зияния, дифтонги: *Пегас стар стал/ Зуб ужнет*; *Крылышкуя золото-письмом*), ритмический (пропуск метрических ударений и накопление ударных); смысловой (конфликт ясной и запутанной фразы, обыденного и терминологического слова, “заумного” и системного языка; ср. также “галантерейный язык” обэриута Н.Олейникова); синтаксический (несогласованность, пропуск

частей предложения, “неправильное” их расположение: *Белый лошадь хвост бежали вчера телеграммой*); начертательный (почерк, шрифт, рисунки, двойное/тройное написание); чтение (декламация, хор, пение) и пр.

В.Шкловский выделяет три вида заумного в творчестве А.Крученых: 1) заумное (песенная, заговорная, наговорная магия) (хлебниковская “доумь”); 2) разумное (то, что перед научным познанием); 3) наобумное (алогичное, случайное, творческий порыв, механическое соединение слов: оговорки, опечатки, ляпсусы) (Шкловский 1985: 54). Эти виды зауми так же, как у В.Хлебникова, существуют в контексте “забытого” семиотического, семиотического и вне семиотического (или личного семиотического) пространства.

“Заумь” в понимании А.Крученых близка к экстатической речи, о чем свидетельствуют не только виды актуализируемых поэтом сдвигов, но и интенции художника. Подобными прагматическими установками определяется как собственно экстатические формы речи (сектантские глоссолалии, камлания юродивых, кликуш, шаманов и т.п.), так и употребление в речи аномальных языковых единиц (Шляхова 1998).

К заумному слову прибегают: 1) когда художник дает образы еще не вполне определившиеся; 2) когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть; 3) когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство); 4) когда не нуждаются в нем (религиозный экстаз, любовь) (Крученых 1913).

А.Крученых в роли “первочеловека” создает собственную проторечь, где связь означающего и означаемого очевидна, где не происходит деэтимологизации слова в результате его длительного существования в язы-ке, где разрушается асимметричный дуализм языкового знака. При этом значимой в слове становится семантика звука, его первоначальная *чистота* (в терминах фоносемантики - примарная мотивированность).

“Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово *лилия*, захватанное и “изнасилованное”. Поэтому я называю лилию *еуы*, - первоначальная чистота восстановлена <...> Стих дает (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (*лыки-мыки-кыки*)” (Крученых 1913). А.Крученых словно “оживляет”, воплощает в реальность ономатопоэтическую концепцию происхождения языка А.А.Потебни, который считал, что язык создавали “поэты”; признание “поэтического” слова сообществом делало его фактом формирующейся языковой системы.

А.В.Туфанов (“*Палитра морфем*”, “*Заумие*”, “*К зауми*”) пытался обобщить и завершить лингвистические изыскания В.Хлебникова, однако “заумь”, по А.В.Туфанову, не следует изобретать, ибо она уже существует, а художник должен лишь услышать ее. Биологическая и семиотическая фоносферы существуют у А.В.Туфанова на равных, они неразделимы.

Заумь существует в природе так же, как растения и животные. Она естественная часть бытия: “Мир богат ощущениями, создающими осо-бую музыку, он состоит из фонем, шумов, движений” (Туфанов 1923: 125). Особое внимание уделяется “языку птичьего пения”.

А.В.Туфанов выделяет в слове две составляющие: эмоционально-динамическую и информационную. Именно отказ от информационной (resp. семиотической) составляющей и сосредоточенность на интуитив-ном восприятии, аллитерации, гармоническом движении и ритме являют собою, по А.В.Туфанову, суть “зауми”.

Основное внимание А.Туфанов уделяется исследованию ЗС, который определяется через механизмы синестезии. На материале морфем английского языка (в сопоставлении с фонетикой семитских языков, японскими звуковыми жестами, английскими предлогами и звуковыми аккордами русских частушек) автор определяет ЗС (синестемические) функции «движения» согласных фонем.

«Материалом моего искусства служат произносительно-слуховые единицы язы-ка, *фонемы*, состоящие из психически-живых элементов – *кинем* и *акусм*. «Звук» ре-чи сам по себе есть движение кинем и акусм, с параллельным им движением акусти-ческого ощущения; он также близок к природе, как музыкальный звук и как жест в орхестике Isedora Dunkan, где материалом искусства служит *само движение*, напол-няющее время музыкального ритма. Не «воскрешение слов», а воскрешение фун-кций фонем – вот моя задача, завершившаяся открытием 20-ти неполных законов: каждая фонема имеет психическое сцепление с ощущением: **m** - пространственно-замкнутого движения, свободного под покровом; **n** - преграды в замкнутом прост-ранстве; **h** - прикрытия и свободного движения к центру и прикрытию; **g** – хаоти-ческого вне прикрытия; **t** - усиления преграды, вызывающей изменение направле-ния» и пр. (Туфанов 2001: 28, 32).

Значимым в концепции А.Туфанова является установление взаимосвязи артикуляторных характеристик звука и движения органов артикуляции с тем смыслами, которые передаются посредством этих характеристик и движений. Можно говорить и о том, что А.Туфанов близко подошел к понятию фонемотипа.

“Если смысл уподобить небу...”: языковой знак в концепциях Д.Хармса, А.Введенского, Я.Друскина, Л.Липавского. Первоначально находясь под воздействием эстетики футуристов, обэриуты позднее объединяются в поисках слова на другом пути [25].

Основной принцип поэтики обэриутов - абсурд, алогизм, который восходит к неконвенциональности, в том числе и знаковой. “Все более отчетливым становится основополагающий онтологический (и эстетический?) принцип Хармса, который можно назвать тотальной инверсией.

Суть этого принципа во всеобщей смене знака...” (Сажин 1999: 10). “На самом деле ОБЭРИУты создавали только “видимость бессмыслицы”, потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве ОБЭРИУтов нет. “Если мы заводим разговоры, то вы дураки должны их понимать” (Жаккар 1995: 1021). Обэриуты подчеркивают отличие их поэтического языка от футуристской зауми, которой в то время называют всякий “непонятный” текст.

“Непонятность” является безусловным признаком текстов обэриутов, однако обэриуты считают, что “нужно быть побольше любопытным и не полениться рас-смотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глота-ют не жуя и о которой тотчас забывают” (цит. по: Герасимова 1990). Именно “столк-новение словесных смыслов” обыденного языка определяет специфику языка обэри-утов. Здесь обнаруживаются совсем иные пути поиска первоначальной “чистоты” слова. Однако при этом обэриуты продуктивно использовали суффиксы народного происхождения (молоток-колоток); создавали слова на основе детской считалки (часы часыкают); связывали слово и действие (действенность); искали “скрытую энергию содержащуюся в слове”; актуализировали важность ритма и повторений [26].

Обэриуты А.Введенский, Д. Хармс, Л.Липавский и Я.Друскин, каж-дый по-своему, были озабочены поиском первоначальной “картины ми-ра”, созвучной их поэтической онтологии. “Поэтический наблюдатель “видит”, как от предметов отделяются их имена (будто слезает обго-ревшая кожа), и они больше не оказывают сопротивления ритмам на-блюдающего глаза, они соритмичны его эфирной свободе” (Подорога 1993: 147- 148).

Я.Друскин находит сходство поэтических систем **Д.Хармса** и **А.Введенского** в бессмыслице: семантической (нарушение правил “нормальной” речи) у А.Введенского и ситуационной (алогичность человеческих отношений и ситуаций) у Д.Хармса (Друскин 1989: 108).

Речь идет о том, что мир, который находится в ведении языка, есть мир осмысленный, тот же мир, но остраняющий язык, есть мир бессмысленный. А.Введенский и Д.Хармс оглядывают его строение через “незаделанные дыры бытия” (М.Мамардашвили), т.е. через те, которые открываются в сновидении, глубокой медитации, в нюхании эфира и, наконец, в переживании смерти. Открывается новая близость с миром, теперь язык не препятствует миру напрямую захватывать нас (Подорога 1993: 145, 147). Если принять за основу подобную интерпретацию, то совершенно очевидно, что здесь актуализирована идея “внутренней формы” языка, которую не принимали обэриуты, ибо она “ломает” собственное видение мира.

Бессмыслица А.Введенского не может быть понята: “понять бес-смыслицу нельзя: понятая бессмыслица уже не бессмыслица. Нельзя также искать смысл бессмыслицы; смысл бессмыслицы - такая же, если не

большая, бессмыслица. “Звезда бессмыслицы” - есть то, что нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом” (Друскин 1989: 109).

Однако, отказываясь от понимания бессмыслицы, “чинари” все же пытаются определить ее: Л.Липавский вводит понятие иероглиф; Я.Друскин определяет ее как “абсолютную реальность”, как “Логос, ставший плотью”, причем Логос как “смысл” и “слово” одновременно. Н.Заболоцкий понимает бессмыслицу А.Введенского через метафору: “Но старая метафора легко стерлась - и акмеистическая, и футурис-тическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциатив-ного круга - эту-то работу Вы и проделываете, поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т.е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию” (Заболоцкий 1993: 26).

Обэриуты каждый на свой лад искали суть мира, однако понятия **иероглиф** (термин Л.Липавского) и **вестник** (термин Я.Друскина) понимаются обэриутами как объединяющие их взгляды.

Иероглиф - “некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощу-щаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того, что им непос-редственно выражается. Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа - его определение как материального яв-ления - физического, биологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно определить ме-тафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, то есть антиномией, противоречием, бессмыслицей” (Друскин 1989: 109). Иероглиф *листопад* в понимании Л.Липавского: его *собственное* значение биологическое; *несобственное* - ощущения, чувства, мысли, вызываемые в нас, когда мы его наблюдаем: жизнь, смена человеческих поколений, исторические периоды.

Понятие «иероглиф» сопоставимо с синкретизмом и пансемантизмом “первобытного” мироощущения В.Хлебникова, однако здесь более оче-видно средневековое мышление (“иероглифы” как характерные черты, знаки и тайные слова у М.Фуко в “*Словах и вещах*”) и влияние вос-точной философии (Герасимова 1990) [27].

Иероглиф можно интерпретировать через понятия этимологии, где собственное значение можно понимать как этимон, а несобственное - как процесс изменения семантики слова и его деэтимологизации (утраты первичного мотива номинации), представление о полиэтимологичности (различной степени приближения к первоначалам), что приводит научную этимологию к “обэриутской” абсурдности.

Ср., например, общий этимон слов *соль* и *сахар*, *конец* и *начало*, *холеный* и *холод*, *пламя* и *пепел*; восхождение значений “вчера” и “сегодня” к значению “гореть, светить”, которое восходит к значению “резать, гнуть” (Черных 1-2). Ср. также ис-следование иероглифов у А.Введенского,

большинство из которых соответствуют традиционным значениям мифологических архетипов (Герасимова 1990).

Не менее фоносемантично понимание термина *вестники*: снятие автоматизма (конвенциональности) в понимании слова; знание “первона-чал” до-языка, “языка” биосферы; “существование вещи” как ее суть.

Ср. текст Я.Друскина “*Вестники и их разговоры”* и комментарии автора к нему (в скобках), записанных М.Мейлахом: “Вестникам известно обратное направление. (прямое направление - направление автоматизма). Они знают то, что находится за вещами (т.е. способ существования. Необходим переход от существования к способу существования, они уже знают способ существования.) Вестники знают язык камней Они достигли равновесия с небольшой погрешностью. Они говорят об этом и о том (т.е. молчаливый, дорефлективный язык, отличный от нашего, рефлективного; это и то - основные термины данного круга произведений, относящиеся как бы уже к языку послерефлективному и обозначающие, условно говоря, имманентное и трансцедентное)” (Друскин 1993: 93-94). В своих записных книжках Д.Хармс записывает: “Друскин читал <...> “*Вестников*”. Я - вестник”.

Правомерность ФС подхода к интерпретации теории обэриутов косвенно подтверждается и кружением обэриутских разговоров вокруг тем, непосредственно связанных с фоносемантикой.

Ср. в “Разговорах” и трактатах: *проблемы происхождения человека (=языка):* Д.Д. и Д.Х. впервые познакомились с друг другом. Они разговаривали о замкнутости эр, о неправомерности выхода из своей эры; о ложности понятий “первобытный че-ловек” и “первобытная земля” - их никогда не было, всегда была своя высота и своя сложность (Липавский 1993: 13);

звукосимволическая характеристика речевых звуков и частей речи: Н.М. Научите же и нас, как списывать с теории академика Марра!.. А по-моему, слова, начинающиеся на П, обозначают шар. Н.А. Например, шар? Н.М. Это иностранное слова. Н.А. Тогда, круг? Н.М. Тоже иностранное (Липавский 1993: 23); “В” и “на”. Почему говорят: в Малороссию, но на Украину; в Остен, но на Ривьеру; в Крым, но на Кавказ? Потому что “на” обозначает проникновение без сопротивления, когда нет точной границы, а “в” прохождение через границу. Первое для географических и этнографических районов, второе для административных и политических. Крым прежде был царством. (Липавский 1993: 60); По слову Хлебникова, женственные согласные служат лишь средством смягчения мужественным шумам, но едва ли можно безнаказанно пренебрегать женственностью первых. Только гласная может заставить стихи плыть и трубить, согласные уводят их к загробному шуму (Заболоцкий 1993: 126);

ощущение конвенциональности знака, потеря взаимосвязи означаемого и означающего: Н.М. В этом и удивительность А.В., что он может писать,

как графоман, а выходит все прекрасно. Недостаток его другой, что он не может себя реализовать. Л.Л. Что это значит? Н.М. Найти условный знак, вполне точный. Гоголь и Хлебников его, например, не нашли <...> Но Пушкин, Чехов или Толстой реализовали себя (Липавский 1993: 32); Д.Д. Произошла потеря осязаемости вещей, вместо них встали кредитные билеты (Липавский 1993: 48);

особое внимание к физиологической стороне бытия: Д.Х. Я знаю: для большинства людей отвратительно все раздутое, мягкое, зыбкое. Между тем в этом сущность физиологии (Липавский 1993: 61); В 1936 году Д.Хармс записал: “Я видел однажды, как подрались муха и клоп. Это было так страшно, что я выбежал на улицу и убежал черт знает куда”(Друскин 1989: 113); На вопрос “меня интересует...” наряду с духовным обэриуты отмечают: Н.М. - питание, женщины, ликвидация брезгливости, чистота и грязь; Н.А. - мясо и тесто; Д.Х. - запахи, уничтожение брезгливости, умывание, купание, ванна, чистота и грязь, пища, что делают люди наедине с собой, половая физиология женщин; Л.Л. - тело, рост, дыхание, пульс, ужас, головокружение, типы женщин, причины полового тяготения, старость, угасание потребностей, волосы, одинаковое выражение лица у разных женщин в некоторые моменты (Липавский 1993: 7-8).

Наиболее лингвистичен (но менее известен) в своих исканиях **Л.Липавский**, который в “*Теории слов*” попытался выстроить само-стоятельную концепцию языкового знака [28].

Теория слов Л.Липавского сводится к пяти принципам, которые на первый взгляд кажутся непонятными, чисто “обэриутскими”.

“Первый: слова обозначают лишь то, что они есть на самом деле - напряжение и разряжение; поэтому они не имеют предметного значения, а обозначают изменение среды подобной жидкости. Второй: таблица их исходных (дыхательных) элементов с тождественными значениями, так что каждый язык как бы переплетение многих языков (рядов); состав элементов согласная с гласной или согласная с полугласной и гласной. Третий: значение элемента неограниченно; но мы можем его очертить тремя понятиями - стремить(ся), тянуть(ся) и хвата(и)ть. Четвертый: все последующие значения образуются сужением или приложением к частным случаям значения исходного элемента. Пятый: формы всех слов образуются из исходных элементов по законам “вращения” (Липавский 1993: 16).

Однако эти принципы возможно интерпретировать в терминах и кАтегориях фоносемантики. Первый - денотативная соотнесенность языкового знака; существование биосферы и ее отражение на языковом уровне. Второй - понятие фонемотипа (*исходные дыхательные элементы с тождественными значениями*); универсальность примарно мотивированного слова. Третий и четвертый - деэтимологизация примарно Мотивированного слова и его способность развивать огромное количество (*неограниченно*) значений, которые восходят к “примитивным” элемен-

тарным значениям. Пятый возможно интерпретировать в контексте регулярности (*закон "вращения")* семантического развития ЗИ-корня в язы-ках, причем ЗИ-корни, возникшие в более ранние и более поздние пери-оды языка (например, и.-е. и общеслав.), дают устойчивое, регулярно повторяющееся развитие значений, что показывают данные этимологи-ческой фоносемантики.

Правомерность возможности ФС-интерпретации теории слов Л.Липавского подтверждается и его частными замечаниями в "*Разговорах*", где очевидны попытки связать предмет (денотат) и слово, номини-рующее его, где угадываются попытки осмысления ЗС природы слова, ее выхода на универсальный уровень.

Ср., например, "Слова обозначают основное - стихии; лишь потом они становятся названиями предметов, действий, свойств. Неопределенное наклонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихии, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи - иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо - это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей, узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов, наподобие колоды карт"; "Субъективного не существует, всякая ассоциация признак действительного сродства вещей и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям. Вы (В.Я.Проппу - *С.Ш*.) говорите: золото - свет. Фрейд говорит: золото - кал, деньги. Разбираясь в значениях слов, я заметил, что красное и черное - варианты одного и того же, руда, это и ископаемое, кровь и зола. Также: черное и чермное, две вариантные формы одного и того же слова. Почему так? Цвет внутренности, разрыв вглубь, порождение мрака" (Липавский 1993: 47, 40).

Не менее показательны в этом отношении интерес Л.Липавского к вопросам этимологии, происхождения языка и соотношения языка и действительности. Его любительские этимологии, которые казалось бы недалеко ушли от фантастических этимологий В.К.Тредиаковского и А.С.Шишкова, в действительности оказываются весьма приближенными к индоевропейским истокам.

Ср. в "Разговорах": За столом обсуждалось происхождение слова "каяться". Н.М. А по вашей теории, что это значит? Л.Л. "Чети-каяти", от значения "хватать, цеплять, брать" в частности затем "зацеплять другого человека действиями или словами, задирать, ругать". Оттого и - неприкаянный - "неприбранный, без приюта". "Каяться" - это значит, ругать или истязать самого себя (Липавский 1993, 23). Ср. *каяться* в этимологии: Значение и.-е. корня довольно расплывчато "почитать", "ценить", "бояться", "наказывать", "мстить", "каяться". Родств. *цена* (Черных II).

“Выход” языка из биосферы, его неразрывная связь с жестом, невербальными кодами кажутся Л.Липавскому естественными. Однако еще более удивительным является определение языка в соответствии с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно кото-рой структура языка определяет структуру мышления и способы позна-ния действительности.

Об этом писал и Я.Друскин, интерпретируя взгляды своего друга-философа: “Непередаваемые словами мысли (может, даже немыслимые мысли), неосознанное сознание и передаваемые словами мысли и состояния сознания, сам язык - вот две основы и отдельной человеческой жизни, и всей человеческой культуры. Первое, может, доходит и до самой глубины жизни и истинной реальности, но не может быть сказано словами; второе передает жизнь, реальность словами, но передает эту реальность преломленной через язык. Тогда мы понимаем ее, но не такой, как она есть, а как ее видят и понимают наши ум, сознание и язык” (Друскин 1989: 114). Ср. в “Разговорах”: “Он (язык) разрезает мир на куски и значит подчиняет его. Но он, как и жестикуляция, естественый вывод природы, ее дыхание, жизнь или пение. Человек плывет на звуках природы, как лодка на море, чем сильнее становится волнение и больше качает, тем ему веселее” (Липавский 1993: 18).

И, как все обэриуты, Л.Липавский заботился о “правильности” имен, их соответствия предмету.

Ср. в “*Разговорах*”: ”Мы сейчас недаром чаще чем “хорошо” говорим о чистоте, правильности или точности. В каком бы роде не писал, но всегда должна быть твердость, власть вещи, независимо от того, готовы ли вы ее встретить приветливо или нет” (Липавский 1993: 44).

«Высказывание с установкой на выражение...»: языковой знак в концепциях ОПОЯЗа и МЛК. Развитие идей А.А.Потебни получило своеобразное преломление в работах лингвистов и литературоведов в конце 10-х – нач. 20-х гг. XX в.

Наиболее интересные ФС идеи связаны с деятельностью “Общества по изучению поэтического языка” (ОПОЯЗ), первый этап деятельности которого связан с исследованием звуковой организации поэтической речи, в том числе и “зауми”, и отграничения ее от речи практической.

Влияние учения А.А.Потебни о внутренней форме и поэтическом языке как осо-бой форме мышления и выражения, эстетики футуризма, представления о систем-ности языка И.А.Бодуэна де Куртенэ приводят лингвистов **Л.П.Якубинского**, **Е.Д.Поливанова, С.И.Бернштейна**, теоретиков и историков литературы **О.М.Бри-ка**, **Б.М.Эйхенбаума, В.Б.Шкловского, Ю.Н.Тынянова** и других к попытке описа-
ния системы поэтического языка в его противопоставленности системе языка прак-тического. Близкие взгляды разделяли члены Московского

лингвистического кружка (МЛК) **Р.О.Якобсон, Г.В.Винокур, Б.В.Томашевский**, а также **В.В.Виноградов**. Они рассматривали язык как “самоценную речевую деятельность”, как “высказыва-ние с установкой на выражение “, что актуализировало изучение эмоциональной сто-
роны языка, его экспрессивных форм (экспрессивные оттенки звуков, эвфонические процессы, связанные с ритмом и мелодикой текста и пр.).

Внимание ОПОЯЗа было более обращено на состав поэтического языка, тогда как МЛК - на его функции и структуру (Günther 1987; Шапир 1987).

Сосредоточенность на знаке, обращенности слова “на само себя” приводили к поиску мотивированности поэтического слова. Наиболее ярко проблема мотивированности знака проявилась в теории “зауми”, которую разрабатывали как теоретики, так и практики литературы (Шкловский 1995; Якобсон 1987; Винокур 1990; Хлебников 1986).

Неоднократно указывалось на то, что в своих принципиальных установках взгляды ОПОЯЗа не отличаются от концептуальных уста-новок А.А.Потебни (Плотников 1923; Laffriére 1976; Ларин 1968; Бель-кинд 1975; Пресняков 1978).

Внутренняя форма поэтического языка осмыслялась как результат особого внимания поэтов к различным видам взаимодействия звука и смысла, в том числе и к явлению поэтической этимологии.

Понятие *поэтическая этимология* (термин Р.О.Якобсона) как “грамматически осмысленная эвфония” и “параллель народной этимологии народного языка” получило в дальнейшем различную номинацию: *рефлективность* (Г.О.Винокур), *фонетическая ассоциация* (В.Катаев), *звуковая метафора* и *ложная этимология* (Ю.Н.Тынянов), *паронимическая аттракция, квазиморфема, суперморфема* (В.П.Григорьев), *повторный фонемный комплекс* как *окказиональная морфема* (Ю.И.Минералов) (Якобсон 1921: 45-48; Винокур 1990: 19; Крученых 1922: 27; Тынянов 1924: 104-108; Григорьев 1975: 153; 1979; Минералов 1977: 70 и след.).

Разработка понятия *поэтическая этимология* приводит позднее к важным для фоносемантики выводам: паронимические основы (“консонантный паронимический “корень” и “вокалические окказиональные “аффиксы”) предстают как “окказио-нальные аналоги так называемых основ первой степени в семитских языках” (Гри-горьев 1975: 152-153; Минералов 1977: 82). С одной стороны, именно консонанты несут наибольшую звукоизобразительную нагрузку в ЗИ словах, тогда как вока-лические варианты связаны преимущественно с оттенками общих смыслов. С другой стороны, современные исследования актуализируют преимущественно консо-нантный тип первичных единиц речеговорения: именно консонанты (F, S, T) счита-ются идеальными звуками человеческой перцепции (Wind 1992): “фонестемы” (ком-бинации фонов), как правило, консонантные (Rolfe 1993); “базовые корни”, как пра-вило, консонантные

(Studies ... 1989); “базовые партикулы с консонантной опорой и аллофонно варьирующимися гласным” (Николаева1996).

Поэтическая этимология рассматривается не только на лексическом, но и фонетическом и грамматическом уровнях, что коррелирует с исследованиями по грамматической фоносемантики: “Поэтическая <...> этимология есть эвфония грамматически осмысленная. Можно было бы сказать, что поэтическое творчество морфологическое по преимуществу, поскольку именно о морфологических формах говорим мы там, где звук получает грамматическое осмысление” (Винокур 1925: 195).

Более подробно вопрос о поисках связи означаемого и означающего в концепциях ОПОЯЗа и МЛК освещен в специальной литературе (Шапир 1987, 1990; Плотников 1923; Laffri*é*re 1976; Prada Oropeza 1977; Пресняков 1978; Томашевский 1925; Якобсон 1963; Шор 1927; Иванов 1976, 1984 и др.).

SAL, BER, JON, ROШ - “учение об языке становится уже в ми-ровом масштабе”: яфетическая теория Н.Я.Марра. **В 30-е гг. широкое распространение получила “яфетическая теория” (“новое уче-ние о языке”), выдвинутая специалистом по кавказским языкам Н.Я.Марром, которая несколько приостановила изучение звукоизобразительности в русской лингвистике [29].**

Н.Я.Марр разделяет яфетическое языкознание (учение об яфетических языках, к которым относит языки Афроевразии, Америки, Океании и Австралии, которые являют собою “пережитки до-исторических языков и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиринеях по одому языку и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы”) и яфети-ческую теорию вообще (“общее учение о языке”) (Марр 1928: 16).

Очевидны *идеологические установки* этого учения, которые провозглашаются как концептуальные положения: ([яфетическая теория] “в области лингвистики делает то же самое, что марксизм сделал в области философии и социологии: она ставит лингвистику с идеалистической головы на материалистические ноги” (Марр 1928: 144).

Эти идеи во многом весьма созвучны мыслям футуристов. Вероятно, во все вре-мена идеи носятся в воздухе и воплощаются на разных уровнях познания дейст-вительности. Ср. идеи футуристов с установками Н.Я.Марра: “По яфетической тео-рии человечество не начинало единым языком, а шло и идет к единству языка всего человечества”; “Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком но-вой системы”; “В этой работе над выковыванием будущей единой речи...” (Марр 1928: 18, 19, 21); “И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата” (Он же 1931: 63); “Учение об языке становится уже в мировом масштабе” (Он же 1929: 10)

При этом, как и у футуристов, отвергается все предшествующее, однако “новое” оказывается не так уж и хорошо забытым старым, на что указывает и сам Н.Я.Марр [30].

Рассматривая вопросы *происхождения языка*, Н.Я.Марр опирается на распространенную в Европе трудовую теорию происхождения языка Энгельса - Нуаре, указывая при этом на отсутствие лингвистического осмысления вопроса в работах Ф.Энгельса и Л.Нуаре.

Ср.: “Ближе к яфетидологическому пониманию в своих общих суждениях<...> Людвиг Нуаре”; “Гениальная догадка Нуаре не может играть такой роли, поскольку она является только гипотезой, и поскольку она оперирует материалом и методами индоевропейской лингвистики”; “Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории. Энгельсом было высказано только общее положение о развитии языка в процессе труда (“Роль труда в процессе очеловечения обезьяны”)” (Марр 1928: 92, 145, 139).

При этом академик противоречит не только самой трудовой теории, но ее собственной интерпретации, синтезируя многие теории естествен-ного происхождения языка (междометную и жестовую теории, теорию трудовых выкриков), но отрицая всякую связь с этими теориями и настаивая на конвенциональных (социального договора) теориях.

Ср. синтез или признание естественных теорий: “Добрая часть кинетической ре-чи могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически, под влияя-нием аффекта <...> как акт физической деятельности плоти” (Марр 1928: 88) (междо-метная и жестовая теории); “Технически эти в начале элементы трудового процесса, магического действа, мы представляем выкриками, развивавшими своей повторяемостью голосовые связки и вообще органы произношения”; “Повто-ряемость содействовала искусственному музыкальному и заодно с ним членораздельному оформлению естественных выкриков, постепенно становившихся звуковыми комплексами” (теория трудовых выкриков) и отрицание этих теорий: “Язык, звуковая речь, ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не является простым даром природы” (Марр 1928: 112-113, 19); “Ведь в языке нет ничего простого, ничего натурального” (Он же 1929: 21).

Однако очевидно полное отрицание Н.Я.Марром ЗП-теории происхождения языка, особенно связь возникновения языка с подражанием голосам животных и птиц, что закономерно, ибо это никак не вписывается в декларируемую социальность. Более того, звукоподра-жательность слов как позднейшее явление декларируется как общее положение яфетической теории, ее существенная семантическая деталь (Марр 2001: 215-216). Марристы относили ономатопеи к относительно позднему звуковому фонду, поскольку первичными были “четыре элемента”, однако и эти элементы восходили к “аффектированным выкрикам”. В сущности это

новые попытки поиска языковых универ-салий и универсальных процессов в развитии языка, которые основаны, однако, на произвольных аргументах.

Ср. “... ни один язык мира не может представлять собой ни звериной или пти-чьей речи, ни ее непосредственного развития” (Марр 1928: 114). «Животный звуко-вой язык может лежать в основе позднейшего звукового художественного творчес-тва человека, пения, музыки, а вибрация тела может лежать в основе линейного ху-дожественного творчества, пляски и т.п. Ни тот, ни другой путь не вел к челове-ческой речи» (Марр 2001: 217).

Идея *стадиальности развития языка*, выдвинутая в работах В.фон Гумбольдта и развитая А.Шлейхером и Ф.Мюллером, лежит и в основе теории Н.Я.Марра.

По мнению А.С.Чикобавы, в “новом учении о языке” получает развитие не классическая идея, поскольку идеи Гумбольда отвергаются советской лингвистикой как идеалистические, а стадиальная теория развития растений академика Т.Лысенко, по крайней мере именно на нее опираются марристы в аргументации своей правоты (Горбаневский 1991: 19). «Стадиальное развитие растений» Т.Лысенко было основой для того, чтобы требовать монопольного положения для «стадиального учения о языке» Н.Марра (со стороны последователей Н.Марра). Теперь выявилась несостоя-тельность и того, и другого (Чикобава 2001: 512).

Понятие стадии основывается на типологической классификации языков, где аморфные, агглютинативные и флективные языки, как и у предшественников, рассматриваются как этапы “перерождения” и универсальный процесс в развитии языков. Однако стадиальность тесно связывается с социально-экономическими и мировоззренческими формами развития человечества.

“Ведь все мерило деления сводится лишь к типологии, различаемой тремя терминами или кличками - синтетической или аморфной (это древнейшая типология), агглутинативной (последующая) и флективной (третья). <...> мы имеем потребность число типов или различных систем увеличить, более уточнить классификацией языков хотя бы в этом отношении, внешне-типологическом” (Марр 1928: 51).

По марровской теории, языки индоевропейской семьи (называемые прометеидскими), как и другие языковые семьи, являются последующим этапом развития яфетических языков (в первую очередь кавказских). Учение Н.Я.Марра снова переводит вопрос о типологии языков, по словам А.С.Чикобавы, из “плоскости горизонтальной” в “плоскость вертикальную”. “Вопрос о стадиях и системах был выдвинут на основе общих построений без конкретного распределения языков по вновь предлагаемому принципу. Число стадий не уточнено, также не выявлены отличительные стадиальные признаки, системы же вовсе не проработаны в деталях отдельных языковых группировок” (Чикобава 1991: 177).

Совершенно иную интерпретацию получает идея стадиальности в рамках фоносемантики.

Основным методом Н.Я.Марра служил *четырехэлементный палеонтологический анализ*, который формулируется весьма просто: “Все слова всех языков земного шара состоят из четырех элементов (Сал, Бер, Йон, Рош). В лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх всех тех же четырех элементов” (Цит. по: Горбаневский 1991: 175).

“Звуковая речь начинается не с выработки отдельных звуков, а с использования отдельных цельных комплексных звуков, впоследствии развившихся в звуковые комплексы из трех фонем, четырех элементов, сначала доводивших свою членораз-дельность лишь до нераздельного произношения трехзвучности согласного, гласно-го, согласного = SAL, BER, YON, ROШ”, “из которых слагается основной лексичес-кий состав языков всего мира” (Марр 1928: 109, 99). Анализ по “четырем элемен-там”- SAL, BER, YON, ROШ - напоминает средневековые этимологии: так, напри-мер, груз. *цкали*, арм. *джур*, турец. *су*, кит. *шуй* “вода” восходят к элементу SAL.

Однако многие положения теории Н.Я.Марра носят весьма продук-тивный характер и соотносятся со многими положениями современной лингвистической науки.

Одним из принципиальных выводов яфетической теории является вывод о *происхождении языка из ритуала*, который сегодня активно развивается в научных исследованиях (Топоров 1988; Маковский 1999; Монич 2000). Но интерпретация этой мысли у Н.Я.Марра остается в рамках прямолинейного, “негибкого” марксизма, который “допускает существование классовой дифференциации в до-историческом общест-ве, в связи с чем стоит, например, классовый характер звуковой речи” (Марр 1928: 143).

Ср.: “И с кинетической речью развивалось в свою очередь общественное миро-воззрение, не исключая и культового или магии, не исключая представления о таин-ственной силе и потребности с нею общаться, ее ублажать и ее чествовать” (Марр 1928: 89); “Ведь начальная звуковая речь - культовая, собственно магическая, ею пользуется ограниченное число лиц” (Марр 1928: 63); “Если же говорить о словар-ном значении, то оно могло сводиться, следовательно, лишь к обозначению источ-ника магии, впоследствии предмета культа, тотема, позднее бога, и этот предмет культа обозначался произношением всех четырех элементов вместе и каждого в час-тности первично совместно с пляской, пением и музыкой, но тогда не было еще никакой звуковой речи, была речь, но лишь кинетическая, (т.н. линейная), она же ручная” (Марр 1928:107).

Принципиальным положением является вывод о *первоначальной “кинетической (ручной)” речи*, которая предшествовала звуковой форме

общения человека. Последние исследования, посвященные проблеме происхождения языка, в рамках LOS, актуализируют жестовую теорию происхождения языка (Lieberman 1984, 1989), которая отражается в ритуальной, игровой, этологической теориях.

Однако посылки яфетического учения обусловлены лишь “марксистской” Тео-рией происхождения языка, в основу которой положена так называемая гоминидная триада “прямохождение - рука - мозг”, а “лобовая” интерпретация приводит к лож-ным выводам: “Человечество в невежестве, человечество, находившееся во власти неизвестных ему еще сил природы и управляющееся ими, не было способно так оценить значение рабочей “руки”, как мы то делаем теперь ”; “В связи с трудовым происхождением языка яфетическая теория устанавливает, что основным, первич-ным словом (“первословом”) служит *рука*” (Марр 1928: 84, 142).

По Н.Я.Марру, четыре элемента существуют “в начале в нера-зрывном сочетании с элементами кинетической речи, жестами и мими-кой” и “имеют лишь функцию восполнения т.н. ручной речи и только впоследствии, в результате постепенного расширения круга их исполь-зования - функцию самостоятельных элементов уже сконструиро-вавшейся звуковой речи” (Марр 1928: 112).

Представляется важным в теории Н.Я.Марра *приближение к понятию фонемотипа*, что угадывается в употребляемых им терминах (*сибилянты*, *спиранты* и пр.), а также вводимой им транскрипции.

“Яфетидологическая транскрипция не только доводит выражения сложнейших звуковых величин до простых цифр, но в то же самое время выделяет взаимную связанность одних звуков с другими, одних групп с другими, а не затушевывает ее или совсем закрывает” (Марр 1928: 39).

Довольно точно дается *характеристика проторечи* в рамках “нового учения о языке”, которая подтверждается как данными по исследованию детской речи (в онотогенезе), так и собственно изучением фило-генетических аспектов языка.

“Древнюю речь отличают аморфность (отсутствие морфологии), моносиллабизм (односложность слов), синтетический строй, отсутствие (или плохая ди-фференциация) частей речи и полисемантизм”; “<...>“полисемантизму (много-значимости слов) предшествовал асемантизм (отсутствие какого-бы то ни было ста-бильного значения)” (Марр 1928:132). Ср. характеристика протоязыка как много-значного, расплывчатого и ингерентно неясного (Lieberman 1984); “фонестемы” с диффузной семантикой (Rolfe 1993), синтаксические “базовые партикулы” (Николаева 1996) или фонемы с неким глобальным значением, чаще всего синтаксическим (Studies... 1989) как единицы протоговорения; реализация проторечи в виде ударных и безударных слогов, когда “изобретение” слога рассматривается как переход от гоминида к человеку (Payson Creed 1989);

отсутствие грамматики в протоязыке (Bickerton 1990). “В настоящее время протоструктуры характеризуют язык обезьян, речь маленьких детей и пиджин-языки” (Николаева 1996: 82).

Н.Я.Марр говорит *о семантическом пучке, пучковом значении* первичных элементов языка: “Некогда одно общее трехзначное слово (или семантический пучок, семантическое гнездо, пучковое значение) “рука + женщина + вода” разложилось в русском языке на “рука”, “река” и “русалка”, которые являются разновидностями одного и того же слова” (Марр 1928: 98). Ср. ударные слоги как “капсулы речи” с важнейшей информацией (Payson Creed 1989).

Мысли Н.Я.Марра о “присвоении первоначально ничего не означавшим звуко-вым комплексам тех или иных значений” (Марр 1928: 98) в процессе коллективной трудовой деятельности (Chiarelli 1989; Ragir 1993) сопоставимы с идеями о несколь-ких этапах развития символики в возникновении языка: 1) осознание гоминидами самой возможности символа; 2) коллективное признание этих сиволов; 3) понимание их условности; 4) эволюция моторики, миметическая имитация (Donald 1993).

Даже часто критикуемые “четыре элемента” оказываются не столь фантастичными (об *ограниченности первоэлементов языка* говорят се-годня многие исследователи), тем более что сам Н.Я.Марр не настаивает именно на числе четыре.

“<...> Почему именно четыре, вопрос, как мы видели, еще открытый, самая ограниченность элементов речи нас отнюдь не должна и не может смущать <...> они были полисемантичны (многозначущи), и, понятно, для выражения нескольких десятков единиц понятий и представлений с избытком достаточно было несколько единиц такого рода элементов, хотя бы лишь четырех” (Марр 1928: 115).

Итак, при некоторой нелепости установок Марра и явно идео-логической основе его теории в ней можно обнаружить и рацио-нальные, хотя и не доказанные, а случайно высказанные догадки: звуко-вая речь зародилась в рамках дозвуковой (кинетической) речи; первым звуковым языком являлись диффузные звуковые комплексы, из которых возникали языковые знаки.

Глоттогоническая теория Н.Я.Марра не имеет под собой никаких Ра-циональных оснований. <…> Но теория эта, представляющая своеобраз-ную структурную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре гене-тического кода, очевидно, подсознательно скопированных им при создании оригинальной модели языка (Гамкрелидзе 1988) [31].

В русистике на некоторое время был утрачен интерес к проблеме языка и мышления, ЗИ, поискам языковых универсалий и типологии языков. Подобное состояние напрямую связывается с деятельностью Н.Я.Марра:

“<...> идеи общей по направленности языковой эволюции, попытки реконструировать палеоязыковое состояние, поиск того, какими были первичные (примарные) единицы и вообще идея таких единиц у нас связалась с комплексом марристских идей и тем самым стала неприемлемой” (Николаева 1996: 87).

Становление фоносемантики: общие замечания

В середине XX в. (к этому времени советская лингвистика освободилась от идей марризма) одна за другой выходит ряд работ, вновь пытающихся решить проблему происхождения языка. С этого времени число работ, посвященных исследованию звукоизобразительности, начинает стремительно расти.

Особое место занимает монография А.М.Газова-Гинзберга, где на материале изучения 181 общесемитского корня в сопоставлении с материалом девяти языков, из которых четыре языка относятся к индоевропейской семье (русский, литовский, таджикский, осетинский), делаются принципиальные для развития фоносемантики выводы: «1) теоретически обоснованное положение о звукоизобразительности (в изложенном широком понимании) происхождение языкового материала подтвержда-ется конкретным исследованием лексики одной из языковых семей; 2) древнейшие эпохи становления языкового материала познаваемы, ибо они оставили следы в языках исторической эпохи» (Газов-Гинзберг 1965: 69).

Рождение фоносемантики как самостоятельного раздела языкознания принято связывать с именем С.В.Воронина, в лингвистических трудах которого находит свое концептуальное оформление русская фоносемантическая мысль. «Годом рождения отечественной фоносемантики можно считать 1982-й - время выхода в свет монографии С.В.Воронина “Основы фоносемантики» (Казарин 2000: 32). К этому времени в русис-тике уже оформляются многие направления ФС-исследований, однако они развиваются автономно (хотя движутся в одном направлении), не вписываясь, но существуя в традиционных разделах русистики.

Работы С.В.Воронина определяют дальнейшие пути и перспективы возможного развития русской ФС-мысли, позволяют соотнести достижения русистики с общим уровнем развития исследований звукоизобразительности в мировой науке. Безусловно, только общий контекст русской лингвистики с достижениями зарубежного языкознания позволяют оформиться фоносемантике в самостоятельный раздел русистики, тогда как до этого времени фоносемантические исследования ведутся в рамках других разделов (стилистики, фонетики, фонологии, грамматики, лексикологии, психолингвистики и др.).

ФС-исследования проводятся на различных языковых уровнях и рассматривают язык во множестве аспектов. Некоторые вопросы изучены

достаточно глубоко, некоторые только намечены фоносемантикой и еще ждут своего разрешения.

История лингвистики показывает, что разное время и различные социально-исторические условия актуализируют различные фоносемантические подходы к изучению языка [32]. Однако эти исследования ведутся и позволяют расширять возможности фоносемантической интерпретации языка и открывать новые лингвистические методы и методики изучения мира и человека.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОНОСЕМАНТИКИ

Этимологическая фоносемантика

Из каждого слова, которое мы употребляем, глядит на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысяче-летий.
В.И. Абаев

Значение, эволюционируя, изменяется здесь без остатка.
В.Н.Топоров

Общие замечания. Новый подъем этимологии в середине XX в. тесно связан с подъе-мом этимологии в мировой науке, с развитием общей теории языкозна-ния, исторического языкознания и диалектологии: труды В.И.Абаева, А.С.Мельничука, Л.А.Булаховского, В.В.Виноградова, П.Я.Черных, Н.М.Шанского, Г.П.Цыганенко; славистов В.Н.Топорова, О.Н.Труба-чева, В.В.Мартынова, Н.И.Толстого, индоевропеистов Вяч.Вс.Иванова, Ю.В.Откупщикова и др. В этих работах устанавливается (в общем кор-пусе этимологизируемой лексики) основной (наиболее очевидный) фонд ЗИ-лексики русского языка.

Важным этапом в развитии русской этимологии для фоносемантики являются работы Л.А.Булаховского. Одной из важнейших причин деэтимологизации является вступление в действие конвенционального кода, когда при длительном употреблении знака первичная мотивация забывается, теряется, оттесняется на периферию и даже вступает в оппозицию по отношению к первичной мотивации. Признание неизбежности процесса деэтимологизации слова в истории языка – важ-ный этап в становлении научной этимологии, который позднее позволя-ет фоносемантике обосновать закон относительной денатурализации языкового знака [33].

Важнейшее значение для определения этимологических методов и теоретических основ этимологии имеют работы В.Н.Топорова, который устанавливает возможность и необходимость многомерного, объемного,

“голографического” этимологического анализа и выдвигает идею полиэтимологичности (Топоров 1960, 1981).

Этимологическая фоносемантика не только опирается на эти идеи, но и находит множество дополнительных аргументов их справедли-вости. Только “определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т.п.), пересечение которых порождает данное слово”, позволит представить более или менее точный этимологический анализ и определить “последующую траекторию слова” (Топоров 1960: 51).

Этимологическая фоносемантика ставит своей задачей выявить звукоизобразительный мотив номинации слова, объяснить характер связи между звучанием и значением этимона, смыкаясь здесь с эти-мологией, сравнительно-историческим языкознанием, семасиологией, лексикографией. Наиболее активно этимологическая фоносемантика развивается на материале английского языка (Климова 1986; 1998; 1999; Воронин 1992; 1997; Бродович 1999; Дубровская 1999), что же касается русистики, то исследования здесь только начинаются (Петрова, Шляхова 2000; Шляхова 2000; 2001), однако большинство из них не связно с фоносемантическим подходом к языку [34].

Исследования в русле этимологической фоносемантики позволяют установить, что ЗП и особенно ЗС-слова развивают множество значений вплоть до самых абстактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования (Воронин 1982; 1999; Климова 1999; Бродович 1999).

Основной задачей этимологического анализа считается “определе-ние координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т.п.), пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова” (Топоров 1960: 51).

Представляется, что ФС-анализ является многомерной составляю-щей этого анализа, поскольку во многом объединяет все эти критерии: “только наличие определенных фоно-семантических соответствий того или иного слова в близко- и неблизкородственных языках (особенно засвидетельствованных в наиболее ранних памятниках письменности) может вывести его из изолированности, предоставить ему “права гражданства” в системе соответствующего языка” (Маковский 1999: 10).

Описание русской лексики в рамках ФС-этимологии позволит привести к пониманию того, что ЗИ-лексику нельзя рассматривать как линейный ряд или ограниченное собрание разрозненных вокабул, поскольку именно этимология позволит установить количественный и качественный семантический потенциал ЗИ-лексики, ее строгую упорядоченность в языке.

Звукоизобразительность и полиэтимологичность. В.Н.Топоров говорит об этимологической относительности (любая этимология слова может быть уточнена, изменена или отвергнута) и определяет основные подходы к идее “многозначных” этимологий (“*полиэтимологичности*”), когда в процессе функционирования слово обретает не одну, а несколько семасиологических связей, что “является следствием некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова” (Топоров 1981: 141). При этом отдельные этимологи-ческие решения рассматриваются как различные степени приближения к матрице этимологической относительности.

Проблема полиэтимологичности сегодня широко разрабатывается и связывается с проблемой соотношения двух семантических тенденций: предельное забвение собственных истоков и легкая включаемость в систему иных связей, внешних по отношению к исходному ядру; максимальное использование унаследованной системы смыслов (Топоров 1981; Воронин 1982, 1997; Климова 1986, 1998, 1999; Маковский 1971, 1980, 1986, 1988, 1992, 1996, 1999).

Исследование этимологии ЗИ-слова с учетом всех возможных крите-риев предполагает возможность перекрестной этимологии: несколько этимологий одного и того же слова могут оказаться верными, особенно в связи с метафоризацией, народной этимологией и разными видами контаминаций (заумь, эвфемия, энантеосемия, ассоциативные связи, омонимия и пр.).

Ср. также рус. ***палка*** обычно связывают с ***палить*** < и.-е. **pel-*: **pol-*: **ple-*: **plo-* “жечь, палить”. Сюда же ***полымя, полено, пепел, палица*** (Младенов 409; Фасмер III: 193; Черных I: 619). Здесь же приводятся родственные слова, которые, однако, не связаны с семантикой огня: д.-в.-н. *spaltan* “раскалывать”; др.-инд. *sphatati* “раска-лывать”, sphutati “разрывает”. Другие определяют родство с ***палец*** (Брандт РФВ 23, 302; Брюкнер 391) и с ***полоть*** (< и.-е. **(s)pel-* “резать, разрубать”) (Маковский 1996: 363). Фасмер отделяет ***полоть*** от ***палка***, но здесь же сближает с др.-инд. *phalati* “ло-пается, трескается”, *sphatati* “разрывает”, *sphatayati* “раскалывает”; нов.-в.-н. *spalten*, д.-в.-н. *spaltan* “раскалывать” (ср. родств. у ***палка***). К ***полоть*** Фасмер относит ***по-лоть, полть*** “половина туши”, др.-рус***. полоть, полъть*** “кусок, пласт” (Срез-невский II: 1148); словен. *plat* “разрубленная половина”; польск. *polec* “кусок, пласт”; лит. *paltis* “полтуши” (Фасмер III: 316-317) (букв. “разрубленный, расколотый”).

Вероятно, к этому же ФС-гнезду следует отнести ***плод*** и ***племя*** (< и.-е. **pel-* “рождать, производить”) (Маковский 1996: 80; Трубачев ВЯ, 1957 №2). Далее Чер-ных отмечает связь с ***плод*** и ***племя*** с ***полный*** (< и.-е.**pel-*: **ple-* “наполнять, нали-вать”) (Черных II: 43). Фасмер, связывая ***плод*** и ***племя***, не отмечает связи с ***полный*** (Фасмер III: 312).

Скорее всего, все рассмотренные слова соотносятся со значением “резать, разру-бать, раскалывать”, поскольку с этим значением в индоевропейских языках соотно-сятся значения “родиться”, “огонь”, “влага” (Маковский 1996: 365-366, 241). Ср.: в русском материале семантическое сближение значений “рассекать, ударять” и “огонь”, “рождаться”, “влага” в родственных словах: ***чикать***, ***долбить*** *диал.* “ударять” и *арг*. “coire”; ***почка*** “зародыш, побег” и *арг*. “удар”, ***почковаться*** *арг*. “coire”; ***колоть*** и ***колодец***; ***долбить*** “ударять”, *арг.* “coire” и ***долбак*** *арг*. “окурок”.

Связь этих значений обнаруживается даже в пределах одного этимологического гнезда: ср. диал. ***корень*** “заселенная земля”, ***корь*** “насиженное место”, ***кара*** “залив”, ***коренье*** “порода, племя”, ***черен*** “очаг”.

Фоносемантический анализ в этимологии. Этимологизация ЗИ-лексики была бы значительно полнее при использовании *фоносеман-тического анализа*, разработанного С.В.Ворониным и дополненного С.В.Климовой, который позволяет решить многие вопросы, вызываю-щие споры в традиционной этимологии (Воронин 1982а, 1982б; Климова 1986, 1990).

Метод ФС-анализа включает следующие этапы: 1) установление у слова наличия / отсутствия “звукового” значения; 2) учет и анализ критериев идентификации ЗИ слов; 3) этимологизация слова с учетом его фонетико-семантических коррелятов в родственных языках; 4) корреляция акустических и артикуляторных характеристик единицы с характеристиками денотата для определения мотива номинации; 5) выявление параллелей (звуковой облик и семантика этимологизи-руемого слова) в неродственных языках; 6) определение наличия / от-сутствия и характера ЗИ.

В рамках ФС-анализа важным является решение “*задач на омони-мы*”, где необходимо различать подлинные омонимы и ложные омони-мы (корни, считающиеся омонимичными, исторически являются одним корнем) (Трубачев 1985).

Ср., например, ***коса*** “инструмент” - ***коса*** “прическа” - ***коса*** “отмель” (ложные омонимы), поскольку восходят к и.-е. **kes-*, **kos-* “рубить, ударять”; ***брак*** “супру-жество” < ***брать***; *брак* “дефект” < нем. *Brack* “негодный товар” (букв. “обломки”) < “лом” < *breckhen* “ломать” (подлинные омонимы). Однако даже разведение подлин-ной и ложной омонимии в рамках одного языка не исключает ЗИ этого слова в язы-ке - источнике заимствования. Ср. англ. *brack* “обломки”; установление подлинной и ложной омонимии необходимо лишь для определения первичного корня, который в разных языках развивает множество значений. Ср. также ***кровь*** *арг*. “деньги”, “убий-ство”; *диал*. “племя, род”; “жидкость в кровеносной системе” - ложные омонимы, по-скольку

восходят к и.-е. **ker-, *kr-* “резать, рубить”;

С.В.Климова отмечает, что недостаточно глубокое этимологизирование “происходит в том случае, когда производное значение принимается за первичное” (Климова 1990: 46).

Ср., например, С.В.Климова определяет родство, а не омонимичность, англ. *ripplle* “покрываться рябью” (< и.-е. **rei-* “поцарапать, рвать, резать”) и англ. *riffle* “морщить, рябить воду; нарушать спокойствие” (< и.-е. **reu-* “разрывать, копать, вырывать”), поскольку у каждого и.-е. корня есть “омоним” со “звуковым” значении-ем (**reu-* “рычать, издавать резкий звук”; **rei-* “рычать, кричать, лаять”), которые яв-ляются родственными. Ср. также англ. *scorch* “коробиться от жары” (< и.-е. **(s)ker-* “сморщиваться, коробиться; шершавая кожа, черствая корка” и его “омоним” **(s)ker-* “издавать резкий звук”). Семантическое развитие корней происходило сле-дующим образом: “издавать резкий звук” > “издавать резкий звук при выхватыва-нии, вырывании” > “вырывать”; “издавать резкий звук” > “издавать резкий звук при движении по шершавой поверхности” > “шершавая, неровная поверхность” (Климова 1990: 46-48).

Этимолого-фоносемантическое исследование английских глаголов “неясного” происхождения позволило сделать вывод о том, что полиэтимологичность ЗИ-лексики вытекает из тенденции забвения конкрет-ной ЗИ-мотивировки при сохранении связи с ЗИС в целом, что способст-вует появлению у слова нового значения в рамках звукоизобразительной системы, основанного на совершенно иных ассоциативных связях (Климова 1999: 146).

Ср.: в английских этимологических словарях слова *diddle* (1) “идти неверными шагами как ребенок” и *diddle* (2) “заниматься пустяками, тратить время попусту” рассматриваются как омонимы, однако эти слова этимологически тождественны. Фонетическая близость *diddle* “идти неверными шагами” к фоносемантической группе обозначения безделья (*fiddle, twiddle, piddle, tiddle, quiddle*и др.) явилось причиной появления нового значения “бездельничать” (Климова 1999).

А.С.Мельничук установил, что к и.-е. корню **kes-* “резать, ломать, рубить” восходят следующие русские слова: ***захолустье, касаться, каша, коса, косой, костер, кость, косяк, скосить, скопить*** (Мельничук 1986). Сюда же следует отнести слова ***сено, хвоя, скала, кощун, хлев, холить, час, чаша, чесать, чеснок, шест, шип, шишка, щепка, шибать*** (Маковский 1988; 1996). Даже просто внимательный анализ русских этимологических и толковых словарей позволит выявить широкий спектр значений, словообразовательных связей и стилистических возможностей единиц, изначально являющихся звукоизобразительными. Данные русских этимологических словарей позволяют расширить представленный ряд словами ***часовня, сечь, сечение, шип, ошибка, кусок*** и др.

Ср. также к и.-е. **(s)kel- * (s)kol-*“резать, откалывать” восходят слова ***челн, челнок, чело, челюсть, холм, холка, хохол, скалить, осколок, скала, щель, щелкать, щелок, щелочь, холостой, холоп, холод„ холст*** (Шляхова 2000). Ср. также и.-е. **kel- *kol-* “” и “звуковые” значения ***щелкать, щелчок.***

Критерии этимологической идентификации ЗИ-слов. Однако внимательного прочтения существующих этимологических словарей недостаточно для установления реального корпуса ЗИ лексики русского языка: необходимо применение методов этимологической фоносеманти-ки для установления ЗИ природы слов “неясного”, “спорного”, “тем-ного” происхождения.

Критериями этимологической надежности при установлении ЗИ-природы слова являются как интралингвистические, так и экстралингвистические критерии (Воронин 1982; Климова 1986, 1990).

Процесс этимологизации слова можно соотнести с развитием этимологии как на-уки, где В.Н.Топоров выделяет пять этапов: 1) ориентация на формальное подобие сравниваемых слов, без строгих приемов верификации; 2) опора на фонетические закономерности, которые у младограмматиков осознаются уже как жесткие законы; 3) учет различных языковых уровней: апофонии, просодии, морфологических моделей; 4) семантическая реконструкция; 5) обращение прежде всего к контексту. Последний период развития этимологии сближает этимологию с искусством, поэтическим творчеством (Топоров 1995).

При установлении ЗИ природы слова необходим учет следующих *интралингвистических критериев**:*** семантических (см. раздел «Лексико-семантическая фоносемантика»), грамматических, структурно-фонетических и словообразовательных (см. раздел «Грамматическая фоносемантика»), функционально-стилистических (см. разделы «Коммуникативная (функциональная) фоносемантика», «Стилистическая фоносемантика»).

Интерлингвистические критерии являются обязательными, по-скольку изучение истории слова в экстралингвистическом контексте (в том числе и прежде всего в родственных языках) является непременным методом любого этимологического анализа слова, однако в этимологии ЗИ-слов этот метод обретает особое значение, ибо фоносемантика стремится к поиску фоносемантических универсалий.

Ср.: ЗИ-слова англ. *bogey* “бука, пугало”; рус. ***бука*** “пугало для непослушных детей”; калмыц. *buG* “демон степи, демон тумана”; бурят. *буг* “злой дух” (Бродович, Воронин 1999); коми-перм. *боболь* “бука”.

На *экстралингвистическом* уровне обнаруживаются многие закономерности, утраченные (или слабо выраженные) в языковой системе. Современный этимологический анализ не может существовать вне соче-

тания строго формального сопоставления лексем с их концептуальным исследованием в рамках определенной духовно - культурной семио-сферы: мифы и предания; прецедентные и “специальные” (магические, мистические, пророческие, глоссолалии и пр.) тексты; социальные, философские и религиозные дискурсы и пр.

ЗИ-слово является закрытым “сейфом” *архетипического мышления*, которое требует его истолкования как целостного образования с учетом всех семантических закономерностей в культурном контексте.

Проиллюстрируем это на примере арготического ономатопа ***капать*** в значении “доносить, выдавать”, который фиксируется арготическими словарями с начала века и по сей день.

В.Стратен (Стратен 1929) и Б.Ларин (Ларин 1931: 122) предполагают заимство-вание из нем. *kappen, verkappen* “доносить”, то же в польск. *kapać*. Возможно, данное слово не является заимствованием (ср. арг. *породниться с водой* “стать доносчиком”, ***замочить*** “предать”, ***кап-кап*** “доносчик”).

Ближайшей ассоциацией, реализованной в значении слова, может быть ассоциа-ция фоносемантического характера (***кап-кап*** – тихий удар, т.е. неслышный удар, удар исподтишка). Более дальняя ассоциация приводит к древнейшим представлени-ям человека, где вода является связующим звеном при переходе душ умерших в за-гробный мир (ср. *кануть в Лету*). На Руси и по сей день широко распространен об-ряд обмывания покойника, который в деревнях выполняют “обмывальщики”, “мыт-ница”, “умывальники”, действия которых носят магическую направленность. При обмывании обязательно ставят чашку с водой и следят “не сколышется ли; говорят, что душа обмывается”. Здесь ассоциативная структура усложняется и приобретает незвуковой характер “вода-дорога-смерть”, т.е. донос – это дорога к смерти кого-, чего-либо (намеченного преступления, провал дела, арест, наказание и т.п.).

М.М. Маковский, используя методы лингвистической комбинаторики, делает вывод о том, что к значению слова “вода” восходят русские слова “тропа, тропинка”, с одной стороны, и “труп” - с другой (ср. нем. Tropfen “капля”), т.е. здесь также ре-ализуется ассоциация “вода-дорога-смерть”. Ср. у Фасмера: ***тропа*** восходит в ***тро-пать*** “топать ногами”; др. ступень вокализма ***трепать*** ср. болг. ***трепам*** “убиваю”, др.-рус. ***притрепати*** “губить, убивать”.

Вероятнее всего, рус. ***капать***, нем. *kappen*, польск. *kapać* восходит к этой древ-нейшей ассоциации “вода-смерть”. Самостоятельность данной ассоциации в русском языке подтверждается другими языковыми фактами. Ср. *арг.* ***мокрое дело, мокруха*** “любое убийство, в том числе и без крови (удушение, отравление)”; ***мокрушник, мокрятник*** “убийца”; ***окунуть*** “поместить в места лишения свободы”; *диал.* ***кап-ельник*** “повеса”; ***капли не задевать*** “не прикасаться к чужому”; ***капли сума-сшедшие (веселые)*** “водка”; ***каплюга (каплюжник, каплюжка)*** “горький пьяница”, “скряга,

крохобор", "хитрый и льстивый человек", "крайне неприятный, отталкивающий человек" и т.п.

Таким образом, древнейшее представление человека "вода-смерть" сохранилось в ассоциации "вода-опасность", а семантика воды обрела коннотацию пейоративного (ср. *мокрая курица, мокрого места не останется, глаза на мокром месте, вывести на чистую воду, желтая вода* "глаукома", *темная вода* "слепота"). Ср. также семантические параллели и гипотезу В.М.Мокиенко в арг. ***стоять на стреме / вассере/ маяке***: "в приведенном ряду "караульных" идиом довольно активна мотивация, связанная с водой, с опасностью на воде" (ИЭСВЖ: 158).

Представляется необходимым и исследование *зауми, заумной речи,* функционирование в языке которой обусловлено экстралингвисти-ческими факторами (в частности, инвективы, заумные единицы и анома-льные языковые единицы ФС ряда структурируются и функционируют по общей модели) (Шляхова 1998; Хитренко 199).

Ср., например, заумные единицы, построенные по модели фреквентативов: *ус-ловные языки отходников-ремесленников*: ***хрутка*** "мать"; ***хрутень, хрутин*** "отец"; в *воровском арго:* ***хартан*** "передача продуктов питания" (вероятно, от ***харчи***); *глосс-солалии сектантов*: Капиласта ***гандря Дараната шантра Сункара пуруша*** Моя дева Луша; *загадки*: Сидит ***дендра*** на ***пендре*** и кричит на ***кондру***: не ходи ***кондра*** в пендру, в ***пендре рында*** и ***мяндра*** (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); *детские тайные языки*: ***шварка*** "швабра"; ***тыры-пыры*** "туда-сюда"; *песни ведьм*: ***охромея*** вызывон, ***тарандац*** даголданц экимозко ***порог-озды***; *детские считалки*: Анка-***дарнка дру-едру*** четар-фаер фу е ***фру; Обар,*** бобас ***за-бор,*** зи***, обар бобар кур.***

Также необходим учет корреляции вербальных и *невербальных ко-дов***,** которые сохраняют наиболее архаичную семантику, что связано с ритуальной природой древнего вербального фонда языка.

Невербальные языковые коды также связаны с понятием *ритуала,* который в архаических культурах "пронизывал всю жизнь, определял ее и строил новые ее формы" (Топоров 1988: 22), а потому его можно считать "ключом к пониманию главного в строении человеческих обществ" (Еремина 1991: 193), где находят выражение "максимальные потенции данной социальной структуры, ее крайние полюсы и наиболее парадоксальные связи между ними" (Топоров 1988: 18).

Именно слово (прежде всего ЗИ-слово), изначально не прикрепленное или в процессе своего исторического развития оторвавшиеся от обряда, "<...> приняло на себя дополнительные функции, связанные с необходимостью выразить тот магический смысл, который некогда был заключен в действии и теперь мог быть окончательно потерян. Именно в результате этой "благородной миссии", которую взяло на себя слово,

утраченный и непроясненный смысл многих архаических ритуалов часто поддается реконструкции” (Еремина 1991: 195).

Ритуализованное действие воспринималось самим коллективом синкретично, как некое нерасчленяемое единство, что, в свою очередь, обусловило семантику этих первооснов, которые отличаются весьма широким и часто трудно ограничиваемым одной семантической плоскости набором значений (Маковский 1996, 1998).

Ср., например, значения, соотносимые со ЗИ и.-е. корнями: **ker-* ***темный, цвет, краска, вешать, корова, связывать, ранить, кустарник, кормить, греть, гореть, огонь, брать, жидкий, сырой, дерево, середина, сворачиваться, покупать, приобретать, резать, расщеплять, голова, верх, верить, совершать, делать, творить, хвалить, обманывать***; **ter-* ***тереть, крутить, сверлить, греть, избивать, мучить, томить, чистить, помет, ногти, разговоры, крюк, кормить, работа, тревожить, буря, хруст, кролик, бежать рысцой, курить*** и др.

Внешне хаотичная система значений легко складывается во вполне законченную картину древнего ритуала, знакомого нам по многочисленным описаниям так назы-ваемых первобытных племен, а также по исследованиям первобытного мышления (Тайлор 1989; Леви-Брюль 1980; Фрезер 1984; Афанасьев 1995). Дальнейший анализ этих значений приводит к построению мифологической картины мира древнего человека.

Подобная синкретичность древнего мышления приводит к тому, что один и тот же денотат может номинироваться по весьма различным (часто противоположным) признакам, поскольку один и тот же предмет (явление) становились участниками совершенно разных сакрализован-ных действий, а потому получали языковое воплощение при помощи разных основ.

Данные положения коррелируют с ФС-законом множественности номинации, по которому один денотат мотивируется его различными признаками, лежащими в основе номинации (Воронин 1982).

Очевидно, что этимологизирование ЗИ-слов является длительной и скрупулезной процедурой, однако именно эта работа приблизит исследователя к приближению постижения тайн языка и мироздания.

Типологическая фоносемантика: русские и коми-пермяцкие параллели

Общие замечания. Весьма продуктивным является рассмотрение проблем ЗИ в рамках типологического языкознания, однако работы такого типа раньше были немногочисленны.

Особого внимания заслуживают работы Н.И.Ашмарина (на материале поволж-ских языков) и А.М. Газова-Гинзбурга (на материале семитских языков) (Ашмарин 1925; Газов-Гинзберг 1965). Авторы привлекают

большой фактический материал из других языков, что делает их наблюдения и выводы более значимыми.

Универсальная (типологическая) фоносемантика предполагает системное типологическое описание ЗИ лексики различных языков и выявление на этой основе закономерностей примарной мотивированности этого пласта лексики в исследуемых языках. Здесь фоносемантика тесно смыкается с фонетикой, фонологией, лингвистической типологией и общим языкознанием, используя разработанные там концепции, структуры и функции языка.

В основе систематизации и сравнения ЗИ-лексики лежит объектив-ная универсальная классификация ЗИ-слов, разработанная С.В.Ворони-ным (Воронин, 1969; 1982). В основе классификации лежит четкое разграничение ЗП и ЗС слов. Модели ономатопов представлены на уровне **фонемотипа** (напр., смычный, щелевой, взрывной, звонкий, сонорный и пр.), а не на уровне отдельных фонем, что позволяет представить материалы различных языков как сопоставимые системы. Классификация С.В.Воронина была разработана на материале английского языка с привлечением материалов других языков.

В дальнейшем эта классификация проверялась на материале таких языков, как индонезийский (Братусь 1976), башкирский (Лапкина 1979), лезгинский (Мазанаев, 1985), осетинский (Койбаева, 1987), эстонский (Вельди 1988), грузинский (Канкия 1988), русский (Шляхова 1990), коми-пермяцкий (Петрова, Шляхова 2000) и др. Эти исследования показывают, что ЗИ-слова языков различных языковых семей образуют четкие и сопоставимые друг с другом на уровне фонемотипа системы.

Предложенные в пособии коми-пермяцкие параллели позволяют ввести в научный обиход новый материал по универсальности онома-топеи по различным, в том числе и неродственным языкам.

Финно-угорские языки, являясь одной из древних ветвей финно-угорской семьи, к сожалению, до сих пор изучены недостаточно. Однако ФС-исследования ведутся здесь давно (Бубрих 1949; Скаличка 1967; Кривощекова-Гантман 1964; Сахарова 1949), но большинство работ посвящено ономатопее коми-зырянского языка. В финно-волжской группе языков универсальная классификация ономатопов представ-лена на материале эстонского языка (Вельди 1986; 1988), однако нам не известны подобные исследования на материале пермской группы.

Приложение коми-пермяцкого материала к универсальной классификации оно-матопов, безусловно, не является самоцелью. С одной стороны, данный материал по-зволяет рассматривать ЗИ-лексику обоих языков как систему, с другой – наглядно показать, каким образом фонематический облик слова мотивируется его денотатом, какие характеристики денотата ложатся в его основу и почему для передачи

какой-либо определенной характеристики денотата используется данный фонемотип.

С.В.Воронин предложил двухчленную классификацию ономатопов – артикуля-торные и акустические ономатопы. Однако представляется необходимым выделить еще одну группу ономатопов, которые отличаются от акустических и артикулятор-ных ономатопов по соотнесенности с денотатом и значимости фонического компо-нента – ономатопы говорения, что приводит к трехчленной типологии ономатопов.

Типологические исследования показывают, что ЗИ-слова в любом языке не создаются случайно, хаотично, произвольно: их фонемный сос-тав мотивирован свойствами денотата и полностью или частично отра-жает его звуковые, артикуляторные и другие характеристики.

Акустические ономатопы

Когда укор колоколов
Нахлынет с древних
колоколен,
И самый воздух гулом болен,
И нету ни молитв, ни слов.
О.Мандельштам

Русская ЗП подсистема ЗИС языка представлена тремя классами и двумя гиперклассами акустических ономатопов, которые включают 18 типов - моделей.

Класс А. ИНСТАНТЫ

Тип 1. ИНСТАНТЫ. “Сверхкраткий” шум или тон, одинаково вос-принимаемый человеческим ухом как акустический удар:

PLOS + VOC + PLOS *
AFFR AFFR .

Ср.: ***тук, тюк, тяп, чик, чак, кап-кап, тик-так*** “звук удара”; ***чапать, ботать, топать*** “ходить”; ***кочнуть, тяпнуть, чикнуть*** “ударить”. Ср.: коми-перм. *тюп-тёп, тёп-тёп* “кап-кап”; *тякны* “тяпать (топором)”; *ток-ток* “удары сердца”; *туп-тап, тап-тап, тупа-тапа, топот* “стук каблуков”; *бут, бут-бат, бута-бата, стук; чик-чик* ”стук, падение”; *тёпкыны* “капать”, *тап* “легкий стук”; *пыть-пыть* керны “издавать треск (о тракторе)”; *тик-так* “тик-так”.

Класс Б. КОНТИНУАНТЫ

Тип 2. ТОНОВЫЕ КОНТИНУАНТЫ. Тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде: (PLOS +) VOC (+ PLOS).

* Символы в моделях ономатопов: FRIC – фрикативный; R – вибрант; VOC – гласный; PLOS – взрывной; AFFR – аффриката; SON – сонорный; лаб. – лаби-ализованный; лат. – латеральный; наз. - носовой; гл. - глухой; зв. - звонкий; ( ) – необязательность стоящего внутри скобок элемента.

Ср.: ***ду-ду, ту-тууу, би-би*** “звук гудка, дудочки”, ***пи-пи, уа-уа, ги-ги-ги, ау-ау*** “звук при визжании, писке”, ***гудеть, дудеть, дудукать, пищать, пиньгать, пиньгать, пипикать, запиньгать*** диал.”зазвенеть в ухе”, ***гу-у-у-у, у-у-у-у, угу-гу-гу*** “завывание ветра, метели”, “***а-а-а*** эхо”, ***тию-тию-тию*** “звук пули”, ***лю-лю, ля-ля, ла-ла, на-на*** “пение”. Ср.: коми-перм. *ту-ту* “гудение, свист”; *пиксыны* “систеть на свистульке”; *у-у-у* “жужжание овода”; *уа-уа* “крик младенца”; *вик-вик* “визжать (о свинье)”.

Тип 3. ЧИСТО ШУМОВЫЕ КОНТИНУАНТЫ. Шумовой неудар, т.е. шум в его наиболее чистом виде: (PLOS + VOC +) FRIC $^{гл.}$ (+ VOC).

Ср.: ***псш-ш-ш*** “шуршание сыплющегося песка”, ***шп-ш-ш, ш-ш-ш, с-с-с*** “шипение (в том числе паров)”, ***пш-ш-ш, ш-ш-ш*** “шуршание, шипение, шелест”, ***с-с-с*** “струя воздуха сквозь зубы”, ***шипеть, шелестеть, свистеть, пшикать, шушукать***. Ср.: коми-перм. *кыш-каш* “шуршание листьев”; *шу-шу-шу* “шушуканье”; *пыш* “фырканье, шорох”.

Тип 4. ТОНОШУМОВЫЕ КОНТИНУАНТЫ. Шум с элементами то-на: (PLOS +) FRIC $^{зв.}$ (+ VOC + FRIC $^{зв.}$).

Ср.: ***ж-ж-ж, дз-з-з, зу-зу-зу*** “жужжание комара, овода, мухи”, ***зу-зу-зу*** «сигнал на корабле”, ***жужжать, дзузукать***. Ср.: коми-перм. *бизгыны, дзингыны* “звон”; *гизь* “звук от чего-либо сыплющегося; шума мелкого дождя”; *гуж-важ* “шум падающего с крыши снега, скользящих досок”; *няж-няж* “звук хруста, треска”; *з-з-з, дз-зь-зь* «жужжание насекомого».

Класс В. ФРЕКВЕНТАТИВЫ

Тип 5. ФРЕКВЕНТАТИВЫ-КВАЗИИНСТАНТЫ. Диссонирующий удар:

$$\underline{\text{FRIC}}$$
$$\underline{\text{PLOS}} + \text{R} + \text{VOC (+ FRIC)} + \text{PLOS}.$$
$$\textbf{AFFR}$$

Ср.: ***бряк, хроп, хряп, стуки-бряки*** “ удар, падение, стук”, ***хрупа-храпа, хряп, хруп, кр-кр*** “хруст, треск”, ***трик-трик*** “звук пишущей машинки”, ***крак*** “звук ломания”, ***трап*** “удар цепями”, ***храбастеть, хрупать*** «трещать, хрустеть», ***хрястать, хропать, брякать, чиркать*** “ударять, бить”, ***хряпнуться, брякнуться*** “упасть”. Ср.: коми-перм. *пыть-пыть керны* “издавать треск (о тракторе)”; *сяр-сяр* “частый стук”; *тір-тір* кыскыны “тащить с шумом”; *тір-тор* вештыны “двигать с грохотом”; *тірки-торки* лэдзчыны лестница “с грохотом спуститься по лестнице”; *тор-тор* “тук-тук”; *брякнитны* «брякнуть, стукнуть».

Тип 6. ЧИСТЫЕ ФРЕКВЕНТАТИВЫ. Чистый диссонанс, т.е. серия ударов: PLOS (+ VOC) + R.

Ср.: ***тар-ра-ра, тыр-тыр, туры-тары, буры-бары, бары-бары, др-р-р*** “звук работающего механизма”, ***бур-бур, бурл-бурл*** “бурление, движение жидкости”, ***ту-ры-тары*** “падение с грохотом”, ***гр-р-р, р-р-р*** “раскаты грома”, ***тыр-тыр-тыр*** “дре-безжание будильника”, ***тр-р-р*** “разрыв цепи”, ***дыр-дыр*** “стук зубов”, ***тр-р-тр-р, тра-та-та***”выстрел”, ***торкать, тропать, барабанить*** “***крр-крр*** ударять(по нежи-вому)”, ***бургать,***

буркать, тарахтеть”о работе мезанизма”, “крик грача, галл-ки”.Ср.: коми-перм. *бор-бор* “бурление”, *тарс*“стук”, *пур-пур* “порхание (о птицах)”.

Тип 7. ФРЕКВЕНТАТИВЫ ТОНОВЫЕ КВАЗИКОНТИНУАНТЫ. Тоновый квазинуедар, в котором с чистым диссонансом присутствует элемент тонового неудара: PLOS + VOC + R.

Ср.: ***карр-карр*** “крик вороны”, ***куркать*** «издавать негромкие, низкого тона отрывистые звуки”, ***иркать*** “издавать неприятный резкий звук”. Ср.: коми-перм. *йирны* «грызть, обгрызать; скрежетать, скрести»; *кар-кар* «крик вороны».

Тип 8. ФРЕКВЕНТАТИВЫ ЧИСТО ШУМОВЫЕ КВАЗИКОНТИНУАНТЫ. Чисто шумовой квазинуедар, где чистый диссонанс сопровождается шумовым неударом: FRIC $^{гл.}$+ VOC + R (+ PLOS).

Ср.: ***хрупы-храпы, скрип-скрип, шабар-шабар, чирк, шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары, хрусь, хруп*** “ хруст, треск, скрип, шуршание, скрежет”, ***шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары*** “ о хождении”, ***фурр-р-р, фуры-пуры*** “порхпние” , ***шир-шир***”звук пилы”; ***храбастеть, скрипеть, скыркать, шабаркаться, ширкать, чиркать, шаркать ,шоркать***” хрустеть, трещать, скрипеть, скрежетать”; ***шоркать, шабаршить, шабарчать, шоршить, шабаркать***“шуршать, шелестеть”; ***шарить. шуровать***, ***шаркать, шуршать, шебуршать, шоркать*** “ходить, передвигать-ся”;***фурнуть*** “бросить”, ***чиркать***”доить корову”, ***ширгать***”пилить пилой, стирать”; ***чиркнут***ь “ ударить”. Ср.: коми-перм. *гичыр-гичыр* “звук скрежета зубов”; *шур-шар пырны* “быстро, с шумом входить”.

Тип 9. ФРЕКВЕНТАТИВЫ ТОНОШУМОВЫЕ КВАЗИКОНТИНУАНТЫ. Тоношумовой квазинеудар, где чистый диссонанс сопровож-дается тоношумовым неударом: FRIC $^{зв.}$ + VOC + R.

Ср.: ***рузы-разы*** “звук работающего комбайна”, ***рязгать*** ”о рассохшейся двери”, ***дзярскать, джярскать, джирскать*** “ о неприятном резком звуке; о движении белки по ели”. Ср.: коми-перм. *дзурк* “скрип”; *жекыр-жекыр* керны “скрежетать зубами”; *дзурк-вирк керны* “скрипнуть”.

Гиперкласс АБ. ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 10. ТОНОВЫЕ “ПОСЛЕУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с последующим тоновым неударом: PLOS + VOC + SON.

Ср.: ***бом, бон, бам, балды-колды, тиль-тиль, тини-бони, бум-бум, баум, боум, бацм, динь-динь, тинь-тинь, блям-блям, динь-ом, дон-дон, бем-бем, бом-бом, боум-боум***, ***длянь***, ***дзинь*** **“**удар о металлический или стеклянный предмет, звон коло-кола ***динь-***, колокольчика” ; ***бум, пинь, пьнь, пиль*** “звук выстрела, взрыва”; ***тень-кать, тиньгать***, ***теньгать, тинькать, тилькать, динькать*** ”ударять по резони-рующему предмету; наигрывать на музыкальном инструменте”; ***буль-буль***. Ср.: коми-перм. *чоль-чоль виявны* “течь (вытекать) струйками”; *гиль-голь* “бряк, звяк”; *кам*

“звук сильного стука, удара”; *пуль-пиль керны* “плескаться водой”; *буль-буль* “журчание источника”; *туля-боля* “буль-буль”.

Тип 11. ЧИСТО ШУМОВЫЕ “ПОСЛЕУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с последущим чисто шумовым неударом:

PLOS (+ VOC) + FRIC.

Ср.: ***бац, буц, бах, бух, чох, плюх, бжих, бабах*** “звук удара, удар, падение”; ***бух, бац, пах-пах, пиф-паф, бах-бах, тах-тах-тах, таф-таф, бабах, чах-чах*** “звук выстрела, взрыва”; ***пф-пф, пух-пух*** “брожение при скисании”, ***чух-чух*** “о паровозе”, “***пшиш*** резко выпущенная струя воздуха”; ***бухнуть(ся) , бахнуть(ся), базнуть(ся), буцнуть(ся) , чохнуть, бубухнуть(ся), бабахнуть(ся)*** “ударить, стукнуть, упасть, уронить”; ***базнуть, бахнуть, бухнуть, буцнуть, бабахнуть, бубухнуть*** “выстрелить”; ***базгать*** “стирать при помощи вальков”, ***чохать, чухать*** «идти”, ***бахать*** “косить” . Ср.: коми-перм. *каж* “хруст”; *туч-тач* “щелканье щеколды”; *чуш-чуш* “волочить ноги”; *гыж-гыж* “звук царапанья, чесания”; *базгисьны* “падать с грохотом”; *базгыны-лыйны* “бахнуть, грохнуть, выстрелить”; *базнитны* “ударить”.

Тип 12. ЧИСТО ШУМОВЫЕ “ПРЕДУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с предшествующим шумовым неударом:

$\underline{\text{FRIC}^{\text{гл.}} + \text{SON}^{\text{лаб./лат.}}}$ + VOC (+ FRIC $^{\text{гл.}}$) + PLOS $^{\text{гл.}}$

AFFR + FRIC $^{\text{гл.}}$

Ср.: ***хлюст, хляск, хлоп, шлеп, хлесь, шмяк, чвак, хлесть*** “звук удара, удар”; ***хлопнуть, шлепнуть, хлестнуть, шмякнуть, хлобыснуть*** “ударить, стукнуть”; ***шмякнуть(ся*). *хлопнуться, шлепнуть(ся)*** “упасть, уронить”; ***прихлобучить, хлоп-нуть, шлепнуть, ухлопать, пришлепнуть***“убить”; ***хлюпать, чвакать, чвыкать, чвикать, шлепать, жулькать, чавкать*** “идти, передвигаться (чаще по грязи)”; ***испрохлопать*** “повредить, часто ударяя”, ***расшлепать*** “взболтать”, ***хлопать***”аплодировать”. Ср.: коми-перм. *швач* “хлоп”; *чавкйыны* «чавкать, хлюпать»; *швок* «звук удара»; *шлёпкисьны* «упасть»; *шлёпнитны, шовкнитны* «ударить»; *шлячкины* «ударить с резким звуком».

Тип 13. ТОНОШУМОВЫЕ “ПРЕДУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с предшествующим тоношумовым неударом:

(FRIC $^{\text{зв.}}$ +) FRIC $^{\text{зв.}}$ + VOC + PLOS $^{\text{гл.}}$

Ср.: ***звяк*** “резко обрывающийся звук, звук щеколды”, ***вжик*** “звук рассекаемого воздуха при резком движении; звук застежки “молния”. Ср.: коми-перм. *жильк-жильк пцднассис* “со звоном закрылся”; *шват* “звук, стук”; *чаж* «с треском»; *жык* “звук рассекаемого воздуха при резком движении».

Тип 14. ЧИСТО ШУМОВЫЕ-ТОНОВЫЕ “ПРЕДУДАРНО-ПОСЛЕУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с предшествующим шумовым неударом и последующим тоновым неударом:

$\underline{\text{FRIC}^{\text{гл.}}}$ + SON.

AFFR

Ср.: ***чеканить*** «постукивать часто, звонко; ковать, клепать мелкое (холодной ковкой)»; ***шкандыба*** “хромой, колченогий”.

Тип 15. ТОНОШУМОВЫЕ-ТОНОВЫЕ “ПРЕДУДАРНО-ПОСЛЕУДАРНЫЕ” ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Удар с предшествующим тоношумовым неударом и последующим тоновым неударом:

$$\text{FRIC}^{\text{зв.}} + \text{PLOS}^{\text{зв.}} + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{лаб.}}$$

Ср.: ***зззбум*** “внезапно пронестись с высоким пронзительным звуком”; ***жжжбум*** «о комаре». Ср.: коми-перм. *дзин-дзин* “о жужжании насекомых”.

Гиперкласс ВАБ. ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 16. ТОНОВЫЕ “ПОСЛЕУДАРНЫЕ” КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Квазиудар с последующим тоновым неударом.

$$\text{PLOS} + \text{R} + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{лаб./наз.}}$$

Ср.: ***брень-дрень*** «звук стекла»; ***брень-дрень, брень, брям-брям, трям-трям, трень-трень, трень-брень*** “о струнном музыкальном инструменте”; ***трам-трам*** “о фортепиано”; ***дринь-дринь*** ”звонок”, ***бремчать*** «о будильнике», ***брендить, брян-чить, бремчать, брямкать, бренькать, бринькать, трамблянить, тренькать*** “о музыкальном инструменте”. Ср.: коми-перм. *тран-тран* “звон, звяканье”; *тран-тран* жугавны “разбиться вдребезги”; *тринь-бринь* “динь-динь”; *бреньгыны* «бренчать, тренькать».

Тип 17. ЧИСТО ШУМОВЫЕ “ПОСЛЕУДАРНЫЕ” КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Квазиудар с последующим чисто шумовым неударом:

$$\underline{\text{PLOS}}\ + \text{R} + \text{VOC} + \underline{\text{FRIC}^{\text{гл.}}}$$
$$\text{FRIC}^{\text{гл.}} \qquad\qquad \text{AFFR.}$$

Ср.: ***хлесь-хабаресь, трах, тресь, хрясь, хресь, трах-тарарах, трах-тах-тах, грох***” отрывистый, сильный раскатистый звук; звук выстрела, взрыва, удара, падения”; ***труси-тряси, хрясь, хресь*** “хруст, треск”, ***тресь*** “звук разрыва ткани”, ***бурсы-барсы*** “звук брожения по воде”, ***трахнуть, треснуть, грохнуть, прогре-меть «***раздаться (о звуке)”, ***трахнуть, треснуть, тарарахнуть, грохнуть*** “выст-релить”, ***кырскать, скырчагать, гырскать, крычигать*** “хрустеть” ; ***пурхаться*** “во-зиться”; ***трюхать «***идти”, ***трещать «***о фортепиано”, ***порхать***. Ср.: коми-перм. *тпруч, тресь* «хлопанье, треск»; *кырскыны* «хрустеть».

Тип 18. ЧИСТО ШУМОВЫЕ “ПРЕДУДАРНЫЕ” КВАЗИНСТАН-ТЫ-КОНТИНУАНТЫ. Квазиудар с предшествующим шумовым неу-даром: $\text{FRIC}^{\text{гл.}} + \text{VOC} + \text{R} + \text{PLOS}^{\text{гл.}}$.

Ср.: ***шваркать, шварк*** “резко бросать, ударять”; ***царапать, шабаркать, ширкать, шоркать, шаркать «***тереть со звуком”. Ср.: коми-перм. *шурк-шарк, шырк-шырк* “быстро, стремительно, со стуком, с шорохом”; *швар* «с треском».

Функции фонемотипов в русских акустических ономатопах

Фонемотипы в русских акустических ономатопах выполняют следующие *базовые* функции (см. табл. 4). В таблице представлены ЗИ-функции фонемотипов в русских ономатопах, где в графе “функции фонемотипа” указаны те компоненты денотата, которые репрезентируются в речи при помощи данного фонемотипа.

Кроме базовых функций фонемотипы выполняют *небазовые* функ-ции: усилительную (VOC, PLOS $^{зв.}$, FRIC $^{гл.}$); ограничительную (PLOS) и огласовочную (VOC). Большинство фонемотипов в акустических ономатопах полифункциональны.

Незвукоподражательной является лишь огласовочная функция гласных, которая связана со спецификой русского языка, не терпящего скопления согласных в слове. Здесь «гласные не меняют, а лишь варьи-

Таблица 4

Фонемотип	Функция	Позиция в корне
PLOS $^{зв.}$	1) прямое отражение удара 2) мгновенный характер зву-чания	анлаут (***бот, бу-бу-бу***) инлаут (***бабахать***) ауслаут (***бумб***)
PLOS $^{гл.}$	1) прямое отражение удара 2) отражение краткости тоно-вого неудара 3) мгновенный характер зву-чания	анлаут (***тук, тик-так***) ауслаут (***шлеп, хлоп, пик-пик***)
FRIC $^{гл.}$	1) отражение неудара чисто шумового	анлаут (***шу-шу, хлоп***). ауслаут (***трах, бух***).
FRIC $^{зв.}$	1) отражение неудара тоно-шумового	анлаут (***зу-зу, жу-жу***) инлаут (***джирскать***) ауслаут (***дзз, джж***)
AFFR	1) аппроксимированное отра-жение удара 2) отражение неудара чисто шумового 3) отражение элемента чав-кающей артикуляции	анлаут (***чок, чах, чавкать***) ауслаут (***бочкать, крычигать***) инлаут (***лючки-лячки***)
R	1) отражение чистого диссо-нанса	анлаут (***рузы-разы***) инлаут (***хроп, крак***) ауслаут (***дыр-дыр, грр***)

SON наз.	1) отражение тонового резо-наторного неудара	анлаут (***ннoy***) инлаут (***дриньк***) ауслаут (***тинь, дон***)
SON лат.	1) отражение тонового неу-дара; 2) передача движения жид-кости	анлаут (***ля-ля-ля, люпы-ляпы***) инлаут (***динь-длянь, пальк***) ауслаут (***тиль-тиль, буль***)
SON лаб.	1) отражение тонового неу-дара	ауслаут (***бам, бом***)
VOC	1) отражение тонового неу-дара	анлаут (***иркать***) инлаут (***бам***) ауслаут (***ду-ду***)

руют значение слова, создавая так называемую “гамму”» (Газов-Гин-зберг 1965: 97). Подобное варьирование С.А.Карпухин называет “звуко-подражательными композициями” (Карпухин 1979), где вариация глас-ных происходит как внутри ономатопа, так и на уровне синонимов. Ср.: ***тик-так, динь-дон, туры-тары, тини-бони, тук/ тюк, тар-тар / тор -тор.*** Гласные здесь выступают в ЗС-функции, где, например, ***и*** симво-лизирует малое и длинное/ протяженное, ***а*** - большое, ***о*** и ***у*** – ок-руглое и глубокое/ “густое”, ***ю*** - легкое и малое и т.д. Однако описание ЗИ-функ-ций гласных является одной из самых насущных проблем русистики.

Ср.: ЗП-гамма в детском стихотворении Д.Хармса: Дружно свистели сорок четыре веселых чижа: чиж - ***трити-тити***; чиж - ***тирли-тирли***; чиж - ***дили-дили***; чиж - ***ти-ти-ти***; чиж - ***тики-тики***; чиж - ***тики-рики***; чиж - ***тюти-люти***; чиж- ***тю-тю-тю***. При общем денотате звукоизображение варьируется в пределах общего набора фонем, что не изменяет общего значения, но придает “индивидуальность” каждому чижу. Здесь гласные выступают в функции дифференцирующей семы, тогда как согласные – интегральной семы.

Многие фонемы могут самостоятельно являть собою ономатоп (***ж-ж-ж*** “жужжание”, ***у-у-у*** “завывание ветра, метели”).

Артикуляторные ономатопы

И призраки требуют тела,
И плоти причастны слова.
О.Мандельштам

Артикуляторные ономатопы в русском материале представлены тремя классами (А.Носовые; Б.Ртовые; В.Горловые), в которых выделяется 36 типов.

Класс А. НОСОВЫЕ

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. ВТЯГИВАНИЕ НОСОМ ВОЗДУХА: ***швыркать, шмыргать, шмурыжить***. Ср.: коми-перм. *вирс-вирс* “шмыганье носом”; *вишкыны, вирскыны* “шмыгнуть носом”.

Носовой характер артикуляции передается посредством сонорного (М), на спираторность указывают щелевые согласные, вибрант отражает дрожащий элемент артикуляции.

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. ФЫРКАНЬЕ: ***фуркать, фыркать, хоркать, хрюкать, форскать.*** Ср.: коми-перм. *хорскыны.*

Заднеязычный (К) указывает на участие горловой полости, фрикативный (Ф) - на участие губ. Глухие фрикативные отражают спираторность процесса, вибрант - дрожащий элемент артикуляции.

Тип 3. ХРАП: ***хрр-хрр, храпать, храпеть.*** Ср.: коми-перм. *корс-корс, кор-йыны.*

Заднеязычный фрикативный отражает спираторность и участие горловой полости в процессе, вибрант - дрожащий элемент артикуляции.

Класс Б. РОТОВЫЕ

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. ПОСВИСТЫВАНИЕ: ***свистеть, фьюкать, фью, фьюить, фить-фить, фюйть, фию, фио, фиу.*** Ср.: коми-перм. *свист, шутнявны*.

Фрикативные отражают спираторность и щелевой характер артикуляции. Фрикативный (С) актуализирует участие передней части языка (свист посредством языка), фрикативный (Ф) актуализирует другой вид свиста - посредством губ. Йот указывает на участие и напряженность горла в процессе.

Тип 5. ЧИХАНИЕ: ***чихать, прыскать, пчих, апчхи, чих, чхи, пчхи***. Ср.: коми-перм. *чихйыны*, *несйыны*.

Условно процесс чихания можно разделить на три стадии: вдох, смычка, выдыхание воздушной струи. Различные единицы отражают либо все три стадии (*а-п-чхи*), либо две последние (*п-чхи*), либо лишь завершение процесса (*чхи*). Заднеязычный фрикативный указывает на спираторность и участие горловой полости, лабиальный (П) отражает участие губ и смычный характер кинемы.

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. ЛАКАНИЕ, ЛИЗАНИЕ: ***лачить, лакать, лизать.*** Ср.: коми-перм. *лёпкыны, вильӧтны*.

Переднеязычный указывает на участие передней части языка и рото-вой характер артикуляции; заднеязычный - на участие горловой полости.

Тип 7. СОСАНИЕ: ***сосать, сосить, ссать, чуп-чуп, чупать, чмок-чмок, чмокать, тышкать.*** Ср.: коми-перм. *чупкыны, сӧскыны.*

Корень с аффрикатой актуализирует участие губ в процессе, где Ч указывает на среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию, П и М - на участие губ в процессе. Корень со щелевыми актуализирует “внутренний” характер процесса (участие передней части языка и щелевой характер кинемы).

Тип 8. ВСАСЫВАНИЕ РТОМ ЖИДКОСТИ: ***хлебать, швыркать.*** Ср.: коми-перм. *вырскыны*.

Переднеязычный указывает на латеральный элемент артикуляции, фрикативные - на ее щелевой и спираторный характер, губные - на участие губ в процессе.

Тип 9. ПЛЕВАНИЕ: ***тьфу, тфу, плевать.*** Ср.: коми-перм. *пульс сьӧвзыны*.

Взрывной указывает на смычный характер кинемы, фрикативные - на участие губ в процессе и его щелевой и спираторный характер.

Тип 10. ЧМОКАНЬЕ (СМАКОВАНИЕ): ***чмокать, чупать, чуп-чуп, чмок-чмок, чамкать, смаковать, чавкать.*** Ср.: коми-перм. *чуп-чуп окыштны* “чмокнуть, поцеловать”. Ср. также: конфета «Чупа-чупс».

Аффрикаты отражают среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию и участие передней части языка, губные - на участие губ в процессе.

Тип 11 . ЦОКАНЬЕ: ***цок-цок, цокать.*** Ср.: коми-перм. *чак керны* «цокать языком».

Аффриката указывает на участие передней части языка, заднее-язычный - на заднеязычный элемент увулярной смычки.

Тип 12. ЩЕЛКАНЬЕ: ***щелкать, щелк, лязгать, ляскать, клацать.*** Ср.: коми-перм. *шолк керис*.

Фрикативные указывают на щелевой характер артикуляции в начале, взрывные - на заднеязычно-увулярную смычку в конце процесса и участие горловой полости.

Тип 13. ЧАВКАНЬЕ: ***чавкать, чамкать, чвакать, чмокать, чав-чав, чувыр-чувыр, швыр-швыр, лючи-лячи.*** Ср.: коми-перм. *чуп-чап керис, шлям-шлям*.

Аффриката указывает научастие языка и среднеязычно-небную смычно-щелевую “чавкающую” артикуляцию; взрывной - на участие горловой полости и заднеязычно-увулярную смычку. Губной и губно-зубной отражает участие губ в процессе.

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. ДУНОВЕНИЕ (ртом): ***фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, фукать, пахнуть, пыхтеть.*** Ср.: коми-перм. *фу керис*.

Глухой взрывной указывает на смычный характер кинемы и участие губ; фикативные - на спираторность; лабиальный - на участие губ.

Тип 15. ВЗДОХ/ ВЫДОХ: ***дышать, пыхтеть, вздыхать, хьюкать, пышкать, пыхать, быхать, здых-здых, ах, хуу, оxx, уфф, пф, э-хе-хе, о-***

хо-хо, ыхх, ф-ф-ф, эх, ух. Ср.: коми-перм. *пишкыны* «сопеть (во сне)»; *акайтны* «ахать»; *ашык-тыны* «тяжело дышать»; *пышкытны* «вздыхать, дышать, пыхтеть»; *уф-фу-фу керис* «дышать»..

Основным компонентом является глухой фрикативный, который отражает спираторность и щелевой характер кинемы.

Тип 16. ДЫХАНИЕ С ПРИСВИСТОМ: ***хьюкать, быхать.***

Тип 17. ПЛАЧ, ВОЙ: 1) жалобный, тихий плач: ***пинькать, пиньгать, всхлипывать, нюнить, скулить, диньгать, ныть, плакать, хлюпать.***

Назальный элемент отражается сонорным назальным; самый высокочастотный речевой звук (И) - негромкость процесса; сонорный латеральный - связь с жидкостью;

2) беззвучный (отсутствие голоса) плач: ***сопеть, хлюпать, склектывать.*** Ср.: коми-перм. *пильскыны*.

Фриктивные актуализируют не тон, а шум процесса и спираторность; глухие взрывные - беззвучную смычку (завершение вдоха);

3) рыдание: ***грюпать, аргать, рыдать, реветь, дзярскать, джярскать, джирскать, рюмить.*** Ср.: коми-перм. *базаниты-горзыны, арзыны* “рыдать”.

Вибрант указывает на дрожащий элемент артикуляции, ее громкость, неравномерность (судорожность дыхания) и перенапряжение голосовых связок;

4) громкий, несдержанный плач: ***хайгать, выть, базанить, базлать, а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, голосить.*** Ср.: коми-перм. *авзыны* “вопить”; *аксыны, ваксыны, бӧрдны-горзыны, базаниты* “громко плакать, рыдать”.

Актуализация гласного отражает свободное прохождение воздуха при его модуляции колебаниями голосовых связок при вое.

Тип 18. ГРОМКИЙ КРИК: ***а-а-а, о-о-о, вопить, орать, кричать, базлать, базать, базанить, хайлить, хайланить, аркать, аргать, бахлать.*** Ср.: коми-перм. *авзыны, карзыны, айзыны* “кричать”.

Актуализация гласного указывает на незначительность или отсутствие шумов в процессе; вибрант - на перенапряжение горловой полости и громкость процесса.

Тип 19. ОРАНИЕ, РЕВ: ***орать, аргать, рявкать, реветь, рычать, гаркать.*** Ср.: коми-перм. *авзыны, карзыны, рявгыны* “реветь, рычать; орать, вопить”.

Актуализация вибранта отражает большую “грубость, резкость” процесса по сравнению с криком.

Тип 20. ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ КРИК: ***визжать, иргать.*** Ср.: коми-перм. *чирӧстны* «пронзительный крик»; *чир-чир мунны* «повизжать, покричать с визгом».

Актуализация самого высокочастотного (пронзительного) гласного (И); эффект резкости усилен звонким фрикативным.

Тип 21. СМЕХ: ***ха-ха, хо-хо, хе-хе, га-га, гы-гы, гы-ы-ы, ге-ге, ху-ху, ржать, голготать, гогтать, прычкать.*** Ср.: коми-перм. *вак-вак* ”громкий смех”*, рыз-рыз* ”смех, часто пренебрежительный, ироничный”*, шынь серавны* ”искренний смех”*, ка-ка-ка, ки-ки-ки* ”хохот”, *гот-гот* ”раскатистый хохот”.

Заднеязычные отражают горловой и смычный характер процесса.

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. КУСАНИЕ: ***ам, хам, гам, тяп, тяпнуть, сапнуть, дибать, кусать.*** Ср.: коми-перм. *амны* детск. “есть”; *ашнӧявны* «хватать, жадно есть»; *нямны, трескыны* «есть».

Заднеязычные или гласные заднего ряда отражают горловой характер артикуляции; смычные - смычный характер кинемы; сонорные - участие носовой полости; губные - участие губ.

Тип 23. ЗЕВОТА: ***зевота, зевать, хамать, хаманье, хайкать.*** Ср.: коми-перм. *анявны* “зевать”.

Фрикативные отражают щелевой характер артикуляции; заднеязыч-ные - горловой характер кинемы; гласные - ротовый характер.

Тип 24. ВОРЧАНИЕ. Данный тип представлен в ономатопах говорения.

Тип 25. СТОН: ***хэ-э-э, э-э-э, а-а-а, ох-хо, ой, о-о-о*** (часто с назализацией)***, ах-х, о-о-о, стонать.*** Ср.: коми-перм. *акайтны* «ахать»; *ойзыны* «охать».

Гласный и сонорный лабиальный отражают различные виды кинемы - с открытой ротовой полостью (гласный) и с закрытой ротовой по-лостью (сонорный), часто актуализируется заднеязычный.

Тип 26. ХНЫКАНЬЕ: ***хны-хны, хныкать, нюнить, ныть, хнюкать, ханькать, ханьгать, хиньгать, хинькать.*** Ср.: коми-перм. *уннявны, нюргыны*.

Заднеязычные отражают горловой и щелевой характер кинемы; носовой переднеязычный - участие носовой полости и передней части языка.

Тип 27. ХИХИКАНЬЕ: ***хи-хи, хихикать.*** Ср.: коми-перм. *гы-гы, рыг-рыг*.

Заднеязычный фрикативный отражает щелевой и горловой характер кинемы.

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. УДУШЬЕ: Рус.: ? Ср.: коми-перм. *ашыктыны, чашыктыны* “тяжело дышать”.

Фрикативные отражают щелевой характер артикуляции; заднеязычные - горловой характер кинемы; гласные - ротовый характер.

Тип 29. ГЛОТАНИЕ: ***глотать, глы-глы, гыл-гыл.*** Ср.: коми-перм. *гульс-гульс*.

Заднеязычный отражает горловой и смычный элемент кинемы; переднеязычный (Л) - латеральный элемент.

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. ИКОТА: ***ик-ик, икать, клыкать, клоктать, колтыхаться.*** Ср.: коми-перм. *икайтны, витшкыны, витш-витш керис.*

Глухой заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы.

Тип 31. КАШЕЛЬ: ***кхе-кхе, кхо-кхо, кхе-к, хыркать, хаперхать, керкать, хоркать, кашлять, кахать, кахи-кахи, кха-кха.*** Ср.: коми-перм. *кашельтны, каркнитны*.

Сочетание заднезычных смычного и щелевого отражают горловой элемент кинемы, а также смену артикуляции (сначала смычная, затем щелевая) при кашле. Наличие вибранта указывает на более “грубый, резкий, лающий” характер кинемы.

Тип 32. ЖИЛЕНИЕ: ***кряхтеть, крех-крех, рехать, кречкать.*** Ср.: коми-перм. *ружтыны*.

Обязательный вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; заднеязычный и фрикативный - горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 33. РЕЗКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ***гек, гок, хоп.***

Заднеязычные отражают горловой элемент кинемы и напряжение горла; взрывной- резкость завершения действия.

Тип 34. РЫГАНИЕ: ***рыгать, изрыгать***.

Заднеязычные отражают - горловой характер кинемы; вибрант - отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; гласные - ротовый характер.

Тип 35. РВОТА: ***рвать, блевать, изрыгать***.

Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный - горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 36. ХРИП: ***хрипеть, хрип, хр-хр***.

Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный - горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Функции фонемотипов в русских артикуляторных ономатопах

Фонемотипы в русских артикуляторных ономатопах выполняют следующие функции (см. табл. 5). В таблице представлены ЗИ фонемотипов в русских ономатопах, где в графе “функция отражения” указаны те компоненты денотата, которые репрезентируются в речи при помощи данного фонемотипа.

Все фонемотипы в русских артикуляторных ономатопах выполняют базовую функцию, лишь гласный иногда выступает в огласовочной функции (ср. ***хрр - хырр***). Здесь также следует говорить о ЗС-функции глас-

Таблица 5

Фонемотип	*Функция отражения*	**Позиция в корне**
	1) участия передней части	анлаут (***сосить***)

FRIC переднеяз.	языка 2) щелевого характера артикуляции 3) спираторного характера кинемы	ауслаут (***тышкать***)
FRIC среднеяз.	1) горлового характера кинемы 2) напряженности процесса	инлаут (***фью***)
FRIC заднеяз.	1) щелевого характера артикуляции 2) горлового характера кинемы 3) спираторного характера процесса	анлаут (***хи-хи, хны***) инлаут (***кхе***) ауслаут (***ах, чих***)
FRIC лаб.	1) щелевого характера артикуляции 2) спираторного характера кинемы 3) участия губ в процессе	анлаут (***фырк, фу***) инлаут (***тьфу, швырк***) ауслаут (***уфф, пфф***)
PLOS лаб.	1) смычного характера артикуляции 2) участия губ	анлаут (***пчих, блев***) ауслаут (***чуп-чуп***)
R	1) дрожащего характера кинемы 2) горлового характера кинемы 3) напряженности процесса	анлаут (***ржать***) инлаут (***хрип, харкать***) ауслаут (***хрр, чувыр***)
SON наз.	1) участия носовой полости	ауслаут (***пиньгать***)
SON лаб.	1) участия носовой полости 2) участия губ в процессе	инлаут (***чмок***) ауслаут (***гам, ам***)
SON лат.	1) латерального элемента артику-ляции	анлаут (***лакать***) инлаут (***хлебать***) ауслаут (***гыл-гыл***)
AFFFR	1) среднеязычно-небной смычно-щелевой артикуляции 2) участия передней части языка 3) напряженности процесса	анлаут (***чмок, цок***) инлаут (***апчхи***) ауслаут (***чих***)
VOC	1) передней / задней артикуляции 2) участия голосовых связок	анлаут (***ах, ой***) инлаут (***хиханьки***) ауслаут (***хо, ха***)

ных (ср., например, ***кхе*** и ***кхо***, ***хи*** и ***ха***), где очевидна разница в степени проявления, интенсивности признака денотата: легкий/ тяжелый; силь-ный/ слабый; тихий/ громкий и пр.). Большинство фонемотипов поли-функциональны.

Ономатопы говорения

Затрепещут тразимендские
тростники,
Затрепещут, как изменники,
Что болтливую болтовню
разболтали.
М.Кузмин

При описании звуков речи учитываются их артикуляторные, акустические и перцептивные характеристики (Бондарко 1990: 165), что связано и с процессами номинации на уровне ономатопов говорения, кото-рые лежат как в сфере ЗС, так и в сфере ЗП. Сложность денотата онома-топов говорения предполагает номинацию в сфере ЗИ вообще, основа-ние которой составляют механизмы подражания и синестезии.

Специфика ФС-единиц связана с их постоянным эволюционным дрейфом из одной сферы в другую, когда трудно определить, где заканчивается звукоподражательность и начинается звукосимволизм.

Основные фоносемантические группы ономатопов говорения

1. Изображение говорения без указания на его характер: ***говорить, тары-бары, та-та-та, ля-ля-ля, тра-та-та, ботать, таковать, тыркать, тургать, калякать, торкать, туткать, тяпкать, баять, бачить, талы-талы, бутить, стукать, тру-ту-ту, бармить***. Ср.: коми-перм. *баитны, бобгыны, тарзьыны, лёбны, сярзьыны.*

Типичными являются переднеязычные и губные (наиболее легкие в артикуляции), преимущественно звонкие, которые отражают участие го-лоса и ротовой элемент артикуляции. Среди гласных актуализируется наиболее звучный ***а***. Взрывные и вибрант отражают взрывы и Турбу-лентные шумы. Отсутствие мотива номинации не позволяет едино-образно структурировать данные единицы.

2. Изображение говорения с указанием на степень громкости:

1) шепот: ***шу-шу, шуры-муры, шушукать, шептать, шикать***. Ср.: коми-перм. *шушкыны*.

Глухой фрикативный в анлауте отражает шумовой и спираторный характер артикуляции и отсутствие тонового источника звука;

2) негромкая речь: ***па-па-па, пляп-ляп-ляп, мекать, лепетать, ворковать, тюргать, уркать, лопотать***. Ср.: коми-перм. *шушкӧтчыны*.

Здесь актуализируются глухие (шумовой источник) и сонорные согласные (ротовой характер); среди гласных - наименее звучный ***у*** и гласные средней звучности ***э, о.***

3) громкая речь, крик, брань: ***орать, кричать, вопить, галдеть, реветь, горланить, гаркать, зыкать, гаркать, рявкать, базлать, аркать, ерыкаться, базанить, дзярскать, джярскать, иргаться,***

хайгать, хайлить, хайланить. Ср.: коми-перм. *чирзыны, ванзыны, авзыны, гайзыны, горöтлыны.*

Типичен наиболее звучный ***а*** (тоновый источник и громкость звучания); вибрант отражает турбулентные шумы, диссонантность звучания; заднеязычные - горловой характер артикуляции.

3. Изображение говорения с указанием на артикуляционную четкость:

1) шепелявость: ***шепелявить, пришепетывать***. Ср.: коми-перм. *шевгыны*.

Глухой фрикативный отражает спираторность процесса и отсутствие зубного элемента артикуляции;

2) заикание:***заикаться, заекиваться, заякиваться, екать***. Ср.: коми-перм. *мыктавны*.

Взрывной заднеязычный отражает смычку артикуляторных органов при производстве звуков речи;

3) невнятная, нечленораздельная речь: ***бу-бу-бу, бум-бум, бурчать, бормотать, мычать, шмакать, бунчать, барабать, бошить, буркать.*** Ср.: коми-перм. *туткыны, бо-бо-бо, бу-бу-бу.*

Типичны губно-губные и сонорные (***б, м***), которые, как и гласные, вероятно, наиболее легки для произношения.

Ср. изображение лепета младенца: ***баля-баля, уа-уа, балякать, лепетать*** и пр. Ср. также о невнятной речи ***алалаблблбл*** (А.Чехов “Свистуны”);

4) говорение в нос, гнусавость: ***гнусить, гнусавить, гундосить, гугнивый***. Ср.: коми-перм. *баитны ныр пырйöт* “говорить в нос”.

Назальный отражает носовой элемент артикуляции, заднеязычный часто назализуется под влиянием сонорного. В принципе здесь может присутствовать любой заднеязычный: “заднеязычная смычка резко прекращает всякое сообщение между легкими и ротовой полостью, и поэ-тому голос (звонкость) невозможен, если только струя воздуха не будет выпущена через нос” (Газов-Гинзберг 1965: 99).

4. Изображение говорения с указание на темп речи:

1) быстрая, торопливая речь: ***брекотать, брякотать, болботать, болбочить, барабанить, тарарачить, тары-бары, торкать, репетить, чекотать, чектать, стрекотать, тар-тар-тар, тарахтеть, татраторить, трещать, тарантить, трек-трек.*** Ср.: коми-перм. *боторитны, боторитны-баитны* «говорить быстро и монотонно».

Актуализация вибранта, отражающего шумовой и голосовой источник, и скорость речи (диссонанс как быстро перемежающиеся удары).

5. Оценочное изображение говорения:

1) монотонная, нудная речь: ***зу-зу-зу, зудеть, жужжать***. Ср.: коми-перм. *боторитны, боторитны-баитны* «говорить быстро и монотонно»; *бобшитны*.

Звонкий фрикативный отражает голосовой источник звучания, редупликация - однотипность звучания;

2) недовольная, злая речь: ***гыркать, гыр-гыр, кыркать, бухтеть, шипеть.***

Вибрант раздражающе действует на слух; фрикативные, взрывные (губные и заднеязычные) отражают движение наиболее подвижных органов речи (языка и губ) при сильной выдыхательной струе (шумовой источник);

3) ворчание, бурчание: ***бунчать, буркать, бухтеть, бухтить, борчать, боршить, бунгать, бокотать, ворчать, тюргать, уркать, ургать, бур-бур-бур, бум-бум-бум, бух-бух-бух, бурчать, бармать, бармить, бормотать***. Ср. коми-перм. *боргыны, бобгыны, боньгыны, бызгыны.*

Актуализация вибранта, звонких (губных) согласных.

6. Изображение говорения с указанием на смысловую структуру речи:

1) болтовня, бессодержательная речь: ***барабать, бармить, балякать, балалакать, балабонить, болтать, боронить, блекотать, брекотать, булькать, брени-стрени, ботать, балакать, вякать, вахлять, гамгать, калякать, ляпкать, мухлачить, репетить, тяпкать, туткать, тургать, тыркать, тарахтеть, тарарачить, тары-бары, тары-бар, чивкать, чокать, чекотать, хлопать, шлепать, шебенкать, балясничать, базарить, балагурить, тра-ля-ля, трекать, трепаться, ля-ля-ля, каля-каля, те-те-те, трещать***. Ср.: коми-перм. *болтайтны, туру-туру, бобгыны, шлёпотны.*

В изображении болтовни могут актуализироваться самые различные признаки речи вообще: скорость (***тарахтеть, репетить***); участие голоса (***ля-ля-ля, каля-каля***) и др. Типичны редупликация, указы-вающая на длительность и однообразие речи, и актуализация акусти-ческих ономатопов (инстанты, континуанты, фреквентативы);

2) говорить, рассчитывая на сочувствие (жалуясь): ***стонать, скулить, ныть, хныкать***. Ср.: коми-перм. *няргыны, нюргыны*.

Здесь актуализируются артикуляторные ономатопы плача, стона, хныканья;

3) сказать невпопад, неуместно: ***болтануть, брякнуть, ляпнуть, сборонить, бухнуть, бахнуть, вякнуть.*** Ср.: коми-перм. *ляпнитны*.

Актуализация акустических ономатопов удара;

4) обманывать, сплетничать: ***брени-стрени, брехать, брякать, ляпкать, мухлачить, тренькать, хлопать, болтать, заливать, звонить, свистеть, трепать, трезвонить, трепать.*** Ср.: коми-перм. *шлёпётны*.

Актуализация акустических ономатопов удара, диссонирующего удара и тона;

5) говорение на непонятном языке: ***коть-моть*** (коми-перм.); ***бэльмэ-бэльмэ*** (татарск.); ***а-ля-ля, свистеть, файть-фийть-фюйть, спикать*** (англ.); ***пшикать*** (польск.); ***парлекать*** (фр.); ***шпрехать*** (нем.).

Актуализируются звуки, которые наиболее отчетливо выделяются для слушателя в чужой речи (***пшикать, бэльмэ***), либо заимствуется ономатоп говорения чужого языка (***парлекать, спикать, шпрехать***).

7. Характеристика человека по его речи:

1) невнятно говорящий: ***бормота, бунчало, бормотало, бумка, бормото, бормотуха;***

2) любитель поговорить, болтун: ***бараба, баля, баламолка, баляка, баляня, балабол, балаболка, бах, баюн, болтуха, болтуша, болоно, болтня, ботало, бря-куша, брякалка, говоруха, говорок, говорунчик, звонарь, ляпа, лаптунья, чекуша, чикошня, хлопуша, шабарчелка, щелкуша, таранта, тараторка, трещетка, трепло;***

3) лжец, склонный к обману: ***брехло, брехало, свистун, хлопуша, болтун, звонарь, трепло, базарило, ботало, трекало, хлопушка***. Ср.: коми-перм. *бӧбӧтчук;*

4) говорящий очень быстро: ***тараторка, трещотка, чикошня, чикуша, балаболка, таранта, чечетка, цокотуха.*** Ср.: коми-перм. *сярзян.*

8. Разговор (обычно характеризованный): *болковни, говор, говоря, чикошня, болтовня, брехня, галдеж, жужжание, лепет, треп, трепотня, тарабарщина, стрекот, свист, талы-талы, трескотня.*

Функции фонемотипов в русских ономатопах говорения

В табл. 6 представлены ЗИ-функции фонемотипов в ономатопах, где в графе “функция отражения” указаны те компоненты денотата, которые репрезентируются в речи при помощи данного фонемотипа.

Таблица 6

Фонемотип	**Функция отражения**	*Позиция в корне*
PLOS $^{зв.}$	1) голосового источника 2) шумового источника 3) взрывного источника	анлаут (***бу-бу, баять***)
PLOS $^{гл.}$	1) шумового источника 2) взрывного источника 3) негромкости звучания	анлаут (***та-та, торгать***) ауслаут (***ляп-ляп***)
PLOS $^{заднеяз.}$	1) шумового источника 2) взрывного источника 3) напряженности голосо-вых связок 4) негромкости звучания	анлаут (***гал-гал, хайгать***) инлаут (***заикаться***) ауслаут (***бух-бух***)
	1) шумового источника	анлаут (***зу-зу, вопить***)

FRIC зв.	2) голосового источника 3) громкости звучания	инлаут (***рявкать***)
FRIC гл.	1) шумового источника 2) отсутствия голоса	анлаут (***шу-шу, шикать***)
R	1) шумового источника 2) взрывного источника 3) скорости говорения 4) напряжения голосовых связок	анлаут (***рявкать***)
AFFR	1) шумового источника 2) взрывного источника	анлаут (***чивкать, чекотать***)
SON наз.	1) голосового источника 2) говорения в нос	анлаут (***ныть, нудить***); инлаут (***гнусавить***); ауслаут (***бунчать***)
SON лаб.	1) голосового источника	анлаут (***мямлить***) ауслаут (***бумкать***)
SON лат.	1) голосового источника	анлаут (***лялякать***); инлаут (***гал-деть***); ауслаут (***гал-гал-гал***)
VOC	1) голосового источника	анлаут (***иргать, орать***); инлаут (***гугнивый, бунчать***); ауслаут (***бу-бу-бу***)

В ономатопах говорения все фонемотипы выполняют базовую функцию, лишь в ономатопах шепота гласный выполняет огласовочную функцию. Большинство фонемотипов полифункциональны.

Возможно, что выявление особой ЗИ специфики в ономатопах говорения являет собою дополнительный аргумент в пользу выделения этих ономатопов в отдельную группу.

Полифункциональность фонемотипов в русских ономатопах

Исследование функций фонемотипов по разным классам русских ономатопов позволяет не только установить их ЗИ-полифункциональность, но также определить те фонемотипы, которые несут в языке максимальную ЗИ-нагрузку (см. табл. 7).

Анализ ЗИ-функций фонемотипов показывает, что согласные в русском языке имеют от 7 до 12 ЗИ-функций. Характерно, что со снижени-ем «гласности» снижается и количество ЗИ-функций: наименьшее коли-чество ЗИ функций у гласных, значительно больше – у сонорных, аф-фрикат и вибранта, максимальное число функций – у взрывных и фрика-тивных. Очевидно, что это связано как с количеством фонем в ряду фо-немотипов, так и с количеством оппозиций по дифференциальным признакам (глухость – звонкость, твердость – мягкость, лабиализован-ность – нелибиализованность и пр.).

Таблица 7

Фонемотип	Функция отражения
PLOS	1) голосового источника; 2) шумового источника; 3) взрывного источника; 4) прямого отражения удара; 5) мгновенного характера звучания; 6) негромкости звучания; 7) краткости тонового неудара; 8) напряженности голосовых связок; 9) смычного характера артикуляции; 10) участия губ
FRIC	1) шумового источника; 2) голосового источника; 3) громкости звучания; 4) тоношумового неудара; 5) отсутствия голоса; 6) чисто шумового неудара7) участия передней части языка; 8) щелевого характера артикуляции; 9) спираторного характера кинемы; 10) горлового характера артикуляции; 11) напряженности процесса; 12) участия губ в процессе
R	1) шумового источника; 2) взрывного источника; 3) скорости говорения; 4) напряжения голосовых связок; 5) дрожащего характера артикуляции; 6) горлового характера кинемы; 7) напряженности процесса; 8) чистого диссонанса
AFFR	1) шумового источника; 2) взрывного источника; 3) среднеязычно-небной смычно-щелевой артикуляции; 4) участия передней части языка; 5) напряженности процесса; 6) аппроксимированное отражение удара; 7) чисто шумового неудара; 8) элемента чавкающей артикуляции
SON	1) голосового источника; 2) говорения в нос; 3) участия носовой полости; 3) резонаторного тонового неудара; 4) тонового неудара; 5) участия губ в процессе; 6) передача движения жидкости; 7) латерального элемента артикуляции
VOC	1) голосового источника; 2) тонового неудара; 3) передней / задней артикуляции; 4) участия голосовых связок

Лексикографическая фоносемантика

Не фиксируются словарем...
Из предисловия к словарю

Общие замечания. Лексикография является разделом русистики, которая менее всего уделяла внимания ЗИ, что проявляется в незначитель-ной фиксации аномальных форм, недифференцированности ЗП- и ЗС-слов, этимологической неразработанности этого лексического пласта.

Для русистики долгое время было характерно пристальное внимание лишь к “высокой” книжной и народной диалектной речи, которые отличаются некоторой цельностью, законченностью, “идеальностью”, тогда как все “недоязыки” (жаргоны, сленги, арго и пр.) рассматривались только в контексте культуры речи как “неправильные”, а потому не достойные внимания “высокой” лингвистики. Однако даже это положение дел не мешает проследить тенденцию возрастающего внимания русской лексикографии к звукоизобразительности.

Подобные установки привели к невниманию в фиксации “недослов”, коими являются фоносемантические аномалии (ФА), рассматриваемые большинством лингвистов как “неполноценные” языковые единицы.

Даже недавно актуализированный слоган “*Пушкин - наше все*”, не лишенный некоторой печальной иронии, но отражающий в числе прочего и традиционный русский лингвистический идеал, не смог подвигнуть лексикографов к фиксации единиц, имею-щих непосредственное отношение к идиостилю А.С.Пушкина (ср. полемику современ-ников поэта относительно допустимости/ недопустимости употребления в поэзии форм типа ***толк, хлоп, топ***).

Фиксация и грамматическая характеристика ЗИ-слов. Одной из проблем лексикографии является *фиксация ЗИ-слов,* прежде всего аномальных форм, которые являются наиболее значимыми для фоносемантики.

Начиная с XIX в., в словарях прослеживается рост списочного состава наиболее употребительных ономатопей, тем не менее состояние дел оставляет желать лучшего.

Второй проблемой лексикографической фиксации ЗИ-слов является *грамматическая характеристика аномальных форм*, где не разграничиваются собственно ЗП, междометия, ЗС слова.

По данным С.А.Карпухина, в словаре древнерусского языка А.А.Срезневского (1893-1912) ономатопеи не фиксируются; в *Словаре церковнославянского и русского языка* (1877) отмечено 8 ЗП (***буль-буль, га-га, кахи-кахи, тюк, хрю, хи-хи, ха-ха, хны***).

В словаре В.И.Даля (1863-1866) выделяется 36 ЗП, в словаре Д.Н.Ушакова (1935-1940) - 43, а в БАСе (1948-1965) - 66 ЗП (Карпухин1979).

Эти данные требуют определенной коррекции (в *Материалах*... А.А.Срезневского, например, фиксируются ***кра, ох, о, ха, чих, чох***), что, однако, не изменит общей картины. При этом в диссертации С.А.Карпухина исследуется 3 тысячи ЗП, из которых около 2 тысяч специальные (орнитологические и зоологические), однако тысяча ЗП, функционирующая в живой и художественной речи, остается за пределами русских толковых словарей. В нашей диссертации анализируется около тысячи ономатопов, не зафиксированных словарями (Шляхова 1991).

С одной стороны, это обусловлено нормативностью большинства толковых словарей русского языка, с другой, - общей тенденцией в русской лексикографической практике, что подтверждает и анализ диалектных словарей.

Естественно предположить, что диалектные словари более внимательно относятся к формам, которые всегда являлись метой живой народной речи, однако практика показывает, что различия между диалектными и литературными словарями невелики.

В *Опыте областного великорусского словаря* (1852) среди 1801 “областных речений” представлено 3 глагольных междометия (***ширк, хряп, цоп***), 3 ЗП (***ау*** “крик волка”, ***бот*** ”звук удара”, ***цок*** ”звук поцелуя”) и 4 подзывных слова (***куть, кыс-кыс, кыт-кыт, мась-мась***). Однако в *Дополнении к Опыту областного великорусского словаря* (1858) число их значительно увеличивается: около 30 глагольных междометий, 15 подзывных слов и 3 ЗП (***курны, писк, тви-тви***). Грамматические поме-ты в этих словарях непоследовательны и противоречивы, однако боль-шинство единиц относятся к междометиям, остальные не имеют грамма-тических помет.

Попробуем сузить территорию описываемых говоров и рассмотрим отражение аномальных форм в словарях XIX - XX вв., фиксирующих лексику только пермских говоров. *Словарь русских говоров Среднего Урала* (1964-1971) фиксирует только подзывные слова (около 40 еди-ниц), ЗП и междометные глаголы отсутствуют.

В пяти исследованных словарях, отражающих лексику пермских говоров (Краткий словник... 1962; Ночвин 1913; Соликамский словарь 1973; Акчимский словарь 1984; Теплоухов 1857), всего фиксируется около 50 подзывных слов и около 20 ЗП (Шляхова 1988), тогда как только для подзывания овец в пермских говорах нами зафиксировано около 40 единиц. Однако *Словарь пермских говоров* (вып.1, А-Н, 2000) фиксирует уже 36 единиц, где дифференцируются слова клича и отгона животных, но при этом слова отгона даются без грамматических помет, а слова клича даются с пометой “междом”.

Подобная практика фиксации рассматриваемых единиц наблюдается и в других областных диалектных словарях. Ср., например, *Ярославский областной словарь* (1981-1989) фиксирует только подзывные слова (около 80 единиц).

Грамматические пометы в словарях противоречивы и несистемны. В *Словаре соликамских говоров* все аномальные формы трактуются как междометия; в *Акчимском словаре* дифференцируются подзывные слова и междометия, но у подзывных слов грамматические пометы отсутству-ют, а остальные единицы (преимущественно ЗП) получают различную трактовку - “*междом*.”, “*звукоподр*.”, “*междом. звукоподр*.”, “*детск*.”) (Шляхова 1988).

Этимологизирование ЗИ-лексики. Еще одной важной лексикогра-фической проблемой является *этимологизирование звукоизобразитель-ной лексики* в этимологических словарях. Принято считать, что ЗИ не-значительно представлена в этимологических словарях русского языка, однако это не совсем так. По нашим наблюдениям, составители слова-рей на уровне интуиции чувствуют звукоизобразительную природу сло-ва, однако в русских словарях чаще всего дается помета “темное”, “спор-ное”,

“неясное” слово, тогда как ЗИ отмечается только в явных, несом-ненных случаях.

Подобное этимологизирование ЗИ-слов отмечается и в словарях других языков: “этимологи констатируют их звукоизобразительный статус, но они не идут дальше и не ставят перед собой задачу объяснить характер связи между звучанием и значе-нием этимона. К тому же они, в лучшем случае, рассматривают только эксплицит-ные звукоизображения” (Климова 1999: 145).

Создание русского фоносемантического словаря является насущной проблемой не только русской фоносемантики, но и этимологии в целом. Даже простая фиксация слов ЗИ происхождения, установленных в рам-ках классической (не фоносемантической) этимологии, позволит пред-ставить, какое значительное место занимает ЗИ лексика в составе рус-ского лексического фонда.

Применение методов этимологической фоносемантики расширят этот круг лексики до пределов, которые могут показаться невероятными.

Так, например, 1) наши исследования этимологического гнезда слова «время» (лексема «время», родственные слова и их производные), включающего 198 единиц, показывает, что только на уровне этимологического значения 75,8 % этих единиц квалифицируются в этимологических словарях как примарно мотивированные. Та-кие как ***верея, вериги, вервь, ворот, ворота, верать, вереница, вор, веретея, веретено, ворок, ворон, верста, вертел, вертеп, верба, верета, веревка, варовина, во-роба, вертеть, вращять, верстак, поворот, сверстник, воронка, створка, затвор, творить, вереница, веревка*** и др.

Применение методов этимологической фоносемантики позволяет установить, что ЗИ-этимология имеется у 14,2 % исследуемых единиц; «звуковой» мотив в се-мантике родственных слов отмечается у 28,6 %; а 57 % единиц, входящих в этимо-логическое гнездо слова «время», соотносятся со ЗИ индоевропейским корнем. Мож-но предполагать, что все единицы этимологического гнезда слова «время» имеют примарную мотивированность (Катаева 2002).

Исследование ЗИ имен 15 языческих божеств (***Сварог, Стрибог, Дажьбог, Род, Хорс, Волос (Велес), Ярила, Перун, Мара, Мо(а)кошь, Див, Мо(а)рена, Лада, Навь, Лель***) показывает, что только в 6,6 % случаев в этимологических словарях славянс-ких языков отмечаются собственно ЗИ-этимологии, однако у 80 % исследуемых еди-ниц имеется ЗИ-мотив в родственных словах, а в 53,3 % номинаций языческих богов указывается ЗИ-значение исходного корня. Гипотеза о примарной мотивированности этих единиц представляется достаточно обоснованной, хотя и требует дополни-тельных данных (Воробьева 2002).

Исследование в рамках ФС-этимологии 29 единиц русской метеорологической лексики и 193 этимологически родственных им единиц (всего 222 лексемы), позво-лило установить наличие собственно ЗИ этимологии или «звукового» мотива в эти-мологии у 201 единицы (90,5%). ***Пыль, полено, пух, пепел, пламя, пыхать, па-лить, пухнуть, пухлый, пыл, пыхтеть; Дым, дуть, двошить; Ветер, вертел, ве-ретено, ветвь, ворота, вертеть, воротить, веять, ветла, вея; Вихрь, веха, ве--хоть, вить, вихор, вихлять, витый, витать; Туман, темный, тьма; Мгла, мга, мигать, жмурить; Смерч, сморкаться, мороковать, меркать; Морось, мер-кнуть, моргать, мерцать, морок, мерещить; Мороз, мережа, морозить, мер-зить, мерзкий, моргать, мерзость; Метель, меть, мерник, мерить, мету, ме-тать, мотылек, мятеж, метла, мешать; Крупа, кроха, крошить, крупный, крохаль, крушить, крупица, крушина, крошка; Молния, мука, моль, млин, мель-ница, молот, мелю; Буря, бурлить, бушевать, буркать, бурун, бухнуть, бурить, бурчать, бурьян; Пар, парить, паруха, переть, паром, преть*** и др.

Анализ ФС-аспекта метеорологической лексики приводит к выводу о том, что исследованная нами лексическая группа является ЗИ, причем даже в тех случаях, где в этимологических словарях нет прямого указания на ЗИ.

Интересно, что формально, по данным этимологических словарей, только четыре (из 29 лексем) единицы (***дождь, гром, гроза, буря***) считаются ЗИ, тогда как наши данные свидетельствуют, что все они являются примарно мотивированными. Кроме того, на уровне этимологической семантики старшие (возможно, исходные) значения исследуемых слов в 79,3 % соотносятся со ЗИ-семантикой (Егорова 2002).

Проведенные исследования 195 единиц русской лексики говорения позволяют утверждать ЗИ-характер лексем, номинирующих речемыслительную деятельность человека. Анализ этимологических словарей показывает, что 94,96% исследованной лексической группы имеет ЗИ-источник происхождения, т.е. примарно мотивирова-ны. У остальных 5,64 % единиц в этимологических словарях, на наш взгляд, указана лишь ближайшая ступень эволюции значения и при дальнейшем изучении возможно открыть ЗИ-природу этих единиц.

Дополнительным аргументом в пользу ЗИ-природы исследуемых единиц послу-жило исследование этимологической семантики, которое показало, что 88,22% ис-следуемых корней индоевропейского, общеславянского, общевосточнославянского и собственно русского лексического фондов имеют значение «звук, издать звук»: из них «издавать звук, крик при помощи голоса» (64,7%), «звук удара» (23,52%) (**ЛЮДА**2002).

Эти данные представляются весьма показательными, поскольку даже в невероятно длительной семантической эволюции слов сохраняется достаточно высокий процент ЗИ-мотивации в номинации.

Лексико-семантическая фоносемантика

Хранит таинственная сила
Бессмертие рожденных слов.
З.Гиппиус

Общие замечания. Одним из принципиальных аргументов противников теории мотивированности языкового знака является тезис о немногочисленности ЗИ-лексики в языках и ее крайне примитивной, “незначительной” семантике. Особо скептически лингвисты относятся к семантике ЗП, однако “простота” ЗП-слова - “простота кажущаяся. Значе-ние такого слова - образование сложное и многогранное” (Воронин 1986: 29). На материале различных языков доказано, что ЗИ-слова могут развивать богатую систему значений, вплоть до абстрактных понятий (Воронин 1984; Газов-Гинзберг 1965; Маковский 1996).

“Среди слов, обозначающих понятия любой сложности, можно найти немалый процент сохранивших бесспорные следы ономатопеи в своих корнях”; “насколько не ограничен круг понятий, которые могут выражаться словами, корней изобразитель-ного происхождения”, однако “безостановочные фонетические сдвиги привели к то-му, что значительный процент слов большинства языков не позволяет добраться до следов древнейшей звукоизобразительности” (Газов-Гинзберг 1965: 121,161). Так, со звуком, звучанием связаны такие абстрактные понятия как *человек, Бог, счастье, до-стояние* (Маковский 1988, 1996).

В задачи лексико-семантической фоносемантики входит установле-ние и описание тематических и лексико-семантических групп, а также семантических полей русской ЗИ-лексики, их соотношение друг с дру-гом и соотношение единиц внутри этих группировок; исследование ЗИ-полисемии; характеристика семантической структуры ЗИ-слова (совокупность лексико-семантических вариантов) и структуру отдельного значения слова (семная структура) и др.

Актуальность разработки лексико-семантического аспекта русской ЗИ-лексики связана прежде всего с установлением семантических кри-териев, характеризующих ЗИ-слово.

Семантические критерии идентификации ЗИ-слов. Метод семасиологических параллелей (универсалий), когда в ряде языков обнаруживаются общие семантические переходы значений, является традиционным в этимологических исследованиях. Кроме того, в пределах одного языка ЗИ-слова имеют своеобразные семантические меты, которые, однако, требуют учета не только семантических, но и формальных характеристик этимологизируемого слова.

Семантическими критериями идентификации ЗИ-слова являются:

1) наличие *эмоциональной оценки* (пейоративное/ мелиоративное на фоне нейтрального) и *экспрессивности* (сема “очень”, отклонение от предполагаемой “нормы”).

Ср., например, в нашем материале фреквентативов (около 800 лексем и ФА) 85% исследуемых слов коннотативно маркированы по признаку эмоциональной оценки и экспрессивности;

2) характерность *образности семантики* (метафоричность, архетипичность, мифологизм, синкретизм).

Ср., например, ниже – ЛЗ ономатопов; широкое использование ЗИ-лексики в художественных текстах. Ср. также «широкозначность» семантики однофонемных ФА;

3) типичность *конкретности семантики* (стилистическая синонимия, хронотоп “здесь-и-сейчас”).

Ср., например, семантику ФА (всегда «здесь-и-сейчас»); способность ЗИ-слов образовывать многочисленные синонимические ряды; регулярность, однотипность семантики ЗИ-слов;

4) семантика *простейших психофизиологических процессов* (живое resp. звучащая и действующая плоть) является типичными признаком ЗИ-слов, где коннотация отмечается у большинства слов;

Ср., например, в нашем материале русских фреквентативов около 82% исследуемых слов;

5) исследование *мнимых слов и значений* позволит более точно установить реальную примарную мотивированность.

Ср., например, ***дремучий*** (лес) не связано с *дремать*, но ср. диал. ***дром*** – “чаща, заросли”. Внешне русское и ЗИ слово *куралесить* восходит к греч. *Kurieeleeson* – “Боже спаси”;

6) учет *энантеосемии,* которая характерна для развития семантики любых слов, в том числе и ЗИ, где неспособность этимолога решить «задачу на омонимию» приводит к отказу квалифицировать слово как звукоизобразительное. При этом одно из «противоположных» значений является безусловно ЗИ. Для русских ЗИ-слов характерной является эмоционально-оценочная энантеосемия, когда в семантической структуре слова представлены значения с противоположными (пейоративное/ мелиоративное) компонентами коннотации.

Ср., например, ***щериться*** *арг*. “смеяться” – ***щуриться*** *арг*. “злиться”; ***драчить*** *диал*. “нежить, баловать, холить” – ***дрочить*** *арг*. “раздражать, надоедать”; *диал*. ***гунить*** “говорить” – ***гунять*** “молчать”; ***клять*** “смеяться” – ***клячиться*** “плакать, капризничать”;

7) учет *эвфемии* и *метафоризации*, свойственных данному этносу. Образование новых значений в языке может осуществляться не только на основе специфических для каждого языка психологических ассоци-аций, но и подвержено сильному влиянию религиозной и мифологи-ческой

символики (Маковский 1999: 28), хотя пространство локальных (внутрикультурных) метафорики и эвфемического дискурса незначи-тельно (Которова 1982; Глухов 1980; Подюков 1990).

Ср. напр., соотношение ***здоровье*** и ***дерево***, ***ловкий*** и ***ловить***, ***печь*** и ***печаль***, ***тропа*** (путь > судьба) и ***терпеть, труп;***

8) учет *ассоциативных фоносемантических связей* (в том числе идиолектных), которые помогают прояснить, с одной стороны, случаи народной этимологии, с другой – структуру фонемотипного состава ЗИ- слова и возможности семантического развертывания слова. Безусловно, в художественном тексте ЗИ осложнена разного рода (эстетическими, индивидуальными, культурными и пр.) коннотациями, однако, по нашим наблюдениям, ЗИ-слова в идиолекте структурируются по моделям общеязыковых ЗИ-слов.

Ср., например: Из звуков ***ти-те-та-та-то*** складывается тетя Дотя; Стучит ме-лодично по белому, звонкому ряду холодноватых палочек – ***то-то-то те-ти-до-ти-но*** – что мне впоследствии тетя Дотя являлась преломлением звукоряда (А.Бе-лый. Котик Летаев); ***Ах*** с эмпиреев, и ***ох*** вдоль пахот, И повинись, поэт, что ничего, кроме этих ***ахов, охов***, у Музы нет (М.Цветаева. Молвь); Сам Пастернак говорил на чудесном языке, но чисто пастернаковском – он ***пел, мычал, шумел*** и ***гремел*** (Н.Мандельштам. Вторая книга); Сначала в ней (книге) бывают сами по себе слова, за любым из которых сразу же всплывает то, что оно обозначает (“сапог”, “параша”, “ватник”), или зияет бессмысленная чернота (“онтология”, “интеллигент”), и надо идти к кому-нибудь из взрослых, чего всегда хочется избежать, отчего *онтология становится ручным фонарем, а интеллигент – длинным разводным ключом со смешной головкой* (В.Пелевин. Онтология детства); Болтливых жен он называл ***таратайками***. Плохих хозяек – росомахами. Неверных жен – ***шаландами*** (С.Дов-латов. Заповедник).

Ср. также: общий фонемотипный состав идиолектной акустической ономатопеи у В.Пелевина и языковой акустической ономатопеи:

А вот как стучат колеса в разных странах мира:

В Америке – «***джинджерэл-джинджерэл***». (Ср. ***дзинь***).

В странах Прибалтики - «***па-дуба-дам***». (Ср. ***па-па-па, та-та-та***).

В Польше – «***пан-пан***». (Ср. ***тинь***).

В Бенгалии – «***чуг-чунг***». (Ср. ***чапать, чахать***).

В Тибете – «***дзог-чен***». (Ср. ***дзузукать***).

Во Франции – «***клико-клико***». (Ср. ***клюк-клюк***).

В тюркоязычных ремпубликах Средней Азии – «***бир-сум***», «***бир-сом***» и «***бир-манат***». (Ср. ***тир-, тер-***).

В Германии – «***вриль-шрапп***». <…> (Ср. ***тиль-тиль, шарк-***).

В Японии – «***додеска-дзен***». <…> (Ср. ***дзинькать***).

В Грузии – «***коба-цап***». (Ср. ***цап***).

В Израиле – «***таки-буц-бубер-бум***». (Ср. ***буц, бац, бум, бом, бубнить, тик-так***).

В Англии – «***клик-о-клик***» (в Шотландии – «***глюк-о-клок***»).<…> (Ср. ***клюк-клюк***).

Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее всего колеса стучат в России – "***там-там***". Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль – там она, там, ненаглядная… (Пелевин В. Желтая стрела).

Эти и другие семантические признаки (в совокупности с фонетическими, грамматическими и пр.) позволят установить ЗИ-статус этимологизируемой единицы.

Структура лексического значения ЗИ-слов

Структура лексического значения ЗИ-лексем. Наиболее подробно на вопросе о лексическом значении (ЛЗ) русских ЗИ-слов остановился Ю.Казарин, который говорит о биденотатной (двуденотативной) приро-де ЛЗ изобразительного слова, где выделяется аутоденотат (акустичес-кий, фонетический, звукоизобразительный денотат) и ментальный дено-тат (Казарин 2000: 42). Таким образом, традиционно выделяемая макро-компонентаная структура ЛЗ слова [понятийный (денотативно-сигнифи-кативный), коннотативный, мотивировочный, эмпирический, культурно-национальный компоненты] (Кузнецова 1989; Стернин 1979; Шмелев 1977) дополняется вторым денотатом, который (в традиционных терми-нах) является мотивировочным (часто утраченным) или ФС-компо-нентом ЛЗ.

«Денотат 2 имеет лингвоментальную природу, обусловленную, во-первых, мотивированностью значения фонетической единицы языкового знака, а во-вторых, соотнесенностью данного мотивированного значения с реалиями действительности (имеются в виду, естественно, звукопроизводящие реалии) » (Казарин 2000: 33).

По Ю.Казарину, сигнификат (понятие, представление) ЗИ-слова при-близительно равен денотату 2, однако приводимые примеры не вносят ясности в решение вопроса.

Так, у ФА (по Ю.Казарину, лексоида) ***чав/ чав-чав*** денотат 1 - "неприятный звук", а денотата 2 - "производить неприятные, резкие, "чмокающие" звуки в про-цессе неопрятного поедания пищи животными/ человеком" (Казарин 2000: 42). Оста-ется неясным, почему денотат 1 "неприятный звук" не может соотноситься с сигни-фикатом?

Кроме того, по Ю.Казарину, наличие денотата 2 свойственно лишь «очевидным» ЗИ-словам, словам с «живой» внутренней формой, что вы-водит за рамки ЗИС русского языка огромное количество примарно мотивированных слов. На наш взгляд, выделение ФС-компонента в ЛЗ слова часто субъективно (особенно в ЗС-словах), что приводит к труд-ности вычленения денотата 2 и идентификации ЗИ-слова.

На основании "степени проявления фонетической внутренней формы слова" (resp. денотат 2) автор выделяет три группы ЗИ-слов: звукоподражательные, звуко-изобразительные и звукосимволические. В основе такого разграничения лежат сле-дующие признаки: 1) наличие в ЛЗ

акустического денотата (все группы слов); 2) на-личие в лексеме лексоида (все группы слов); 3) возможность редупликации лексоида (только звукоподражательные: ***бах-бах, бряк-бряк***); 4) возможность определения ЛЗ через акустический денотата (только звукоподражательные); 5) наличие высокой степени деривационного воспроизводства (звукоподражательные и звукоизобрази-тельные) (Казарин 2000: 159-160).

Представляется, что в постановке проблемы автор допускает ряд по-грешностей, что приводит к некорректности решения вопроса. Во-пер-вых, не разграничиваются ЗП- и ЗС-слова (ср. например, соотнесенность денотата 2 со звукопроизводящими реалиями; наличие в ЛЗ акустичес-кого денотата у всех групп ЗИ-слов и др., т.е. наличие в ЛЗ акустическо-го денотата является обязательным и для ЗС-слова). При этом же, вслед за С.В.Ворониным, ЗП и ЗС слова разделяются на основании акустичес-кого/ неакустического денотата (Казарин 2000: 34), но критерии выделе-ния ЗИ-идеофона остаются неясными.

Во-вторых, на наш взгляд, вычленяя структуру ЛЗ русских ЗИ-слов, необходимо проводить различия между собственно лексемами и ФА (лексоидами), так как их структуры различны.

Представляется, что здесь следует говорить не о двуденотативной структуре ЛЗ, а о значительном различии микрокомпонентной структу-ры ЛЗ аномальных единиц (лексоидов) и лексем, а также о мотивировоч-ном компоненте макрокомпонентной структуры, который всегда будет примарно мотивирован.

Однако верным является замечание Ю.Казарина об актуализации коннотативного компонента в ЛЗ ЗИ-слова (Казарин 2000: 42). Можно считать, что коннотативный компонент в макрокомпонентной структуре ЛЗ является типичным и отличительным признаком ЗИ-слова. Однако следует четко осознавать, что не все ЗИ-слова являются коннотативно маркированными (ср., например: ***гроза, говорить, капать, голос, конец, слово, баловать*** и пр.)

Предварительно можно говорить о том, что макрокомпонентная структура ЗИ-слова отличается от структуры ЛЗ незвукоизобразительно-го слова тем, что мотивировочный компонент (resp. внутренняя форма) обязательно примарно мотивирован, а в отдельных словах отчетливо выделяется ФС-компонент (см. табл. 8).

Структура лексического значения фоносемантических аномалий (лексоидов). На наш взгляд, в ЛЗ аномалий актуализируется не двуде-нотативная природа ЗИ-слов, а отсутствие в микрокомпонентной струк-туре ЛЗ ФА грамматической и лексико-грамматической сем, тогда как категориально-лексические семы «звук, звучание» и / или «действие» являются константными. Отсутствие грамматических сем в структуре ЛЗ

лексиода, их «логическо-грамматическая неоформленность» (Вино-градов 1972: 585) приводило ученых к тому, что подобным единицам отказывалось в статусе лексических единиц.

Следует оговориться, что понятие *аномальные* по отношению к рассматривае-мым единицам может быть применено с некоторыми оговорками. Характерные осо-бенности аналогии (регулярность; уподобление друг другу языковых элементов од-ного уровня или их сближение; обобщение модели, правила и т.п. и их распростране-ние на другие языковые единицы) присущи и аномальным языковым единицам, сле-довательно, понятие *аномальность* применяется здесь лишь традиционно, но не сущностно.

Неоднородность состава данного лексического пласта (первообраз-ные ЗП, междометия, глагольно-междометные формы), которые включа-ют ЗП- и ЗС-единицы, обусловливает различную грамматическую ин-терпретацию ФА и отсутствие единых критериев их разграничения. В выделении междометий актуализируется семантический (чаще эксперс-сивно-смысловой) критерий, звукоподражаний – денотативная природа, а в глагольно-междометные формы выделяются на основании функцио-нального (чаще синтаксического) критерия.

В макрокомпонентной структуре ЛЗ аномалий обязательным компо-нентом будет коннотативный (эмоционально-оценочный, фоносеманти-ческий, стилистический и экспрессивный) компонент.

Спецификой семантики ФА является их сверхэмоциональное начало, где любая эмоция, переживание включает «здесь-и-теперь» удовлетворе-ние (Василюк 1984: 50). Именно эти единицы оказываются способны пе-редавать семантику «здесь-и-теперь», поскольку являются собою син-кретичные образы реальных событий в момент их проявления, т.е. «здесь-и-теперь» образ конкретной ситуации, действия, события. Они всегда выражают взгляд «изнутри» вещи, сущности, явления; в них сов-мещены функция и признак: действия, качества, предмет и эмоция сли-ты в едином звуковом комплексе. ФА – это «попытка возврата к перво-начальной диффузной чувствительности» (В.Скаличка) и «передача еже-секундного изменения жизни» (Ж.Жаккар).

Ср., например: в художественной речи: *А почему кинешь, потому как о кохинорцы эти не по-нашему говорят. Бал-бал-бал да бал-бал-бал – да и все тут, да и ничего не разберешь; Вот проснешься от такого сна – во рту сухость, а сердце: тылдых! тылдых!* (Т.Толстая. Кысь). Здесь *бал-бал-бал* – это и сама речь, и звуки, издаваемые в процессе говорения, и качества речи (неразборчивая, невнят-ная), и само действие говорения; *тылдых-тылдых* – стук (звук) сердца, качества стука (сильный, частый, взволнованный), само действие. В частушке: *Мне не надо чики-брики на высоких каблуках, лишь бы личико почище, ничего, что в лопотках.* Здесь

чики-брики – это сама девушка, ее манеры, внешний вид, поведение, мораль-ные устои, характер, а также отношение (эмоциональная оценка) говорящего к ней. В загадке: *Пришел шуру-муру* (волк)*, унес чики-брики* (овцу). Здесь *шуру-муру* – поведенческие и внешние характеристики волка, звучания, издаваемые хищником; *чики-брики* как нельзя более точно передают и бессилие овечки перед хищником, и ее отчаянные попытки освободиться и физическую слабость, и отношение к целой ситуации («овечку жалко»).

Обычные лексемы абстрагированы от пространственно-временного момента и предлагают взгляд «со стороны», оценивающий эмоцию и анализирующий ситуацию, расчленяющий при этом сам предмет, его качества и действие.

Типичная для ФА редупликация (полная или частичная) является не просто формальным, но и семантическим компонентом, который не только усиливает эмоционально-оценочное, экспрессивное и образное начала, но и несет семантику «здесь-и-теперь», указывая на динамику действия, его существования в «настоящем» времени.

Специфической особенностью ФА является то, что при некоторых типах афазии на фоне утраты нормальной лексики сохраняются инвекти-вы (В.И.Жельвис, в частности, упоминает патологическое скверносло-вие), междометия, ономатопеи, ФА (Жельвис 1997; Воронин 1982), что говорит об их древней природе, о том, что она находятся в самой глуби-не вербальной памяти. Это уже не является собственно речью, ибо сло-воупотребление неконтролируемо, значение утрачивается при сохране-нии оболочки слова, его звучания. Это же подтверждается исследовани-ем таких экстатических форм речи, как иноговорения, камлания сектан-тов, шаманов, кликуш, юродивых и т.п. (Шкловский 1990; Тодоров 1999: 329-340; Коновалов 1908; Вербицкий 1893; Потапов 1991).

Можно говорить, что ФА - это «детство», «колыбель», «младенчес-тво» языка, что косвенно подтверждается данными детской речи и наи-более распространенными теориями происхождения языка (звукоподра-жательной, междометной, ономатопоэтической, жестовой, теорией тру-довых выкриков). Эти единицы наиболее характерны также для устных (исторически более древних) форм речи и фольклорных жанров (Шляхо-ва 1998). Древняя природа форм-аномалий неизбежно приводит нас к признанию тесной взаимосвязи говорения (речи) и других невербальных средств коммуникации (жеста, обряда, игры), которые являются знако-выми системами более древнего, чем язык, происхождения (Топоров 1994; Тодоров 1999; Горелов 1980).

«Если также учитывать, что в начале было не слово-отдельность («словарное слово»), а сверхсложный синкретический комплекс, <...> то

оказывается, что этот комплекс есть одновременно и ономатопея, и междометие, и жест, что он столь же абстрактен, сколь и изобразителен и аффективен. <...> Он логичен и иррационален. Точен и неточен. Обманчив и правдив. Он не использует парафразы, тропы и символы. Он является ими» (Сорокин 1999: А-2).

Таким образом, можно говорить о том, что в макрокомпонентной структуре ЛЗ аномалий обязательным компонентом является эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический и фоносемантический компонент, а в микрокомпонентная структура включает семы «здесь-и-теперь» и «очень», но не содержит категориальных грамматических сем.

Сравнивая макрокомпонентную структуру не ЗИ-лексемы, ЗИ- лексемы и ФА (см. табл. 8), необходимо отметить, что лексемы звукоизобразительного и незвукоизобразительного происхождения отличают-ся лишь мотивировочным компонентом, тогда как ФА содержат практи-чески все виды коннотативного компонента ЛЗ слова.

Таблица 8

Компонент ЛЗ	Тип единицы		
	Не ЗИ-лексема	ЗИ-лексема	ФА
Мотивировочный (примарно мотивированный)	-	+	+
Эмоционально-оценочный	+/ -	+/ -	+
Экспрессивный	+/ -	+/ -	+
Фоносемантический	+/ -	+/ -	+
Стилистический	+/ -	+/ -	+

Семантика русских ономатопов

Общие замечания. Исследование лексической семантики русских ономатопов предполагало решение следующих задач: 1) установить способность/ неспособность ономатопов образовывать регулярные семантические переходы в значениях; 2) сделать попытку рассмотреть системность семантики на уровне семантических оппозиций; 3) определить количественный и качественный состав ФС групп ономатопов; 4) провести сравнительный анализ семантики различных классов ономатопов.

Исследование проводилось на кафедре общего языкознания ПГПУ студентами Н.Воложаниной, В.Масалкиной, О.Марковой, Д.Пачулия (Воложанина 2000; Масал-кина 2001; Маркова 2001; Пачулия 2001) под нашим руководством.

Материалом исследования послужили 122 корня инстантов, 34 корня континуан-тов, 68 корней фреквентативов и 28 корней инстантов-

континуантов, которые реали-зованы в значениях соответственно около 1400, 600, 800 и 730 лексических единиц, функционирующих в различных социально-функциональных стратах русской речи, преимущественно территориальных и социальных диалектах.

Таким образом, исследовалось 252 ЗИ-корня на материале около 3530 лексем и ФА (см. табл. 9), зафиксированных в этимологических, толковых, диалектных, арго-тических, сленговых словарях русского языка. Материал проверялся по 36 словарям (см. Лексикографические источники).

Исследованные корни различных классов русских ономатопов позволяют сделать выводы о том, что индоевропейские, общеславянские и собственно русские по происхождению ЗИ-корни имеют общую семантику. Семантика единиц, восходящих к индоевропейским корням, богаче (больший объем понятий и количество развиваемых значений) семантики русских ономатопов, определяемых этимологическими словарями как общеславянские или собственно русские. Семантические циклы и.-е. корней сохраняют наиболее архаичную семантику, т.к. относятся к древнейшему периоду развития языка и культуры.

Однако в целом следует отметить коррелирующую семантику не только корней различного происхождения, но и корней, относящихся к различным классам русских ономатопов [удар, неудар (тон, шум), диссо-нирующий удар и пр.]: все исследованные классы обнаруживают общие лексико-семантические варианты, лексико-семантические и тематичес-кие группы и семантические поля, различия связаны лишь с количест-венными показателями. Более того, все классы русских ономатопов сближаются по семантической парадигме не только современных, но и архаических значений, которые выступают как сохранившиеся языковые корреляты антропоморфизма и синкретизма древнего мышления.

Самым обширным по количеству корней, их вариантов, лексем и лексико-семантических вариантов является класс инстантов, что законо-мерно, поскольку 79 % исследуемых корней данного класса относятся к индоевропейской эпохе развития языка и лишь 21 % - к общеславянской. Тогда как в корнях других классов картина прямо противоположная: континуанты – 32 % и.-е., 68 % - о.-с. и собств. рус.; фреквентативы - 37 % и 63 %; инстанты-континуанты - 28 % и 72 % соответственно (см. табл. 9).

Таблица 9

Классы ономатопов	Количественные показатели исследуемых единиц				Количественные показатели происхождения исследуемых корней			
	Количество корней		Количество слов		Индоевропей-Ские		Общеславянск. и собств.-русск	
	Ед.	**%**	Ед.	**%**	Ед.	**%**	Ед.	**%**
Инстанты	122	**48**	1400	**39**	90	**79**	32	**21**
Континуанты	34	**12**	600	**16**	10	**32**	24	**68**

Фреквентативы	68	**27**	800	**21**	25	**37**	43	**63**
Инстанты-континуанты	28	**13**	730	**24**	8	**28**	20	**72**
Всего	**252**		**3530**		**134**		**118**	

Этимологическая семантика русских ономатопов. Из 252 рассмотренных ЗИ-корней 134 корня (53 %) восходят к индоевропейской эпохе развития языка, 118 корней (47 %) являются общеславянскими и собственно русскими по своему происхождению (см. табл. 9).

В классе **инстантов** подавляющее большинство рассмотренных кор-ней (78 %) имеют значение *“ударять, бить”*, остальные корни - значения *“бежать, течь”, “прыгать, скакать”, “греметь, звенеть”, “натирать, клеить*”, которые соотносятся со значениями *“ударять, бить, резать, рубить”*.

В классе **фреквентативов** преобладают корни со значением *“уда-рять, бить”* (50 % и.-е., 35 % о.-с.). Значения *“мокрый”, “вода”, “жид-кость”* актуализированы в обеих группах (8,5 % и.-е., 10,5 % о.-с.). Оче-видно существенное различие в количественном соотношении значений *“кричать”, “издавать звук”* (45 % о.-с., 8,5 % и.-е.). Интересно также отметить почти равное количество корней, восходящих к значению *“удар”* (16 ед.) и к значению *“издавать звук”* (20 ед.).

В классе **континуантов** подавляющее большинство общеславянских и собственно русских ЗИ-корней восходят к значению *“произносить звук”* и *“звук”* (91 %), а также несколько корней (5 ед.) с семантикой *“дуть, выдувать воздух”, “лопаться, испускать газы”, “сцеплять, связывать”*. Семантика и.-е. корней континуантов, к которым восходят русские ЗИ-корни, также восходит к значениям *“звук, произносить звук”;* единичные корни - с семантикой *“свистеть, бушевать”, “голос, звон”, “дуть, издавать звук”*.

В классе **инстантов-континуантов** корни имеют значения *“уда-рять, бить с шумом”* (53 %) и *“издавать звук, звенеть”* (40 %); единич-ные корни – с семантикой *«чавкать, жевать»* и *«брызгать»* (по 1 ед.).

Количественные показатели этимологической семантики русских ономатопов хорошо коррелируют с их денотативной природой: в классе инстантов (удары) преобладающими являются значения «удар, ударять, бить», в классе континуантов (неудары) – значения «издавать звук, звук», в классе фреквентативов (диссонирующие удары) и инстантов-континуантов – данные значения отмечаются в приблизительно равном соотношении (см. табл. 10).

Характерно, что индоевропейские, общеславянские и собственно русские корни имеют коррелирующую семантику. Это позволяет гово-рить о том, что природа ЗИ-слов имеет универсальный характер, т.е. не зависит

от временного и пространственного контекста, а имеет выход на “природную”, “натуральную”, примарно мотивированную сущность.

Таблица 10

Значения корней	**Класс ономатопов**			
	Инстанты	Континуанты	Фрекевен-тативы	Инстанты-континуанты
Удар, ударять, бить	**78**	**3**	**44**	**53**
Звук, издавать звук	**3**	**91**	**31**	**40**
Другие значения	**19**	**6**	**25**	**7**

Лексическая семантика русских ономатопов. Наши исследования показывают, что в русском языке значения “ударять, рассекать, раскалывать” и “звук, издавать звук” соотносятся со следующими значениями и семами, представленными в оппозиции: 1) *разделять, дробить на части - гнуть, связывать, вить, делать узел*; 2) *реальное, рациональное, объяснимое - колдовство, чудо, иррациональное;* 3) *рождаться, жить, существовать - умирать, погибать, спать*; 4) *верх, высокий, длинный, гора, выпуклость, шишка, голова - низ, низкий, пропасть, бездна, нога*; 5) *презирать, наказывать - хвалить, ласкать*; 6) *большой, толстый, сильный - маленький, худой, слабый*; 7) *духовное - материальное*; 8) *физиологиче-ское - психическое*; 9) *огонь, гореть - вода, мокрый*; 10) *природное – культурное*; 11) *создавать - разрушать*; 12) *плохой, неправильный, гряз-ный, больной, грустный, страдающий - хороший, правильный, чистый, здоровый, веселый, счастливый*; 13) *понимать, думать, умный – глупый, бестолковый*; 14) *богатство, часть, доля - бедность, голод*; 15) *по-лость, пустота - наполненность*; 16) *брать, хватать, воровать - давать, наделять*; 17) *быстрый, ловкий, умелый - медленный, беспо-мощный*; 18) *люди - животные* и многие другие.

Исходя из полученных нами данных, можно утверждать, что в семантике русских ономатопов восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления.

Попытка исследовать структуру ЛЗ русских ЗИ-слов подтверждает значительный потенциал исследуемых единиц в номинировании окружающей действительности: доминирование в структуре ЛЗ коннотативного компонента указывает на дробность, детальность, расчлененность, образность, многоаспектность отражения мира при помощи ЗИ-единиц, что уже подразумевает их многочисленность.

Сравнительный анализ семантики инстантов и континуантов. Сравнительный анализ семантики русских ономатопов проводился на основании сопоставления семантики двух классов - инстантов (удар) и

континуантов (тон, шум), которые являют собою оппозицию по призна-ку *удар - неудар*.

Исследования показывают, что другие классы ономатопов сохраняют систему значений и семантических оппозиций, представленных на уро-вне инстантов и континуантов, что закономерно, ибо денотативная при-рода классов фреквентативов и инстантов-континуантов являет собою сочетание звучаний, представленных в денотатах инстантов и контину-антов. Анализ результатов сравнения семантики двух классов ономато-пов позволяет говорить о корреляции этой семантики с другими класса-ми русских ономатопов.

Исследуемые корни континуантов по преимуществу являются звуко-подражательными и относятся к праславянской эпохе развития языка, тогда как подавляющее число корней инстантов определяются этимоло-гическими словарями как индоевропейские по происхождению (см. табл. 9). Однако качественный состав ФС-групп инстантов весьма незна-чительно отличается от состава ФС-групп континуантов.

Можно выделить следующие семантические группы, присущие обоим классам ономатопов: “*говорить, издавать звук*”, “*бездна, отверстие*”, “*рожать, произво-дить на свет*”, “*праздник, группа людей*”, “*вода, жидкость*”, “*молчание – конец – смерть*”, “*удар*”, “*животный мир*”, “*физиологическая сущность человека*”, “*мороз, холод*”, “*нечистая сила*”.

В семантике инстантов есть также группы *“выпуклость, шар, шишка”, “душев-ное состояние человека”,* которые в семантике континуантов представлены незначи-тельно. Семантика континуантов актуализирует группы “*мужчина*”, “*женщина*”, “*огонь*”, не доминирующие у инстантов (см. табл. 11).

Можно отметить *семантическую общность* классов инстантов и кон-тинуантов, где следует говорить не о незначительных качественных, а о существенных количественных различиях в семантике исследуемых классов ономатопов (см. рис. 7).

Таким образом, и тон (континуанты), и удар (инстанты) имеют коре-лирующую семантику, что объяснимо: и тот, и другой класс ономатопов примарно мотивированы “звуком, звучанием”.

Архетипическое сознание четко противопоставляет наличие/ отсут-ствие звука, прежде всего связывая это с миром “живых” (этим) и миром “мертвых” (тем).

Однако более показательным в нашем материале представляется не простое совпадение семантики двух классов (континуантов и инстантов) ономатопов, а существование этой семантики на уровне оппозиций, ко-торые отражают существование “того” и “этого” мира на равноправных началах.

Семантика “*бездна, отверстие*” как метафора смерти “того мира” составляет 16,8% исследуемого материала, тогда как мотив “*рождения*” - 15,8%. Можно гово-рить о том, что на уровне русских континуантов представлена амбивалентная сущ-ность мира, где рождение и смерть существуют на равных правах (см. рис.7).

Более того, они составляют одно целое, поскольку “бездна, дыра, отверстие” в мифологическом сознании является одновременно концом (могилой) и началом (рождением). Тогда как ритуальные коды показывают, что моменты связанные с рождением, рассматриваются как “нечистые”, принадлежащие “тому” миру и требу-ют очищения.

Адекватное соотношение подобной семантики наблюдается на уровне инстан-тов, где семантика рождения составляет 3% исследуемых слов, а смерти – 2,9%, однако совершенно очевидны количественные различия в представленности этих значений на уровне континуантов и инстантов.

Характерно, что семантика исследуемых классов ономатопов сущест-вует на уровне оппозиций, включаемых в различные отношения (см. табл. 11).

Таблица 11

Семантические оппозиции	**Классы ономатопов**	
	Континуанты	Инстанты
Огонь – вода	1,8 - 5,8	? - 4,3
Рождение – смерть	15,8 - 10,3	3 - 2,9
Говорение – молчание	11,2 - 10,3	3,7 - 2,9
Мужчина – женщина	1,7 - 2,3	?
Физическое – духовное	3,8 - ?	1,3 - 1,8
Люди – животные	10,6 - 6,1	4 - 2,5
Люди – нечистая сила	10,6 - 0,8	4 - 0,4
Бездна, отверстие – выпуклость, шар, шишка	16,8 - 0,1	10,2 - 9,1

Очевидно, что если для континуантов семантика амбивалентности смерти и рождения является наиболее актуальной (32,6%), то на уровне инстантов - составляет лишь незначительный процент (5,9%).

Можно говорить о том, что для инстантов доминирующей семанти-кой является семантика *удара* (11,1%) и *бездны, отверстия* (10,2%). Близким по количественному составу является значение *выпуклость, шар, шишка* (9,1%), что в совокупности составляет 30,4% (ср.: семанти-ка смерти и рождения в континуантах – 32,6%).

Мифологическое сознание придавало удару гораздо большее значение, чем тону. Ср. мотив протыкания, раскалывания в славянской мифологии, где удар представлялся первопричиной всего сущего (Евзлин 1993). В результате удара, рассекающего хаос, бездну, образует-ся дыра, отверстие,

полость. В свою очередь, семантика “*отверстия, по-лости*” дает значение “*выпуклости, шара, шишки*”, что является регу-лярным семантическим переходом для индоевропейских языков (Маков-ский 1996).

Тон в мифологическом сознании связывается прежде всего с голосом человека или животного или звуком музыкального инструмента (см. рис. 7: “*праздник, толпа*” - 6,8%, “*животный мир*” - 6,1%), где человек и животное одинаково владеют языком. Здесь очевиден древний антропо-морфизм, где человек отождествлял мир природы со “своим” миром, наделял природное “человеческими” чертами (СМ: 361).

Сравнение количественных показателей семантики инстантов: группы “*душевное состояние человека*” (1,8%), которая количественно соотносится с группой “*физиологическая сущность человека*” (1,3%) (см. рис. 7). При этом в семантике континуантов группа “*душевное состояние человека*” в нашем материале не представлена, а группа “*физиологическая сущность человека*” составляет 3,2% (см. рис. 7). Ср.: общий процент “душевное” и “физическое” на уровне инстантов – 3,1%.

Таким образом, тон в языковом сознании существует больше на уро-вне физиологического, материального, осязаемого, тогда как удар равно-правно отражает идеальное, неосязаемое. Возможно, это косвенно свя-зано и с особой представленностью физиологической половой диффе-ренциации человека на уровне континуантов (ср. значение “*женщина*” - 2,3%, “*мужчина*” - 1,1%; см. табл. 12), тогда как в материале инстантов актуализировано не половое различие человека, а его человеческое (не-животное) начало.

Можно говорить о том, что семантика русских ономатопов отражает не только достаточно полную картину мира, но и отображает действии-тельность в сложном диалектическом единстве.

Представляется, что исследование наивной картины мира на уровне ономатопеи в контексте философской научной картины мира может дать весьма интересные результаты, что, впрочем, достойно специального исследования.

Интересным представляется сопоставление наших данных с данными, полу-ченными А.Моничем при анализе материалов этимологического словаря Ю.По-корного, с целью установления природы коммуникативной единицы протоязыка.

По мнению Ю.Монича, в протоязыке закономерно должно было присутствовать довольно изрядное количество «энантиосемично-многозначных» синонимов, из чего со всей очевидностью вытекает, что одни группы омонимичных корней в праязыковых реконструкциях должны обнаруживать синонимию с другими группами не по отдельным значениям, а должны быть сопоставимы друг с другом в целом по основным семантическим параметрам. То есть там, где мы находим форму с

разветвленной омонимией, следует ожидать, что значения этой формы будут в ос-новном соответствовать значениям других подобных форм. На уровне омонимии ав-тор выделяет типичные значения омонимических пар, где около 60 % приходится на значения «бить, рубить, резать, рвать и т.п».; около 50-60 % - на значения «вертеть, гнуться, связывать, ткать и т.п.»; около 50 % - «рычать, кричать, говорить и т.п.» (Монич 2000: 91-95).

Таблица 12

Общая семантика (на уровне интегральной семы)	**Количество лексем, ФЕ, лексоидов, восходящих к данной семантике**		***Процентное соотношение данной семантики к общему количеству единиц***	
	Континуанты	*Инстанты*	*Континуанты*	Инстанты
Говорить, издавать звук	67	53	***11,2***	***3,7***
Бездна, отверстие	101	144	***16,8***	***10,2***
Праздник, группа людей	41	39	***6,8***	***2,7***
Рожать, производить на свет (в т.ч. урожай, богатство)	80	42	***15,8***	***3***
Вода, жидкость, опьяняющий напиток	35	58	***5,8***	***4,1***
Молчание – конец-смерть	62	41	***10,3***	***2,9***
Удар	28	156	***4,6***	***11,1***
Животный мир	37	35	***6,1***	***2,5***
Физиологическая сущность человека	23	19	***3,8***	***1,3***
Мороз, холод	9	13	***1,5***	***0,9***
Огонь	11	?	***1,8***	-
Мужчина	7	?	***1,1***	-
Женщина	14	?	***2,3***	-
Нечистая сила	5	6	***0,8***	***0,4***
Выпуклость, шар, шишка	?	128	-	***9,1***
Душевное состояние человека	?	26	-	***1,8***
Всего исследовано единиц	**600**	**1400**		
Рассмотрено на уровне архисемы	**88**	**112**		

Кроме семантической общности можно говорить и о некоторых *семантических различиях* не только между классами ономатопов, но и между подтипами внутри одного класса.

Так, *номинации человека* в тоновых и шумовых инстантах-континуантах различаются тем, что в тоновых актуализируются поведенческие (внешние) характеристики, причем акцентируются особенности обще-ния. В шумовых инстантах-континуантах отражен внутренний мир чело-века, его личностно-психологические характеристики.

Шумовые и тоновые инстанты-континуанты также отличаются и по характеру семантики, связанной с понятием *звука* и *движения*, В поня-тие движения и звучания здесь всегда входит человек и его тело, где актуализируются рот, рука и нога. С ними семантика звука и движения связана наиболее часто.

Необходимо подчеркнуть факт отсутствия в тоновых инстантах-континуантах лексики, семантика которой так или иначе связана с понятием *смерть, гибель* (естественной и насильственной). Тогда как в шумовых инстантах-континуантах единицы с подобным значением представлены достаточно широко (***бухаться, хлобыстнуться, чехты-чахты, шлепнуть, хлопнуть, хлопка, шлепка, шлепотня, хлопушка*** т.п.). В тоновых - преобладают значения *«разговор, речь, звук, музыка»*.

В тоновых инстантах-континуантах гораздо шире представлена лексика, характеризующая *речь, разговор,* так как сам звук есть принадлежность мира живых, говорящих, общающихся людей (***болонить, бандорить, болыхванить, диликать, дилькать, тилискать, бомкать, бонкать, деньгать, блямкать, болты прогонять*** и т.п.).

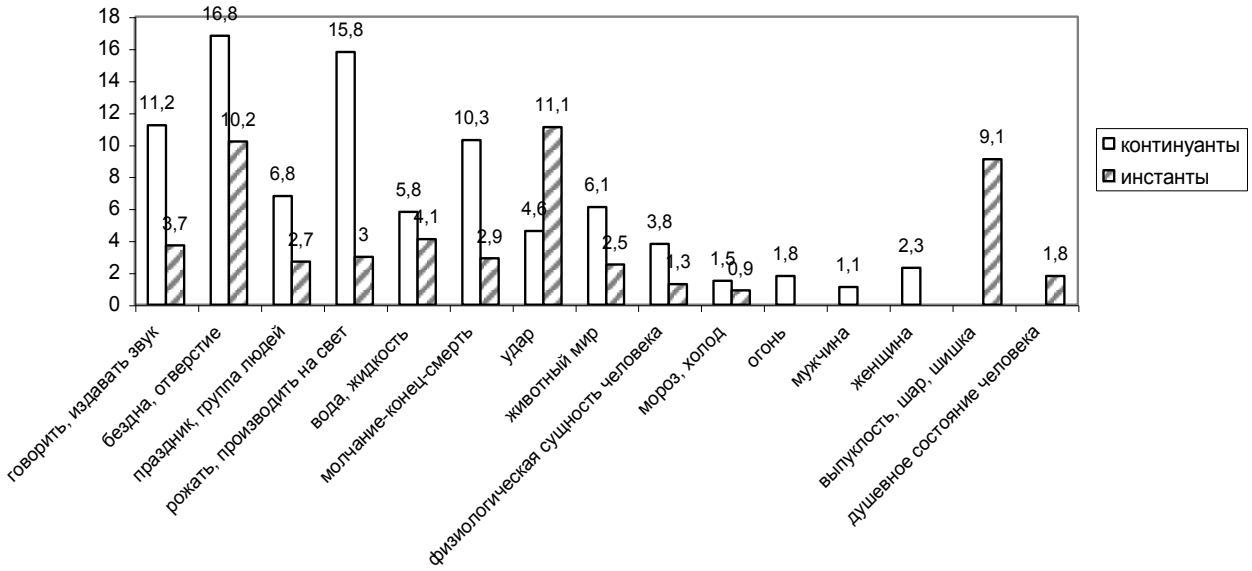

Рис. 7. Количественные показатели (%) фоносемантических групп русских континуантов и инстантов.

Психолингвистическая фоносемантика

Какая боль искать потерянное слово.

О.Мандельштам

Людей, как мух, в сплетенья слов ловлю...
А.Белый

Общие замечания. Психолингвистическая фоносемантика исследует явление звукового символизма в процессе восприятия и производства речи и связана с психолингвистикой порождения и восприятия речи, психолингвистикой развития, суггестивной лингвистикой, этнолингвистикой и др.

Именно психолингвистическая фоносемантика наиболее актуальна в русистике, однако психолингвисты весьма осторожно говорят о феноме-не звукового символизма.

Ср., например, со ссылкой на зарубежный дискурс (Kess 1993: 65): “несмотря на то, что очевидно наличие фактов звукового символизма, разделяемого той или иной национально-культурной общностью, сомнительно, что существует универсальный, т.е. распространяющийся на все языки, звуковой символизм ” (Залевская 1999: 242).

Относительно ЗИС языка, как и системы языка в целом, следует говорить о язы-ковых универсалиях и о специфическом в языке. Фундаментальные эксперименталь-ные исследования показывают, что имеется некий общий механизм восприятия отрезков речи всех языковых уровней любого языка, а “в разных условиях приема слушающие оперируют разным количеством оперативных единиц, их наборами и порядком по значимости” (Штерн 1992: 187). Можно предполагать, что и звуковой символизм лежит в основе этого общего механизма восприятия.

Работы психолингвистического плана необходимы при изучении явления ЗИ, но в них не учитывается лексический материал (все внима-ние переносится на “символическую значимость” отдельных звуков), а делать выводы о мотивированности языковых знаков без учета самих этих знаков не представляется правомерным. Однако психолингвисти-ческие исследования позволяют прояснить многие механизмы «рождения» и функционирования ЗИ в языке.

Экспериментальные исследования номинации и звукосимво-лизма. Важными для фоносемантики, на наш взгляд, являются иссле-дования **Л.В.Сахарного**, который 60-е гг. XX в. провел серию экспе-риментов, устанавливающих механизмы выбора наименований.

Первый из них - выбор наименования в парадигматическом ассоциативном поле (степень детализации, расчленение ситуации на элемен-ты); второй - синтагматическая организация этих наименований в более

крупные (обобщенное наименование ситуации, реализуемое на уровне слова до развернутого связного текста) (Сахарный 1983; 1989).

Выбор степени детализации связан с двучленной природой любого наименова-ния: родовой (вводящей наименование в более крупный класс) и дифференци-рующей (уточняющей, выделяющей в более крупном классе подкласс).

Развертывание наименования на основе дифференциальных признаков может продолжаться до бесконечности, однако ограничением здесь являются закон надежности (стремление к развертыванию и детализации наименования) и закон экономии (стремление к свертыванию наименования), при этом одинаковые развер-
нутые наименования могут свертываться по-разному, что приводит к образованию сравнений и метафор (скрытое сравнение). При этом сравнение может идти по пути объединения (отождествления) понятий при их кажущемся различии (родовая сос-тавляющая), что приводит к образованию синонимии, либо по пути противопоста-вления при внешнем сходстве (дифференцирующая составляющая), что является механизмом антонимии.

Таким образом, механизм синонимии и антонимии - это “универсальный меха-низм отождествлений и противопоставлений, который позволяет нам делать замет-ными даже самые незначительные элементы сходства и на основе этого сближать вещи довольно далекие. И одновременно подчеркивать различия в довольно близких вещах” (Сахарный 1983: 122; 1989).

Эти выводы позволяют многое прояснить и в процессе формирова-ния лингвистического знака, где человек, создающий номинацию, стоит перед необходимостью выбора элементов из того, чем он обладает и тем или иным образом интерпретирует эти выбранные элементы, которые специфичны в различных этнических группах.

Именно характер и степень детализации лежит в основе различной номинации одного означаемого при помощи различных означаемых в языках. Этот механизм выбора наименования коррелирует с ФС- прин-ципом множественности номинации, который отвергает одно-одно-значную связь между означаемым и означающим.

Л.В.Сахарный приводит яркий пример подобных механизмов в рассказе А.Че-хова “Лошадиная фамилия” (дифференциальный признак, который становится родо-вым), где актуализируются разная степень детализации и выбор дифференцирующих признаков этого понятия: *Кобылин, Жеребцов, Лошаков, Коренной, Пристяжкин, Конченко, Тройкин, Уздечкин, Гнедов, Рысистый, Меринов, Буланов, Черес-седельников, Засупонин* и т.п. Но герой рассказа отвергает все эти номинации, пос-кольку в его памяти сохраняется не только сходство (“что-то лошадиное”), но и раз-личие,

которое и позволяет различать их несоответствие. При этом реальной номинацией является *Овсов.*

Косвенным подтверждением этих механизмов являются и данные этимологии. Так, слова ***конец*** и ***начало*** (механизм антонимии, дифференцирующая составляю-щая) этимологически восходят к и.-е. корню **(s)ken-* “рассекать, разрубать” (Маковский 1996: 359) или **ken-* “выступать наружу, появляться” (Черных 1: 375, 563) (отождествление, родовая составляющая). Ср. также явления энантеосемии.

Исследуя механизмы производной семантики, Л.В.Сахарный делает следующие выводы: новое слово в речевой деятельности возникает, ког-да говорящий понимает предназначение предмета или сущность явле-ния, но не имеет синонима для его развертывания; в основе нового име-нования лежит значимый с точки зрения говорящего признак именуе-мого предмета или явления; употребляя производные слова, носитель языка не помнит их производное, мотивационное значение тогда, когда эти слова имеют прочные смысловые связи с определенным контекстом; когда же производное слово не имеет устойчивых контекстуальных свя-зей, то актуализируется мотивирующая семантика, внутренняя форма слова (Сахарный 1983; 1989), что ярко проявляется в явлении “народ-ной” (“ложной”) этимологии.

Данные выводы хорошо коррелируют с ФС-положениями о частич-ной утрате примарной мотивированности в процессе деэтимологизации, об изоморфизме означаемого и означаемого, о доминантности примар-ной мотивированности в процессе рождения лингвистического знака.

В глухих деревнях Пермской области Л.В.Сахарный провел следующий экспе-римент: жителям деревни было предложено ответить на три вопроса: 1) *Кто на Се-вере живет?* 2) *Кто на Востоке живет?* 3) *Кто на Памире живет?* На первый воп-рос давались ответы *кочевники, оленеводы, чукчи, остяки*; на второй - наиболее час-тотным был ответ *восточник*; на третий - ответы не давались, и лишь один испы-туемый ответил *мирный человек*. Здесь совершенно очевидна связь между пости-жением сущности предмета и его номинацией; при незнании сущности явления сле-дует исключительно звуковая ассоциация.

Однако даже при знании сущности явления человек в бытовой речи часто отдает предпочтение слову с живой внутренней формой на основе дифференцирующих признаков: ср.: вместо *вантуз* - ***прочищалка, пробивалка, продувалка, тыркалка, шуровалка, присоска, резинка***; вместо *калорифер* - *обогреватель* и т.п. (пример И.Н.Горелова и К.Ф.Седова).

Широкий резонанс получили исследования **А.П.Журавлева** (1974; 1991), где доказывается этнопсихолингвистическая ФС-принадлежность языкового знака и исследуется ЗС поэтической речи.

Одним из основных результатов исследования является определение фонетического значения “звукобукв” русского языка, где обнаруживает-ся связь между звуковыми и зрительно-осязательными характеристика-ми (один из аспектов синестезии).

Звуки русского языка большинством носителей языка воспринимаются как *хорошие* (***а, о, м, ю***) и *плохие* (***щ, ф, х’***); *большие* (***д, а, о, у***) и *маленькие* (***х, ф, и, ю, е***); *нежные* (***ш’, ф’, ю, а, в’, н’, л’, и, е***) и *грубые* (***д, ф, р***); *женственные* (***ф’, ю***) и *мужественные* (***д, а, х, о, р***); *активные* (***г, к, б, п, д, а, о***) и *пассивные* (***х, ф, м***); *сильные* (***д, а, о, ж, р, в, г, з***) и *слабые* (***х, ф, ю***); *быстрые* (***д, к, г, э***) и *медленные* (***а, х, ф, м, о, ю, н***); *горячие* (***х, ф, и, ж***) и *холодные* (***д, м, о, н***); *яркие* (***д, а***) и *тусклые* (***х, ф, м, и***); *добрые*(***ю, м, а***) и *злые* (***д, х, ф***); *светлые* (***з, а, о, и, е, в’, л’, н’, м’***) и *темные* (***ф, ш, г, х, ж, ы, х’***); *легкие* (***а, о, ю***) и *тяжелые* (***д, ф, м***) и т.д.

Эксперименты показали, что «негативную оценку получают звуки, находящиеся близко к порогу или границам восприятия, а с точки зрения фонематической систе-мы – находящиеся на ее периферии, т.е. маркированные несколькими необычными, менее свойственными системе дифференциальными признаками. Как эталонная, идеальная, оцениваемая положительно воспринимается носителями русского языка немаркированная фонема <л´> - сонорная, смычная, переднеязычная, а находящаяся на периферии системы фонема <х´> - шумная, глухая, щелевая, заднеязычная – получает крайне негативную оценку» (Фомина 1999: 192).

Поэтические прозрения А.Рембо и В.Хлебникова о цвете букв и звуков подтвер-ждаются экспериментами А.П.Журавлева. Оказывается, что в сознании большинства носителей русского языка ***а*** - густо-красный; ***я*** - ярко-красный; ***о*** - светло-желтый или белый; ***е*** - зеленый; ***э*** - зеленоватый; ***и*** - синий; ***й*** - синеватый; ***у*** - темно-синий, сине-зеленый, лиловый; ***ю*** - голубоватый, сиреневый; ***ы*** - мрачный, темно-ко-ричневый или черный.

Фонетическое значение имеют не только изолированные звуки, но и слова. Эксперименты **Е.И.Красниковой** показали, что ФС-характерис-тика распространяется также и на уровень текста: его “наполнение” звуками определенных характеристик влияет на восприятие целого сообщения (Красникова 1976).

Эксперименты А.П.Журавлева и Е.И.Красниковой описывались в литературе (Горелов, Седов 1997; Леонтьев 1997; Казарин 2000), потому не будем останавлива-ться на них подробно. Эти методики применялась неоднократно, подтверждая объек-тивность выводов А.П.Журавлева и Е.И.Красниковой. Фонетическое значение актуа-лизируется как психолингвистический фактор при определении места ударения в квази-словах (Богомазов 1999). Исследуются звуко-цветовые соответствия в этно-психолингвистическом контексте (Прокофьева 1997) и их влияние на

адекватность перевода художественного текста, при этом предлагается ФС-методика оценки адек-ватности восприятия перевода и оригинального текста (Прокофьева 1999; Маслен-никова 1999). Широко применяется компьютерная программа А.П.Журавлева в педагогической практике (Корогодина 1999) и суггестивной лингвистике (Воеводкин 1999; Черепанова 1998), в том числе библиотерапии (Тамарченко 1998). Исследуют-ся возможности ФС средств в рекламном тексте (Балахонская 1999).

Ю.И.Павловская на материале английской идиоматики подтвер-ждает предположение о том, что на восприятие структурного (контекст-ного) символизма влияет смысл текста. Уточняя сущность структурного символизма, автор выявляет необходимость определенных условий для того, чтобы в условиях аудирования ЗС на уровне текста был воспринят слушающими (Павловская 2001).

К таким условиям относятся следующие: 1) в тексте должен выделяться ключе-вой звук (звуки), который должен обладать максимальной выраженностью по часто-те встречаемости в тексте и содержаться в значительной части слогов. Наличие клю-чевых звуков как обязательное условие восприятия ЗС справедливо как для осмы-сленных, так и для «заумных» текстов; 2) звуковая инструментовка должна действо-вать «в унисон» с коннотативными значением текста, иначе ЗС текста не будет вос-приниматься на слух; 3) без понимания смысла текста звуковой образ не воспри-нимается слушающими.

Автор не соглашается с А.П.Журавлевым, включающим низкочастотные звуки в автоматический анализ со звуком минус, по двум причинам: 1) звуки, встречающие-ся в тексте редко, тем не менее могут быть ключевыми в силу своей созвучности с выделенными по частоте; 2) при автоматическом анализе текста с обратным знаком необходимо включать оценки и тех звуков, которые совсем не вошли в текст (Павловская 2001: 136-138).

Не менее значимы выводы Ю.И.Павловской о том, что ЗС-оценка изолированного английского звука (элементарный символизм) русско-язычных и англоязычных носителей является контрастной лишь в 6 % случаев, что в основном объясняется различием артикуляторной базы языков. Однако при восприятии этих же звуков в составе фразеологичес-кой единицы (структурный символизм) положительная или отрицатель-ная оценка была связана с положительной или отрицательной конно-тацией ФЕ (Павловская 2001: 109-110).

В экспериментах Ю.И.Павловской значимыми являются новые дока-зательства об универсальности ФС-характеристик: так как психофизио-

логическая организация человека едина, независима от его языковой принадлежности, то и ФС-проявления универсальны.

Статистическая обработка данных эксперимента на восприятие внутренней фор-мы слова четырех этнических групп (коренные жители Великобритании, выходцы из Африки, Индии и Турции) показала, что их реакции на незнакомые иноязычные слова не случайны, не поддаются гауссовскому распределению, а, напротив, лежат в определенных границах, отражая некую закономерность. Следовательно, их эмоционально-оценочный отклик на лингвистические стимулы в целом объясняется общностью смысло-звуковой ориентации (Павловская 2001: 212).

Важное по выводам исследование ЗС провели **В.В.Левицкий** и **И.А.Стернин**, где определяются субъективность и объективность шкал в методике семантического дифференциала по отношению к ЗС (Левицкий, Стернин 1989).

Испытуемым предлагалось оценивать слова неизвестных им языков (всего 20 языков) по определенным ЗС-признакам (размер, сила, твердость, свет, влажность, гладкость и др.). Исследовательская гипотеза предполагала, что объективность ЗС подтверждается согласием испытуемых в оценке неизвестных для них единиц.

В результате исследования были сделаны следующие выводы: 1) испытуемые проявили согласие при оценке слов по шкалам *гладкость* (“гладкий – шерохова-тый”), *форма* (“тупой - острый”), *активность* (“быстрый - медленный”), где угадан смысл более половины предъявленных слов; 2) согласие проявили по шкалам *размер* (“большой - маленький”), *температура* (“холодный - горячий”), *свет* (“светлый – темный”), влажность (“сухой - влажный”), но при этом угадано значение половины или менее половины предъявленного материала; 3) не проявлено согласия и не уга-дали значения по шкалам *сила* и *оценка*.

Результаты эксперимента приводят к выводам о наличии субъективного и объективного ЗС; о различной ЗС-активности шкал (по нисходящей: *гладкость, форма, активность, твердость, влажность, размер, свет, температура, оценка, сила*); об ограниченности шкал, по которым происходит корреляция между субъективным и объективным ЗС; о различной степени ЗС различных языков и др. (Левицкий, Стернин 1989: 175-177).

Однако подобные эксперименты не могут поставить под сомнение сам факт наличия ЗС, поскольку существование в языке субъективного и объективного ЗС является лишь частным проявлением общеязыковой закономерности (ср., например, значение и смысл в слове).

Ю.Казарин, исследуя ЗС, приходит к выводу о том, что “доля нали-чия субъективного в фонетическом значении неизмеримо выше, чем, на-

пример, в лексическом (внеконтекстном, “ономатемном”) значении сло-ва: <...> соотношение объективного и субъективного в фонетическом значении составляет примерно 75 / 25 %, тогда как подобное соотноше-ние в лексическом значении внеконтекстного слова составляет 95 / 5 % (это значит, что 5 % испытуемых определяет лексическое значение, на-пример, лексемы “дом” не по основному значению “здание / строение, предназначенное для жилья”, а по вторичному - “семья / люди, живущие совместно”)” (Казарин 2000: 80).

Сомнение здесь вызывает квалификация автором переносных значений как субъективных, поскольку закрепление системного значения связано именно с утратой субъективного в лексическом значении слова, его социальном закреплении.

Р.К.Потапова исследовала ЗС-характеристики на уровне супрасег-ментных и сегментных подсистем на материале русского, английского и немецкого языков. В результате исследования установлено: 1) коннота-тивные значения характеризуются просодическими признаками (мело-дическими, темпоральными и динамическими), что непосредственно связано с супрасегментной реализацией высказывания.; 2) наличие пря-мой зависимости между наличием/отсутствием того или иного коннота-тивного значения, с одной стороны, и отсутствие определенных акусти-ческих коррелятов на сегментном уровне, с другой. Разноязычные инфо-рманты давали общие характеристики, различия были обусловлены спецификой артикуляторной базы родного языка (Потапова 1997: 38).

Согласно оценке аудиторов, *ярость* характеризуется большой громкостью, бы-стрым темпом, высоким уровнем высоты основного тона, изрезанным высотным ко-нтуром высоты основного тона; *тоска* – малой громкостью, замедленным темпом, низким или средним высотным уровнем, плавным высотным контуром. *Симпатия (радость)* - расширенным мелодическим и динамическим диапазоном, повышением среднего мелодического уровня, отсутствием мелодического монотона (мелодичес-кая изрезанность), преобладанием вокалического компонента над консонантным, тенденцией к замедленному темпу; *антипатия (неудовольствие)* – суженным (рас-ширенным) динамическим и мелодическим диапазоном, тенденцией к мелодичес-кому монотону, преобладанием консонантического компонента над вокалическим.

Звукоизобразительность в суггестивной лингвистике. Психологи-ческие теории новой волны рассматривают язык как одно из сильней-ших средств воздействия на человека, прежде всего как средство про-граммирования поведения людей, что является одной из центральных проблем теории коммуникации, PR, суггестивной лингвистики (Почеп-цов 2000; Лукашев, Пониделко 2001). При этом наиболее важными явля-ются

языковые механизмы, воздействующие на подсознание. ФС- иссле-дования легли в основу практического применения во многих областях суггестии.

Программы “Diatone” (“Экспертиза текстов внушения”; Черепанова 1998) и ВААЛ (разработчики **В.И.Шалак, В.П.Белянин** и др.; Белянин 2000) предлагают широкий спектр услуг в различных сферах воздейст-вия на подсознание: составление текстов с заранее заданными характер-истиками на потенциальную аудиторию; создание эмоционального ими-джа политика и бизнесмена; составление рекламных статей; поиск брэн-дов для новых товаров и создаваемых организаций; психо- и гипнотера-пия, журналистика, политика и пр.

Данные программы позволяют оценивать эмоциональное воздейст-вие фонетической структуры текста и отдельных слов на подсознание человека; оценивать звукоцветовую и ритмическую структуру текстов; задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно ре-дактировать тексты для достижения указанных характеристик; оцени-вать нагрузку на сенсорные каналы восприятия путем анализа использу-емой лексики; оценивать уровень агрессивности, архетипичности, сексу-альности текстов и пр.

Исследования суггестивных текстов (заговоры, молитвы, заклина-ния, мантры, формулы гипноза и пр.) **И.Ю. Черепановой** направлены на измерение ФС-параметров этих текстов.

Исследовались следующие ФС-параметры: 1) отклонение частотности употреб-ления тех или иных звуков от нормальной частотности; 2) ФС-значение суггестив-ных текстов; 3) звукоцветовые соответствия (кинестетические признаки); 4) звуко-вые повторы, анаграммы; 5) соотношение высоких и низких звуков. Установлено, что самые частотные ФС-характеристики текстов - “яркий”, “возвышенный”, “силь-ный”, “медлительный”; наиболее частотны “звукобуквы” Г, И, В, С, П, Б, Х, Ж, Я, Р’, М’; преобладание в текстах высоких звуков: в среднем - 54.76 % (молитвы - 56. 16 %; мантры - 45.93 %; заклинания - 47.34 %); славянские заговоры, молитвы, заклинания ориентированы преимущественно на гласный И, мантры - на гласный А.

Исследования классических и современных суггестивных текстов привели к выводам: тексты характеризуются рядом существенных зако-номерностей, выявляющих высокую степень их совершенства (гармония между семантическими и фоносемантическими параметрами, включая звукоцветовые, кинестетические соответствия; совпадение кульминации текстов и “золотого сечения”; использование специальных суггестивных приемов – “анаграмм”, ФС-синонимов; универсальность звуко-ритмиче-ского воздействия и пр.), что позволяет принять их за эталонные (Чере-панова 1992; 1996; 1998; 1999).

Психолингвистические методы в фоносемантике. В основе пер-вых ФС-исследований лежит метод семантического дифференциала Ч.Осгуда, с помощью которого в русистике получены наиболее значи-тельные результаты.

Ч.Осгуд обосновывает свой метод наличием механизма синестезии, состоящего в возникновении ощущений в одной модальности под воз-действием раздражителя другой модальности. Как говорилось выше, именно синестезия лежит в основе ЗС, а потому именно этот метод оказался наиболее продуктивным для фоносемантики.

А.П.Журавлев применил этот метод на материале русского языка, увеличив объективность и доказательную силу метода огромным статис-тическим аппаратом, который можно получить только с применением компьютерных методик (Журавлев 1974).

Рис. 8

А.П.Журавлев применяет 5-балльные шкалы: 1 (очень хороший), 2 (хороший), 3 (никакой), 4 (плохой), 5 (очень плохой), где оценка от 1 до 2,5 указывает на первую составляющую пары, от 2,5 до 3,5 – отсутствие признака, от 3,5 до 5 – вторая состав-ляющая пары (см. рис. 8).

Ср., например, по шкале «хороший-плохой»: **а** – 1,5 (хороший); **в, р, j** – 2,9 (ни-какой); **ш, ц** – 4,0 (плохой). По шкале «округлый-угловатый»: **а** – 1,4 (округлый); **в** – 2,9 (никакой); **р, г** – 4,0 (угловатый).

Статистические исследования на базе компьютерного программного обеспечения (с опросом огромного числа информантов-носителей раз-личных языков) позволили выявить тенденции в реакциях на фонети-ческие стимулы. Типичные и частотные реакции были определены как «фонетическое значение».

Анализ ФС-пространства целого текста стал возможен с применени-ем компьютерных программ, обеспечивающих возможность обработки текстов большого объема (см. раздел «Методы и приемы фоносеманти-ческого анализа художественного текста»).

Грамматическая фоносемантика

Пути семантической эволюции слов нередко
определяются
законами развития морфологических категорий.
В.В.Виноградов

Общие замечания. Грамматическая фоносемантика, развивающаяся на стыке грамматики, фонетики и семантики, рассматривает взаимодей-ствие и корреляцию ФС и грамматических категорий и постулирует правомерность распространения ФС принципов анализа на грамматические объекты. Если звукоизобразительность слова и текста хорошо известна и относительно широко исследовалась, то исследования по звкоизобразительности в грамматике – единичны (Воронин, Долинина 1999: 132).

Не является здесь исключением и русистика. Во второй половине XX в. внимание лингвистов привлекают лишь так называемые аномальные языковые единицы (лексоиды), есть ряд специальных исследований, посвященных междометиям, глагольно-междометным формам, звукоподражаниям, словам клича и отгона животных (Бубрих 1949; Гер-манович 1948; 1953; 1961; 1966; Реформатский 1963; Шведова 1957; Щвец 1954; Жбанкова 1959; Григорьев 1953; Дагуров 1959; Карпов 1971; Лурье 1979; Карпухин 1979; Третьякова 1985). Мы называем их фоносемантическими аномалиями (ФА).

Особое внимание исследователей привлекают глаголы говорения (Васильев 1971; Кодухов 1961; Кочеткова 1977;1978; Матвеева 1979; Набокина 1985; Ничман 1966; Скитова 1964; Степанова 1970).

В это время исследуются структурные, функциональные, стилистические свойства этих языковых единиц, однако особое внимание уделяется определению статуса ЗП в системе частей речи русского языка.

Статус фоносемантических аномалий в русской грамматике. Да-же характер и множественность терминов являются отражением неоднозначного восприятия ФА в лингвистической традиции прошлого.

Термин *звукоподражание* употребляется в русской лингвистике, начиная с XIX в. (Н.И.Греч, А.Х.Востоков). Терминологический характер этого слова отмечается в словаре П.Соколова (1834): “Звукоподражание. Составление слова, коего произно-шение или звук соответствует действию природы, сим словом изображаемому. Например, ***треск, свист***” (Соколов 1834: 939). Однако здесь очевидно широкое понимание звукоподражания, тогда как традиционно этот термин подразумевает только аномальные формы (***тук-тук, динь-динь***) (РЯЭ 1997: 136). Наряду с терми-ном *звукоподражание* в русской лингвистической литературе используется термин *ономатопея* (Ахманова 1966: 288; ЛЭС 1990: 165).

Терминологическое значение слова *междометие* впервые отмечено в грам-матике М.Смотрицкого (1619), который, ориентируясь на латинскую грамматику, заменил этим словом слово *артикль*. “Но московские правщики, больше ориенти-ровавшиеся на греческий образец, быть может, увидели в этом междометии католи-ческую крамолу и заменили его снова *различием* по греческому образцу” (Супрун 1989: 318). Позже этот термин в измененном виде *междуметие* использовал М.В.Ломоносов в “*Российской грамматике*”(1755).

Следует отметить, что первообразные ЗП долгое время не были предметом внимания лингвистов: они либо не рассматривались вообще, либо указывалось лишь на факт их существования в языке. Некоторые исследователи высказывали категорические суждения о природе ЗП.

А.М.Пешковский писал: “Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: колокольчик динь-динь-динь; мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом и прочь” (Пешковский 1956: 168). С.А.Абакумов считал, что ЗП “лежат вне системы средств языкового общения” (Абакумов 1942: 115). И.Г.Милославский утверждает, что ЗП “выступают как слова вне частей речи” (Милославский 1989: 531).

Как специальная проблема ЗП стали исследоваться в связи с изуче-нием междометий в работах А.И.Германовича (Германович 1961, 1966). Предметом специального рассмотрения первообразные ЗП явились в диссертации С.А.Карпухина (Карпухин 1979).

В определении грамматического статуса ЗП можно выделить нес-колько этапов: 1) противопоставление междометий другим частям речи (М.В.Ломоносов, Н.И.Греч); 2) выделение ЗП среди междометий (Н.И.Греч, А.Х.Востоков); 3) изучение междометий и глагольно-междометных форм (А.А.Потебня, И.И.Срезневский, А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, В.В.Виноградов); 4) выделение ЗП из разряда междометий (Л.В.Щерба, А.И.Германович, Г.В.Дагуров, С.А.Карпухин).

По отношению к первообразным ЗП в русской грамматике условно можно выделить три подхода: 1) ЗП рассматриваются в составе междометий (В.В.Виноградов, ГР-70, ГР-80); 2) ЗП выделяются в самостоятельный разряд слов (Л.В.Щерба, ГР-60, А.И.Германович); 3) ЗП отказывается в статусе языковых единиц (А.М. Пешковский, С.А.Абакумов, И.Г.Милославский).

Для уточнения статуса ЗП следует рассмотреть соотношение 1) меж-дометия и ЗП, 2) ЗП и глагольно-междометных форм и 3) ЗП- и ЗС-слов.

Долгое время ЗП и междометия рассматривались в одном ряду, однако русская классическая традиция указывала на особый характер ЗП. А.Х.Востоков среди междометий выделяет *восклицательные* и *звукоподражательные*, Н.И.Греч рассмат-ривает *эмоциональные*, *императивные* и *звукоподражательные* междометия.

Большинство языковедов выделяют ЗП в самостоятельный разряд слов (Ю.С.Маслов, Л.Я.Маловицкий, М.И.Фомина, Л.И.Рахманова, Б.П.Ардентов, О.П.Суник, А.И.Германович, Г.В.Дагуров; то же в РГ- 52), однако традиционно ЗП с некоторыми оговорками включаются в разряд междометий (ГР-70, ГР-80, В.В.Виноградов).

Кроме того, следует включать в собственно ЗП и междометия, образованные от них, которые традиционно рассматривались лишь в качес-тве междометий. Вслед за В.В.Виноградовым все грамматики рассмат-ривают единицы ***ау, ах, ох, ух, эх, ой, гм*** и т.п. строго как междометия, тогда как в этимологических словарях к словам типа ***аукать***, ***айкать***, ***ойкать***, ***эхать*** дается помета “звукоподр.”.

Особое внимание лингвистов со времен М.В.Ломоносова привлека-ли формы типа ***бац, хлоп, бряк***, которые отличаются особой синтаксиче-ской ролью, что явно отражают термины, используемые для номинации этих единиц.

Ср.: *односложные глаголы* (М.В.Ломоносов), *глаголы* (А.А.Барсов), *глагольные частицы* (И.И.Срезневский, А.А.Потебня), *сокращенные глаголы* (И.Давыдов), *форма мгновенно-внезапного глагола* (И.В.Киреевский), *усеченные глаголы звукоподражательные* и *междометия* (Н.И.Греч), *глагольные наречия бытия, состояния* и *глагольные междометия* (А.А.Шахматов), *глагольно-междометные формы* (В.В.Виноградов), *глаголы ультрамгновенного вида* (А.М.Пешковский), *междометные глаголы* (А.И. Германович), *личные вербоиды* (С.Я.Лурье), *звуковые жесты* (Е.Д.Поливанов), *сказуемостные междометия* (А.В.Бондарко), *безаффиксные глагольные образования* (*междометия*) (В.А.Белошапкова) и др.

Большинство лингвистов подчеркивают глагольность рассматриваемых образо-ваний, однако и здесь нет единства мнений. А.В.Исаченко определяет их как формы, которые не имеют “никаких специфических глагольных морфологических показа-телей, абсолютно атемпоральные и лишенные каких бы ни было “видовых” значе-ний” (Исаченко 1960: 507). Между тем А.В.Бондарко считает, что подобные формы связаны с глагольной лексической аспектуальностью, выражая мгновенно-интенсив-ный способ действия, которые отличаются темпоральностью, модальностью и персо-нальностью, в совокупности которых находит выражение предикативность предло-жения (Бондарко 1967: 50, 149).

Необходимо обратить внимание на неоднородность состава рассмат-риваемых форм, о чем свидетельствует полемика М.В.Ломоносова и его ученика А.А.Барсова о природе этих слов (***хвать*** от ***хватать***, ***бац*** от ***бацнуть*** или наоборот), которая и по сей день не получила однозначного разрешения. Долгое время в исследованиях не различа-лись ЗП (***бац, трах, фью***) и слова, которые не относятся к ЗП (***толк, шасть, прыг***), что и вызывало разнобой мнений и оценок.

А.И.Германович в состав “междометных глаголов” включает и ЗП (***бух, трах, хрусть***) и ЗС-слова (***толк, глядь, ныр***ь) (Германович 1961). В.В.Виноградов среди глагольных междометий выделяет “воспроизводящие или звукоподражательные слова (***бац, хруп***)” и “междометные глагольные формы (***хлоп, шасть, трах, фью)***” (Виноградов 1986: 622). Принципиально верный подход В.В.Виноградова остается “затуманенным” при анализе примеров, где в одном ряду существуют ЗП (***хлоп, трах***, ***фью)*** и не ЗП (***шасть***). ГР-80 более последовательно различает эти формы, но и здесь в разряд глагольных междометий попадают ЗП (***тресь, хлесь***), а в разряд ЗП - слова типа ***кувырк***. Следует отметить, что русская классическая традиция более внимательна к подобным формам: В.Классовский различает “отглагольные междометия” и “звукоподражательные междометия”.

Грамматические критерии идентификации ЗИ-слова. Грамматические характеристики являются важнейшим аспектом определения ЗИ-природы слова и лежит в основе этимологической фоносемантики. На грамматическом уровне осмысляются грамматические, словообразовательные и структурно-фонетические критерии идентификации ЗИ-слова.

Грамматические критерии:

1) примарно мотивированные единицы составляют *основной корпус таких частей речи*, как первообразные междометия (***ах, ой, ох, эх, ух***), звукоподражания (***динь, тук, бом, тресь, трам***), слова клича (подзывные слова) и отгона животных (***кыш, кыс-кыс, брысь***), междометные глаголы (***хлоп, бряк, бабах***);

2) *морфологическая гипераномальность* является одним из призна-ков примарно мотивированного слова.

Ср. грамматическую форму аномальных единиц языка, которые по сей день вы-зывают споры о статусе этих единиц в системе частей речи в русском языке. Безус-ловной аномальностью формы отличаются слова детской речи, в большинстве своем звукоизобразительные (***би-би, пи-пи, а-а-а, гава***).

Словообразовательные критерии:

1) *редупликация*, которая является специфической чертой ЗИ-слов.

Ср., например, ***балаболить, баба, мама, папа, бабахнуть, тараторить, улюлюкать, барабошить, хорохориться, тартар*** и пр.;

2) анализ *структуры слова* (выявление контаминации корней, слияние нескольких слов или корней в одно слово).

Ср., например, ***дровокол*** < ***дрова*** + ***колоть***; ***балагур*** < ***балаболить*** + ***говор, говорить***; ***баламут*** < ***балакать*** + ***мутить***; ***дескать*** < ***де*** + ***сказать***; ***ватрушка*** < ***о*** + ***тереть***; ***мол*** < ***молвить***; ***неистовый*** < ***не*** + ***истовый;*** ***грабодер*** < *грабить* + *драть*; ***горлохват*** < *горло* + *хватать*; ***короед*** < *кора* + *еда*; ***курохвать*** < *курица* + *хватать*; ***трясопляс*** < *трясти* + *плясать* и

пр.

Структурно-фонетические критерии:

1) *фонетическая гипераномальность* является одним из показателей ЗИ-слова.

Ср., например, арг. ***брать на арапа*** «действовать нагло, грубо, дерзко; грабить; нагло обманывать, хитрить»; другие варианты - ***брать на бздюху/ на гоп-стоп/ на хапок.*** Вариативная часть является несколько экзотичной для русского языка, что вероятно, и наталкивает этимологов соотносить *арапа* с *арабом* (Дмитриев 1931, 168; Добродомов 1968, 117), тогда как указанная структурно-семантическая модель во второй части является ЗИ (***бздюха < бздеть; гоп-стоп < гоп (хоп); хапок < хапать***), что и дает возможность поиска ЗИ-гипотезы на русском материале. У В.М.Мокиенко читаем: *брать на арапа* < связано с др.-русск. *поустити на воропъ* “отправить в стремительный налет, набег с разведывательными целями”< др.-русск. *ворон* “добыча, полученная путем грабежа” < ремесленный термин *вороб, вороба, воробы* “орудие для наматывания и разматывания ниток” (ИЭСВЖ, 21-22) < “круговое вращение” (ср. ***ворот***) < “вертеть, вращать”. Ср. также этимологии слов с нерусским начальным а: ***атом*** < греч.τεμw “рублю, режу”; ***арго*** <связ. с фр. *harigoter* “рвать, кромсать”; ***арфа*** < связ. с исл. *herpa* “сжимать, стягивать”, русск. ***коробиться*** (Черных 1: 51,58, 54), которые в конечном счете являются ЗИ. Ср. также фонетический облик ЗС-пейоративов ***грымза, мымра, хрыч, карга, кикимора, параша, мулька, лажа, лабуда, жрачка, жаба, шкандыбать, харя*** и т.п.

2) *относительное единообразие формы* ЗИ-слов связано с изоморфизмом речевого звука и акустического денотата (см. типологическая фоносемантика):

а) коннотативно маркированная лексика отличается спецификой словообразовательных аффиксов.

Ср., например, разг. ***кричалка, шумелка, пыхтелка, мешалка, урчалка, бур-чалка, бибикалка, пихалка, чиркалка, тыкалка, протыкалка, бахалка, трахалка, пищалка, жунделка, шманделка*** и т.п.;

б) кроме того, следует отметить корреляцию структурирования аномальных форм в разных типах речи, порой до буквального повторения, что может быть связано с одной стороны с функциональным дрейфом этих единиц, с другой, с природой ЗИ-слова.

Ср., например, ***каки-баки-торобаки*** *не действительно* ***кубаки, пиф-паф-тарарах*** *у меня второй испуг****; му-му-лени-пуни-пу; муру-муру-лени-пуни-пуру*** (тарабарская речь девочки 3,5 лет); ***тыра-тыра-перетыра*** *ты* ***марушья заколдыра*** (экстатическая речь юродивых); ***сахар-бахар-бахарак, дзибон-возбон, тики-так*** (песни ведьм); ***Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ух*** (детская считалка); ***чирандо вырандо*** *за огородом гнется,* ***цыландай выландай*** *за угол бежит* (загадка

о ручье). Ср.: также рифмованные повторы-”отзвучия” (эхо-конструкции, «фокус-покус» прием): ***культур-мультур, штучки-дрючки, фигли-мигли, люшки-тютюшки, супер-пупер, пакля-рвакля, чучело-мяучело, шуры-муры, тары-бары-тастабары , чики-брики, тяп-ляп, кули-мули*** и т.п. Ср. также: - *Бу, бу,* - ответил мальчик Мотя и затряс головой, замахал руками. Чтоб потянуть время, произнес речь на психическом языке.- ***Улюлю, га-га хряпс, арды-бурды*** *гулюмба,* ***сурдык-дурдык*** *ого! Ашмы ли бундугу? Карманда!* ***Сикось-выкось*** *шимпопо,* ***дуру-буру гопля-ля...*** Б.Акунин. Любовник смерти;

3) *фонетическая гипервариативность* (метатеза, протетический сонорный, чередование гласных и согласных и пр.). При установлении этимологии ЗИ-слова необходим:

а) учет возможной мены гласных или согласных в корне слова или варианты одного и того же корня (выпадение элемента или укорачива-ние корня, разные части корня выступают как самостоятельные и пр.), которые не влияют на его значение;

Ср., например, чередование различных ступеней гласных в и.-е. корнях **ks-, *kes-,*kis-, *kos-, *kus-, *kas-, *s-, *sk-, *kses*-со значением “бить, рубить” (Мельничук 1986); к которым восходят русские корни ***кос-, кас-, чес-, сеч-, кост-, час-, чаш-, каш-, шиш-, шип-, шиб-, хол-, холод-*** и др. Этимологически родственны ***зрачок, зреть, призрак, зоркий, озираться*** и др.; гласные в и.-е. корнях **tr-, *ter-, *tir-, *tor-, *tur-* со значением “драть, царапать, резать”, к которым восходят русские корни ***тер-, тор-, троп-, тыр-*** и пр.; ср. также чередование гласных в корнях, восходящих к и.-е. **ger-, *gr-*: ***зерно, круг, зорить, жерло*** и др.).

б) учет того, что мены гласных в слове могут привести к изменению значения, появлению этимологических дублетов.

Ср., например, рус. ***тереть-терять, пить-петь, метить-метать*** и т.п.;

в) учет возможности подвижных формативов, когда один и тот же корень в одном или нескольких языках употребляется с наличием или отсутствием какого-либо элемента.

Ср., например, s-мобиле в рус. ***мертвый*** и ***смерть***; ***кора*** и др.-рус. ***скора*** “шкура”;

г) учет возможности элементов табуирования в слове.

Ср., например, арг. ***шибздик*** < ***ши-*** (маскировочный комплекс) + ***бздик,*** как и в словах *ширман < карман, шифтан < кафтан, шуровать< воровать, шустрый < острый* (ИЭСВЖ: 186); ***невеста < не + ведать;***

д) исследование *народной этимологии*, которая дает важные для понимания ЗИ соединения означаемого и означающего.

Ср., например, слово *хрусталь* возводится к ЗП ***хрусть, хрупкий,*** реальная этимология связывает хрусталь с кристалл от греч. crystallum; ср. также: Морозом выпитые лужи *хрустят* и *хрупки*, как *хрусталь*

(И.Северянин); *душман* > ***дух***; *шампанское* > *шампунь*; *нудист* > ***нудить***; *брешь* > ***брехать.***

Предварительный перечень грамматических критериев идентифика-ции ЗИ-слова нуждается в коррекции, однако уже сейчас можно гово-рить о необходимости корреляции грамматического и ФС в этимологи-ческом анализе.

Грамматические фоносемантические универсалии. Важнейшим направлением развития грамматической фоносемантики является уста-новление ФС-универсалий.

Как ФС-универсалии рассматриваются корреляции семантической категории множественности (повторности, многократности) звука и действия и RL-формантов (форманты с сонантами r, l) (Воронин 1980; Аржевская, Воронин 1986; Бортко 1999) или редупликации (Brandstetter 1917; Булаховский 1960; Газов-Гинзберг 1974; Оглоблин 1980; Воронин 1982). Семантика “пролонгированности/ непролонгированности”, “мгновенности/ немгновенности” действия оказывается связанной с видовременными категориями глагола (Долинина 1989; Воронин, Доли-нина 1999).

Как универсальная тенденция рассматривается оформление импера-тива в максимально краткой форме; хорошо известен факт ЗС функции уменьшительных суффиксов (Воронин 1982) и др. В русском языке с формой «фокус-покус» приема связывается семантика снижения, дискредитации описываемого предмета (Санников 1999: 168).

Ср., например, *Пока ехали, очкастая тарабанила про непонятное: Ницше там, фигицше, Маркс-шмаркс.* Б.Акунин. Любовник смерти.

Выше описывалось различие семантики единиц с одним корнем, но разной грамматической оформленности (лексоидов и лексем), где аномальная форма слова связана с особой лексической семантикой («здесь-и-теперь» переживание).

В русистике “звуковая грамматика” наиболее интересно представлена в концеп-ции К.С.Аксакова, Г.В.Павского и теории и практике футуристов. Большое внима-ние корреляции семантического и грамматического уделяли В.В.Виноградов (1972), Л.В.Щерба (1945; 1958) и др. Ср. также соотношение грамматического и семиотич-еского в художественном тексте (Бразговская 2001).

Исследования в этой области фоносемантики только начинаются, однако следует отметить, что традиционные грамматические подходы в русистике, основанные на принципе “единство формы и грамматичес-кого значения” постепенно отступает перед новыми подходами к исследованию грамматических категорий [35].

Текстофоносемантика: фоносемантика текста и художественного текста

Поэзия есть система знаков, претендующая
сократиться до системы сущностей.

Р.Барт

Фоносемантика текста

Фоносемантика текста исследует проявление общих ФС-закономерностей построения текста (Воронин 1982; Красильникова 197; Проко-фьева 1999; Зубкова 1999; Ивахнов 1987; Татару 1999; Тамарченко 1999; Черепанова 1996; 1999; Шляхова 1998 и др.) и тесно смыкается с лингвистикой и стилистикой текста. Значимую информацию по ФС- организации текста дают психолингвистические эксперименты (см. выше).

В процессе денатурализации языкового знака происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще; примарная мотивированность в значительной мере замещается, вытесняется, «компенсируется» секундарной мотивированностью – семантической и морфологической. Происходит перестройка и самой примарной мотивированности: вытесняемая на периферию значения слова, и особенно морфемы, примарная мотивированность тем не менее стойко удерживает центральные позиции на уровне текста (особенно в поэзии) (Воронин 1982: 147-148).

Одним из аспектов изучения звуковой структуры текста является попытка установления изоморфизма между языковой и другими семиотическими системами. Осмысление звуковой структуры текста приводит к сопоставлению семиотических систем литературно-художественных и музыкальных текстов с целью поиска универсальных семиотических категорий, общих принципов порождения концептуально-эстетической информации в разных семиотических системах (Bense 1967; Mann 1975; Doderen 1975; Фортунатов 1971; Азначеева 1996; Ва-сина-Гроссман 1978; Гервер 1987; Кац 1994; Петрушанская 1984; Шля-хова 1994; Бразговская 2001).

Наши исследования показывают корреляцию *музыкального и языкового* кодов в поэтическом тексте. И музыкальный, и речевой звук являются акустической реалией. Фоносемантика предполагает семантичность отдельного речевого звука. Можно предполагать, что музыкаль-ный звук также семантичен вне контекста музыкального целого, поско-льку более древен, чем речевой звук.

Многие исследователи говорят о доязыковом и доречевом происхождении просодических и мелодических характеристик речи, а в наше время сохраняется интонационное родство непосредственно между речью и пением (Павловская 2001; Морозов 1967; Борзов 1985).

Анализ поэтических текстов свидетельствует, что звук различных музыкальных инструментов связан с регулярными ассоциациями, репрезентированными в поэтическом тексте общими мотивами и образами: появление в тексте упоминания о том или ином музыкальном инструменте приводит к появлению семантически близких мотивов, иногда буквально повторяющих друг друга, где «музыкальный звукоряд отображает мирозданье» (А.Белый) [36].

Звучание определенного музыкального инструмента «диктует» авто-рам мотивы и образы, выстраивающиеся в общие ассоциативные цепи.

Для анализа привлекались тексты К.Фофанова *«Рыдает и плачет тоскливая скрипка»,* Н.Гумилева *«Волшебная скрипка*», И.Анненского *«Смычок и струны*», В.Брюсова *«В ресторане*», А.Блока «*Уже померкла ясность взора», «Голоса скрипки», «Смычок запел», «Мы были вместе помню я»,* А.Ахматовой *«Вечером*»**,** *«Ночное посещение»,* В.Маяковского *«Скрипка и немножко нервно».*

В поэтических текстах разных авторов, объединенных общей темой (попытка любви и взаимопонимания), решение которой «озвучено» скрипкой, выделяется несколько ассоциативных рядов.

Первый ряд мотивов-ассоциаций во всех индивидуальных поэтических системах связан со слуховой модальностью и этимологически восходит к ЗП-значению**:** *смех, улыбка, поцелуй, бред, гроза, гром, грусть, тоска, ужас, испуг.* Второй ряд мотивов-ассоциаций этимологически восходит к первому*: вода, мгла, мрак, облако, туман, дым, огонь, печаль*. Третий ряд мотивов-ассоциаций, выделяемых во всех текстах, связан с первым и вторым на основании общих сем в значении: *безумие, море, ручей, река, память, воспоминание.* Четвертый ряд мотивов-ассоциаций имеет мифологи-ческий характер: мотивы *вода, река, туман, облако, мрак* рождают мотив *брака* и *невесты* (*липы дремлют в наряде венчальном* (Брюсов), *невеста рыдает* (Гумилев), *деревянная невеста* (Маяковский); *река – память, воспоминание; смерть – брак; смерть – сон; смерть – холод; дым – рай*.

Однако все выделенные ассоциативные ряды этимологически и семантически восходят к двум ключевым мотивам всех индивидуальных поэтических систем – *дым* и *туман*, которые, в свою очередь, этимологически и семантически восходят к понятиям *дух, душа, Бог*, с одной стороны, и *страсть, мечты, грезы* – с другой, что собственно и является темой всех рассмотренных текстов.

Можно говорить о том, что звук музыкального инструмента семанти-чески связан с языковой примарной мотивированностью, поскольку все

мотивы образной системы поэтического текста так или иначе восходят к ЗИ-мотиву [37].

Фоносемантика художественного текста

Общие замечания. Фоносемантика художественного текста развивается на границе стилистики языка художественной литературы, поэтики, стилистики и фоносемантики текста и исследует проявление ЗИ в эстетической функции (Журавлев 1974; Зубкова 1999; Зубова 1989; Винар-ский 1989; Татару 1999; Прокофьева 1999; Живаева 1999; Бузанова 1999; Балахонская 1999; Попова 1992; Казарин 2000; Шляхова 2001).

ФС-принципы структурирования текста изначально обнаруживались прежде всего на материале художественной речи, где взаимосвязь означаемого и означающего проявляется наиболее отчетливо. Именно исследования в области поэтического обнаруживают наибольшее количество работ, связанных с вопросами фоносемантики текста.

Фоносемантика художественного текста является наиболее разработанным разделом: именно фоника стихотворной речи (попытка установления связи между семантической структурой текста и его звуковыми характеристиками) является основным предметом исследования в русистике.

Широко разрабатываются понятия *звукопись, инструментовка, ассонанс, алли-терация, паронимическая аттракция, паронимическое гнездо, анаграмма* и др. (Журавлев 1991; Брюсов 1955; Гончаров 1973; Григорьев 1979, 1983, 1990; Гаспаров 1993; Степанов 1978, 1989; Эйхенбаум 1986; Кожевникова 1989; Казарин 2000).

Исследования звуковой структуры текста обычно ограничиваются описанием различных видов звукового повтора в связи с парони-мической аттракцией и поэтической этимологией, что является значи-мым для стилистики и поэтики, а также для накопления «иллюстра-тивного» материала для собственно ФС-исследований.

Ср., например, анализ стилистической функции видов звукового повтора в автобиографической прозе М.Цветаевой: ЗП, аллитерация, ассонанс, паронимия, паронимическая аттракция (Вольская 1999).

Однако представляется необходимым в ФС-интерпретации текста учитывать не только конкретные смыслы отдельного текста, но и выходить на тот глубинный уровень его существования, который позволяет вскрывать механизмы функционирования ЗИ не только в «я»-языке, но и в языковой системе в целом.

Исследование звукоизобразительности в стилистике и поэтике. ЗИ *в художественном тексте* всегда привлекала внимание исследова-телей, да и сами поэты и писатели уделяли особое внимание фонети-ческому уровню языка.

Утверждение В.К.Тредиаковского о том, что поэту важен “токмо звон”, вступает в противоречие с выводами, полученными в результате наблюдения над фонети-ческими аспектами художественного текста. В фонетический “звон” вслушиваются поэты, литературоведы, лингвисты, что и формирует самостоятельный раздел поэтики - *фонику*.

Фоника - 1) звуковая организация художественной речи; 2) раздел поэтики, изучающий ее. Узкое понимание фоники - эвфония, интрументовка стиха (Гаспаров 1987: 470-471). Фоника рассматривает различные виды звуковых повторов.

Традиционно ЗИ в поэтике рассматривается на уровне аллитерации и ассонанса, где ЗП квалифицируются как простейший вид аллитерации, а явление поэтической этимологии напрямую связывается с ними (Брик 1919; Жирмунский 1925; Русский язык 1997).

Ассонанс и аллитерация рассматриваются как основные элементы фоники, где ассонанс также понимается и как неточная рифма (совпадение гласного при несовпадении согласных) или всякая неточная рифма (Гаспаров 1987:39). Эти виды звукового повтора используются в поэтической речи с XVIII в., когда В.К.Треди-аковский и М.В.Ломоносов развили основы новой стихотворной метрики.

Характерно, что виды звуковых повторов, выделенных В.Брюсовым и О.Бриком (Брик 1919), с некоторыми уточнениями по-прежнему рассматриваются в теории литературы (Гаспаров 1987: 470): *кольцо* - повтор в начале и конце ритмической группы (***Ред****еет облаков летучая гр****яд****а*); *стык* - повтор в начале и конце ритмической группы (*Пред нами ши****рок****о/ **Рек**а неслася*); *скреп* - повтор в конце одной и в начале другой ритмической группы (***Гро****зой снесенные мосты, /**Гро**ба с с размытого кладбища*); *концовка* – повтор в конце соседних групп (*В крови горит огонь же****лан****ья,/ Душа тобой уязв****лена***).

Звуковые (ФС) системы в поэтическом тексте рассматривались на уровне ономатопеи (в том числе ЗП), ЗС и звуковых ассоциаций.

В поэтике основным выводом о ФС организации текста является лишь указание на сам факт наличия звукового повтора и описания его в различных идиостилях, т.е. описание “токмо звона”. Хотя внимание к этой стороне поэтической речи было обусловлено отчетливым пониманием того, что звуковой повтор несет смысловую нагрузку, дальше субъективной или акустико-артикуляционной интерпретации звуковой формы стиха поэтика не шла.

Совершенно очевидно, что аллитерация и ассонанс важны для интерпретации не как факт акустики (звучания), а как факт семантики

(значения). “Акустическое понимание стиха характерно для символистов: оно выразилось в накоплении и подчеркивании аллитераций - гласные звуки интересовали их гораздо менее, чем согласные. Но вместе с кризисом символистской школы изменилось и само отношение к этой стороне стиха. Бальмонтовские “Камыши”, когда-то пленявшие слух своей звукоподражательной “музыкой”, стали невыносимы. Уснащение стиха аллитерациями, рассчитанными на чисто акустический эффект, стало раздражать” (Эйхенбаум 1986: 414).

Как указывает Ж.Коэн, ЗС акустико-артикуляционного типа играет в поэзии только второстепенную роль. Если его сделать основным, то пришлось бы вернуться к формализму, тогда как основным источником любой поэзии является содержание (цит. по: Попова 1992: 54).

Б.Эйхенбаум указывал на то, что осмысление фонической формы стихотворного текста “обычно остается в плоскости самой примитивной звукоподражательной интерпретации” (Эйхенбаум 1986: 413). Позднее подобные недостатки были преодолены в теории анаграммы и теории паронимической аттракции, а также в собственно ФС-исследованиях художественного текста.

Важные замечания о природе ЗИ находим в монографии Н.Б.Поповой, где исследуется информативность поэтического текста на уровне поэтической мотивации (Попова 1992).

Семантическая значимость всех отношений в тексте может быть названа поэтической мотивацией (Ж.Коэн, А.Ж.Греймас). Типичными видами поэтической мотивации являются морфологическая, семантическая и фонетическая мотивации. В структуре поэтического текста морфологическая мотивация усиливает экспрессию через возврат слову внутренней формы, семантическая мотивация возникает чаще всего через метафору или метонимию. Особое значение в поэтическом тексте приобретает фонетическая мотивация, которая возникает через эвфонические звуковые повторы.

Рассматривая существующие теории ЗС, Н.Б.Попова отмечает, что в поэтике условно выделяются семантические (опора на акустико-артикуляторные свойства звуков) и синтаксические (опора на системную организацию звуковых повторов) теории. Семантические теории игнорируют систему в тексте, тогда как синтаксические «не замечают» символизма собственно слова и звука. Иначе говоря, семантические теории рассматривают мотивацию на вертикальной оси:

означаемое (содержание)

.

означающее (форма).

Тогда как синтаксические теории – на горизонтальной оси:

означающее (форма) √ *означающее (форма)*

Соединение двух планов символизма представлено в современных теориях (Ж.Коэн, Ж.-М.Шеффер, Цв.Тодоров), где поэтический ЗС понимается как результат процесса символизации, когда звуковое подобие становится символом (иконическим образом) семантического подобия (Попова 1992: 54).

В *стилистике* раздел фонетической стилистики до сих пор остается наименее изученным (Бельчиков 1997:364). Разработка этих вопросов начинается лишь со второй половины XX в., что находит отражение и в учебной литературе (Голуб 2001).

Яркое проявление ФС-идеи нашли в разработке теории *анаграмм* (Баевский, Кошелев 1979; Иванов 1975, 1976; Гридина 1996; Пузырев, Шадрина 1999), *паронимической аттракции* (Григорьев 1977, 1990; Гридина 1996; Северская 1990), *палиндрома* (Кирсанов 1966; Бубнов 1995, 1996, 1997; Гак 1998; Гридина 1996; Береговская 1999; Казарин 1999б) и *психолингвистических аспектов* художественного текста (Журавлев 1991; Прокофьева 1999; Масленникова 1999; Казарин 2000).

Паронимическая аттракция. В 70 – 80 годы XX в. широкое распространение получила теория паронимической аттракции (ПА) (Литвин 1975; Зубова 1987; Северская 1988, 1990; Кожевникова 1982, 1983; Лотман 1979; Valesio 1974), которая наиболее полно представлена в работах **В.П.Григорьева** (Григорьев 1979, 1990).

Показательным здесь является то, что в фоносемантике используют термин "*анафония*", который коррелирует, например, с термином "*паронимическая аттракция"* (В.П.Григорьев) и "*звуковое гнездо*", который соотносится с термином *"паронимическое гнездо"* (В.П.Григорьев), что еще раз подчеркивает некоторую оторванность русистики от фоносемантики или, наоборот, "невключенность" фоносемантики в русский языковой материал.

Звуковая организация стиха на протяжении XVIII – начала XX в. характеризуется устойчивостью типов звуковых и звукосмысловых сочетаний и принципов их объединения. В 10-е гг. эта устойчивость утрачивается. Наряду со стихом, ориентированным на классический звуковой повтор, появляются и другие системы, в разных отношениях противопоставленные классическому стиху. <…> Паронимия, в виде отдельных сочетаний существовавшая у разных поэтов, становится принципом смысловой организации текста. Паронимические сочетания перестают быть фактом собственно звуковой организации стиха и становятся носителями смысловых связей. Звуковое сходство слов осознается как их смысловая связь (Григорьев 1990: 168).

Теория ПА исследует такие вопросы, как развитие паронимии в истории русского стихосложения, типы созвучий, паронимия и звуковой повтор, соответствие между звуковой и синтаксической связью, паронимия и

рифма, паронимия и дистантный повтор, паронимия и части речи, паронимия и тропы и др. (Григорьев 1990).

Исследование общей эволюции поэтического языка XX в. определяет три основных процесса в рамках этой эволюции: внутреннее саморазвитие речи, разговорная речь как источник обновления, моделирование внутренней речи (Ковтунова 1990: 11). Исследования указывают на внутреннюю речь как источник и аналог присущего многим поэтам мышления определенными сочетаниями согласных звуков, извлекаемых из ключевых слов. Эти консонантные сочетания образуют семантически значимую единицу, являющуюся аккумулятором смысла. Речь, построенная на повторах сочетаний согласных, близка к той стороне внутренней речи, которую называют стадией чувственного мышления (Григорьев 1990: 22). Каждое гнездо паронимов – это материальный внутриязыковой ориентир для ассоциаций (Григорьев 1979: 298). Ср. также первичные единицы языка консонантного характера, их предикативность и синкретичность, разговорность как основной источник, аккумулятор и хранилище единиц ЗИ-происхождения.

Таким образом, ПА обусловливает не только системность эстетических смыслов, но и соотносится со ЗИС языка в целом.

Ср., например, эксперименты Е.И.Красниковой, где наполнение текста определенными звуками (“горячими” и “холодными”) приводят к изменению восприятия смысла всего текста (Журавлев 1991: 73-75). Здесь регулярные сочетания “холодных” и “горячих” звуков могут рассматриваться как своеобразный паронимический корень. А.П.Журавлев и Е.И.Красникова показали не только характер взаимоотношений цветового фонетического и лексического значений, но и влияние ФС-характеристики звуков на восприятие целого сообщения.

О.П.Северская выявляет механизмы, обеспечивающие смысловое взаимодействие паронимов. Значение слова, участвующего в ПА, предстает как предикативное единство, которому соответствует определенная пропозициональная структура, а само это слово оказывается изоморфным не только семантической структуре текста, но и самому “положению дел”, составляющему его объективное содержание (Северская 1990: 38).

В паронимической парадигме текста различается *слово-тема* – двусторонняя единица, обладающая звуковыми и смысловыми коннотациями и вызывающая их своим появлением в тексте, и *слова-мотивы*, заполняющие эти коннотативные валентности. Структурный элемент, который не связывая воедино семантическое содержание и эвфонию, объединяет паронимы, определяется как *квазиморфема*. Квазиморфема рассматривается как код семантических множителей – элементарных единиц содержательного плана, которые, соединяясь в различных комбинациях, задают значение слова.

В условиях ПА для слова задается не только морфологическая, но и поэтическая сегментация и «склеивание» морфем по общей модели в различных модификациях, которые обеспечивают особую композицию смыслов: 1) переосмысление за счет выделения (квази-)омонимичных сегментов (Ах, *дикарочка, дочь Икара…* (Вознесенский): здесь идет двойная сегментация слова-темы: *дик-ар-очк-а* (акцентируется сема «необузданный») и *д…очка* + *Икар* (семантема «дикий» объединяется с семой «родство» и семантемой «Икар»), где выделяются общие квазиморфемы *доч(ь)-* и *Икар*); 2) переосмысление за счет кодирующих элементов (И вдруг дохнул *весенний ветер сонный…* (Блок): соотношение корней *весен- ветер-* за счет квазиморфемы *ве-*, а *весен-* и *сон-* за счет «консонантной свертки» *сн-*. Здесь значение слова-темы *весенний* обогащается семантическими признаками, привносимыми словами-мотивами *ветер* и *сон* – «навевающий сны»). Можно предположить, что слову-теме соответствует некоторая свернутая пропозиция (пропозиция-образ), а словам-мотивам – отдельные пропозиции, ее расшифровывающие (Северская 1990: 33-38).

Анаграмма. Поэтическая анаграмма. Под *анаграммой* обычно понимается «прием подбора слов текста в зависимости от звукового состава ключевого слова» (Григорьев 1979: 251). Гипотеза об анаграммировании ключевых слов была впервые выдвинута **Ф.де Соссюром** на материале древних латинских текстов (Соссюр 1977: 639-645).

Понятие анаграммы у Ф.де Соссюра вариативно: 1) все разновидности звуковой имитации слова-темы; 2) совершенная анаграмма – слово-тема имитируется полнос-тью; 3) несовершенная анаграмма – *анафония* – неполное воспроизведение слова-темы; 4) особая звуковая организация стиха, имитирующая слово-тему; 5) само слово-тема, зашифрованное поэтом в словах текста (Пузырев, Шадрина 1999: 176).

Ф.де Соссюр «хотел исключить из фонетической гармонии субъективное намерение поэта, так же, как и подсознательный автоматизм стиха и его ритмическую схему построения, чтобы свести их через логическую классификацию к всеобщему объективному, всеми соблюдаемому правилу; но каким-то парадоксальным образом поиск максимальной объективности обернулся максимумом произвольности, когда, согласно закону анаграмм, каждая форма фонетических соответствий в латинской поэзии основывалась им на комбинационном искусстве священного происхождения, эзотерически перешедшем к современным поэтам» (Шадрина 1999: 197). Ф.де Соссюр так и не решил вопрос о намеренном или случайном анаграмматическом структурировании текста.

Анаграмма не раз привлекала внимание исследователей (Иванов 1976; Баевский 1976; Баевский, Кошелев 1979; Тураева, Расторгуева 1980;

Тодоров 1983; Шадрина 1999; Пузырев, Шадрина 1999; Кучерова, Кашичкина 1999), однако по сей день остается плохо изученным и спорным явлением, поскольку многочисленность анаграмм в тексте приводит к мысли о случайных совпадениях, что и являлось предметом сомнений Ф.де Соссюра (Шадрина 1999: 183).

Ю.Казарин рассматривает *поэтическую анаграмму* как структурирующий компонент текста «в силу высокой частотности и встречаемости его практически в любой точке стихотворения: в начале, в середине стиха, в рифме, в названии текста. Анаграмма совмещает в себе формы и значения различных вербализованных знаков поэтичес-кого текста – звука, слога, части морфемы, фонетического слова, лексоида, лексемы, словосочетания и целой фразы» (Казарин 2000: 154).

Теория анаграммы представляет безусловный интерес, однако пока согласимся с Цв.Тодоровым: «гипотеза Соссюра заводит не потому, что ей не хватает доказательств, а скорее потому, что их слишком много: в любом стихотворении разумной длины можно обнаружить анаграмму какого угодно имени» (Тодоров 1983: 361).

Языковая игра. Важными для осмысления эстетической функции ЗИ представляются исследования **Т.А.Гридиной**, которая предлагает ассоциативную концепцию стереотипного и творческого начал *языковой игры*. В качестве принципов, определяющих возможность языковой игры и ее творческую природу, называются эксплуатация асимметрии языкового знака и нарушение системных отношений между знаками (Гридина 1996).

В монографии описываются такие механизмы языковой игры с использованием смыслоразличительного потенциала звуковой формы слова, как анаграмма и палиндром, омофонические и паронимические ассоциации, ложноэтимологическая реноминация, морфодеривационные и семантические модели, ЗП и ЗС и др.

Однако особо важным, на наш взгляд, является не только вывод о креативности речемыслительной деятельности как основополагающем принципе языковой игры, которая использует “лингвистический *инстинкт* (выделено нами. – *С.Ш.*), лингвистическое чутье говорящих” и требует от них решения эвристических задач, но и выводы, поддерживающие собственно ФС исследования: не абсолютная, а относительная произвольность выбора мотивировочного признака; стереотипность ономасиологических моделей, влияющих на выбор мотивировочного признака; их употребление.

“Несмотря на то, что субъективный фактор номинации существенно влияет на выбор имени обозначаемого, выбор мотивировочного признака нельзя считать абсолютно произвольным. При образовании слова вступают в сложное взаимодействие ономасиологические и семасиологические модели (стереотипы), направляющие субъективную интенцию номинатора.

В качестве ономасиологичес-ких стереотипов выступают закрепленные в номинативной системе языка принципы, способы, средства номинации, воздействующие на выбор мотивировочного признака и его языкового выражения в соответствии с тенденциями, реализованными в сфере обозначения объектов того или иного рода (процесс этот может носить как неосознанный, так и осознанный характер)" (Гридина 1996: 149-150).

Наши наблюдения над современным анекдотом показывают, что ФС-номинации и репрезентации в анекдоте являются стандартными осознанными и неосознанными ономасиологическими стереотипами, закрепленными в системе языка (Шляхова 2003).

Ср., например, измерение времени посредством звука является древнейшей когнитивной моделью (ФС-основа русских слов ***час, рок*** и ***время***). Одним из первых «будильников» человека являлся петух, что было естественным, поскольку идея цикличности, а не линейности времени напрямую связывалась с природными циклами. В анекдоте функцию определения временного отрезка традиционно выполняет кукушка, где актуализируется краткость временного отрезка, что косвенно отражает и динамику современной жизни, и время, которое в прямом смысле можно продавать и покупать. Здесь отражены и ценность краткости временного отрезка, и способность человека измерять очень мелкие временные отрезки, чего не могли делать наши предки. Ср.: *Кукушка, сколько мне жить на свете осталось? -* ***Ку...*** *- А почему так ма... ; Умирает старый еврей. Всей семьей обсуждали текст самой короткой телеграммы родственникам в Нью-Йорк. Наконец послали: «Хаим все». Ответ из Нью-Йорка: "****Ой****!".*

Именно анекдот показывает уровень ФС-чутья так называемого среднего носителя языка, поскольку создается этим носителем, транслируется им, отражая степень восприятия ФС стороны языковой игры путем коммуникативного резонанса.

Палиндром. Одним из древнейших приемов языковой игры является палиндром (палиндромон, перевертень). Анаграмма выявляет вариатив-ные возможности звуковой комбинаторики в образовании разных слов, где подчеркивается тождество звукового состава лексем и различия в сочетаемости и последовательности фонем. *Палиндром* (греч. palin dromos «бегущий обратно») предполагает сохранение смысла фразы или слова при чтении в прямом и обратном порядке, где сохраняется тождество плана выражения и плана содержания.

Ср., например: Я – арка края (В.Брюсов); Рембо обмер (А.Вознесенский); Я, Анна, лежала желанная (А. и П.Нагорских); Аргентина манит негра (Н.Булгаков); У тени или мафии фамилии нету; Дорого небо, да надобен огород (Д.Авелиани); Не до логики: голоден; Тарту дорог как город утрат; Наворован доход, наворован (И.Фоняков).

Палиндром неоднократно привлекал внимание исследователей (Алексеев 1951; Воскресенский 1971; Гак 1998; Санников 1999; Гридина 1996; Бирюков 1994; Лотман 1992, I; Бубнов 1995, 1996, 1997; Береговская 1999), однако часто по-прежнему воспринимается как виртуозная и бессмысленная игра с текстом. Между тем исследователи говорят о палиндроме как концентрации общеязыковых и общесемиоти-ческих механизмов, поскольку механизм палиндрома напрямую зависит от строя языка (Лотман 1992, I: 22-23).

В.М.Алексеев считает, что «палиндром является <…> наилучшим китайским материалом для построения теории китайского (а может быть, и не только китайского) слова и простого предложения» (Алексеев 1951: 95). В китайском языке, где «слово-иероглиф как бы скрывает свою морфо-грамматическую структуру, чтение в противоположном порядке способствует выявлению этой скрытой конструкции, представляя целостное и зримое как скрытый последовательный набор структурных элементов» (Лотман 1992, I: 22).

Э.М.Береговская показывает, что этот «раритетный в силу сложности порождающей модели, но живой и жизнестойкий (его возраст исчисляется по меньшей мере 23 столетиями) универсальный игровой прием» отражает многие механизмы функционирования текста как такового. Русский палиндром позволяет конструировать выразительные, «разнообразные по интонации, по тропологической насыщенности, по функционально-стилистической и верификационной структуре «стихи для глаза» юмористического, сентенционального или лирического плана» (Береговская 1999: 63-64).

В виде палиндрома могут существовать не только художественные тексты, но и бытовая речь. Ср., например, палиндромы, возникшие в бытовых ситуациях: *А шапка, как Паша!; Пусть Ира в семье сварит суп!; Ты сыт? А ты сыта?; А дорого до города? Да, дорого до города; Изредка ты так дерзи* (КП, 31.10.97).

Ю.М.Лотман считает, что палиндром активизирует скрытые пласты языкового сознания и является исключительно ценным материалом для экспериментов по проблемам функциональной асимметрии мозга. Симметрично-асимметричная природа палиндрома рассматривается как механизм любого процесса смыслопорождения. Чтение в противополож-ном направлении активизирует механизм другого полушарного созна-ния. Элементарный факт энантеосемического преобразования текста меняет тип соотнесенного с ним сознания.

Кроме того, осмысление палиндрома связано с различными областями семиосферы: на более высоком уровне палиндрому приписывается магическое, сакральное, тайное значение. Текст при «нормальном» чтении отождествляется с «открытой», а при обратном – с эзотерической сферой культуры, что обусловливает частотность приема палиндрома в

пограничных и магически активных местах культурного пространства – районах столкновения земных (нормаль-ных) и инфернальных (обратных) сил (Лотман 1992, I: 22-23).

Ср.:

С А Т О Р	Т У З А М	Ср. также знаменитый ромб
А Р Е П О	У Б А Р А	«абракадабры» (песни ведьм),
Т Е Н Е Т	З А К А З	где механизмы чтения еще бо-
О П Е Р А	А Р А Б У	лее осложнены: чтение туда-
Р О Т А С	М А З У Т	обратно, по граням ромба,
Заклинательная	*А.Бубнов*	сверху вниз и снизу вверх.
песнь над духами.		

Ср. также признание авторов палиндромов П.и А.Нагорских: «Если вспомнить, что согласно Библии, Слово – Бог, то, может быть, через палиндром время от времени проявляется Божье откровение?» (КП, 31.10.97).

Для фоносемантики палиндром представляет особый интерес, поскольку является сложным знаком и требует выяснения особых отношений между означающим и означаемым. Во-первых, потому, что он осознается лишь в письменной речи, это «стихи для глаза» (М.Л.Гаспаров), т.е. здесь актуализируется графический аспект знака.

Во-вторых, внешне простая форма палиндромного текста оказывается предельно сложной для ее реализации, что уже предполагает для создающего и воспринимающего палиндром не только глубокое постижение (пусть и интуитивное) фонетической и семантической структуры языка, но и причастность их к «другому» уровню осмысления мира.

Кроме того, звуковой повтор, звукопись, анаграмма уже заложены в самой природе палиндрома, который невозможен без фонетико-смысловых отношений. В.Бубнов даже говорит о таком разделе фоносемантики как *графофоносемантика* (htth://spintongues.msk.ru/ Boobnov01.htm).

Психолингвистическая интерпретация. Интересную ФС-интер-претацию художественный текст получил в работах психолингвистичес-кого плана в рамках цветофоносемантики (колористическое значение звуков) (Степанов 1984; Журавлев 1991; Прокофьева 1999; Казарин 2000) и психофоносемантики (ассоциативное значение звуков) (Якубинский 1997; Журавлев 1991; Масленникова 1999; Казарин 2000).

Эксперименты **А.П.Журавлева** показывают, что смысловая струк-тура текста в его денотативной основе соответствует колористическому значению звуков речи. Еще более впечатляющими оказываются экспериментальные подтверждения действия синестезии в корреляции цветового живописного и языкового кодов: колорит красок при описании живописного полотна в тексте стихотворения соответствует палитре самой картины. Поэт не ставит перед собой задачи намеренно подобрать цвет

звуков стихотворного текста под колорит картины, но подсознательно делает это (Журавлев 1991).

Л.П.Прокофьева, применив методику анализа функционирования цветовой символики звуков в оригинальном тексте на узбекском языке и двух переводах текста на русский язык, приходит к выводу: «принципиально возможно изучение текста на любом языке, где это явление исследовано и составлены матрицы звукоцветовых соответствий» (Прокофьева 1999: 169).

Ю.Казарин уточняет данную методику: «цветофоносемантический анализ поэтического текста значительно усложняется, когда предметом анализа становится не текст, реализующий в основном предметные смыслы (корабль, крыса, гиена и т.д.), а текст, в котором реализованы преимущественно образные смыслы, когда индивидуально-авторская картина мира имеет прежде всего отвлеченный характер, а сам текст представляет собою метафору или автометафору. В таком случае фоносемантический идеал читателя детерминируется не только субъективными качествами психики носителя языка, но и свойствами и возможностями его образного мышления» (Казарин 2000: 93-94).

Ю.Казарин в предложенном анализе звукоцветовых соответствий выделяет принцип дополнительности, когда выявление, идентификация и описание текстовых смыслов различной природы имеют целью установление общей для данного текста смысловой структуры, в которой разнородные смыслы (лексические, фонетические) дополняют и обогащают друг друга (Казарин 2000: 99).

Методы и приемы фоносемантического анализа художественного текста

Условно ФС-методы анализа художественного текста можно разде-лить на традиционные (фоностилистические) и собственно фоносе-мантические.

Традиционные методы фоносемантического анализа издавна существуют в поэтике и фонике и заключаются в наблюдении и описании фонетической (звуковой) структуры текста, что в поэтике именуется звукописью, инструментовкой, эвфонией, фонической организацией текста.

Наиболее активно фоностилистические средства языка изучаются в период становления символизма как литературного течения (особенно в России и во Франции), где звуковой символизм становится «материализованной» формой символизма философского.

Фоностилистический анализ традиционно обращается к *благо-звучию* речи, которое связано с удобным для произнесения и приятным на слух сочетанием звуков [38].

При анализе художественного текста наблюдению подвергаются различные виды звуковых повторов, которые создают симметрию, ритм, гармонию текста.

В фонике и поэтике основное внимание традиционно уделяется *звукописи*, где рассматриваются следующие приемы: 1) *аллитерация* - не случайное, намеренное повторение согласных в тексте; 2) *ассонанс* – не случайное, намеренное повторение гласных; 3) *анаграмма* – воспроизведение в тексте центрального в смысловом отношении слова данного текста при помощи повторов звуков и слогов (букв и их комбинаций); 4) *липограмма* – намеренное или случайное отсутствие в тексте одного или нескольких звуков; 5) *парономическая аттракция* (паронимия, парономазия) – намеренное сближение слов сходного звукового состава; 6) *ономатопея (звукоподражание*) – закономерная, непроизвольная связь между фонемами слова и звуковыми признаками денотата, т.е. между звучанием и значением слова; 7) *ЗС (зву-кообразные*) слова – закономерная, непроизвольная связь между фонемами слова и незвуковыми признаками денотата, т.е. передача речевым звуком образа, ощущения, движения и т.п.; 8) *использование неблагозвучия*; 9) *отклонение от средней длины* слова.

В литературоведении художественный образ, усиленный средствами звукописи, обычно получает название *звукообраз.* Следует также учитывать, что звуковой повтор характерен не только для фонетического и лексического уровней языка, но и для морфологического (*редупликация*) и синтаксического (*параллелизм, хиазмы, анафора, эпифора, симплока, обрамление*).

Выделяются следующие *функции* звукописи: 1) *выразительно-изобразительная*: а) отражение слуховых впечатлений; б) передача различ-ных по характеру действий (энергичных, порывистых, спокойных); в) отражение настроений и чувств лирического героя; 2) *эмоционально-экспрессивная*: а) передача эмоциональности речи; б) функция «звукового курсива»; в) отражение лирического настроения; 3) *смысловая*: а) выделение логически важных слов, образов, мотивов, тем; б) выделение логических акцентов текста; в) выделение однородных членов предложения; г) выделение смысловой близости, однородности описываемых предметов; д) усиление грамматических связей слов в тексте, особенно определений и поясняемых ими слов, а также подлежащего и сказуемого, сказуемого и обстоятельства или дополнения; 4) *композиционная*: а) отличать фонетически каждый новый поэтический образ; б) отражать развитие темы; в) оттенять смену картин, не разрушая целостности частей текста (Голуб 2001: 180-182).

Фоностилистические методы по-прежнему актуальны в современных анализе и интерпретации художественного текста, однако трудно не согласиться с определенной субъективностью такого анализа [39].

Кроме того, фоностилистический анализ актуализирует лишь изобразительно-выразительные и текстоструктурирующие возможности звукописи, тогда как смысловые и интерпретационные возможности этих стилистических средств остаются за его пределами. Однако в контексте фоносемантики наблюдение за различными видами повтора открывает новые перспективы.

И.Ю.Павловская рассматривает традиционные виды повтора не только в эстетическом, но и в общеязыковом контексте. Истоки аллитерации как средства организации текста на самом деле более глубоки и восходят к процессу онтогенеза и филогенеза языка на очень ранних стадиях становления. В языке детей следует искать источник редуплицированных форм (геминатов) и аллитерированных повторов внутри слова или словосочетания, характерных и для языка взрослых (Павловская 2001: 73). Включенность осмысления звуковых повторов в этот контекст позволяет выявлять «архаичность», архетипичность авторского мышления и восприятия им действительности. Последователи А.П.Журавлева, проводившие эксперименты на материале русской (Филиппова 1976; Зубова 1980; Сомова 1982; Кулешова 1983; Эткинд 1998), немецкой (Петрухин 1979), французской (Анисимова 1989) поэзии, доказали также наличие собственного ЗС значения в поэтических аллитерациях.

Анализ парономической аттракции (ПА) в поэтических текстах (Григорьев 1990, 1976; Северская 1990) в самом общем виде сводится к следующим операциям: 1) анализ смысловой структуры текста и выявление слова-темы в отдельных фрагментах текста; 2) выявление слов-мотивов для всех слов-тем на основании общих квазиморфем; 3) интерпретация каждого слова-темы за счет значений, привносимых словами-мотивами; 5) выявление композиции особых смыслов, создаваемых за счет ПА на уровне всех слов-тем текста; 6) интерпретация соотношения этой композиции смыслов с общим содержанием текста, его ассоциативно-образного поля; 7) вывод о значимости ПА для интерпретации данного текста; 8) интерпретации текста по данным ПА.

Собственно фоносемантические методы анализа художественного текста можно условно разделить на описательные и экспериментальные.

Описательные методы анализа художественного текста основываются на традиционных научных методах наблюдения и элементарной статистической обработки данных.

Анализ звукоцветовых соответствий в поэтическом тексте вклю-чает несколько этапов: 1) подсчет общего количества звукобукв (глас-ных и йотированных), где ударные считаются за две; 2) статистическая обработка данных и определение доли звукобукв данного цвета на определенном участке текста (строфа); 3) соотнесение цветовой семан-тики текста с его содержательно-смысловой структурой; 4) интер-претация полученных результатов (Журавлев 1991).

Анализ фонетической значимости текста. Компьютерная обработка текстов сводится к следующим операциям: 1) задаются полученные при помощи метода семантического дифференциала признаки звукобукв (например, ***а*** – хорошая, большая, светлая, активная, простая, сильная, красивая, гладкая, легкая, величественная, яркая, окру-глая, мужественная, радостная, громкая, храбрая, добрая, могучая; ***х*** – плохая, грубая, темная, пассивная, отталкивающая, шероховатая, страшная, низменная, тусклая, угловатая, печальная, тихая, короткая); 2) задается средняя (нормальная) частота звуков в обычной речи; 3) оп-ределяется частота употребления звукобуквы в тексте; 4) сравнивается средняя (нормальная) и полученная частотность употребления звуко-буквы, что позволяет установить высокую или низкую частотность тех или иных звукобукв в данном тексте. Если частотность звукотипа в исследуемом тексте равна средней частотности звука в речи, то данный текст не имеет этих ФС-характеристик; если частотность выше или значительно выше средней частотности, то текст обладает данными ФС-характеристиками; 5) актуализированные высокочастотные звукобуквы сравниваются с семантикой исследуемого текста (Журавлев 1974).

Идеографический фоносемантический анализ (метод поэтической идеографии) состоит из нескольких этапов: 1) поиск в тексте стихо-творения аллитерационных явлений с последующим установлением их анаграмматической парадигмы; 2) идеографический анализ лексико-смысловой структуры стихотворения; 3) выявление ключевых единиц лексического и фоносемантического характера; установление фоносмысловой интерпретанты и соотнесение ее с лексико-смысловой доминантой; 4) интерпретация фоносмысловых вариантов, сведение их к инварианту; 5) вывод о наличии в тексте фонетических смыслов и их характеристика (Казарин 2000: 155, 134).

Анализ доминантности ономатопей (ономатопеический метод) заключается в следующем: 1) методом сплошной выборки выявляются различные виды ономатопов, функционирующих в тексте (ФА и «нормальные» лексемы); 2) при помощи элементарной статистической

обработки устанавливается ЗИ лексическая доминанта ономатопов, где выявляется частотность а) ФА или «нормальных» лексем; б) акустичес-ких, артикуляторных ономатопов или ономатопов говорения; 3) соот-несение данных по частотности со смысловой структурой текста; 4) ин-терпретация полученных результатов.

Частотность того или иного типа ономатопов позволяет установить значимость той или иной фоносферы для автора (звучания внешнего мира, звучания плоти или звуки речи), что позволяет расширить возможности интерпретации.

Повышенной частотностью ФС-единиц (особенно ФА) обладают тексты, кото-рые отвечают одному из следующих признаков: 1) тесная связь жанра с обрядом и его кодами; 2) жанры с высокой степенью устойчивости, которая, в частности, связана с религиозной и магической функцией; 3) жанры, которые тесно связаны с древними формами речи или сохраняют ее (загадки, заговоры, паремии, магический, религиозный, детский фольклор и фольклор для детей); 4) высокое эмоциональное напряжение текста, где степень частотности ФС единиц определяется степенью стресса создающего текст; 5) жанры с ограниченным текстовым пространством (паремии, частушки и пр.); 6) тексты, функционирующие в устной форме; 7) детская речь (Шляхова 1998; Шляхова 2001).

Ниже мы предлагаем анализ доминантности ономатопей, при помо-щи которого вскрываются языковые механизмы глубинного уровня, в идиостиле М.Цветаевой, а также в дискурсе былички.

Экспериментальные методы основаны на данных психолинг-вистических экспериментов, которые были описаны выше.

Комплексный фоносемантический анализ представлен в исследовании Ю.И.Павловской, где роман Э.Берджеса «Заводной апельсин» рассматривается в рамках фоностилистического анализа, который дополняется данными психолингвистических экспериментов (Павловская 2001).

Попытка комплексного ФС-анализа текста В.Пелевина «Жёлтая стрела» делается Е.Пориной, где автор пытается объединить основные существующие подходы к ФС-анализу текста (Порина 2003).

Анализ доминантности ономатопей в идиостиле М.Цветаевой. Однажды поэт Наум Коржавин заметил, что «писатели делятся не на волны и направления, а на штуки». Безусловно «штучной» является поэ-зия М.Цветаевой, ибо стоит она в русской литературе особняком, «весь-ма и весьма на отшибе» (И.Бродский). Подобная «периферииность», «аномальность» свойственна и ее языковому стилю: поэтический язык М.Цветаевой отличается особым пристрастием к употреблению ФА.

Почему для М.Цветаевой столь притягательно то, что стоит на периферии языка, что выходит за рамки «нормального»? Думается, что ответ можно найти в ее днев-никовых записях, относящихся к сороковым годам: *«Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи например, словами (то есть смыслами) создать стон: а-а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно: а-а-а. Зачем такие задачи?».* Ср. также ее понимание цели поэзии: «*в тетрадь, чтобы не задохнуться*».

Признание поэта заставляет идти вслед за звуком и стоном, что означает - погрузиться в сферу фоносемантики, поскольку одним из признаков звукоизобразительного слова является его аномальность (Воронин 1982).

На сверхэмоциональное начало цветаевского стиха указывают все исследователи и критики ее творчества, да и сама М.Цветаева признавалась: «*Безмерность моих слов - только слабая тень безмерности моих чувств*».

Ср. также: «*рыдание*» и «*работа на голосовом пределе*» (И.Бродский); «*Марина часто начинает стихотворение с верхнего “до”*» (А.Ахматова).

Эмоции обычно представляют собою целый спектр субъективно недифференцируемых нюансов, которые трудно поддаются передаче с помощью кодифицированных средств (Жельвис 1997: 38).

В состоянии эмоционального напряжения в высказываниях увеличивается чис-ло элементов, которые не несут никакой смысловой нагрузки, поскольку происходит затруднение в выборе слов, отсюда множество паралингвистических «чуждых» звуков, аномалий, инвектив, которые менее всего связаны с содержанием, но несут на себе всю эмоциональную нагрузку речи.

Специфика семантики ФА заключается в том, что они всегда имеют сверхэмоциональное начало, что закономерно, ибо личностная эмоция стремится преодолеть знаковость языка: «когда в припадке нежности или злобы мы хотим приласкать или оскорбить человека, то нам мало для этого изношенных, обглоданных слов, и тогда мы комкаем и ломаем слова, чтобы они задели ухо, чтобы их видели, а не узнали» (Шкловский 1990: 40).

Ср.	***А- и - рай*** *!*	*(Куды и вся удаль*	***Му-жайся*** *же, сердце!*
	А -и -вей *!*	*Давалась, -* ***невемо****!*	***Му-жайся*** *и чай!*
	О - би - рай*!*	*...На тебя не дунул,*	***Не-бесный*** *разверзся*
	Не - ро - бей*!*	*На тебя не* ***вену****л.*	*Свод!...*
	«Переулочки»	«Молодец»	«Ариадна»

Любая эмоция, переживание включает в себя «здесь-и-теперь» удовлетворение (Василюк 1984: 50). Именно ФА оказываются способны передавать семантику «здесь-и-теперь» наиболее адекватно.

Синкретичность ФА позволяет М.Цветаевой в минимальной языко-вой форме обозначить «сюжет» и эмоцию «здесь-и-теперь» ситуации; передать

«ежесекундное изменение жизни» (Ж.Жаккар), ибо «останов-ленное окаменевает» (Р.М.Рильке); способствовать компрессии времени и преодолению разрыва «хронотопа» между читателем и автором.

Ср.	***Ой!*** *- Молния!*	*Грех - таки...*	*Лбом об землю -* ***чок!***
	Ой*! - Жжет!*	*Стыд - таки..*	*Да на ветку -*
	Не - молния!	***Кхе-кхе-кхе...***	***Скок -***
	Конь - ржет!	***Кхи-кхи-кхи...***	*Тут к ней барин!* ***Хвать!***
	«Переулочки»	«Крысолов»	«Молодец»

Повышенной частотностью ФА обладают тексты, которые тесно связаны с обрядом и его кодами, древней речью (песни ведьм, заговоры, былички, глоссолалии сектантов, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор и фольклор для детей) [40].

Характеризуя народную песню, В.Ходасевич определяет и сущест-венные черты цветаевского стиля: «чистейшая игра звуками», «причита-ния», «отголоски заговора, заклинания», «отчасти заумна и истерична». И совершенно безусловна вера М.Цветаевой в магическую силу слова, где назвать - значит создать, что не раз привлекало внимание исследова-телей (Ревзина 1991; Жогина 1999) [41].

М.Цветаева своими текстами творит магию, стремясь влиять на обстоятельства. Цветаева использует «периферийные» языковые сред-ства, создающие иллюзию «заумности», ибо ФА являются типичными для экстатических форм речи (религиозного и магического фольклора), где существуют на равных правах с собственно «заумью», заимствованиями и инвективами (Шляхова 1998) [42].

Повышенная частотность ФА характерна также для устной формы существования текста и детской речи [43].

М.Цветаева неожиданно останавливается во времени (вернее, возвращает его назад), моделируя в ограниченном пространстве новый, временно действующий мир, принимая правила игры («понарошку», «на пока»), свойственные этому детскому миру. Однако это, на наш взгляд, отнюдь не является показателем инфантилизма цветаевского поэтичес-кого мира, который столь раздражал В.Ходасевича, поскольку корни этого лежат не столько в «детстве» поэта, сколько в «детстве» языка и человечества [44].

Представляется, что это поэтическое моделирование архетипической (детской? дикой? женской? животной? сумасшедшей?) картины мира, где ФА являются основным строительным материалом столь зыбкой, призрачной, подсознательной и неподотчетной структуры. Об архетипичности когнитивных рядов, позволяющих играть со словами и смыслами, актуализируя неосознаваемые смыслы, говорилось неоднократно.

«Неофициальность», «карнавальность» поэтической картины мира М.Цветаевой, где разрушаются законы «правильного» поведения, кодифицированного языка, эффективной коммуникации, где «аномальность» с периферии перемещается в центр мироздания, возвращаясь к забытым истокам мифа, обряда, языка, речи, слова [45].

Именно этот потенциал ФА использует М.Цветаева в своей поэтической речи, которая всегда, по словам Р.О.Якобсона, «стремится стать непрозрачной».

Из 356 употреблений ФА в текстах М.Цветаевой встречается 159 артикуляторных ономатопов (***кхе, фырк, ой, тьфу***), 11 акустических ономатопов (***бац, дзинь, порх, чок***), 27 подзывных и прочих ФА (***ау, брысь, тсс, цыц***) и 159 единиц имитации зауми, где остраняется обычное слово путем поэтической этимологизации: *об-ми-рай, сне-го-вей, рас-стояние, о-снова* (см. табл. 13).

Таблица 13

Тип единицы	**Артикуляторные ономатопы**	**Акустические ономатопы**	**Подзывные и прочие**	**Имитация зауми**
%	44,6	3,2	7,5	44,6
ед.	159	11	27	159

Количественные данные показывают, что в идиостиле М.Цветаевой актуализируются внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела (артикуляторные ономатопы) и «тела» языка (имитация зауми). Ее не интересуют внешние звучания (акустические ономатопы) и обращенность к другому (подзывные и прочие слова). Можно говорит о том, что поэт существует во внутреннем мире, а внеш-ний мир, диалог с ним, ответность в этом диалоге не имеют для нее особого значения.

Очевидна актуализация артикуляторных ономатопов, где выделяют-ся группы непроизводных междометий и номинации собственно органических звучащих движений человеческого тела. По М.Цветаевой, поэт - «утысячеренный человек», в том числе утысячеренный и со сторо-ны «физики тела», которая является значимой во многих поэтических и философских системах (О.Мандельштам, Вл.Соловьев, В.Розанов, Д.Мережковский, Б.Поплавский, Г.Марсель, М.Пруст, П.Валери и др.) [46].

Особенно заметно отражение «органических» движений и отсутст-вие «интервала» между душой и телом в поэзии М.Цветаевой. ФА явля-ются здесь знаком личного и языкового типа поведения поэта, которые позволяют преодолеть «репрессивно-подавляющую, контролирующую функцию» (Л.С.Выготский) языкового знака, чья роль заключается в репрессии «физики тела», инстинктов как «реального», натурального уровня психики социальным дискурсом (Выготский 1982: 1; Лакан 1995; Фрейд 1991: 1).

Ср. - ***Ух!***
- Кто же это там ухнул вдруг?
- Просто вылетел из тела - дух!
«Царь-девица»

***Ах**, далеко до неба!*
Губы - близки во мгле...
- Бог, не суди! - Ты не был
Женщиной на земле!
«В гибельном фолианте...»

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
***Ох,** этот рев зверский!*
*Дерзкая - **ох**! - кровь.*
«Стихи о Москве»

***О** друг! Не обессудь!*
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей...
«Бессонница»

Существенную роль в поэтической системе М.Цветаевой играют междометия. Как литературный манифест возникает в 1924 году стихотворение «Молвь», где вся сложность жизни и высота поэзии укладывается в несколько междометий: *«Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот. И повинись, поэт, Что ничего, кроме этих ахов, Охов, у Музы нет».* По М.Цветаевой, эти «неодолимые возгласы плоти» и являются сутью жизни и поэзии, «проводниками в душу, а не в пустоту».

Не менее важно для М.Цветаевой исследование не только «физики тела», но и «физики слова», где слово ломается, пробуется «на ощупь», растягивается и сжимается, обрубается и надстраивается по воле и замыслу поэта. Эти «физические» игры со словом сродни «народной» этимологии, где поэт через форму пытается постигнуть сущность, что тоже создает некий трагедийный смысл этого созидающего разрушения. М.Цветаева пробует себя в роли Творца, словом создающего Мир. Эта игра напоминает конструктор «Лего», где из одних и тех же элементов создаются совершенно противоположные системы: машины и люди, деревья и дома, цветы и роботы [47].

Пропуск конечного слога или обрубание слова в любом месте, где недоговоренность рождает не только надрыв, незаконченность, но даже момент «смерти» или «рождения» слова, что является абсолютной нормой игрового континуума, где смерть и рождение суть одно и то же. М.Цветаева словно не знает, где находится она сейчас (в конце или начале), но пытается уловить само движение, обуздать пространство, ощутить (остановить?) время.

Ср. *Лик - в лик, близь - в близь:*
«Скажись - объявись!»
Близь - в близь, жызть - в жисть:
*«Скажи - **назо**...»*
«Молодец»

- Мало этого-то:
Рукой писанные
Все-то летописи
***Поо** -*
- Присягай, визжат, главсвисту! «Крысолов»

М.Цветаева способна из одного слова создать несколько и несколько слов объединить в одно, что сродни физической жизни тела.

Ср. ***А - ю - рай**,*
***А - ю - рей**,*
***Об - ми - рай**,*
***Сне - го - вей**.*

Мертв
Царь. Не родится -
Вот, в царстве тщеты -
***О - снова**.*

Полночные страны
Пройду из конца в конец,
*Где **рот-его-рана**,*
Очей синеватый свинец?

«Переулочки» «Ариадна» «Стихи к Блоку»

Поэтическая этимология воскрешает «забытые» этимологические связи, устанавливает «природный», истинный, «первородный» порядок связи смыслов, который хранится языком, но утрачивается обыденным сознание. ФА для М.Цветаевой - это «до-словный, до-книжный хаос, из которого все рождается и в который все уходит» (В.Шкловский).

ФА позволяют поэту преодолеть семантическую «пустоту» обыч-ных слов, возвратиться к «первоначальной диффузной чувствитель-ности», создать «зримость», «картинность», «зеркальность» конкретно ощущаемого «живого» мира, мира «становящегося», а не «ставшего», ибо движение - главнейшее свойство живой жизни [48].

Исследование функционирования ФС-единиц в идиолекте М.Цветаевой позволяет увидеть не только особенности индивидуальной стилистики и языковой картины мира, но и уловить закономерности существования этих единиц в системе языка.

При анализе функционирования ФС-единиц (особенно аномальных) на различных языковых уровнях, в различных типах и жанрах текстов, в различных дискурсах создается ощущение «хождения по кругу», что указывает на универсальные механизмы существования ЗИ в языке.

Анализ доминантности ономатопей в быличке. Устные рассказы о столкновениях человека с нечистой силой (НС) – былички - относятся к несказочной прозе, т.е. говорящий не сомневается в реальности описываемых событий. Сам жанр былички обусловливает её ФС лингвистическую природу. Здесь возможно говорить о поверхностном (осознаваемом) и глубинном (неосознаваемом) уровне ФС структуры текста, которая связана как с идиостилем и состоянием говорящего, так и с генезисом жанра и его тематикой.

В тексте былички условно можно выделить две группы ФС-единиц: 1) эксплицитно выраженные (звуковая природа единиц обычно осознается носителями языка; слова с прозрачной внутренней формой) и 2) имплицитно выраженные (ФС-природа единиц не осознается; слова демотивированные).

Репрезентация поверхностной структуры текста связана с единицами первой группы и обусловлена прежде всего личностью рассказчика. Лингвистическая репрезентация глубинной структуры «управляется» скрытыми языковыми механизмами, которые не поддаются рефлексии рассказчика, что позволяет обнаруживать архетипические семантичес-кие константы, утраченные в ходе языковой эволюции лексических единиц.

Наиболее значимыми для выявления ФС-механизмов структурирования текста былички представляются единицы с утраченной «звучащей» внутренней формой, поскольку именно значение этимона проясняет

древнейшее представление носителей языка о нечистой силе, ее действиях и атрибутике, которые сегодня не осознаются носителями языка.

По отношению к жанровой специфике текста в быличке можно условно выделить также две группы ФС-единиц: 1) дифференцирующие жанр былички и 2) «нейтральные» по отношению к жанру. Условно выделенные «нейтральные» ФС-единицы относятся к лексике, которая функционирует в любом тексте, независимо от его жанровой природы (*сказал, говорит, спорить, молвить, ударить* и т.п.). Предметом анализа являются те единицы, которые определяют природу и структурируют текстовое пространство былички.

Глубинная фоносемантическая структура. *Фоносемантическая репрезентация реальности мира былички***.** Наличие звуковой «темы» в жанре былички подчеркивает ее реальность, поскольку звук как таковой уже сам по себе является приметой «этого» мира, тогда как «тот» мир молчалив и беззвучен.

В тексте былички нечистая сила начинает «звучать» только тогда, когда перемещается в «этот» мир, обретая черты человека или животного. Однако это перевоплощение аномально: ***баран говорит*** человеческим ***голосом***, ***баранья*** голова со ***стуком*** и ***грохотом*** появляется из-под полка в бане, ***лягушка*** живет внутри человека, обнаруживая себя ***икотой***; ***жучок***, который ***пищит*** «всякими ***голосами***».

*Фоносемантическая репрезентация амбивалентности мира былички***.** Звучащий в быличке мир амбивалентен. Звуковая структура текста указывает на двойственность, обоюдность, одновременное нали-чие двух миров, что отражается прежде всего на уровне глубинной ФС-структуры текста былички.

Глубинная ФС-структура текста манифестируется на уровне номинации животных, в которых предстает нечистая сила: все они имеют ЗИ-источник происхождения (*баран, лягушка, жук*). Представляется, что олицетворение нечистой силы не зависит от воли рассказчика, пос-кольку все животные тесно связаны с древними обрядовыми кодами [49].

Таким образом, обретая облик существ реального мира, которые являют собою амбивалентную сущность (животное/ насекомое и человек одновременно), нечистая сила в быличке маркируется звуком, который аномален для реального мира.

Характерно, что физиологические звучания (жизнь тела), репрезентированные в системе языка артикуляторными ономатопами, практичес-ки не представлены в тексте былички, тогда как акустическая ономато-пея (звучания внешнего мира) представлена многообразно и частотно. В нашем материале имеется лишь один артикуляторный ономатоп (*икота*), который

относится к нечистой силе, но обитает она в теле человека. Остальные физиологические звучания связаны с обитателями реального мира, мира «живых»: лошадей, ребенка.

В быличке «угнетены» внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела: ее интересуют внешние звучания. «Физика тела» является значи-мой только для человека, тогда как нечистая сила остается неуязвимой при нару-шении ее телесной оболочки, которую она избирает по своему вкусу - превращается в барана, лягушку, жука, мужика, женщину (бабу, девку), ребенка; ходит с проткнутой вилами ногой или остается бесплотной.

Таким образом, отсутствие души и тела у нечистой силы предопределяет неактуальность артикуляторной ономатопеи для былички [50].

Характерно, что ЗИ-слова *душа* и *нечистый дух* (< и.-е. *dheu – «дышать, дуть»; Черных 1:275), которые собственно и являются единицей обмена между двумя мирами, этимологически родственны. Это указывает, с одной стороны, на зыбкость границ между двумя мира-ми, их взаимообусловленность и одновременное сосуществование, а с другой – на верования в то, что нечистая сила создана самим Богом. Таким образом, *нечистый дух* – это обратная сторона *души* или *Святого Духа*, их зеркальное отражение (ср., например, в мифологии смену значений правого и левого, а также создание нечистой силы из отражения на воде Бога).

Эта же взаимообусловленность миров в быличке отражена в амбивалентных функциях нечистой силы по отношению к человеку: злокозненность и добродетельность, в крайнем случае безвредность, нейтральность, где вновь наблюдается новое зеркальное перемещение «правого» и «левого».

Нечистая сила может принимать физический облик обычного чело-века, отличаясь при этом определенными странностями, которые также связаны со звучаниями «этого» (но внешнего, а не внутреннего) мира.

Ср.: НС не любит определенную ***молитву***, например, «Иже Херувимы»; не может принести из амбара достаточное количество муки, потому что там «***кресты*** наделаны»; ходит с воткнутыми в ногу ***вилами***; при ее появлении лес ***нагибается*** и ***шумит***; изо рта пышет синий огонь.

Характерно, что звуковая природа «странности» перевоплощенного нечистого репрезентирована не только на эксплицитном (непосредственное звучание окружающего мира: *молитва, шум*), но и имплицитном уровне (ЗИ-происхождение номинации атрибутов, связанных со странностью: *вилы, крест*).

Фоносемантическая репрезентация материальности нечистой силы. Нечистая сила, которую видит человек, в тексте быличке может не описываться, но она обязательно «звучит» и часто имеет антропоморф-ные

или зооморфные признаки: суседко с ***бородой*** и ***топает;*** мохна-тенький и ***топает***.

Только при помощи звука неуловимая, невидимая и часто бесплотная нечистая сила обретает материальность существования в этом мире: иначе обнаружить нечистых просто невозможно. В быличке нечистая сила часто манифестируется посредством звука, который является для рассказчика безусловным доказательством наличия нечистой силы в «здесь-и-сейчас» ситуации.

Наиболее типичным звучанием нечистой силы в прикамской былички является шум ветра, звук вихря. Прежде всего ФС-сущность былички представлена на уровне символического образа, в котором предстает нечистая сила, передачи речи и действий нечистой силы.

Наиболее часто встречающийся образ нечистой силы в прикамской быличке – вихорь, вихрь, который налетает на человека с пугающими звуками: «***взззь***», «***крылом метет с дороги***», «гайками в шары – ***тики-тики-тики***»; ***взвих***; ***свись***.

Следует отметить, что «звучащая» природа этого образа представле-на и на имплицитном уровне: этимон имеет звукоизобразительное происхождение.

Вихрь, вихорь родственно *веха, вихлять* от и.-е. *uei- *uoi- «вертеться поворачи-ваться». От *вить*. Родственно *вехоть, вихлять, ветвь, витвина.* Ср.: словен. Zavit «нарезка», др.-инд. vayati «плетет, ткет» (Черных 1993, 1: 148,155; Фасмер 1: 324).

Фоносемантическая репрезентация коммуникативных кодов между мирами. Именно звук (голос) является тем знаком, который нарушает невидимую границу между человеческим и потусторонним миром, переводя обитателей этих миров из одного пространство в другое. В сущности только звук (голос) является тем коммуникативным кодом, который и обеспечивает общение и понимание представителей «того» и «этого» миров. Даже «видимость» нечистой силы для человека стано-вится реальной только при наличии коммуникативного акта, или наоборот, только при общении с человеком нечистые обретают видимый облик: так лесной показывается только тому, с кем говорит.

Характерно, что коммуникативные коды между мирами представлены как на уровне человеческой речи, так и природных и других звуков. Выход нечистой силы из небытия «того» мира репрезентируется сменой коммуникативных кодов, которые коррелируют с эволюцией человеческого языка: от жестового языка через звукоподражание и междометие к логическому языку. Степень приближенности к человеческой коммуникации адекватна степени близости общения между человеком и нечистыми.

Сначала общение представлено в виде действий и «звуковых» жестов: баран *бегает*, доски ***тар-тар-тар***, суседко *давит*, вихор гайками в шары ***тики-тики-тики***, девочка ***хыркает***, когда чертенок засел в горле, пурга ***закружилась*** и ***завыла***, суседко ***торк*** карты в руки и ***затопал, свись*** – дуга вылетела, лес ***шумит***, гроза ***гремит*** и пр. При неизбежности тесного и непосредственного общения двух миров в тексте былички появляется язык человека.

При помощи природных звучаний, криков животных и «заумной» междометной речи нечистая сила обычно предупреждает человека о своем присутствии, как бы предлагая человеку избежать контакта. Если человек не предпринимает никаких действий против нечистой силы, то обычно контакт с потусторонним миром прекращается без особого ущерба для человека.

Однако когда коммуникация неизбежна (обычно потому, что человек нарушает границу миров) - человек пытается противостоять нечистой силе, - то нечистая сила переходит на коммуникативный код, более понятный человеку. При этом выполнение всех условий, предложенных человеку при встрече с нечистой силой, также обусловливает безопасность человека. Однако если человек продолжает сопротивление (проще говоря, не понимает предлагаемого коммуникативного кода), то он подвергается наказанию.

Таким образом, можно говорить о том, что знание человеком ФС- кодов позволяет ему избежать столкновения с «тем» миром и обезопасить себя. Переход нечистых к человеческому языку означает, что человек нарушил границы миров, а потому за пределами «своего» мира должен играть по правилам, предлагаемым нечистыми.

Это еще раз подчеркивает неоднозначность коммуникации между двумя мирами: враждебность нечистой силой по отношению к человеку обусловлена не столько ее природой, сколько тем, что человек не хочет «услышать» этот другой мир, навязывая ему собственные каноны существования. Эволюция коммуникативных кодов от аномальных единиц к системной лексике обозначает переход от «нечеловеческого» к «человеческому» миру.

Характерно, что в тексте былички актуализируются два основных типа звучания: собственно человеческий голос и звук от различного вида ударов, которые соотносятся с архетипическими кодами, репрезентированными на уровне этимологической семантики.

Фоносемантическая репрезентация архетипа нечистой силы. Номинации нечистой силы, явлений и действий, связанных с ней, часто имеют звукоизобразительную природу.

Ср.: ***Черт*** < и.-е. *(s)ker- *(s)kor- “резать, обрезать, отсекать” (Черных 2:384). ***Колдун, колдовать*** < и.-е. *kel- *kol- «говорить, звать, кричать» (Шанский II, 8: 196-197; Фасмер II: 287-288). ***Порча*** < и.-е. *per- *por- “перемещать(ся), пронзать” (Черных 2:58-59). ***Нечистый, нечисть*** < *чистый* < и.-е. *skei- “резать, обрезать, отсекать ненужное” (Черных 2:391).

Таким образом, этимологически выделяется два исходных ЗИ-значения этимона: 1) «говорить, кричать, издавать звук» и 2) «разрезать, отсекать, пронзать». При этом значимым представляется то, что «голосовой» мотив относится к человеку, который общается с нечистой силой, а мотив «рассекания» - собственно к нечистой силе.

Этимологическое исходное значение вновь указывает на перемещение миров, их амбивалентность, поскольку сотворение мира Богом также связано с идеей «разрывания, рассечения, разрезания» или сотворения Мира словом.

Следует отметить, что именно табуированные названия нечистой силы (*леший, суседко*, *лесной, банник* и пр.) имеют внутреннюю форму, далекую от названных исходных значений.

Не случайно и то, что значение этимона коррелирует с семантикой действий и атрибутов, связанных с нечистой силой, которые представлены в тексте былички.

Фоносемантическая репрезентация функций и атрибутики нечистой силы. Звук удара и голос (слово) рассматриваются в мифологии как первопричины всего сущего. Ритуальное расчленение связано в языческой традиции с главным религиозным обрядом – жертвоприношением, которое предполагало ритуал отрубания, разрезания, протыкания, удара топором, ножом, рогом, копьем и т.п.

Однако этот же ритуал является «жертвоприношением» и нечистой силе, когда наведение порчи и установление коммуникации с другим миром связано с рассечением плоти или протыканием, ударом. При этом порча могла наводиться или связываться с говорением, голосом [51].

Фоносемантическая репрезентация защиты от нечистой силы. Одновременно с тем, что протыкание, расчленение, разрезание, отрубание или говорение являются типичным действиями нечистой силы против человека, эти же действия являются и типичными действиями человека против нечистой силы, что снова возвращает нас к идее амбивалентности мира, представленного в быличке [52].

Нож и другие металлические предметы в народной традиции – лучший оберег от нечистой силы (ср. также протыкание вампира осиновым колом), средство для снятия порчи и прерывания коммуникации с другим миром. В прикамской быличке средствами защиты от нечистой силы и

коммуникативным кодом с «тем» миром являются нож, вилы, медная пуля, ножницы, лом, топор, коса.

Исследование глубинной ФС-структуры текста былички подчерки-вает архаичную природу как самого жанра, так и текстовой семантики былички.

Поверхностная фоносемантическая структура. Поверхностная ФС структура текста былички представлена прежде всего на фоничес-ком, семантическом и структурно-синтаксическом уровне организации текстового пространства.

Фоническая организация текста былички представлена на уровне фоностилистических языковых средств, которые являются типичными для организации фонического пространства художественного текста.

Ср.: 1) ассонанс: *дуло туда сунул; Свадьбу тут одни собирали, а его видно чем-то пообидели; голосом говорит; Неделю не пили, не ели, Стояли в чисты елки выход не видели;* 2) аллитерация: *бара-бара, - говорит баран; вилы-то видел; вертит, трясет, кричит;* 3) редупликация: ***тар-тар-тар, топ-топ, тики-тики;*** 4) рифма: *Осиное жало, пчелиное **жало**, чтобы колдуну рот **зажало**; Едет бог по гнилой **границе** на железной **колеснице**, колесница **вертится**; Колдун, **колдуй** свой **х..й**; Не **колдуй**, а **п..здуй**;* 5) звуковая тавтология: ***тар-тар-тар*** *доски старгали;* ***топ-топ-топ топ****чик;* ***крестьяне крестятся;*** ***гроза*** *–* ***грянет*** *–* ***загремело*** *-* ***громыхнет;*** 6) паронимическая аттракция: ***гроб*** *–* ***горбунья;*** ***гармошка*** *заиграла;* ***втыкали в кал****; нечистая сила;* ***терпел*** *–* ***стреляют;*** 7) звукоподражания: ***бара-бара, о-о-о, а-а-а, тики-тики, свись, тар-тар-тар, топ-топ, взвих;*** 8) звуко-символизм: ***черт****, вихор,* ***нечисть***, где актуализируются «плохие», «агрессивные» звуки.

Структурно-синтаксическая организация текста былички. Кроме того, ФС-единицы в быличке выполняют функцию структурно-синтаксической организации текста, маркируя в текстовом пространстве завязку, кульминацию или эмоциональный пик рассказа. Менее актуальны ФС для экспозиции и развязки.

*Семантическая организация текста былички***.** Не менее важную роль играют ФС-единицы в организации семантической структуры тек-ста, являясь средствами создания семантической изотопии. «Сильные» позиции в тексте былички прежде всего репрезентируются на уровне ключевых слов, которые порой даже навязчиво повторяются в линейном пространстве текста.

Устная форма существования жанра былички обусловливает активность функционирования в ней аномальных «звуковых» форм (междометий, звукоподражаний, междометных и звукоподражательных предикативов и пр.).

Подобные единицы характерны для жанров, которые отличаются высоким эмоциональным напряжением текста. Именно эмоциональное «Я» рассказчика определяет степень насыщенности текста ФА, посколь-ку тексты быличек могут составлять значительный корпус слов всего текста или содержать лишь отдельные «вкрапления».

Характерно, что частотность ФА в тексте былички напрямую связана с прост-ранственно-временной структурой текста: чем дальше во времени и пространстве описываемое событие, тем меньше аномалий содержит текст.

Кроме того, на частотность этих единиц влияет степень личной причастности к событиям, происходящих в быличках: актуализация и повышение частотности ФА происходит в соответствии со шкалой «однажды/ давно это было/ еще до революции» - «один мужик/ люди рассказывал/ сказывали» - «мамка/ бабушка/ сестра/ соседка рассказывала» - «я».

Можно говорить о том, что степень «звучности» текста былички напрямую связана с личной причастностью к «здесь–и–теперь» переживанию эмоционального стресса от встречи с нечистой силой.

Таким образом, исследование ФС-организации текста былички позволяет считать ФС-единицы и приемы принципиально значимыми для данного жанра. Именно жанр былички обусловливает необходимость ФС-организации текста как на глубинном, так и на поверхностном уровне, что связано как с идиостилем и состоянием рассказчика, так и с генезисом жанра и его тематики.

Можно также предполагать, что глубинная ФС-структура текста, не поддающаяся рефлексии рассказчика, является тем лингвистическим источником, который позволяет обнаруживать архетипические семантические константы, утраченные в ходе языковой эволюции лексических единиц.

Исследование ФС-структуры былички позволяет говорить о том, что архаическая семантика текста не зависит (не изменяется и не утрачивается) от личной фантазии и лингвистических пристрастий рассказчика, что еще раз указывает на устойчивость и, следовательно, древнюю природу исследуемого жанра.

Все это, в свою очередь, позволяет предполагать, что единицы ФС-уровня языка являются тем коммуникативным кодом, который формировался в глубокой древности, являясь наиболее адекватным средством для эффективной коммуникации «того» и «этого» миров как в древности, так и сегодня.

Стилистическая фоносемантика

> В конечном счете любое лингвистическое описание, претендующее на максимальную адекватность, должно являться описанием стилистическим.
>
> Ю.М.Скребнев

Общие замечания. Необходимо говорить и о стилистической фоносемантике, которая ставит своей задачей исследование ЗИ в различных аспектах стилистики. Одним из направлений стилистической фоносемантики может являться стилистика ФС-единиц, которая бы устанавливала звукоизобразительные ресурсы и их стилистические возможности на всех языковых уровнях**.**

Сегодня можно говорить лишь о стилистике ФС-единиц в художественной речи (Казарин 2000; Журавлев 1974; Васнева, Шляхова 1996, 2001; Павловская 2001), однако эстетическое употребление единиц не определяет реальности языкового/ речевого стилистического контекста, хотя и опирается на него. Относительно стилистической характеристики единиц ФС-характера в других формах речи встречаются лишь отдельные замечания (Янко-Триницкая 1968; Скребнев 1975; Гридина 1996; Санников 1999).

Стилистические критерии идентификации ЗИ-слов. Стилистическая характеристика является важным критерием идентификации ЗИ-слов. *Стилистическая ограниченность* является характерной метой большинства ЗИ-слов, поскольку именно живая устная речь (а не литературный стандарт) не только сохраняет, но и активно использует слова с живой внутренней формой, которые обладают всевозможными коннотациями.

Ср., например: в нашем материале русских фреквентативов (около 800 лексем и ФА) 96% исследуемых слов являются стилистически маркированными.

Для русских артикуляторных ономатопов наиболее типичной являя-ется эмоционально-оценочная пейоративная коннотация (***хлебать, ры-гать, чавкать, выть, скулить, орать, вопить***), тогда как для акусти-ческих ономатопов эмоционально-оценочные коннотации возможны, но нетипичны (***хряснуть, долбить, бренчать***). Ономатопы говорения обычно также выражают в речи пейоративную оценку (***ляпнуть, баз-лать, горланить, шепелявить, зудеть, гундосить***). Эксперессивный компонент коннотации наиболее актуален для акустической ономатопеи (***шарахнуть, трахнуть, бабахнуть***); менее частотны экспрессивные коннотации в артикуляторных ономатопах и ономатопах говорения (Шляхова 1991).

На уровне фамильярной и арготической речи выделяются коннотации особого типа, которые восходят к народной эстетике «смехового» (Д.С.Лихачев) или «изнаночного» (М.М.Бахтин) мира. На уровне ономатопеи актуализируется «особая концепция тела – гротескный реализм, который искони был связан с материально-телесным низом и противопоставлен более поздней концепции «тела нового канона» (Бахтин 1965: 26). В говорах и устной речи города представлены и гротескное тело, и тело нового канона, тогда как в арго – только образ гротескного тела. Однако интересно, что ФС-номинации материально-телесного низа более акутальны для устной городской речи, а не для арго, которому обычно приписывают обостренное восприятие этой стороны жизни. Язык художественной литературы тяготеет к телу нового канона. В представлении физиологической жизни тела ономатопы выполняют амбивалентную функцию: репрезентируют в речи как гротескное тело, так и целомудренное восприятие материально-телесного низа (Шляхова 1991).

Стилистическая фоносемантика пока только оформляется в русистике, поэтому можно лишь констатировать необходимость развития подобных исследований.

Коммуникативная (функциональная) фоносемантика

> Разные формы существования языка, представляя собой варианты структурных возможностей этого языка, с объективно-лингвистической точки зрения не могут быть «правильными» или «неправильными», «образцовыми» или «смешными».
>
> *Н.Б.Мечковская*

Общие замечания. Коммуникативная, или функциональная, фоносе-мантика смыкается с функциональной стилистикой и социолингвисти-кой, ставя своей задачей соотношение текста с внетекстовыми (общеязыковыми, “кодовыми”, функциональными, коммуникативными) социально-коммуникативными подсистемами языка - литературный язык, просторечие, социальные и территориальные диалекты. Именно этот раздел фоносемантики в русистике представлен не монографии-ческими исследованиями, а отдельными аспектами (Добровольский 1894; Шляхова 1991а; 1991б; 1998; 1999) или замечаниями в рамках общего исследования (Германович 1961, 1966; Карпухин 1979).

Общеизвестно, что многие ЗИ-слова имеют народный источник происхождения (изначально диалектный), поэтому именно говоры являю-ются *богатейшим материалом для исследования*. Метафори-ческие сдвиги и переосмысления слов в диалектах надо рассматривать как первичные, исконные, а их употребление в литературном стандарте – как вторичные.

Устная речь, в том числе просторечие и устно-разговорные формы литературного языка, обычно характеризуются спонтанностью, неподготовленностью, что способствует *частотности употребления ЗИ-слов.*

Большинство русских ЗИ-единиц коннотативно маркированы и в силу своей семантической "прозрачности" легко проникают из одной функциональной страты в другую, поэтому субстандарт тоже пред-ставляет интересный материал для исследования, т.к. социолекты высту-пают как особо экспрессивный способ переосмысления общепринятого в национальном языке.

Необходимость функционально-стилистического подхода в фоносемантике обусловлена не только спецификой функционирования ЗИ-слов (ориентация на живую речь), но и возможностью более *полного и широкого охвата их семантики*, что позволит подойти к адекватному пониманию ФС-механизмов в языке как системного явления.

Функциональные критерии идентификации ЗИ слов. Функциональные критерии также лежат в комплексе факторов, способствующих идентификации ЗИ-слова.

Исследование функционально-стилистического употребления (арго, диалекты, жаргоны, литературный стандарт) позволяют проследить различные варианты *развертывания семантических связей.*

Ср.: корень ***бот-*** представлен в говорах ***ботать*** "ударять, стучать", "***бот***", "***ботало***", "***ботник***", "***боталы*** ", "***буталы***", ***буткотня*** "шум, стук" и др. В литературном стандарте – ***бодать***. А на уровне арго и сленга представлены значения "волосы" – ***ботва***, "еда" - ***ботало***, "говорить" – ***ботать.*** Семантический цикл, описанный еще **Р.Якобсоном**, "бить > деторождение > птица " в литературном языке представлен только значением "птица" – ***курица***; материально – телесное значение фиксируется в арго – ***курва*** "проститутка, сожительница", ***курица*** "жена сотрудника ИТУ", ***курка*** "жертва насильника" и в говорах ***курвач*** "незаконнорожденный". Корень ***дыр-*** в литературном стандарте представлен в значении ***дыра*** "отверстие, скважина"; в говорах ***дырка*** (***дирка***) "о поспешном бегстве от кого-либо"; а на уровне арго и сленга ***дырка*** "женщина", "расстрел", ***дырокол*** "пистолет", ***дыр*** "наркотик": таким образом можно проследить семантические связи "дыра, отверстие – бежать, дорога – женщина – зло, смерть".

Более того, ранее утраченные ЗИ-слова способны "возрождаться" и органично существовать в современной устной речи и других коммуникативных системах.

Ср.: "возрождение" в современных музыкальных поп- и рок-текстах ФА, функционирующих в фольклорной зауми и живой народной речи: ***тара-ра-ра, ла-ла-ла*** (Ва-банкъ); ***ой-йо, ах-ах, чух-чух, ох*** (Б.Гребенщиков); ***ой-йо, о-о-о, бип-па-па, па-па-па***, ***таб-табу-ду*** (Чайф);

о, эй, о-ё-ё-ё-ёй, я-я-я-ай, ха-ха, ох-хо-хо (ДДТ); ***ой, о-о-о,ох*** (Чиж и К); ***эге-гей*** (Агата Кристи); ***о-о-о*** (Наутилус); ***а-а-а*** (В.Цой); ***ша-ша-ша, па-па-па-пам, е-е-е, ла-ла-ла, на-на-на, ху-ху, ху-ха*** (Любэ); ***о-о-о, ла-ла-ла, эй, па-па-па-пам, на-на-на, я-и-я*** (Линда***); па-па-пади-пап, уля-уля, у-хо-хо, быр-быр-брр, там-тарам, а-а-а*** (Иванушки International); ***тум-бам-бам-ба*** (Л.Агутин); ***ой-ё-ёй*** (Дюна); ***тари-рари-рам, ла-ла-ла, ля-ля-ля (***Руки вверх); ***парум-пару-па-па-па, тук-тук*** (А.Апина); ***шики вагу*** (Чай вдвоем) и др. Ср. также в рекламе: Галина Бланка – ***буль-буль, буль-буль***!; в рекламе Микояновского комбината: ***Ням-ням!***

При этом следует исследовать не только традиционно “положительный” для русистики языковой материал (территориальные диалекты, русская разговорная речь, просторечие), но и то, что не являлось актуальным для изучения (криминальная речь, инвектива, молодежные сленги “отрицательного” свойства, например, панков или членов РНЕ), поскольку именно здесь сохраняются не только архаичные слова и значения, но и древние ритуальные рудименты.

Ср., например: большое количество ЗИ слов воровского жаргона восходят либо к языку ремесленников-отходников, которые в свою очередь связаны с территориальными диалектами, либо к живой устной речи: ***мазурик*** < ***мазыка*** “офеня, торговец-ходебщик” < ***мазать*** “рисовать”; ***бабки*** “деньги” < *бабки* “русский вариант игры в кости”; ***расколоться*** “начать давать правдивые показания на допросе” < ***колоть***; ***брать на пушку*** “блефовать”< ***лить пушку*** “врать, обманывать” < ***лить колокола*** “хвастливо лгать, рассказывать культура что-либо неправдоподобное” (Грачев, Мокиенко 1999: 28, 114, 142, 144).

Ср. также семиосферу панков, где актуализировано карнавально-площадное начало, сохраняющее архаичную сакральность: неизменные символы и атрибуты панков - булавка, яркая раскраска, особая невербалика (кукиш, раскрытый рот с высунутым языком, “коза”, перевернутые вверх ногами официальные символы, непристойные позы), отвратительные (часто восходящие к хтоническим существам) клички (Крыса, Червяк, Жаба, Свинья, Гной, Свищ) (Запесоцкий, Файн 1990). Одна из самых веселых игр в среде панков - “игра в веснушки” (забрызгивание фекалиями), сохраняющая древнюю семантику, когда в сознании древних кал тесно связан с возрождением и обновлением (культ плодородия) и играет особую роль в преодолении страха (ср. “мотив Мальбрука”, жарг. ***бздеть*** “бояться”). Ср. также актуализация свастики (архаичный солнцеворот) в эстетике РНЕ и декларирование “исконно русского”.

Функциональная характеристика русской ономатопеи. Современный период развития языка отличается постепенным сближением устных форм различных вариантов общенационального языка, что ярко проявляется на уровне ономатопеи.

Исследование функциональных характеристик ономатопеи (Шляхова 1991) проводилось на материале территориальных диалектов (1500 ед.), устной речи города (1000 ед.), арготической речи (400 ед.), языка художественной литературы (проза – 1000 ед.; поэзия – 800 ед.).

Все выделенные типы *акустических ономатопов* представлены в говорах, устной речи города (17 типов). В прозаической речи пред-ставлено – 16 типов, в поэзии – 15 типов, в арго – всего 7. Характерно, что отсутствующие в арго типы ономатопов (3, 4, 6, 7, 10, 15, 16) в других языковых вариантах представлены единично. В нашем материале арго не обнаружено специфических акустических ономатопов: все арготические ономатопы характерны для говоров и устной речи города.

Артикуляторная ономатопея представлена в русском языке 33 типами, но незначительно во всех вариантах речи; в арго встречаются лишь единичные артикуляторные ономатопы.

Ономатопы говорения представлены в составе всех социально-функциональных разновидностей речи. Особенно разнообразна номинация быстрой речи, ворчания, пустой болтовни и речи, содержащей обман; незначительны номинации шепелявости, заикания, недовольной речи и говорения на непонятном языке. В арго не выделяется специфических номинаций, однако актуализирована семантика обмана.

Во всех социально-функциональных разновидностях речи наблюдаются многочисленные синонимические ряды с наибольшим количеством членов ряда – в говорах. Д.К.Зеленин в 1903 г. зафиксировал в говорах Вятской губернии 46 стилистических синонимов глагола *ударить* и 15 синонимов глагола *говорить*, однако в нашем материале эти цифры возрастают (см. табл. 14).

Таблица 14

Разновид-ности речи	**Значение «ударить» выражено**			**Значение «говорить» выражено**		
	глаголом	ФА	всего	глаголом	ФА	всего
Говоры	55	32	**87**	124	20	**144**
Речь города	38	25	**63**	67	16	**83**
Арго	6	1	**7**	20	2	**22**

В составе всех социально-функциональных разновидностей речи ономатопы выступают в эмотивной, фатическкой, магической, метаязыковой и эстетической функциях. Интересно соотношение доминирования различных групп ономатопов в сфере словесно-художественного творчества: в языке художественной литературы акустические и артикуляторные ономатопы и ономатопы говорения представлены наиболее разнообразно и частотно; в фольклоре по частотности доминируют акустические ономатопы, значительно реже представлены артикуляторные ономатопы и ономатопы говорения; в арготической литературе наиболее частотны артикуляторные ономатопы, а

ономатопы говорения и акустические ономатопы представлены единично (Шляхова 1991).

Коммуникативная (функциональная) фоносемантика – раздел русистики, который пока не оформился как самостоятельный, но значимость развития подобных исследований очевидна.

Фоносемантика в Интернете. О росте популярности фоносеман-тики говорит в том числе и актуализированность материалов по фоносемантике в Интернете.

Русские сайты предлагают не только материалы научных конферен-ций по фоносемантике, но и разного рода имитации научного дискурса, опирающихся на классические фоносемантические работы.

Ср., например, громко-научное название работы «Теория компьютерного фоносематического анализа», где по методике А.П.Журавлева проводится анализ интернетных ников (http://rdv.newmail.ru/teor.htm).

Практически в любом офисе имеется компьютерная программа, основанная также на методике А.П.Журавлева, так называемая «igName 0.3 Справочник. Имена: Происхождение, значение. Число имени. Психоэмоциональное восприятие имени». Но существует эта программа под авторским знаком: © IGOR Kisselev. 1999.

Наибольшее число отсылок приходится на исследования А.П.Журав-лева, что отражает тенденцию не только существования фоносемантики в научно-популярном дискурсе, но и собственно научном, поскольку научные исследования также наиболее часто используют для фоносе-мантического анализа методику А.П.Журавлева.

Так, например, на сайте Speaking In Tongues можно найти исследование в рамках графофоносемантики (Бубнов: htth://spintongues.msk.ru/Boobnov01.htm), также опирающееся на методику А.Журавлева.

Материалы, размешенные в пространстве Рунета, наиболее часто обращаются к фоносемантике художественного текста, к явлению синестезии, а также к психолингвистической фоносемантики.

Так, большое количество работ посвящено исследованию синестезии в поэзии А.Белого, В.Набокова (Прокофьева: htth://hdub.stuster.sgu.ru/lingvistics//16-18html), М.Цветаевой, К.Бальмонта (Галлеев; Абдуллин: htth://promethtus.rfi.ru) или фоносе-мантической поэзии А.Горнона (Березовчук: htth://lingvolab.chat.ru/library/ suggestia.htm).

Отдельный сайт имеет и программа ВААЛ, о которой говорилось выше, где можно найти свежие материалы по анализу (в том числе и фоносемантическому) СМИ. Так, на сайте можно найти информацию о специфике данной программы (в сравнении с программой *Диатон*), об ее

уникальности: Программа *Диатон* создана в начале 90-х группой энтузиастов из г.Перми. Руководит группой И.Ю.Черепанова. В *Диатоне* реализованы результаты А.П.Журавлева по фоносемантике русского языка, то же самое реализовано в модулях ФС-анализа ВААЛА.

В то же время можно сказать, что развитие ВААЛА с самого начала пошло даль-ше: разработчики программы не стали ограничиваться фоносемантикой, а начали анализировать тексты и на уровне их лексического состава. В конце концов это по-зволило интегрировать в ВААЛ-2000 контент-анализ текстов с их психиатрическим, мотивационным и НЛП-анализом.

Последняя версия появилась весной 2000 года. Модернизация версии происходит постоянно. Последнее обновление коснулось некоторых категорий и модуля автоматической категоризации текста. Вместе с тем уже можно говорить о ВААЛ-технологиях, применимость которых гораздо шире области применения системы ВААЛ. Именно поэтому началась разработка серии программ для мониторинга и контент-анализа сверхбольших объемов информации. Конечной целью является разработка методики и создание программного обеспечения для выполнения непрерывного ежедневного мониторинга в реальном времени электронных (ТВ, радио, Интернет) и печатных СМИ России (www.vaal.ru).

Можно говорить о том, что популярность фоносемантики обусловлена возможностью её практического применения, что показывают и материалы Интернета, где много фоносемантических заметок связаны с проблемами маркетинга и рекламы.

Заключение

Анализ литературы, посвященной ЗИ, приводит к выводу о том, что в области изучения этого явления сделано немало. В разработке теории ЗИ имеются неоспоримые достижения: собран обширный фактический материал из самых различных языков мира; разработана объективная универсальная классификация ЗИ-слов при четком разграничении ЗП- и ЗС-лексики; успешно ведется изучение ЗИ с позиций поэтики, психолингвистики, этимологии, психологии, этологии и пр. Эти исследования позволяют переместиться из области субъективных и интуитивных догадок в область научных фактов.

Фоносемантические подходы к языку определяют новые теорети-ческие принципы. Один из основных принципов лингвистики XX в., выдвинутый Ф.де Соссюром, о произвольности, немотивированности языкового знака подвергнут основательной критике в многочисленных фоносемантических исследованиях последних десятилетий. Современная фоносемантика выдвигает новый лингвосемиотический принцип: языковой знак и не–произволен и произволен (Воронин 1999). Фоносемантические исследования (особенно в области фоносемантичес-кой этимологии)

позволяют говорить о действительном господстве бинарного принципа над унитарным (языковой знак произволен).

Безусловно, существует и русская фоносемантика. Существует давно и достигла уже многого, однако еще большее предстоит сделать. Фоносемантика как самостоятельная языковедческая дисциплина становилась в рамках русской лингвистической мысли.

Долгая история развития фоносемантики свидетельствует о том, что русская мысль всегда внимательно относилась к соотношению означаемого и означающего. Характерно, что именно фоносемантически ориентированные работы получили меньшую популярность и были наиболее критикуемы современниками.

Однако даже те, кто категорично относится к этому вопросу, не могут не признавать, что в русистике категорическое “этого не может быть, потому что этого не может быть никогда” сменяется сомневающимся “в этом что-то есть”. Безуслов-но, утверждаемые фоносемантикой положения перейдут на уровень удивленно-недоумевающего “а как же иначе?” для того, чтобы через Время снова указать на архаичность подобного подхода к языку: “Каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет. Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры; всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые “вопросы”, оно по своему существу желает быть превзойденным” (Вебер 1991: 133).

Вопросы мотивированности языкового знака решались не только в тиши научных кабинетов, но и на уровне наивного сознания в языковой рефлексии этноса. Еще более активно, даже “агрессивно”, решалась эта проблема в художественной практике.

Более того, лингвистическая проблема в истории русского общества часто выходила за пределы языкового сознания, становясь мощным фактором социального переустройства общества, “переделки” мышле-ния и бытия, приводящей к серьезным политическим, философским, эти-ческим, моральным проблемам.

Шаг за шагом русская лингвистическая мысль продвигалась к тому, чтобы бросить вызов, казалось бы, незыблемому принципу о произволь-ности языкового знака. Вызов брошен, однако многое еще предстоит доказывать.

Эта работа - попытка показать определенную (хотя и весьма неполную) систему фоносемантических подходов к изучению языка в русистике. Некоторые разделы фоносемантики представлены и интер-претированы более подробно, другие - лишь обозначены. Однако это отражает не столько “неразвитость” этих подходов в русистике, сколько является лишь

иллюстрацией к известному афоризму о невозможности “объять необъятное”.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто прочитал эту книгу до выхода в свет, за замечания, предложения, уточнения, – профессорам Ю.А.Левиц-кому, И.А.Подюкову, Т.И.Ерофеевой, доцентам Т.И.Доценко, Е.В.Ерофеевой.

И отдельное спасибо студентам У.Хитренко, Н.Воложаниновой, Д.Пачулия, В.Масалкиной, О.Марковой, А.Катаевой, Е.Воробьевой, Л.Субботиной, К.Горде-евой, Т.Егоровой, без которых эта книга не могла бы состояться в таком виде.

Понятно, что данное издание не избежало некоторых погрешностей, неточностей, может быть, даже ошибочных утверждений, а потому автор с благодарностью примет любые критические замечания в свой адрес (www.shlyah@mail.ru).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интересную “фоносемантическую” характеристику русского языка дает философ И.А.Ильин, где совершенно органично “переплетаются” биосфера, фоносфера и семиосфера: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий *язык*. В нем вся она, - наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен все выразить, изобразить и передать.

В нем гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клекот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нем - вся поющая *русская душа*: эхо мира, и стон человеческий, и зерцало божественных видений...

Пока звучит он, в своей неописуемой музыкальности, в своей открытой четкой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своем целомудрии, в своей кованости и ритмической гибкости, - кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что срыто за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, - то водворяется молчание, насыщенное высказанными невысказанностями...

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов...”

[2] Ср. например: шестилетняя девочка (записано в 2001 году) рассуждает: “ Я знаю язык котов, солнца, скуки и грусти. Почему я понимаю солнце? Я верю в язык солнца, или хорошо молюсь, или это божий дар. Короче, я не знаю, почему я понимаю язык солнца, наверное, это я так и родилась. Не знаю, как-то сама узнала, это у меня с самого детства.

- А как ты узнала, что понимаешь язык солнца?

- Я почувствовала, что ко мне в голову пролился поток знаний; в голове было просторно, а потом стало много мыслей, и я это почувствовала. Ну, вот наконец-то я узнала, почему я понимаю язык солнца: наверное, я очень умная. Ну, я думаю, что я

очень хорошо себя вела, когда была лялькой, и это мне наградой явилось. Когда я выглядываю в окно, солнце мне говорит: “Привет, Поля, хэллоу!”.

- А почему ты уверена, что солнце именно это тебе говорит?

- Сердце подсказывает, душа помогает сердцу; я такая искренняя. Бог мне подарил такую штуку - понимать солнце, потому что я хорошо себя вела. Душа передает сердцу этот поток знаний, а сердце передает рукам (складывает ладошки в “ковшичек”), а руки - мозгу (“опрокидывает ковшичек” на голову); и я все понимаю.

- А на каком языке говорит солнце?

- На русском. Солнце же оно русское. Когда в Англии, то английское. Солнце же оно русское. Когда в Англии, то английское. Солнце обладает всеми языками. Язык солнца искренний, как будто в тебя наливается лето. Душа передает сердцу, а сердце передает мне. Я думаю, месяц и луна – муж и жена, а солнце – мужчина, нет… нет… Ну, не знаю, нет… солнце – женщина, потому что только женщина может быть такой теплой и ласковой (прижимается к маме, показывая)”.

В славянском фольклоре солнце может персонифицироваться как в женском, так и в мужском образе, которое предстает в поверьях как разумное и совершенное существо и либо само является божеством, либо выполняет Божью волю. В песнях и причитания XIX в. солнце - родственник или просто любимый человек (СМ: 361).

[3] Ср. определение основных разделов фоносемантики у Ю.Казарина: функциональная фоносемантика (лингвоаспект); историческая фоносемантика (этимологический аспект); компаративная фоносемантика (сравнительный аспект); социофоносемантика (социолингвистический аспект); психофоносемантика (психолингвистический аспект); эстетическая фоносемантика (культурологический аспект). При этом в рамках лингвофоносемантики (собственно фоносемантики) рассматриваются воп-росы общей теории фоносемантики и этимологической фоносемантики, в рамках социофоносемантики - психолингвистическая фоносемантика (психофоносемантика: колористическое и ассоциативное значение звуков), фоносемантика текста и фоносемантика художественного текста (текстофоносемантика) (Казарин 2000: 17).

[4] Ср., например, в учебнике «Введение в языкознание»: «Сама по себе материальная оболочка знака в большинстве случаев не имеет ничего общего с тем, что этот знак обозначает» (Глинских, Петрова 1998: 64). А.Соломоник пишет: “Даже ономатопея, главный аргумент в пользу “естественной” связи между словом и обозначаемым, как еще указывал Аристотель, говорит фактически в пользу произвольности слов как знаков. Если бы ономатопеи имели обязательную, а не произвольную связь с обозначаемым, они были бы одинаковы для всех языков. В действительности они отличаются друг от друга и иногда весьма резко, как знает каждый сведущий лингвист. Да и не лингвист может легко проверить это обстоятельство, сравнив мяуканье, лай, хрюканье и другие ономатопеи в известных ему языках “(Соломоник 1995: 17). Н.Д.Арутюнова все концептуальные положения теории фоносемантики сводит к универсальности “криков беспокойства” и “криков удивления” младенцев и многочисленным примерам звукоподражаний и звукосим-волизма в работах А.М.Газова-Гинзберга и С.В.Воронина (Арутюнова 2000: 9).

Подобное положение дел отмечается в энциклопедии “Русский язык”(1997), где не различаются (на уровне иллюстраций) ономатопеи и звукосимволические слова, понятие звукосимволизма не представлено вообще, отмечается лишь факт наличия аллитерации и ассонанса в художественном тексте. Еще Б.Эйхенбаум писал, что наличие в стихе звуковой системы несомненен, “но истолкование его обычно остается в плоскости самой примитивной звукоподражательной интерпретации” (Эйхенбаум 1986: 413).

Исключением в этом ряду можно считать исследование Ю.Казарина, где представлены: “вопрос о статусе фонетических единиц”, “основные направления фоносемантических исследований”, “социофоносемантика: основные положения”, “психофоносемантика: колористическое и ассоциативное значения звуков”, “текстофоносемантика: объект и предмет изучения”, “фоносемантические явления в поэтическом тексте: анаграмма”, “фонетическая картина мира: постановка проблемы” и др. Здесь же делается попытка преодоления недостатков, на которые указывал Б.Эйхенбаум (Казарин 2000).

[5] Ср. ЗИ-мотивированность лексем, связанных с семантикой времени.

Русское ***время*** обычно связывают с ***вертеть*** < и.-е. *vertmen/ *vermen сюда же ***верея, вериги, вервь, ворот, ворота, верать, вереница, вор, веретея, веретено, ворок, ворон, верста, вертел, вертеп, верба, верета, веревка, варовина, вороба, вертеть, вращять, верстак, поворот, сверстник, воронка, створка, затвор, творить, вереница, веревка*** и др. (Шанский, 1:194, 65, 59, 168, 54, 67, 66, 56, 64, 63, 65, 167, 168, 193, 218, 220; Фасмер, 1:397,293,350, 353,273, 354, 301, 299, 298, 297, 295, 275, 294, 351). Таким образом, среди этимологически родственных слов есть слова, которые не связаны с семантикой верчения, но все они восходят к и.-е. корню *uert-, представляющему распространение корня *uer-. При этом значение корня и-е *uer- разнообразны (Маковский 1999:314), среди которых имеются и звукоизобрази-тельные значения: 1) *uer- *«издавать звуки; говорить»;* в нашем материале - ***врать, вирать, вирзать, верзить, верзти*** «лгать, обманывать»; ***верзить, верзти*** «лгать, обманывать словаим, облыжничать, говорить неправду; пустословить молоть языком; хвастать»; 2) *uer- *«резать, гнуть»;* в нашем материале - ***ворот*** «поворот реки, излучина, изгиб»; ***вержа*** «круговые волны от брошенного в воду камня»; ***поворот*** (дороги); 3) *uer- *«бить, молотить».* Ср. рус. ***вершить*** «молотить с помощью лошадей» (Маковский 1999: 407); в нашем материале - ***верать*** «толкать, ударять резкими движениями кого-л.». В нашем материале сохраняются следы более старших - безусловно звукоизобразительных - значений корня *uer-, к которому восходит корень и.-е. *vertmen/ *vermen. Таким образом, можно выдвинуть предположение о примарной мотивированности слова ***время***.

Английское **time** «время» < и-е. *tem- «stretch». Англ. time соотносится с лат. stimulus «шест, стрекало»: речь идет о «Мировом дереве», являвшемся олицетворением Вселенной, т.е. Божественной вечности (столб как олицетворение Божества, т.е. вечности). Вместе с тем следует принять во внимание и-е *te(m) bh- представленное в др.-англ. tiber «жертвоприношение»: речь идет о жертвоприношении как приобщении к божественной вечности. *С другой стороны, ср. тох. А tam «рожать, творить»; и-е *tem- «разрывать», гот. Timrjan «строить, укреплять»* (Маковский 2000: 375). Таким образом, английское время в этимологии содержит ЗИ-мотивировку.

Русское ***неделя***. Укр. неділя (обычно тиждень; ср.бир.тыдзень), недільний; болг. неделя (чаще седменда); с.-хорв.неделя – «неделя» (в этом значении и седмица) и «воскресеное»; словен. tedeljski. – «воскресный»; чеш. tedele – «воскресенье», иногда «неделя» (обычно, неделя – tyden), hedelni – «воскресный»; чеш.nedele – «воскресенье», иногда «неделя»; словац. nedel a – «воскресенье»; польск. tadzeela – «воскресенье»; в. – лут. – njedzela – «воскресенье» (но мн. tjedzele – также «неделя» - tydzen); н. – луж. njezela – «воскресенье» (Черных 1:566). Старшее значение «день неделания (отдыха)», «воскресение». Сложное из не- и дЬл- (от дЬло, дЬлати). Новообразование эпохи христианизации славян. Как иногда полагают, м.б. калька с греческого απραχτος - «бездействующий», «бездеятельный», «нерабочий» день. Но, вообще говоря, предполагать в данном случае калькирование не имеется серьезного основания. Сущ. *воскресенье* сначала значило «пасхальное воскресенье», а значение «неделя»

выражалось (у православных христиан) словом седмица (Черных 1: 566). *Таким образом,* ***неделя*** *соотносится с* ***делать****, старшими значениями которого были и «делать», и «трогать», и «говорить».* Следовательно, можно предполагать ЗИ-характер этого слова, хотя для этого необходима более глубокая аргументация.

Английское **week** «неделя». Неделя в древности понималась как один из циклов божественного творения: ср. литовск. Veikti «machen, tun, austuhren». Схема недели соотноситься со схемой семи направлений пространства: шесть дней недели соотносятся с шестью днями божественного творения (ср. и-е *uer-«шесть»), тогда как центр в качестве неизменного среднего соответствует дню отдыха. *Ср. в связи с этим гот. Wiko "Ondnung, Reibentolge"; лат. vicis "chande", др.-в-нем. Wehsal "chande" – Символом творения у язычников считалось расчленение (ср. тох. A B wak "se tendre, se briser"), причем первотворением считалось слово (ср. тох. A wak «голос»)* (Маковский 2000: 391). Можно говорить о том, что английское *week* содержит в развитии своей семантической истории ЗИ-мотивы.

Сутки. Укр. обычно доба, но встречаются и сутки; блр. суткі, сутачны. (Черных 2:219). О. – с. корень *tъk – (см. ткать, тыкать); су – (< о. – с. *SQ-) – приставка, обозначившая соединение, сближение. Т.о., *sotъkъ могло значить «стык», «стече-ние» и т.п. Ср. др.-рус. (с XVI в.) сутки (< * СУТЪКЫ < * SqtЪCi) – «слияние», «место, где сходятся границы» (Черных 2:219). ***Тыкать*** *соотносится с и.-е. *(s)teuk-/ *(s)touk- "тыкать, толкать, отбивать, ударять*" (Черных 2: 246). *Родственными являются также* ***стук*** *и* ***стучать*****.** Следовательно, слово *сутки* является звукоизобразительным.

Час. Укр. час – «время», «пора», часовйй – «временной»; блр.час – «время», «пора», часовы – «временной»; болг.час, часов; с. – хорв.час – перв 1 знач; также «миг», «мгновенье»; словен.cas – «время», «пора», также «погода», casovy – «временной», «связанный со временем», «своевременный», casny – «временный», «преходящий», «ранний»; польск. czas – «время», «пора»(«час в 1 знач» - qodzina), czasowy – «временный», преходящий, «кратковременный»; в. – луж.cos, casny (знач. – как в в. – луж.) (Черных 2:375). О.- с. * časъ [< и. – е. * kēsos(?)]. И.– е. основа *kē – с расширением -s -, по-видимому, от корня *kēi (:*ki-) «быть в движении», «приводить в движение», «двигаться», с отпавшим –i-, (Черных 2:375). *Слово* ***час*** *также возводят к и.-е. *kes- /*kos- «рубить, ударять»* (Маковский 1996). *П.Я.Черных выражает сомнение по поводу этой этимологии, однако считает ближайшим и бесспорным родством алб. Kohë < и.-е. *kēsā «время, отрезок времени, погода, время года»* (Черных 2:375). *Таким образом, буквально* ***час*** *– «отрезанный от суток», «разрезающий время», «отрезающий срок».* Следовательно, можно говорить о примарной мотивированности слова *час***.**

Секунда. Укр. *секунда*; блр. *секунда*; болг. *секунда, секунден*; с.–хорв. *секунд*, м., *секунда*, ж; словен. *sehunda*; чеш. *sekunda* (но чаще *vterina*, откуда *vterinovy* – «секундный»); польск. *sekunda, sekundowu*. Из западноевропейских языков. Ср. франц. second – мж. Ср. нем. Se kunde – секунда». Восходит к среднев. лат. выражению pars minuta sekunda – «вторая малая часть (часа)» [в отличие от pars minuta prima – «первая малая часть (часа)»] (Черных 2:151). См**.: *минута*.**

Минута. Укр. минута (редко; чаще хвилина), минутний; блр.мінута, минутен; с.-хорв. минут; словен. minuta; чеш. minuta, minutowy. (Черных 1:534). Ср. франц. minute, f.; нем. Minute, f.; англ. minute; им., исп. minuto. Первоисточник – лат. minutus, м., minuta, f. – «маленький», «мелкий», первоначально – прич. прош. врем. *от глаг. minuo – «разбиваю на мелкие части» «уменьшаю»,* ср. также minutia – «мелочь», но непосредственно восходит к среднев. лат. pars minuta prima – «первая малая часть (часа)» [в отличие от pars minuta sekunda – «вторая малая часть (часа)» (Черных 1:534).

Семитское **hjj** «жить» и «время, вечность» происходит от звукоизображения дыхания (Газов-Гинзберг 296, 1835, с 450, 467). Как отмечает А.М.Газов-Гинзберг, *араб.*

Whuh, «дышать теплом» проливает свет на происхождение семит. hww/hjj. основанием для указанного здесь предположения служили библейское выражение «дух жизни (hajjim) в ноздрях» и развитие слов для понятия «жизнь» в других языках (Газов-Гинзберг 1965: 450, 467)

Готское **aiws «**время, вечность**»** восходит к и.-е. *heiu «жизненная сила»; ср.: др.-инд. ayu – «жизнь», ayus «жизненная сила» гр. liwv «продолжительность времени; вечность», лат. aevum «век, вечность», *тохар. А. аут «дух»*. Абстрактные и.-е. лексе-мы ничего не говорят о возможной первоначальной связи между звуком и значении-ем. *Однако ряд семитских праформ с конкретной семантикой заставляют предпо-лагать дескриптивную природу ностратических (ḥaju «жить, жизненная сила») лексем: беджа ḥāj «жить, быть здоровым», а также, несомненно, дескриптивное копт. Ōneh «жить < дышать». Предположение о том, что семитский корень Ḥjj «жить» происходит от звукоизображения дыхания, высказывалось уже давно* (Воронин 1982: 296; Газов-Гинзберг 1965: 127).

6 Безусловно, мифология входит в семиосферу, однако в мифологическом мире происходит отождествление названия и называемого, их отприродной связи, что приводит к представлению о неконвенциональности собственных имен. Нарицательное наименование предмета в мифологии часто является одновременно и его индивидуальным именем. «Отсюда мифологическое сознание может осмысляться с позиций развития семиозиса как *асемиотическое*» (Лотман 1: 62).

7 Неприятие нового знака является традиционным для русской семиосферы. Характерно, что традиционно все пространство в древнерусской культуре делится на чистое и нечистое, когда пребывание в чистом пространстве является признаком святости. Россия традиционно воспринималась как святая (resp. чистая) земля (ср. самоназвание Святая Русь), а простые жители этой земли назывались крестьяне (resp. христиане). Тогда как не только “иноверцы”, но и христиане “чужеземцы” из “заморских” (resp. потусторонних, находящихся за водой) воспринимаются как нечистые. Ср., например, в XVI-XVII вв. ритуальное омовение руки царем или вели-ким князем после того, как к ней приложатся иностранные послы; при этом целовать руку позволялось только христианам, мусульмане же к руке вообще не допускались. Однако противопоставление “чистого” и “нечистого” восходит к архаическому (до-христианскому) противопоставлению “своего” и “чужого” (Герберштейн 1988: 213; Олеарий 1906: 36-37; Успенский 1994, I: 276-279). Следовательно, введение “чужо-го” семиотического знака воспринимается как опрокидывание в пространство “нечистого”.

Характерно, что подобная архаичная оппозиция “свое - чужое” существует и в современном дискурсе: ср., например, устойчивые сочетания *и нашим и вашим, наши победили, наша взяла, свое не пахнет*; необычайный успех ставших культовыми фильмов “Брат” и “Брат 2”, где русский асоциальный тип (resp. бандит) воспринимается как праведный герой, несущий истину и справедливость (resp. чистоту, святость), при этом все американское, да и любое нерусское - “неправиль-ное”. Таким образом, явно прослеживается тенденция отрицания «чужой» семио-сферы и её знаков.

8 Подобное противостояние выражается и в пространственной (территориаль-ной) и бытовой сферах. Известно, что и сегодня старообрядцы сосредоточены в ограниченных ареалах обитания, отличаются особой консервативностью в сохране-нии традиций (особенно за пределами русскоязычного мира). Наши наблюдения за жизнью и бытом старообрядцев на территории Прикамья показывают, что на уровне “наивного” (бытового) сознания происходит четкое разграничение семиосферы “новой” и “старой” веры, включенности/ невключенности в “нашу” веру.

У старообрядцев-«часовенников» до сих пор (наблюдения 2001 г. в с. Кын Перм-ской области) используется общая чашка для людей одной веры (даже незнакомых), но

отдельная - для “не принявших молитву” после родов, во время “женских” дней и пр. Моя бабушка Александра Фокеевна Сторожева была известна в мире фольклористов Перми, Москвы, Санкт-Петербурга как “источник” весьма нетривиальных фольклорных текстов, что и послужило ее известности и сделало героиней документального фильма “Песни села Усть-Уролки” (Пермьтелефильм, 1993 г.). Все фольклорные и диалектологические экспедиции, посещавшие ее, оставались довольны богатым материалом, но когда я попросила ее спеть мне то, чего она никогда не пела другим, то услышала довольно много духовных стихов - жанр, который распространен не везде, а преимущественно на территории Урала и Сибири (дело было в 90-е гг. XX в.). На вопрос, почему она это не пела другим, бабушка категорично ответила: “Не нашей веры, неправильные”, что показывает, что введение в семиосферу “нашей веры” возможно только при условии изначального, “отприродного” существования в ней.

[9] Переименования затрагивают все сферы существования общества, прежде всего социальную. “Хотя прежние ***дьяки***, ***окольничьи***, ***воеводы*** влачат еще свое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь *администратор, актуариус, асессор, ауди-тор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ланд-гевдинг, маклер, министр, полицмейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные *особы*, во главе которых стоит сам *император*. Все эти *персоны* в своих *ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, кллегиуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние ***думы*** и ***приказы***, *адресуют, акредитуют, апробуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т.д. *инкогнито, в конвертах, пакетах* разные *акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордеры, проекты, рапорты, тарифы* и т.п.”(Смирнов 1910: 4-5). В политическом дискурсе действуют *агрессор, конституция, нация, оппозиция, патриот, революция, республика.* ***Победа*** превращается в *викторию*, ***пир*** в *трактамент*, ***битва*** в *баталию*, ***крепость*** в *фортецию*, ***полк*** в *регимент* и т.п.

[10] Ср., например: проблема «нового» языка в романе В.Войновича “*Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина” (Претендент на престол*): “Запятаев поднимался все выше и выше. Но чем он выше поднимался, тем чаще сталкивался с неожиданной проблемой. Язык, на котором он говорил, резко отличался от языка новых хозяев жизни.

- Вы понимаете, - размахивал он руками. - Я же дворянин. Я петербуржец. Меня бонна воспитывала. Я не умел говорить по-ихому... тьфу... вот видите, а теперь отучиться не могу. А тогда у меня просто язык не поворачивался. Ну, с манерами-то было полегче. Не подавать пальто и первым ломиться в дверь я более или менее научился. А когда мне кто-нибудь говорил о хороших манерах, я уже вполне привычно возражал, что женщина в нашем обществе такой же равноценный товарищ и ее можно отпихивать плечом, потому что и ей позволено делать то же самое.

С языком было хуже. Элементарные слова “позвольте”, “благодарю вас”, “будьте добры”, вызывали недоумение, на меня смотрели с удивлением, и я сказал самому себе: так дальше продолжаться не может. Ты, сказал я себе, можешь сколько угодно притворяться своим среди этих людей, ты можешь делать вид, что полностью разделяешь их идеи, но если ты не научишься говорить на их языке, они тебе никогда до конца не поверят”.

[11] Так, например, до сих пор остается неясным, кто заложил генетическую программу в первозданную клетку? Специалисты по квантовой генетике, лингвисты и

математики МГУ доказали, что структура человеческой речи, книжного текста и структура последовательности ДНК математически близки, что позволяет расценивать генетический аппарат как текст, который пока невозможно декодировать. Почему микроскопический атом и Галактика имеют одинаковое строение? Почему до сих пор не найдено ни одной переходно-промежуточной формы эволюционирующего живого существа: все виды внезапно появляются и так же внезапно исчезают? Сам Дарвин признавал сомнительным появление путем эволюции такого сложного аппарата, как глаз и т.д.

Переход от позитивистских убеждений к теологическим устремлениям обнаруживается даже в названии теории, выдвинутой Р.Келлером, – «теория невидимой руки». Ее автор считает, что языковые процессы не зависят от человеческих интенций и не имеют цели, однако они определяются человеческой деятельностью, т.е. это не зависящий от общих усилий результат индивидуальных человеческих актов (Николаева 1996: 82)

В 20-30 гг. XX в. активизировалось телеологически-эволюционное направление в языкознании (В.Хаверс, Э.Герман, В.Хорн), на которое с острой критикой обрушились Л.Блумфильд и А.Мартине. Т.Марки объявляет мистической даже генеративную теорию Н.Хомского, который не учитывает фактора времени (Николаева 1996: 86).

Германско-швейцарский философ О.Розеншток-Хюсси, сопоставляя и отождествляя язык и Евангелие, язык и поэзию, пишет: «Бог – это сила, дающая человеку способность говорить и объединяющая его со всеми людьми. Поэтому вера в Бога, и право говорить, и долг говорить – это одно и то же». И заранее возражает языковедам, которые «остаются приверженными к своим грамматическим орудиям пытки», в результате чего «от них ускользает нечто такое, что мне кажется самым главным. От них ускользает отношение между Богом и человеком, между силой языка и способностью к языку, т.е. между Отцом, Сыном и Святым Духом» (Розеншток-Хюсси 1994: 43).

12 Ср. синтагматика у животных: “Одиночные сигналы издаются животными сравнительно редко, это обычно характерно для *очень молодых* (выделено нами. - *С.Ш.*) животных. У взрослых дельфинов сигналы объединяются в группы, подобно объединению слов при фразовой организации человеческой речи <...> Соблюдение этого закона указывает на существование синтаксической организации и смысловых отношений в сигнализации дельфинов” (Марков 1978). Экспериментальные исследования физиологов показали, что собаки обладают фонематическим слухом, поэтому собаки различают слова независимо от интонации: “слуховые механизмы различения звуков речи (по крайней мере на первичном этапе классификации речевых звуков) у собак точно такие же, как у человека” (Морозов 1987: 48).

13 Ср. теории: *Гармоническая теория* (О.Есперсен) говорит о том, что речь начинается там и тогда, когда человек стремится к красоте и гармонии издаваемых им звуков. О метафорическом (поэтическом, образном) начале языка говорят Квинтилиан, Дж.Вико, Э.Ренан, Э.Кондильяк, А.Штейнталь, А.А.Потебня, О.Есперсон, Цв.Тодоров (Тодоров 1999: 270-271).

Теория социального (общественного) договора (Демокрит, Э.Кондильяк, А.Смит, Ж.-Ж.Руссо) предполагает не установление первичных единиц языка, а причину обязательности языка для всех его носителей. Возможность адекватного понимания в языке обусловлена общностью психических процессов и мыслительных операций для всех людей, что и позволяет принимать имя вещи по условному договору. Здесь знаки языка условны и немотивированны.

Трудовая теория (Б.Монбодо, Л.Нуаре, Ф.Энгельс, Н.Я.Марр) – теория социогенеза в диалектическом единстве социального и биологического в эволюции человека при

ведущей и опережающей роли социального фактора. Рассматривает происхождение языка в антропогенезе, где актуализирован принцип «гоминидной триады»: прямохождение – рука - мозг. Прямохождение освобождает органы дыхания, расширяя возможности звукопроизводства и освобождая руки для других видов деятельности. Основа развития общества - целесообразный и разделенный труд. Необходимость совместных действий требуют организации труда и социализации мышления, которые приводят к становлению сознания (Рождественский 1990: 28).

[14] *Ономафонема* - "мельчайший и далее не делимый знак языковой системы, существующий в языковом сознании человека, имеющий в виде представлений крайне обобщенный план выражения ("обобщенный звукотип") и выполняющий одновременно три функции в процессе языкового мышления и собственно номинации: слогообразование, смыслоразличение и фонетическое оформление морфем и лексем". Основная функция - номинативная (Казарин 2000: 10-11). В традиционных терминах, ономафонема - это фонема.

Синтагмофонема - "это мельчайшая единица фонетической оболочки, реализованной в речевом контексте морфемы в составе лексемы. Основной контекст, в котором реализуется синтагмофонема, - это звукоряд <...> Основная функция синтагмофонемы - формирование звуковой оболочки морфемы, и в этой функции синтагмофонема приобретает характеристики, значение и статус *морфонемы*.<...> Различие между двумя сущностями - синтагмофонемой и морфонемой - заключается в том, что синтагмофонема выделима из звукоряда, и поэтому ее конкретные (контекстные) дифференциальные признаки могут быть описаны, тогда как морфонема неотделима от фонетической оболочки морфемы, т.к. эта единица представляет собой обощенный тип, инвариант парадигмы всех синтагматических вариантов данного фонетического знака в морфеме" (Там же: 13-14). В традиционных терминах синтагмофонема - это аллофон (вариант и вариация), его делимитативная функция и пр., т.е. синтагматический аспект фонемы; а морфонема - единица морфонологии.

Социофонема - "это фонетическая единица, реализованная в той или иной форме речи, а также в тексте и воспринимаемая носителем языка (группой носителей языка) не только ментально, интеллектуально и логически, но и психологически, эмоционально, эстетически и социально. <...> Социофонема - это синтагмофонема (морфонема) воспринимаемая и оцениваемая". Социофонема существует в двух разновидностях: *психофонема* - оценочный, психологический, ассоциативный аспект - и *текстофонема* - текстовый аспект социофонемы в функции выражения текстовых смыслов (Там же: 16-19). В качестве текстофонем у Ю.Казарина выступают собственно фонемы, объединяющиеся в тексте в "комплексы текстофонем - звукобукворяды" (Там же: 20), т.е. "паронимический корень" (в терминологии теории паронимической аттракции В.П.Григорьева). Традиционно - это психолингвистический, социолингвистический и синхронно-динамический аспекты описания фонетической системы языка, а также поэтики в теории рифмы, ритмики, звукописи, развиваемой в теории анаграмм и теории паронимической аттракции. Не случайно описание фоносемантической организации поэтического текста Ю.Казарин представляет на уровне различных видов анаграмм: фонетической, деривационно-грамматической, слоговой, рифменной, фонографичес-кой и др.

[15] И.Н.Горелов предложил автору настоящего пособия более жесткую оппозицию в классификации: условно-рефлекторные и безусловно-рефлекторные звучания. По его мнению, плач и крик относятся к безусловно-рефлекторным звучаниям, поскольку наблюдаются у ребенка немедленно в постнатальный период его жизни, т.е. без обучения. Однако и здесь не все однозначно, поскольку один и тот же денотат может иметь как безусловно-рефлекторную (крик младенца и крик ужаса взрослого), так и

условно-рефлекторную (крик выражения возмущения у взрослого; смех “от повтора”, например, повторный жест комедийного персонажа) и нерефлекторную (плач “вытниц” - профессиональных плакальщиц - на похоронах и плач невесты в свадебном обряде).

16 Одним из приемов толкования слов в азбуковниках является их сопоставление с соответствующими словами других языков: “*Перец* - греческим языком *пепер*, латинским языком *пипер*, арапским *фухфел* или *фулфул* (*фильфиль*), немцы *пефел*, гишпанские *пимнеста*, французские *поивре*” (“Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков” Ф.И.Буслаева, 1861) (цит. по: Виноградов 1978: 279).

17 Как лингвистический анекдот воспринимаются этимологические изыскания В.К.Тредиаковского, который постулировал “первенство словенского языка пред тевтоническими”, объясняя это тем, что многие названия европейских стран имеют славянскую основу. Ср., например, целт (кельт) “есть по словенски *Желт,* а целты, следственно, желты, т.е. народ светлорусый”; Британия - “*бродания* (от больших бород) или от *братания* (так как британские кельты суть одного народа с галлическими)... или от *пристания* -от тех, кто первый к ней пристал”; Каледония - “Хладония, то есть страна холодная, нанешняя Шкотландия”; “Шкотландия - от Шкоды или невыгоды с севера”; Скифы - от скиты (от скитания их по степям); Италия - от Удалия (удаленная от севера); Норвегия - от Наверхия (лежит наверху карты, к северу); этруски - этруски - от “хитрушки (ибо сии люди в науках по тогдашнему упражнялись)” (Тредиаковский1773: 1- 63).

18 Ср., например, названия работ и переводов А.С.Шишкова: *“Нечто о единстве происхождения или сходстве языков”; “О сходстве языка древних народов Малой Азии с языком древних и новых народов фракийских и иллирийских. Соч. Франциска Марии Апендини”; ”Опыт Всеобщего Словаря, или собрание на разных языках, имеющих одинаковый корень и одинаковое значение, из чего явствует, что все языки происходят от первобытного языка, и не иное что суть, как отдаленные наречия онаго”* (Шишков 1829: 379).

19 К важным открытиям А.Х.Востокова относятся обособление старославянского языка от общеславянского (праславянского) (до этого в понятии славенского языка смешивались общеславянский (“первобытный”, праславянский) и письменный старославянский языки); установление некоторых фонетических и морфологических особенностей старославянского (церковно-славянского) языка (в том числе носовые звуки), которые отличают его от древнерусского (живой разговорной речи восточных славян); установление трех периодов развития церковно-славянского языка на русской почве и пр.

20 В.В.Виноградов считал А. С.Шишкова одним из “любимейших лингвистов” (Виноградов 1990: 332) . Б. А. Успенский указывал на то, что именно неразделение общеидеологической и лингвистической установок привели адмирала Шишкова к идее о семантико-фразеологической непереводимости (Успенский 1994, 1: 341), которая активно разрабатывается в современной лингвистике.

21 Изучение грамматических категорий в его грамматике связано прежде всего с существующей реальностью: “Мир как гармоническое сочетание предмета и действия есть жизнь. Слово как гармоническое сочетание Имени и Глагола есть речь” (Аксаков 1880, 3: 36). К.С.Аксаков выделяет “мир в себе”, который выражен в Имени, и “мир из себя”, выражаемый в Глаголе. По К.С.Аксакову, Имя и Глагол тождественны, потому что это выражение одного и того же мира, но и различны, поскольку Имя - это выражение мира в покое, в тождестве с самим собой, а Глагол - в различии мира с самим собой, в действии, движении. Ср. также: Вот все виды, принимаемые Предметом в жизни и Именем в слове, собственно в слове Русском; - вот все падежи. Именно:

Именительный - Непосредственный, Родительный - Отвлеченный, Винительный - Предметный или Объективный, Дательный - Присутственный, Творительный - Деятельный или Производительный, Предложный - Местный, Звательный - Личный (Аксаков 1860: 81-82).

[22] По А.А.Потебне, мыслительно-речевой акт понимается как индивидуально-психологический творческий акт, результаты которого признаются или отвергаются обществом при его творческом восприятии. Переход слова в общеупотребительный язык является переходом из поэзии в прозу, где слово становится нетворческим воспроизводимым элементом речи, что приводит к расширению значения.

Определение искусства как основной формы познания было распространено и в начале XX в., что очевидно и при рассмотрении становления русской ФС мысли: именно поэтическое сознание в начале XX в. наиболее активно и плодотворно развивало эти идеи. По А.А.Потебне, единственным источником возникновения и развития языка является поэтическое творчество: “Язык во всем своем объеме и каждое отдельное слово соответствует искусству, причем не только по своим стихиям, но и по способу их соединения” (Потебня 1990: 26-27).

[23] Исследования казанцев связаны прежде всего со строгим разграничением звукового и графического аспектов языка, фонетической и морфологической членимости слова, языковой динамики и статики. Особое внимание уделялось изучению живых языков, индивидуально-психологическим аспектам, “антропофонике”, исторической изменчивости морфологической структуры слова. В основе всех исследований лежит принцип историзма, а язык рассматривается как социально-психологическое явление.

Москвичи в основу своих исследований кладут поиски “формальных” критериев для осмысления языка, выражая “протест против смешения грамматики с логикой и психологией” (Л.Ельмслев).

[24] Более того, опорой эстетических поисков футуристов становится А.С.Пушкин (Григорьев 1983: 155-172; Слинина 1970; Кшицова 1982): “Декларативный тезис Хлебникова, внешне направленный против классиков - Пушкина и Толстого, против их языковых канонов, на самом деле обращен к их же авторитету, в первую очередь к Пушкину...” (Парнис 1978: 238). Ср. запись В.Хлебникова в альбоме Л.И.Жевержеева: “Будетлянин - это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия, учащий праву новое столетие смеяться над Пушкиным 19 века. Бросал Пушкина с “парохода” современности Пушкин же, но за маской нового столетия” (Цит. по: Лившиц 1989: 643).

[25] А.Введенский говорит: “Хлебников мне чужд, уж скорее мне ближе Крученых” (Друскин 1989, 109). Это “уж скорее” говорит о том, что и А.Крученых был ему чужд. Обэриуты практически отказываются от основной составляющей поэтики футуристов - зауми: «Провозглашение полного и окончательного разрыва с заумью. Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы - первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его» (Хармс 1927).

[26] Даже само название “Объединение *реального* (выделено нами. - *С.Ш.*) искусства” отражает цель поисков первоначальной «чистоты» слова. Ср. в письмах Д.Хармса к К.Пугачевой: “Я не знаю, каким словом выразить ту силу, которая радует меня в Вас. Я называю ее обыкновенной *чистотой* (далее в черновике зачеркнуто:) или водой, или вертящимся колесом” (цит. по: Герасимова 1993: 70). Далее в письме идет рассуждение о том, что настоящее искусство, обладающее “чистотой порядка”, принадлежит к “первой реальности”; “Я думал о том, как прекрасно все первое” (цит. по: Глоцер 1988:

136). Характерно, что и В.Хлебников номинирует поэтический язык как “чистое слово”, а бытовой язык как “бытовое слово”: «Можно сказать, что бытовой язык - тени великих законов чистого слова, упавшие на неровную поверхность» (Хлебников 1933: 229-230).

[27] При этом в “*Разговорах*” сами обэриуты весьма скептично отзывались о любой философии, что, впрочем, может отражать лишь “карнавальное” словесное “дуракаваляние”, которое было нормой в их общении. Даже сама “карнавализация” их осмысления мира отражает тщетность обэриутов выйти за пределы существующего семиотического пространства, хотя при этом даже шут - “легитимный” “карнавальный” герой обыденности - интерпретируется ими как “симпатичный и талантливый, но спившийся вконец человек” (Липавский 1993: 28). Актуализации “карнавальности” еще одна черта, объединяющая футуристов и обэриутов в их поисках “правильного” языка.

[28] Л.Липавский не был лингвистом и сам говорил, что тот путь, которым он шел, “считается науке слишком простым, спекулятивным, заранее опозоренным”: “Я не верю, что для того, чтобы понять мир, нужно читать философские книги или заниматься в физической лаборатории. Мир, очевидно, устроен так, что его суть сквозит в любом его кусочке” (Липавский 1993: 16, 18). Однако его лингвистические взгляды не так далеки от научной постановки вопросов. Уже тогда Л.Липавский обращался к вопросам языкового сознания, языковой личности и ее существования в языке (его мысли очень близки учению младограмматиков), что прослеживается в понимании введенного им термина *соседний мир*, который сегодня активно исследуется в психолингвистике. Ср.: “Лейбниц сказал: “Нет двух одинаковых капель воды”. Тем более нет двух одинаковых людей. Каждый человек видит тот же самый мир по-своему, у каждого свое представление о мире - свой мир; я могу назвать этот мир соседним для моего мира. <...> Они имеют и что-то общее - хотя бы язык и некоторое понимание. <...> Во мне самом может быть соседний мир: например, при раздвоении личности или при аннигиляции двух соседних миров во мне” (Друскин 1989: 114-115).

[29] Теория Н.Я.Марра оценивалась либо резко положительно, либо резко отрицательно. Однако истина, как обычно, где-то рядом. «Сейчас мы сталкиваемся с тем, что имя Н.Я.Марра ставится в один ряд с именами Дж.Фрезера и Л.Леви-Брюля. Ему же отводится одна из ведущих ролей в становлении семиотики в СССР<…> Школа Н.Я.Марра в лице его учеников и соратников (Н.Ф.Яковлев, О.М.Фрейденберг и др.) положила начало реконструкции древнейших типов знаковых систем коммуникации, изучению соотношения звуковых и жестовых систем знаков, табу» (Базылев, Нерознак 2001:19).

[30] Ср.: “Не надо забывать <...> Яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того - зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которого его и не было бы, 2) [оно] с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологической работы” (Марр 1928: 33); “индивидуальные работы старых академиков и теперь никак нельзя умалять” (Марр 1931: 64). В работах встречаются термины *синхрония* и *диахрония* (не отличаясь, правда, постоянством), но автор даже не пытается заменить их или навесить ярлык (ср. “кличка” о терминологии в морфологической классификации языков).

Н.Я.Марр компилировал в своем учении многие идеи современной ему лингвистики, однако “трудно судить о чисто лингвистической ценности Марра”, поскольку “под термином яфетической теории <...> кроется необычайно пестрый конгломерат идей, противоречащих друг другу” (Преображенский 1930: 207).

[31] Учение Н.Я.Марра было подвергнуто справедливой критике его коллегами (Петерсон 1929; Шор 1928; Поливанов 1929; Данилов 1929; Преображенский 1930;

Никольский 1928; Бузук 1924; Державин 1928), что привело их к печальным последствиям, поскольку “факты требуют оргвыводов”: “распоясавшимся обскурантам указать на другое место для агитации, чем аудитории рабоче-крестьянских вузов” (Бескровный 1931: 54-55). Окончательное крушение яфетической теории связано с вмешательством в научную дискуссию И.В.Сталина, по указанию которого действовал А.С.Чикобава.

Представляется, что активное неприятие идей Н.Я.Марра связано не только с его языковыми взглядами (они существуют в русле русской и европейской традиций, хотя и с определенными “изгибами”), но и его ролью в системе тоталитарного режима того времени.

[32] Некоторый спад интереса к грамматике приводит к тому, что сегодня грамматическая фоносемантика развивается не так активно, как, например, теоретическая, типологическая или лексикологическая фоносемантика. Традиционная поэтика не “выпускает” за классические рамки ФС-интерпретацию текста; а интерпретация стилистики только в рамках стилистики функциональной, которая обычно не рассматривает фонетический, а тем более ФС-уровень, приводит к незначительному числу исследований в рамках ФС-стилистики.

[33] В качестве причин деэтимологизации Л.А.Булаховский выделяет 1) деэти-мологизацию однокоренных слов при чередовании гласных (*течь - токарь, расточать; грести-гроб*), альтернации (изменении) согласных (*дт,тт > ст: веду-весть, чту-честь*), гаплологии (опущение одного из двух одинаковых соседних слогов вследствие диссимиляции: *минералология*); 2) деэтимологизация в связи с разностильностью: слова “общие” и просторечные, книжные и разговорные, литературные и фольклорные обнаруживают заметную тенденцию к отрыву друг от друга в этимологическом отношении (*козни-ковать, басня-баять, казнь-доказать, заказать*); 3) деэтимологизация в связи с иноязычностью: иноязычные слова, не имеют внутренней формы в заимствующем языке; 4) деэтимологизация в связи с различным стилистическим происхождением, нечеткость восприятия при переходе слов из одной социальной среды в другую, утрата обстоятельств называния (церковнославянизмы, фольклоризмы, просторечно-фамильярные и узкобытовые слова) (*дотошный-точный, пригожий- угодить, погода, пригодиться*); 5) деэти-мологизация в связи со структурными особенностями (стойкая префиксальность (*знамя* производное с архаическим суффиксом *-мен-/-мя-* от *знать*, сложение - compositio (Булаховский 1953; 1949).

[34] В сборнике статей “Язык о языке” (М., 2000) ставится задача воссоздания концептуального образа языка и речевой деятельности на уровне “естественной (наивной) лингвистики”. Во вступительной статье Н.Д.Арутюновой постулируется наличие “парной” способности человека (активной способности производить звук и пассивной способности его воспринимать), при этом автор говорит о недостаточности этой способности для возникновения языка: “Она должна восходить к естественной связи между звуком и смыслом” (Арутюнова 2000: 9). Казалось бы, необходимая здесь ссылка на ФС-исследования отсутствует, а все концептуальные положения теории фоносемантики сведены к универсальности “криков беспокойства” и “криков удивления” младенцев и многочисленнным примерам звукоподражаний в работах А.М.Газова-Гинзберга и С.В.Воронина. Издание книги “Язык о языке” является, безусловно, значительным вкладом в разви-тие русской фоносемантики, однако ни одна статья не ссылается на фоносемантичес-кие работы, хотя при этом обильно цитируются В.Гумбольдт, Г.Штейнталь, К.С.Аксаков, И.А.Бодуэн дн Куртенэ, М.О.Гершензон, С.Н.Трубецкой, А.Ф.Лосев и др., труды которых способствовали становлению и русской ФС-мысли.

Однако сама постановка проблемы в данном издании - поиски “естественной связи между звуком и смыслом”- показывает, что русистика неизбежно приходит к решению тех вопросов, которые стояли перед человечеством с самого начала его возникновения. Кроме того, подавляющее большинство единиц русского языка, связанных с семантикой говорения, речи, рассматриваемых в сборнике, являются примарно мотивированными.

[35] Ср., например, соотношение грамматической и логической предикативности и семантика сочинительной и подчинительной связи (Левицкий 1993); функционирование артикля как связь грамматической формы и семантики слова и текста (Боронникова 2001). Ср., также: “грамматика и словарь”, “семантический синтак-сис”, “русская грамматика смыслов” (Н.Ю.Шведова); “грамматическое знчение и смысл”, “функциональная грамматика” (А.В.Бондарко); “коммуникативный синтак-сис” (Г.А.Золотова); “ассоциативная грамматика” (Ю.Н.Караулов); “словообразо-вательная семантика” (И.С.Улуханов); “когнитивная грамматика” (Е.С.Кубрякова); “глагольная семантика” (Ю.Д.Апресян) и др.

[36] Регулярной и устойчивой является ассоциация «*звук музыкального инструмента – явления природы, стихия».*

Ср.: **арфа – воздух**: *перуны, перунный* (Державин, Гнедич); *воздушный* (Тютчев); *вихрь* (Мерзляков); *ветер* (Блок, Мерзляков); *улетим* (Блок); **скрипка – вода**: *река* (Брюсов, Анненский, Бальмонт); *море* (Блок, Ахматова); *ручей* (Цветаева, Больмонт); *журчанье струй* (Блок); **скрипка - огонь, свет**: огни (Боюсов); свечи (Анненский); *огонь* (Бенедиктов, Брюсов); *море заревое* (Блок); *солнце* (Анненский, Гумилев); *свет* (Брюсов, Гумилев); *луч* (Гумилев**); рояль – вода**: *волна* (Мей, Плещеев, Бальмонт, Городецкий, Пастернак, Белый); *влага, плеск, пруд* (Пастернак); *роса* (Бальмонт); **рояль – гром, гроза** (Мей, Городецкий, Белый, Пастернак, Бальмонт); **рояль – ночь, тьма**: *луна* (Фет, Анненский, Бальмонт); *ночь* (Плещеев, Бунин, Пастернак); *сумрачный* (Никитин, Анненский). Такая устойчивая связь не фиксируется с механическим звучанием **шарманки**, хотя и здесь отмечаются некоторые соответствия: *стужа* (Брюсов), *холодный камень* (Фофанов).

Регулярной является ассоциация *«музыкальный звук – чувства, ощущения, эмоции лирического героя».*

Ср.: **скрипка – любовь, улыбка, смех**: *улыбка* (Фофанов, Блок, Брюсов, Гумилев); *смех* (Ахматова, Гумилев, Маяковский); *любовь* (Бенедиктов); *любимым* (Ахматова); *любовной* (Бунин); *лобзанье* (Бенедиктов); **скрипка – слезы, скорбь, страх, тоска, ужас, безумие**: *плач, слезы* (Фофанов); *жалобы* (Брюсов); *безумный* (Брюсов, Блок); *злишься, злая, визгливый, пугливые, рыдающие* (Блок); *горем, скорбных* (Ахматова); *бред, больно, мука* (Анненский); *конец* (Цветаева); *тоска* (Бальмонт); *разревелась* (Маяковский); *смертный холод, испуг, рыдание, ужас, обезумевший, тоскливый* (Гумилев); **арфа – наслаждение, восторг, слава***: горя нет* (Карамзин); *ропот муки потух* (Тютчев); *вестница неги* (Городецкий); *восторг, волшебный, сладок и приятен, величие, всесилие, могущество* (Державин); *простись с тоской* (Мерзляков**); арфа – плач, стон, тоска**: *рыдайте* (Гнедич); *тоска, стон* (Мерзляков); *тоска* (Городецкий); **рояль – печаль, мука, бред, смерть:** *тоска* (Никитин, Бальмонт); *пустота* (Анненский); *грустно, грусть* (Белый, Бунин); *печальный, печаль* (Огарев, Мей); *смерть, бред* (Пастернак); **рояль – мечта** (Брюсов, Бальмонт). Если все музыкальные звуки рождают полярные ассоциации (пейоративные и мелиоративные), то **шарманка** не вызывает положительных эмоций, указывая лишь на крайнюю степень душевного дискомфорта, депрессию: *мучает, душит, безумною* (Случевский); *безобразное виденье, в мозгу игла, жалобное пенье* (Мандельштам); *хоронит, плачет, болит нутро* (Брюсов); *унылые, кошмаром* (Фофанов).

[37] Характерно, что во всех индивидуальных системах регулярным является воспроизведение категорий мифологической картины мира: дерево (парк, роща, сад), вода, огонь, воздух, тьма, пустота (бездна), животные и птицы. Ср. также: актуализация значения «молодой»: улыбки полудетской (Брюсов); милый мальчик (Гумилев), юность падшая (Фет), разревелась по-детски (Маяковский) и др.

[38] Благозвучность в русском языке: а) обычны сочетания из двух согласных в начале и середине слова (*снег, весло*), но перемещение их в конец слова затрудняет артикуляцию (*добр, кругл*); б) сочетания из 3-4 согласных – неблагозвучны; отсюда – тенденция к сокращению в речи консонантных сочетаний (*извес(т)ный, поз(д)но*); в) благозвучны сочетания согласных, построенные по закону восходящей звучности слога (шумный согласный + сонорный). При подсчете на 100 000 звуков сочетание *пр* (восходящая звучность) встретилось 411 раз, а сочетание *рп* (нисходящая звучность) – только дважды; г) приблизительно равное соотношение гласных и согласных. В русской речи гласные в среднем составляют 42,35 %; согласные – 53,35 %; звук й – 4,12 %; д) предпочтение «музыкальным» (сонорные, гласные, звонкие со-гласные) звукам, которые составляют 74,5 % в отношении к шумным глухим; е) ско-пление одинаковых или подобных звуков затрудняет произношение; ж) необходимо чередование коротких и многосложных слов, что приводит к равномерному распре-делению ударных и безударных слогов (Голуб 2001: 157-160).

[39] **Так обычно не учитывается единица сравнения для установления доминантности (актуализированости) для данного текста того или иного вида повтора: с какого предела частотности начинается значимый звуковой повтор? Ср., например: «Для оценки частоты повторения в речи тех или иных звуков важна объективность и точность. Идеальным условием точности фонетического анализа звукового строя произведения могло бы быть определение процентного соотношения интересующих нас звуков к общему количеству гласных и согласных в тексте и сравнение полученных цифр со среднестатистическими. Однако практическая концентрация в речи тех или иных звуков определяется простым наблюдением, так что к математическому подсчету обращаются в редких случаях» (Голуб 2001: 155).**

[40] Все эти жанры предполагают наличие некоторой языковой «чертовщины», «заумных», «тарабарских» слов, которые и являются той «языковой окаменелостью» (И.А.Бодуэн де Куртенэ), лингвистическая непрерывность которых маркирует древность и постоянство функционального дрейфа данного текста, его переход от сакрального к десакрализованному. Показательным примером этого является борьба никониан со старообрядческой манерой церковного пения, которое характеризовалось глоссолалическими припевками (так называемые «аненайками»). При этом подобные «аненайки» существовали и существуют в детских искусствен-ных языках, где всегда происходит десакрализация текстов, так называемые «утки» - слоги, которые вставлялись после каждого слога «нормального» слова.

Подобное осмысление сказки М.Цветаевой «Молодец» находим у В.Ходасевича: «*Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным: в ней есть элемент скороговорки и каламбура - чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания - веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична - близка к переходу в плач или в смех; она отчасти заумна. Вот эту «заумную» стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место*» (Ходасевич 1991: 521).

[41] Ср. также значимость библейской, античной, христианской, славянской мифологии и фольклора в поэзии Цветаевой, а также ее экстатичность, катарсичность.

[42] Ср. отражение заговорной структуры, где очевидно знание поэтом обрядовых кодов заговора:

Развела себе в стакане *Левая - она дерзка,*
Горстку жженых волос. *Льстивая, лукавая.*
Чтоб не елось, чтоб не пелось, *Вот тебе моя рука -*
Не пилось, не спалось. *Праведная, правая!*

[43] Тот же В.Ходасевич весьма раздраженно отзывался о цветаевском сборнике «Волшебный фонарь»: *«Но есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях детского мира, в ее умилении перед всем, что попадается под руку. От этого книга ее - точно детская комната: вся загромождена игрушками, вырезанными картинками, тетрадями. Кажется, будто люди в ее стихах делятся на «бяк» и «паинек», на «казаков» и «разбойников»* (Ходасевич 1991: 486). Ср. также разговорность, диалогичность формы цветаевского стиха; моделирование семейного и «детского» общения в ранних сборниках и очерке «Мой Пушкин». Ср. также цветаевское признание «*Я говорю, как маленькие дети*» («*Плащ*») и «детскую» аргументацию: «*Мне тебя уже не надо - Оттого что - Оттого что - Мне тебя уже не надо*».

[44] Показательна мысль Цв.Тодорова, который обозначил распространенное мнение о природе символа: «...поскольку трудно полностью игнорировать существование символов, мы заявляем, что мы - нормальные взрослые люди современного Запада - свободны от недостатков символического мышления и что такое мышление существует лишь у *других* - у животных, детей, женщин, сумасшедших, поэтов (безобидной разновидности сумасшедших), дикарей, которые, равно как и наши предки, мыслят только символически.<...> Однако (и в этом заключается наш тезис) описания «дикого» знака (знака других) суть дикие описания (нашего) символа» (Тодоров 1999: 262).

[45] Поэтическая логика М.Цветаевой - это «игровая», «карнавальная» логика «наоборот», «наизнанку», непрестанное перемещение «верха» и «низа» (вечное «колесо» - вечная жизнь), почти юродствующее увенчание и развенчание, перевод телесного в духовное, сбрасывание космического в абсолютный низ, отрицание и утверждение одновременно. «Игра - есть занятие внеразумное» (Й.Хейзинга). В основе карнавального мира - фантазия, абсурдность, нереальность, кризис старого и нового, умирающего и рождающегося, начала и конца метаморфозы (Бахтин 1990). Для нее тоска по родине - «*давно разоблаченная морока*», газеты - «*экзема*», Париж - «*скушный и некрасивый*», красота оказывается «*ненужной в семье*», но правильно - «*что другим не нужно - несите мне*», а Бога она благодарит « *за погоду, за Океан, за Сушу*».

Внешнее «противу всех» употребление АЯЕ в поэзии М.Цветаевой существует как «одно из всех», ибо «словотворчество только хождение по следу народного и природного, хождение по слуху» (А.Потебня). Для идиолекта М.Цветаевой характерны поиски утраченного семантического потенциала слова через его звучание, этимологию, «первородные» значения.

[46] Проблеме значимости человеческого тела, психофизиологического в художественном творчестве посвящены не одна статья и монография (Выготский 1987; Бахтин 1990; Успенский 1994, 2; Фрейд 1991, 2; Топоров 1995; Мусаева 1999; Линецкий 1995). Биофизическая органика в известной мере определяет, «преформирует» существенный пласт духовного творчества, и результаты этого творчества, тексты, хранят в себе отражения этих «органических» движений. Бессмысленно задавать вопрос о том, что первично - душа или тело, по крайней мере, в контексте идеи духовного и телесного единства, предопределяющего отсутствие «интервала» между душой и телом (Топоров 1995: 430).

[47] Приемы «деформации» слова у М.Цветаевой многообразны и причудливы. Графическое увеличение звука, которое позволяет «взять начало с верхнего «до» и продержать его до конца: *Ни торгов от них, ни сна нет:/ Ты им* ***ррраз****! они - сто!* («Крысолов»). Пропуск слога внутри слова, где неполнота слова дает новые, более сложные и неведомые смыслы: *«Куды и вся удаль/ Давалась, - невемо!/ ...На тебя не дунул, На тебя не венул»* («Молодец»). «Разрубание» слова на части при помощи тире, где каждый «обрубок» прорастает новым смыслом: «***Бой-цом*** *обезжизненным, -/ Ни вздоха в груди -/ Спит»***.** «Разрубание» слова на части и разбрасывания этих частей в пространстве текста, что создает ощущение вечно «живого», непрерывного смысла: «***Кача*** *- «живет с сестрой» -/* ***ются*** *- «убил отца»!* («Читатели газет»).

[48] Отказ М.Цветаевой от прежде господствующей установки на полную гармоничность и упорядоченность стиха, устремление к стиху дисгармоничному и лишенному внешней упорядоченности не приводит поэта к желаемому результату. Особое пристрастие к ФА, казалось бы, как нельзя лучше способствует формиро-ванию «корябающего», мучающего, негладкого текста, ибо именно об аномалии «запинаются» наши глаз и ухо в обыденной речи. Но ФА позволяют поэту достичь гармонии в кажущейся дисгармонии, где создается «новая гармония», гармония языковой «периферии», что позволяет остранить текст на уровне всех языковых единиц (фонема, слово, предложение).

[49] Парнокопытные животные (корова, бык, баран) в древности считались священными животными и олицетворением божества; в мифологии славян баран выступает в качестве жертвы Илье-пророку. В славянской мифологии лягушке присуща женская символика. По народным представлениям, лягушки – обращенные люди. Их происхождение связывают с людьми, утонувшими во время всемирного потопа. В семантике русских ономатопов регулярны этимологические связи значений “лягушка - женщина - нечистая сила” (ср.: ***холодена*** “лягушка”, ***холодильник*** *арг*. “полная женщина” – ***шиш*** “нечистая сила”; ***кукла*** “женщина” – ***кикимора*** *диал*. “лешачиха”, ***кукан*** *диал*. “мифическое существо”). По поверьям язычников душа человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых (ср.: родств. рус. ***жук***, но латыш. *kaukas* “дух”; *рус.* ***овод***, но осет. *udd* “душа”), потому насекомые часто наделялись человеческими свойствами.

[50] Косвенно незначимость физиологической оболочки человека для нечистой силы обнаруживается в мифе о постоянном стремлении дьявола купить именно душу человека, при этом телу предлагается обычное существование до естествен-ного физиологического конца. Люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (колдуны и пр.), согласно поверьям, имеют две души или у них нет христианской души, которую они продают дьяволу, заменяя ее на «нечистый дух». Расставание «нечистого духа» с телом является процессом болез-ненным, долгим и мучительным. Ср: «Если у ***колдуна*** сделан ***гроб***, его ***разламывают***, чтобы облегчить его смерть. Так-ту он *мается*, умреть не можот. Или отдадут другому покойнику этот ***гроб***» (*Ст. Посад*).

[51] Ср.: «***Колдун*** мог ***испортить*** скота, возьмет да напустит на их как ***ос***, скотина бегает, мучается» (Ст. Посад). «Собачью ***шерсть*** в тапочку положат людям, молодым, и совместная жизнь не пойдет у них» Или вот ***поцарапает*** чуть одежду ***колдун,*** *когтем* каким-то - и будете как звери жить**»** (*Зап. от Никоновой А. А., 1939 г.р., д. Одинцово*). «Как ***портят*** людей - ***мухи*** у ***колдуна*** в туесочке сидят, он с их помощью ***порчу*** передает, им ***скажет имя***, они к тому человеку и летят» (Карагай). Чтобы причинить вред человеку, подбирали его ***кал*** и *бросали* в огонь. Также ***втыкали в кал*** человека, которому хотели вреда, ***палку, щепку, ножницы*** (Карагай). «***Пошибку*** садили ***колдуны*** - у кого бывала такая ***пошибка***, начнет ***говорить*** че попало, когда захочет» (Терехино).

[52] Ср.: Выходя из дома, нужно браться за ***косяк*** рукой со словами «Господи благослови» (Карагай), обязательно с ***крестиком*** («если потеряешь *крестик* с шеи, это обязательно к худу» - Юрич). Встретив ***колдуна***, старались ***ругаться*** с ним, чтобы тот не посадил ***порчу*** (Кормино). Чтобы уберечься от действий ***колдуна***, нужно разместить три **булавки** (друг за другом) ***острием*** вниз на нательной верхней одежде (рубашка, майка и т. п.) по диагонали слева направо (Одинцово). «Меня старичок из Менделеево научил от ***колдунов*** оберегаться - послать его на три буквы, он ниче не сделат. Или высушить из крыла *курицы* ***косточку*** с ***дырочкой*** и носить на себе» (*Зап. от Чернобровенко Н., 1965 г.р., д. Перино*). «Можно тоже фигу держать или на бумажку написать и в шелковую тряпочку на шелковой ленточке: «***Осиное жало, пчелиное жало***, чтобы ***колдуну рот зажало***. Едет бог по гнилой границе на железной колеснице, колесница ***вертится, колдун*** злится» (*Одинцово*).

Список использованной литературы

Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988.

Азначеева Е.Н. Интрасемиотические связи между литературно-художественными и музыкальными текстами. Спб.: АКД. 1996.

Аксаков К. Опыт русской грамматики Константина Аксакова. М., 1860.

Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1880.

Андроник (*Трубачев*) Примечания к собранию сочинений А.Ф.Флоренского // Флоренский А.Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т.2. М., 1990.

Анисимова О.Д. Роль фонетических параметров в осуществлении функции воздействия поэтического текста // Проблемы фоносемантики. М., 1989.

Артюшков А. Стиховедение. Качественная фоника русского стиха. М., 1927.

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000.

Асеев Н. Ухват языка: Приставки // Временник. 1917. № 1.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.,1985. Т.1

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ашмарин Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928.

Ашмарин Н.И. Подражания в языках Среднего Поволжья. // Изв. Азерб. ун-та. Сер. Общественные науки. 1925. Т.2-5.

Бабков В.В. Между наукой и поэзией: “Метабиоз” Велемира Хлебникова // Вопр. истории естествознания и техники, 1987, № 2

Баевский В.С. Фоника стихотворного перевода: Анаграммы // Проблемы стилистики и перевода. Смоленск, 1976.

Баевский В.С., Кошелев А.Д. Поэтика А.Блока: анаграмма // Творчество А.Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1979. Вып. 459.

Базылев В.Н., Нерознак В.П. Традиция, мерцающая в толще истории // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М., 2001.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Бахтин М.М. Вопросы культуры и эстетики. М., 1975.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Беглова В.Б. Невербальные средства общения (к вопросу о кинесике в акте коммуникации). Коломна, 1996.

Беликов В.И. Паремиологические заметки // Знак. М., 1994.
Бельчиков Ю.А. Стилистика // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
Бенвинист Э. Общая лингвистика. М.,1974.

Береговская Э.М. Специфика палиндрома как формы языковой игры // ФН. 1999. № 5.
Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
Бернштейн С. Опыт анализа словесной инструментовки // Поэтика. Л., 1929. Вып.5.
*Беседина Е.И.*К вопросу об универсальности звукосимволизма фонемотипа лабиальных // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Бескровный А. Против опасности обскурантизма в высшей школе // Языковедение и материализм. М.; Л., 1931. Вып. II.
Богомазов Г.М. Фонетические, морфологические и лексические категориальные значения как психолингвистический фактор при определении места ударения в звуковых комплексах, равных слову // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Борзов Е.Ю. Речевая интонация и распевная речь. Л.: АКД. 1985.
Братусь И.Б. Акустические ономатопы в индонезийском языке. Л.: АКД.1976.
Брик О. Звуковые повторы// Поэтика. Пг., 1919. Вып. 2.
Бродович О.И., Воронин С.В. Этимологическое гнездо BOGEY “БУКА, ПУГАЛО”: фоносемантический анализ // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Брюсов В. Звукопись Пушкина // Избр. соч. М., 1955. Т.2.
Бубнов А.В. Миним // НЛО. 1997. № 23.
Бубнов А.В. Типология палиндрома. Курск, 1995.
Бубнов А.В. Язык палиндрома. Курск, 1996.
Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи// Учен. зап. Карелофинского ун-та. Сер. ист. и филол. Науки. 1948. Т.3, вып.1.
Бузанова Т.В. Фоносимволизм в современной литературе // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики, фоносемантики. М., 1999.
Бузук П. Основные вопросы языкознания. 1924.
Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Тр. Ин.-та. рус. яз. АН СССР. 1949. Т.1.
Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. М.; Л., 1957.
*Булаховский Л.А.*Типы деэтимологизации в русском языке // Вопросы славянского языкознания. Львов; Харьков, 1953. Кн.3.
Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953.
Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912.
Бунак В.В. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии// Советская этнография. 1951 (а). № 3.
Бунак В.В. Происхождение языка в свете данных антропологии // Тр. Ин-та этнографии. 1951. Т. XVI.
Бурлюк Д. От лаборатории к улице (Эволюция футуризма) // Творчество. 1920. №2.
Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. 1897.
Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли, речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
Васина-Гроссман В. Музыка и поэтическое слово. М., 1978.

Вейдле В. Музыка речи // Лики культуры: альманах. Музыка души и музыка слова. М., 1995.
Вельди Э.А. Англо-эстонские параллели в ономатопее. Тарту: АКД.1988.
Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893.
Винарский Е.Н. Выразительные средства текста. М., 1989.
Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя. М., 1990.
Виноградов В.В. История лингвистических учений. М., 1978.
Виноградов В.В. Очерки по истории русского языка XVII-XIX вв. М., 1938.
Винокур Г.О. Маяковский - новатор языка. М., 1943.
Винокур Г.О. Филологические исследования. М., 1990.
Войекова М.Д. О первых словах русского ребенка // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994;

Воложанинова Н.В. Семантика русских инстантов: Некоторые возражения Ф.де Соссюру: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2000.
Вольская Н.Н. Стилистические функции звукового и морфологического повтора в автобиографической прозе М.И.Цветаевой // ФН. 1999. № 2.
Воробьева Е.В. Теонимическая лексика: фоносемантический аспект (на материале номинации славянских языческих богов): Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
Воронин С.В, Климова С.В. О разработке фоносемантических этимологий в английской лексикографии //Вестник ЛГУ. Сер.2. История, языкознание, литература. Л.,1986. Вып.2.
Воронин С.В. Знак не-произволен и произволен: новый принцип на смену принципа Соссюра // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Воронин С.В. О семантической структуре звукоподражательного слова // Смысл и значение на лексическом и синтаксическом уровнях. Калининград, 1986.
Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения). Л., 1990.
Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1831.
Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т.1.
Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987.
Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
Гамкрелидзе Т.В. Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическими кодами и семиотическими системами // ВЯ. 1988. №3.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Кн. 1-2.
Гаспаров М.Л. Фоника. Аллитерация. Ассонанс // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987
Гвоздев А.Н. Развитие словарного запаса детей в первые годы жизни ребенка. Саратов, 1990.
Геллер М. Русский язык и советский язык // Русская мысль. 1980. 8 мая.
Герасимова А. Уравнение со многими неизвестными (Личный язык Введенского как система знаков) // Московский вестник. 1990. № 7.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гервер Л. Музыкально-поэтические открытия В.Хлебникова // Советская литература. 1987. № 9.
Германович А.И. Глаголы типа “толк”, “шасть” // Изв. Крымского пединститута. 1948. Т.XIV.
Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка. Симферополь: АДД. 1961.
Германович А.И. Междометия русского языка. Киев,1966.
Германович А.И. Слова клича и отгона животных в русском языке // Изв. Крымского пединститута. 1953. Т.XIX.
Глинских Г.В., Петрова О.В. Введение в языкознание. Н. Новгород, 1998.
Глоцер В. Письма Хармса к К.Пугачевой // Новый мир. 1988. № 4.
Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. М., 1993.
Головин В.А. К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе // Вопр. антропологии. 1961. № 8.
Голос и ритуал. М., 1995.
Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973.
Горбаневский М.В. В начале было слово. М., 1991
Горелов И.Н. Авербальные “следы” в тексте // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.
Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
Горелов И.Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
Горелов И.Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.
Греч Н.И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1830. Т.1.
Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.
Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000.
Григорьев В.П. Велемир Хлебников. Опыт описания идиостилей // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М., 1990 (а).
Григорьев В.П. Звуковая организация текста // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М., 1990.
Григорьев В.П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докл. и сообщ. лингв. о-ва Калинин. ун-та. 1975. Т.V.
Григорьев В.П. Паронимия // Языковые процессы в современной русской художественной литературе. Поэзия. М., 1977.
Григорьев В.П. Проблемы эволюции поэтического языка. Аспекты описания идиостилей // Очерки истории языка русской поэзии XXв. М., 1990 (б).
Григорьев С.А. Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка и смежных с ними переходных смоленских говорах. М.: АКД.1953
Гурджиева Е.Л. Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование). М.: АКД. 1973.
Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Дагуров Г.В. О лексическом составе русских междометий // Славянское языкознание. М., 1959.
Данилов Г.Д. К вопросу о марксистской лингвистике // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.

Дементьев Г.П., Ильичев В.Д. Голос птиц и некоторые вопросы его изучения // Орнитология. М., 1963. Вып.6.
Державин Н.С. Сообщение на диспуте в исторической секции Института марксизма // Проблемы марксизма. 1928.
Добровольский В.Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение. 1984. Т.22, №3.
Доброхотов А.Л. Мир как имя // Логос. 1996. № 7.
Доброхотов А.Л. Онтология символа в ранних трудах А.Ф.Лосева // Вопр. классической филологии. Вып.X. Античность в контексте современности. М., 1990.
Донских О.А. К истокам языка. Новосибирск, 1988.
Донских О.Н. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
Друскин Я.С. “Чинари” // Аврора. 1989. № 6.
Дубровская М.В. Звукоизобразительная лексика OXFORD ENGLISH DICTIONARY (OED) (Общие замечания) // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Евзлин М. Космогония и ритуал, М., 1993.
Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. М., 1988.
Егорова Т. Метеорологическая лексика: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып 1.
Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
Жбанкова Г.С. Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах// Учен. зап. Рязанского пед. ин-та. Рязань, 1959. Т.XXV.
Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
Жирмунский В.М. Введение в метрику: Теория стиха. Л., 1925.
Житецкий П.И. Очерк литературной истории малорусского наречия в ХУП-ХУШ вв. Киев, 1889.
Жогина К.Б. Творчество М.И.Цветаевой в эпистеме философии имени начала XX века // Человек в контексте культуры. Москва; Ставрополь, 1999.
Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1981.
*Журавлев А.*П. О мотивированности признаковой семантики слова // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. Л., 1969.
Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
Журковский Б.В. Звуковая символика в идеофонах // Материалы по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
Заболоцкий Н. Мои возражения А.И.Введенскому, авто-ритету бессмыслицы // Логос. 1993. № 4.
Зеленецкий К.П. Система и содержание философского языкоучения с приложением к языку русскому // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка // ВЯ. 1986. №4.
Зубова Л.В. Семантика художественного образа и звука в стихотворении М.Цветаевой из цикла «Стихи к Блоку» // Вестник ЛГУ.1980. Сер.2. Вып.2.
Иванов В.В. О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развитие до 1939 г. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984.
Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
Ивахнов Д.С. Психолингвистическое исследование корреляции общесемантической и ритмической структуры текста. АКД, Саратов, 1987.
Ильичев В.Д. Биоакустика. М., 1975.

Ильичев В.Д. Биоакустические аспекты звукоподражательных названий птиц // Орнитология. М., 1983. Вып.18.
Ильичев В.Д. Экологическая биолингвистика птиц - направление на стыке биоакустики, экологии и лингвистики // Биологические аспекты в экологической биолингвистике. М., 1985
Ильичев В.Д., Силаева О.Л. Звукоподражание в акустических взимоотношениях человека с птицами // Биологические аспекты в экологической биолингвистике. М., 1985.
Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
Искусство авангарда: Язык мирового общения. Уфа, 1993
История лексики русского литературного языка конца XVII- начала XIX в. М., 1981.
История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.
Исхаков А.И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951. Т.1.
Ишмухметов З.К. Звукоподражательные слова башкирского языка. Уфа: АКД. 1970.
Казакевич О.А. Изобразительная лексикав шаманских текстах северных селькупов. // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Казакевич О.А. О связи между структурой звукоподражательных идеофонов зулу и передаваемых ими звучаний. // Восточное языкознание. М., 1976.
Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 2000.
Канкия Н.Д. Примарная мотивированность слова. Л.: АКД.1988.
Карасев Л.В. Парадокс о смехе // Квинтэссенция. М., 1990.
Карпов Л.П. Междометия русского языка и их синтаксические функции. Ростов н/Д.: АКД.1971.
Карпухин С.А. Звукоподражательные слова русского языка. Саратов: АКД.1979.
Карцевский С. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч.II.
Касим Ю.Ф. Междометия украинского языка. Одесса: АКД. 1954.
Катаева А.К. Этимологическое гнездо слова «время»: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
Катембаева Б.Ш. Подражательные слова в казахском языке. Алма-Ата: АКД. 1965.
Кац Б. Отзвуки Вагнера в русской поэзии // Музыкальная академия. 1994. № 3.
Кацис Л.Ф., Одесский М.П. Идеи “славянской взаимности” в творчестве В.В.Хлебникова и литераторов его круга // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2001. Т.60, № 1.
Кирсанов С.И. Поэзия и палиндром // Наука и жизнь.1966. № 7.
Климова С.В. Глаголы “неясного происхождения” в Сокращенном Оксфордском словаре. (Элементы этимологической фоносемантики). Л.: АКД. 1986.
Климова С.В. О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
*Клюканов И.*Э. Перевод художественного текста: семантический аспект // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988.
Кобринский А.А. Поэтика “ОБЭРИУ” в контексте русского литературного авангарда: В 2 ч. М., 1999.
Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1998.
Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI- начала XVII в. Л., 1975.
Кодухов В.И. Из истории глаголов говорения в русском литературном языке ХУП-ХУШ веков// Сб. статей памяти В.А.Богородицкого. Казань, 1961
Кожевникова Н.А. Звуковая организация текста в произведениях А.С.Пушкина // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989.

Кожевникова Н.А. О звуковой организации прозы А.Белого // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
Кожевникова Н.А. Об одном приеме звуковой организации текста // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
Койбаева Т.Х. Звукосимволическая лексика английского и лезгинского языков (Опыт фоносемантической типологии). Л.: АКД. 1987.
Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
Коновалов Д. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.
Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.
Кочеткова Т.В. Глаголы говорения в русской разговорной речи // Вопр. стилистики, Саратов, 1978. Вып.14.
Кочеткова Т.В. Глаголы говорения в художественном и научном стилях// Вопр. стилистики. Саратов, 1977. Вып.13.
Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого соцализма // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н.Журинского. М., 1994.
Крученых А. Кукиш пошлякам. Таллинн, 1992.
Крученых А. Сдвигология русского стиха: Трахтат обижальный (Трактат обижальный и поучальный). М., 1922.
Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1913.
Кудряшов О.О. Географическое открытие поэта Велемира Хлебникова // Знание-сила. 1987. № 12.
Кулешова О.Д. Опыт звукосимволической и семантической оценки поэтических текстов // Текст как интрумент общения. М., 1983.
Курзинер Е.С. Этапы развития яункционального значения слова в онтогенезе // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.

Лабунская В.А. Введение в психологию невербального поведения. Ростов н/Д, 1994.
Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
Лапкина Л.З. Английские и башкирские акустические ономатопы (опыт типологического исследования). Л.: АКД. 1978.
Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка первой половины XIX века. Лексика. М., 1964.
Левицкий В.В. Звуковой символизм в лингвистике и психологии // ФН. 1975. №4.
Левицкий В.В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
Левицкий В.В. Типологическое изучение смысловой структуры слова // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып.2.
Левицкий В.В. Фонетическая мотивированность слова // ВЯ. 1994. №1.
Левицкий Ю.А. Язык, речь, текст. Пермь, 1999.
Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997
Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. Л., 1989.
Линецкий В. Комплекс кастрации и теория литературы // Риторика. 1995. № 2.
Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. № 4.
Литвин Ф.А. Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи// Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975.
Лихоманова Л.Ф. Английские звукоизобразительные глаголы движения: фоносемантическая классификация // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М.,1999.
Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
Логос. 1993. № 4.

Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. М., 1993.
Лосев А.Ф. Диалектика имени // Контекст-1992. М., 1993 (а).
Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
Лотман Ю.М. Заумь в начале века. 1991.
Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.
Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике. Тарту, 1964. Вып.1.
Лотман Ю.М. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Тр. По знаковым системам. 11. Тарту, 1979.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
Луннова М.Г. Ассоциативно-звуковое поле слова *дурак* в русских народных сказках // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики, М., 1999.
Лурия А.Р. Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1928.
Лурье С.Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках. Львов, 1955
Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб, 1996.
Мазанаев И.А. Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков). Л.: АКД. 1986.
Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М., 1999.
Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988.
Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. М., 1980.
Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
Маркова О.В. Семантика русских инстантов-континуантов: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2001.
Марр Н.Я. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. М., 1929.
Марр Н.Я. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М., 2001.
Марр Н.Я. Язык и мышление. М.; Л., 1931.
Марр Н.Я. Яфетическая теория. Баку. 1928.
Масалкина В.А. Сравнительный анализ семантики русских континуантов и инстантов: этимолого-фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2001.
Масленникова Е.М. Фонетическая значимость текста как критерий оценки // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
Матвеева Т.В. К вопросу о семантических основаниях экспрессивности слова на материале диалектных глаголов речи // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979.
Мейлах М. Яков Друскин: “Вестники и их разговоры”// Логос. 1993. № 4.
Мейлах М.Б. Шкап и колпак: фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990.
Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
Мельников Г.П. Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976.
Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. М., 1968.
Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

Миккин Х.Х. Роль коммуникативных движений в межличностном общении. М.: АКД. 1977.
Минералов Ю.И. К теории поэтического языка: о понятии морфо-семантического уровня в русском поэтическом языке // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1977. Вып. 398.
Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII.
Мир звучащий и молчащий. М., 1999.
Михайловская Н.Г. Звукоподражания и повторы в детской поэзии // *Материалы* семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
Монич Ю.В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // ВЯ. 2000. № 6.
Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
Морозов В.П. Тайны вокальной речи. Л., 1967.
Мулдашев Э. От кого мы произошли. М., 1996.
Мусаева. Э. С-Э. Флоренский и Пастернак. Видимый и невидимый мир // Человек в контексте культуры. Москва; Ставрополь, 1999. Вып.2.
Набокина Е.М. Функционирование глаголов речи в перформативных высказываниях// Взаимоотношение единиц разных уровней языковой структуры. Саранск, 1985.
Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции - новое направление в современном языкознании // ВЯ. 1996. № 2.
Никольский В. Очерк первобытной культуры. 1928
Ничман З.В. Лексическая классификация бозобъективных глаголов речи в русском языке // Вопросы морфологии и синтаксиса в русском языке. Новосибирск, 1966.
Новейший философский словарь. Минск, 2001.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
Орнатовский И. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных. Харьков, 1810 // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Павловская Ю.И. Фоносемантический анализ речи. СПб. 2001.
Павский Г.П. Филологические наблюдения протоирея Г.Павского над составом русского языка. Второе рассуждение // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Панасюк А.Ю. А что у него в подсознании? М., 1997.
Парнис А.Е. Южнославянская тема Велемира Хлебниковв: Новые материалы к творческой биографии поэта //Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.
Пачулия Д.Ш. Семантика русских фреквентативов и проблемы этимологической фоно-семантики: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2000.
Перцова Н.Н., Рафаева А.В. О славянских древностях у Вяч.Иванова и В.Хлебникова // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
Петерсон М. Проблемы индоевропейского языковедения за 10 лет (с 1917 до 1927) в СССР // Учен. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИОН. 1929. Т.III.
Петрухин А.Ф. Содержательность звуковой формы поэтического текста. М.: АКД. 1979.
Петрушанская Р.И. Музыка и поэзия. М., 1984.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики» // Семиотика. М., 1983.
Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993.
Плотников И. "Общество изучения поэтического языка" и Потебня // Пед. мысль. 1923. № 1.
Подорога В. К вопросу о мерцании мира // Логос. 1993. № 4.

Поливанов Е.Д. Специфические особенности последнего десятилетия 1917-1927 // Учен. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИОН. 1929. Т.III.
Попова Н.Б. Информативность поэтического текста. Екатеринбург, 1992.
Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
Постовалова В.И. Штрихи к портрету А.Ф.Лосева// Вопросы классической филологии, вып.X. Античность в контексте современности. М., 1990.
Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М., 1991.
Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. М., 1997.
Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
Поэзия и музыка. Л., 1977.
Пражский Н.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М.; Л., 1973.
Преображенский П. Курс этнологии. 1930
Пресняков О.П. А.А.Потебня и русское литературоведение конца XIX - начала XX века. Саратов, 1978.
Прокофьева Л.П. Национальная система цвето-звуковых соответствий русского языка // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 1997.
Прокофьева Л.П. Перевод художественного текста: анализ имплицитных структур на уровне фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь. 2002.
Пузырев А.В., Шадрина Е.У. Теория анаграмм Ф.де Соссюра в изложении Ж.Старобинского // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999
Ревзина О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М.Цветаевой // Стилистика и поэтика. 1988-1990. М., 1991.
Реформатский А.А. Глагольные формы типа “хлоп” // Изв. отд. лит-ры и языка АН СССР. 1963. Т. XXП, вып. 2.
Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка // А.А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
Рижский И.С. Введение в круг словесности. Харьков, 1806 // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Родионова И.Г. Звуковые ассоциации как отражение стандартного и индивидуального в развитии детского языка // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Розеншток-Хюсси О. «Идет дождь», или язык стоит на голове. В электрической сети языка // Философск. Науки. 1994. № 1-3.
Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
Сажин В.Н. Приближение к Хармсу // Даниил Хармс. Цирк Шардам. Спб., 1999
Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л., 1989.
Северская О.И. К описанию семантики паронимической аттракции // ВЯ. 1990. № 3.
Северская О.И. Паронимическая аттракция в поэтическом языке М.Цветаевой // проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988.
Сепир Э. Язык. М., 1935.
Силаева О.Л. Звукоподражательный компонент в названиях птиц // Орнитология. М., 1982. Вып. 17.
Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражаний // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Скитова Ф.Л. Из наблюдения над лексикой говорения в народной речи//Вопр. фонетики, словообразования, лексики русского языка и методика его преподавания. Пермь, 1964.
Скрелина Л.М. Изучение означаемого и означающего в истории языка // ФН. 1978. №6.
Слоницкая Е.И. Звукосимволизм обозначения округлого (опыт типологического исследования). Л.: АКД. 1987.
Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. отд. ОРЯС. 1910. Т.88, № 2.
Соколов Б.С. Биосфера: понятие, структура, эволюция // В.И.Вернадский и современность. М., 1986.
Соколов П. Общий церковно-славяно-российский словарь. 1834.
Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., 1995.
Солонцев В.М. Языковой знак и его свойства.// ВЯ. 1977. №2.
Сомова Е.Г. Фонетическое и лексическое значение в слове и тексте // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
Сорокин Ю.А. О чем и как размышляет Цветан Тодоров? // Цв.Тодоров. Теории символа. М., 1999.
Сорокин Ю.А. Человеческий язык и язык птиц: Тождество или подобие? // Фоносемантика и прагматика. М., 1993.
Соссюр Ф де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления// Мышление и язык. М., 1957.
Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
Степанов Ю.С. Семантика «цветного сонета» Артюра Рембо // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 4.
Степанова Г.В. Лексико-семантические группы глаголов речи в современном русском языке. М.: АКД. 1970.
Субботина Л.П. Лексика говорения: фоносемантический аспект: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 2002.
Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
Тамарченко С.А. Фоносемантическая структура библиотерапевтического дискурса как фактор латентной каузации реципиента // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. II // Russ. Lit.1977. Vol. V, № 3.
Тимковский И.Ф. Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков, 1811 // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1977.
Тодоров Цв. Семиотика. М., 1983.
Тодоров Цв. Теории символа. М., 1999.
Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.,1988.
Томашевский Б.В. Формальный метод: Вместо некролога // Современная литература. М., 1925.
Топоров В.И. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. М., 1994.
Топоров В.Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология 1967. М., 1969.
Топоров В.Н. О «психофизиологическом» компоненте в поэзии Мандельштама; О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах; «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Топоров В.Н. О происхождении нескольких русских слов // Этимология 1970. М., 1972.
Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
Топорова Т.В. К вопросу о семантических мотивировках обозначений пространства и времени в древнегерманских языках // ИАН СЛЯ. 1985. №5.
Трахтеров А.Л. Проблема возникновения звуковой речи //Учен. зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. яз. 1953. Т.5.
Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.; Л., 1963.
Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских: 1. О первенстве славенского языка перед тевтоническим; П. О первоначалии россов; Ш. О варягах россах славенского знания, рода и языка. СПб., 1773.
Третьякова В.С. Звукоподражательные глаголы в русском языке. М.: АКД.1985.
Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // ФН. 1998. № 3.
Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян.VI // ВЯ, 1986, №5.
Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории // Трубецкой Н.С. Соч. М., 1994.
Тураева З.Я., Расторгуева Г.В. Анаграмматические построения в поэтическом тексте // Семантико-стилистические исследования текста и предложения. Л., 1980.
Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. М., 1994.
Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
Филиппова Т.С. Содержательность звуковой организации поэтического текста// Вопросы семантики. Калининград,1976.
Фирсов Л.А., Плотников В.Ю. Голосовое поведение антропоидов. Л., 1981.
Флоренский П.А. Избр. произведения: В 2 т. М., 1990.
*Фомина Т.*Г. Об эстетической оценке звуковой формы языка // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Фортунатов Н.М. Музыкальность чеховской прозы: опыт анализа формы // ФН. 1971. №3.
Франк-Каменецкий И. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. Л., 1929. Т.3.
Фрейд З. «Я» и «Оно». Тр. разных лет: В 2 т. Тбилиси, 1991. Т.1.
Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн.2.
Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
Хитренко У.М. Русская заумь: лингвистический и литературоведческий аспекты: Дипл. раб. (хранится на кафедре общего языкознания ПГПУ). Пермь. 1997.
Хлебников В.В. Собр. произведений: В 5 т. Л., 1928-1933.
Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991.
Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Л.: АКД. 1959.
Цейтлин С.Н. Некоторые особенности начального детского лексикона // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и коммуникации. М., 1994.

Цейтлин С.Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи. Л., 1988.
Цыдендамбаев У.Б. Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М., 1996.
Черепанова И.Ю. Фоносемантический аспект суггестивной лингвистики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Чернышов В.А. Звукоподражательные глаголы хинди // Индийская и иранская филология. М., 1964.
Чикобава А.С. Когда и как это было // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М., 2001.
Чикобава А.С. Стадиальная классификация языков акад. Н.Я.Марра // Горбаневский М.В. В начале было слово. М., 1991.
Шадрина Е.У. Письма Фердинанда де Соссюра к Джованни Асколи // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Шалина Е.А. Фоносемантический аспект восприятия эмотивных значений. // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999.
Шапир М.И. “Граматика поэзии” и ее создатели: Теория поэтического языка у Г.О.Винокура и Р.О.Якобсона // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1987. Т.46, № 3.
Шапир М.И. Комментарии // Г.О.Винокур. Филологические исследования. М., 1990.
Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.

Шахнарович А.М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи. М.: АКД. 1974.
Шахнарович А.М. Онтогенез речи и формирование языковой способности человека: проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.

Шахнарович А.М. Проблемы мотивированности языкового знака в онтогенезе речи. // Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973.
Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики на материале онтогенеза речи. М., 1990.

Шведова Н.Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // ВЯ. 1957. № 1.
Швец Р.Д. Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языках. Л.: АКД.1954.
Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.; Харьков. 2001.
Шенгели Г. Техника стиха. М., 1960.
Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч.XIII СПб., 1829. Ч.XIV. 1831. Ч.IV. 1825.
Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1995.
Шляхова С.С. Аномальные языковые единицы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст – 98. Пермь, 1998.
Шляхова С.С. Изобразительная лексика в диалектных словарях уральского региона. // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1988.
Шляхова С.С. Музыкальный звук и поэтический мотив // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и коммуникации. М., 1994.
Шляхова С.С. Неисследованный пласт лексики в пермских говорах // Новое мышление и проблемы гуманитарного знания. Пермь, 1987.
Шляхова С.С. Русская ономатопея: структура, семантика, функционирование. // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999(а).

Шляхова С.С. Символика говорения в свадебном тексте // Фольклорный текст-99. Пермь, 1999(б).
Шляхова С.С. Типы и функции ономатопов в русской речи. Л.: АКД.1991.
Шляхова С.С. Фоносемантические игры: измерение звуком // Фольклорный текст 2002. Пермь, 2003.
Шляхова С.С., Петрова С. Коми-пермяцкие акустические ономатопы (материалы к универсальной классификации ономатопов) // Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания. Кудымкар, 2000.
Шор Р. Кризис современной лингвистики // Яфетический сборник. Л., 1927. Вып. V.
Шор Р. Основные проблемы яфетической теории // Общественные науки СССР 1928
Штерн А.С. Объективные критерии выявления эффекта звуковой символики // Материалы по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969.
Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб., 1992.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова).Л., 1987.
Эдельштейн Ю.М. Раннесредневековые учения о происхождении языка // Языковая практика и теория языка. М., 1978.
Эйхенбаум Б.М. О прозе и поэзии. М., 1986.
Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М., 1998.
Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. М., 1988.
Эткинд Е. Материя стиха. СПб.,1998.
Язык о языке. М., 2000.
Якобсон Р.О. Выступление на первом Международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В.А. история языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч.II.
Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1960.
Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия: Набросок первый. Прага,1921.
Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.
Якубинский Л.П. О звуках стихотворного языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.
Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
Янечек Дж. Заумь тудэй. Современная заумь. 1993.

Allen W.S. Ancient ideas on the origin and development of language// Transactions of the Philological Society. 1948.
Argyale M. Non-verbal communication in human Social interaction. Cambridge, 1972.
Bense M. Semiotik: Allgemeine Teorie der Zeichen. Baden-Baden, 1967.
Berdwhistell R.L. Kinesics and Context. Philadelphia, 1970.
Bickerton D. Language and species. Chicago; L., 1990.
Borst A. Der Turmbau von Babel. Stuttgart, 1957-1963.
Bralczyk J. J j 16zyku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiatych// Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensa. 1985. Vol. 24.
Cassirer E. The Myth of the State. New Haven. London, 1946.
Chiarelli Br. The origin of human language // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol. 1.
Doderer H. Divertimvento No 4 // Doderer H. Die Erzählungen. München; Diederstein. 1975.
Donald M. Precondition for the evolution of protolanguages // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.

Frundt H. Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echo location among animals // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Günther H. Функция // Russ. Lit. 1987. Vol. XXI, № I.
Gonda J. The etymologies in the ancient Indian Brahmanas // Lingua, 1955. Vol. 5, 1.
Laffriére D. Potebnja, Šclovskij, and the Familiariti/ Strangeness Paradox // Russ. Lit. 1976. Vol. IV, № 2.
Lass R. How to do things with junk: exaptation in language evolution // Journal of linguistics. V.26. № 1. 1990.
Lieberman Ph. The biology and evolution of language. Cambridge. (Mass.); L., 1984.
Lieberman Ph. The new investigations on language evolution // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol. 1.
Mann Th. Tonio Kröger / Mann Th. Romane und Erzählungen in 10 Bänden. Berlin.; Weirmar. 1975.
Nilsson N. Futurism, Primitivism, and Russian Avant-Garde // Russ. Lit. 1980. Vol. VIII, N V.P.
Nilsson N.Prvobitnost - primitivisam // Pojmovnik ruske avangarde. Zagreb, 1984. Sv. 1.
Novomova. London, 1985.
Payson Creed R. A student of oral traditions looks and its importance in language evolution // Studies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol. 1.
Prada Oropeza R. La autonomia literaria: Formalismo Ruso y Circulo de Praga. Veracruz, 1977.
Ragir S. The development of stone tool technologies and the structure of thought // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Rolf L. Phonosthemes as primary word forms // Language origin Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Rosenkranz B. Der Ursprung der Sprache, Heidelberg, 1961;
Scheflen A. Body language and social order (Communication and Behavioral Control). N.Y., 1972.
Smillie D. Desiderata for an evolutionary account of the origins of language // Stadies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1991. Vol. 2.
Sommerfelt A. The origine of language. Theories and hipotheses// Cahiers d'histoire mondiale, 1(1953-1954), 4.
Stadies in language origins. Amsterdam; Philadelphia, 1989. Vol.1.
Valesio P. Paronomasia and articulation of phonological rules // Proc. Of the XI Intern. congress of linguists. Bologna; Milano, 1974.
Wierzbicka A. Antitotalitarian Language in Poland: Some Mechanisms of Linguistik Self-defense // Language in Society. 1990. Vol. 19, no. 1.
Wind J. Speech origin: a review // Language origin: a multidisciplinary approach. Dordrecht; Boston; London, 1992.
Winter W de. Behavioral flexibility and the evolution of language // The genesis of language. Berlin; New York.; Amsterdam, 1988.

Список лексикографических источников

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.
Бронников А.Г., Федоров Ю.Д. Словарь жаргона, употребляемого преступным элементом. Пермь, 1983.
Буй Василий. Русская заветная идиоматика. М., 1995.
Быков В. Русская феня. Смоленск, 1994.
Грачев М. Язык из мрака. Н. Новгород, 1992.

Грачев М.А., Мокиенко В.М. Историко-этимолгический словарь воровского жаргона. М., 1999.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979 - 1980.
Елистратов В. Словарь московского арго. М., 1994.
Коми-пермяцко – русский словарь. М., 1985.
Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.
Краткий словник для областного словаря русских говоров Пермской области. Пермь, 1962.
Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 1999.
Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
Ночвин Н.П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Записки Уральского общества юбителей естествознания. Екатеринбург, 1913. Т.32. Вып.1-2.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
*Полякова Е.*Н. К истокам пермских фамилий. Пермь, 1997.
*Преображенский А.*Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.; Л., 1959.
Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
Русский мат / Сост. Т.В. Ахметова. М., 1996.
Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области: В 3 вып. Пермь, 1984-1995.
Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Словарь пермских говоров. Пермь, 2000. Вып.1-2.
Словарь русских народных говоров: В 27 вып. М., 1977.
Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., 1991-1993.
Словарь современного русского языка: В 17 т. М., 1948-1956.
Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона/ Сост. Д.С.Балдаев, В.К.Белко, И.М.Исупов, М., 1992.
Теплоухов А. Уральский словарь// Учен. зап. Казан. ун-та. 1857. Кн.3.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986 - 1987.
Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. М., 1995.
Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993.
Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.; Харьков. 2001.
Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М., 1998.
Этимологический словарь русского языка/ Под ред. Н.М.Шанского. М., 1982. Вып.8.
Этимологический словарь славянских языков/ Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1975, 1979, 1983, 1987. Вып. 2, 6, 9, 10, 14.
Юганов Н., Юганов Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.

Перечень сокращений и символов

Термины и понятия

арг. – арготическое
военн. – военное
ЗИ-слово - звукоизбразительное слово
ЗИ – звукоизобразительность,
ФА – фоносемантическая аномалия
диал. - далектное
ЗИС - звукоизобразительная система языка

звукоизобразительный
ЗП-слово – звукоподражательное слово
ЗС-слово - звукосимволическое слово
ПА – паронимическая аттракция
сленг. – сленговое
ЗП – звукоподражание, звукоподражтельный
ЛЗ - лексическое значение
разг. – разговорное
ФС – фоносемантический
ФЕ - фразеологизм

Словари

АС, Акчимский словарь – Словарь говора деревни Акчим Пермской области: В 3 вып. Пермь, 1984-1995.
Ахмет. – Русский мат: Толковый словарь/ Составитель Т.В.Ахметова. М., 1996.
БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1948-1956.
Балд. – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона/ Авторы-составители Д.С.Балдаев, В.К.Белко, И.М.Исупов. М., 1992.
Бык. – В.Быков. Русская феня: Словарь. Н.Новгород, 1992.
Даль – В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978-1980.
ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
НФС – Новейший философский словарь. Минск, 2001.
СМ – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь. 2000.
ССГ, Соликамский словрь – Словарь говоров Соликамского района Пермской области (Словарь соликамских говоров). Пермь, 1973.
СРНГ – Словарь русских народных говоров: В 27 вып. М., 1977.
Фасмер – М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986 - 1987.
ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. М., 1995.
ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И.Молоткова. М., 1986.
ФСПГ - Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь. 2002.
ЭС - Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.; Харьков, 2001.
Черных – П.Я.Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993.
Шанский - Этимологический словарь русского языка/ Под ред. Н.М.Шанского. М., 1982. Т.2, вып.8.
Юган. – И.Юганов, Ф.Юганов. Словарь русского сленга. М., 1997.

Языки

Англ. – английский
Блр. – белорусский
Голл.- голландский
И.-е. – индоевропейский
Карельск.- карельский
Нем.- немецкий
Сербохорв.- сербохорватский
Словен.- словенский
Фр.- французский
Лат.- латинский
Болг.- болгарский
Др.-инд.- древнеиндийский
Итал.- итальянский
Лит.- литовский
Польск.- польский
Слвц.- словацкий
Укр.- украинский
Коми-перм. – коми-пермяцкий

ISBN **© С.С.Шляхова, 2001**

Учебное издание

Шляхова Светлана Сергеевна

ЗВУК В ТЕНИ СМЫСЛА: Введение в русскую фоносемантику
Учебное пособие

Редактор
Оформление обложки О.И.Васнева

Лицензия ИД № от

Подписано в печать. Формат 60 х 84 1/16.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. Уч.-изд. л.
Тираж экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного педагогического университета. 614000, г. Пермь, ул.Сибирская, 24.

Типография